

146 В. НАЛИВКИНЪ и М. НАЛИВКИНА.

198

ОЧЕРКЪ
ВЫГА ЖЕНЩИНЫ
ОСѢДЛАГО ТУЗЕМНАГО НАСЕЛЕНИЯ

ФЕРГАНЫ.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета
1886.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Цензурою дозволено. Казань, 4 июля 1886 г.

Малое сравнительно знакомство Русскихъ съ бытомъ какъ ~~чего~~ вообще туземного населенія, такъ главнымъ образомъ и съ бытомъ здѣшней женщины, подало намъ мысль подѣлиться съ читающей публикой результатами тѣхъ наблюдений, которые намъ удалось произвести, проживъ нѣсколько лѣтъ среди сартовъ Ферганской области, при чёмъ виѣшия обстановка тогдашней нашей жизни была тоже вполнѣ сартовская.

Это послѣднее обстоятельство, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ знаніемъ языка, въ значительной мѣрѣ облегчило для насъ дѣло сближенія съ туземнымъ обществомъ.

Удалось ли намъ достаточно вѣрно и наглядно изобразить картину данной жизни и оставаться достаточно же объективными — объ этомъ пусть судить самъ благосклонный читатель.

Мы будемъ вполнѣ удовлетворены, если, не смотря на замѣченные имъ недостатки, промахи и упущенія, читатель скажетъ всетаки, что нашъ скромный трудъ представляетъ для него нѣкоторую долю интереса.

Авторы.

КНИГА ИМЕЕТ
ДЕФЕКТ ОРИГИНАЛА
И
ДЕФЕКТ ПЕРЕПЛЕТА

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ.

Фергана представляеть собою долину, идущую въ направлениі съ сѣверо-востока на юго-западъ и окруженню со всѣхъ сторонъ горными хребтами, разомкнутыми лишь въ юго-западномъ углу послѣдней, у г. Ходженты.

Длина долины между Ходжентомъ и Узгентомъ (въ проекції) равняется приблизительно 300 верстамъ. Наибольшая ширина между подошвами предгорій около 130, а наименьшая (у Махрама) около 30 верстъ. Въ продольномъ направлениі Ферганы рѣжется течениемъ Сыръ - Дары, образующейся изъ слиянія Нарына и Карап - Дары въ нѣсколькихъ верстахъ на югъ отъ Намангана. Съ горныхъ хребтовъ сбѣгаеть значительное число рѣчекъ и потоковъ, воды которыхъ, частью въ предгорьяхъ, а главнымъ образомъ по выходѣ изъ послѣдніихъ въ долину, расходятся по громадной сѣти арыковъ, искусственныхъ оросительныхъ канавъ.

Главиѣйшие, наиболѣе населенные, торговые и промышленные пункты — города — суть: Коканъ, Маргеланъ, Андижанъ, Наманганъ, Ошъ и Чустъ. Кроме этихъ городовъ, по числу которыхъ теперешняя Ферганская область дѣлится на шесть соответствующихъ уѣздовъ, существуютъ *кишлаки* (селенія) изъ коихъ нѣкоторые, вродѣ Исфары и Риштана кокандского уѣзда, Шарихана и Ассакѣ — маргеланского и Узгента — андижанского, по своимъ размѣрамъ и количеству населения отнюдь не уступаютъ такимъ городамъ, какъ Ошъ и Чустъ.

Въ зависимости отъ мѣстныхъ климатическихъ условій воздѣльваніе всѣхъ вообще культурныхъ растеній (зерновые растенія, овощи, фруктовые и не фруктовые древесные породы) возможно только при условіи искусственного орошенія почвы, а потому воздѣльанныя, культурные земли, насаж-

дения древесныхъ породъ и осьдлость встрѣчаются тамъ только, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ возможно было провести арѣки.

Если лѣтомъ взглянуть на Фергану à vol d'oiseau, то поверхность ея дна представится изѣбра-желтымъ фономъ песчаныхъ и солончаковыхъ, почти лишнныхъ пылью растительности степей, испещренныхъ зелеными пятнами самой разнообразной величины. Пятна эти — культурные оазисы, ющіеся на большихъ и малыхъ системахъ мѣстной прити-гадіи, красы и величія средней Азіи.

Главнѣйшія, характерные черты отдельныхъ оазисовъ настолько сходны межу собою, что постѣдніе въ сущности различаются другъ отъ друга только по величинѣ. Въ общемъ каждый изъ большихъ оазисовъ, заключающій въ своихъ предѣлахъ городъ (или большой базарный кишлакъ), имѣеть приблизительно такой видъ.

По наружному обводу (оазиса) находятся сравнительно большие отдельные участки незагороженныхъ полей, на которыхъ производятся посѣвы преимущественно хлѣбныхъ, зерновыхъ растений, люцерны, хлончатника и марены. По мѣрѣ приближенія къ центру оазиса отдельные участки земли становятся меньше; обработка ихъ замѣтно улучшается; все чаще и чаще встрѣчаются поля, огороженные невысокими въ 1½ — 2 аршина (высотой) глиниобитными заборами, изъ-за которыхъ высятся тутъ (шелковница), тополь и др. деревья, а къ позиціямъ выше посѣвамъ присоединяются: овощи (дыни, арбузы, морковь и лукъ), табакъ и изрѣдка виноградники. Далѣе незагороженныхъ полей почти неѣть; каждый отдельный участокъ по его обводу обсаженъ большимъ или меньшимъ числомъ деревьевъ, обыкновенно въ одинъ, много въ два ряда. По преимуществу это тутъ, то тополь, талъ и джигдѣ. Мѣстами темяютъ большія, раскидистыя кроны карагачей и грекихъ ореховъ. Хлѣбные растенія почти совсѣмъ вытѣсняются овощами, люцерной и виноградниками; по дорогѣ все чаще и чаще встрѣчаются арбы, пустыя и съ кладью, конные и иѣшіе люди; по сторонамъ на каждомъ шагу видны сады съ виноградниками, граппами, яблонями, грушами, сливами, черешней, орехами, тутовыми, тополовыми и парагачевыми деревьями; наконецъ начинается и самый городъ.

Улицы всегда очень не широки; нерѣдко двѣ арбы или разъѣзжаются съ очень большимъ трудомъ, задѣвая концами осей за заборы и стѣны домовъ, или же и совсѣмъ не могутъ разъѣзжаться, такъ что одной изъ встрѣтившихся арбы приходится осаживать лошадь назадъ до первого переулка, въ который она и вѣзжаетъ, давая такимъ образомъ возможность проѣхать другой арбѣ. И такъ улицы узки. По обѣимъ сторонамъ ихъ сѣрые, глиниобитные стѣны одноэтажныхъ, по большей части, домовъ съ плоскими земляными крышами и безъ оконъ на улицу; такие же глиниобитные заборы; маленькие ворота и калитки; городскія горлицы, очень похожія па египетскихъ голубей; худыя, подозрительного вида и нерѣдко опаршивѣвшія собаки на улицахъ, на крышахъ домовъ и иногда даже на заборахъ, откуда они лаять на проходящихъ и проѣзжающихъ. Полунаагіе, чумазые и всетаки нерѣдко прехорошенькіе ребятишки обоихъ половъ играютъ въ уличной пыли, и если ихъ не давятъ ежедневно десятками, то потому только, что у сартовъ не принятоѣздить большими аллюрами. Женщины-сартянки съ лицами закрытыми черной волосяной сѣткой, въ сѣрыхъ паранджіи, халатахъ съ узкими длинными рукавами, накидываемыми на голову, при чемъ подоль и концы рукавовъ волочатся или по крайней мѣрѣ достигаютъ до земли, по одной, по двѣ, съ ребятами па рукахъ, съ узлами шелковичныхъ коконовъ па головѣ двигаются плавной, слегка торопливой походкой, напоминая своей сѣрой фігуровой скорѣе мумій, чѣмъ живыя человѣческія существа.

Сарты въ ситцевыхъ, тиковыхъ и рѣже шелковыхъ халатахъ или же въ бѣлыхъ и полосатыхъ рубахъ на ма-нерѣ халата изъ мѣстной бумажной матеріи, въ чалмахъ и въ тюбетейкахъ, босикомъ и въ ичиахъ съ калошами, пѣшкомъ, верхомъ и на арбахъ; евреи — красильщики въ такихъ же приблизительно костюмахъ, но съ длинѣйшими пейсами и съ вѣчно синими отъ краски руками; два-три индуза; киргизъ въ мѣховой шапкѣ на маленькой, худенькой кляченкѣ съ пѣсколькими верблюдами въ поводу; маленький арыкъ перегъ улицы, черезъ него вмѣсто мостишка небольшая каменная плита. На лѣво мечеть съ плоской же земляной крышей, открытая съ восточной стороны, внутри выштукуту-ренная бѣлымъ алебастромъ, съ пишами въ стѣнахъ, съ рѣз-

ыми столбами и честро раскрашеннымъ потолкомъ; па дво-
рикъ прудъ обсаженныи большими, тѣнистыми карагачами; входная калитка внизу на аршинъ отъ земли задѣлана рѣ-
шеткой, дабы въ мечеть не забѣгали животныя, могущія
осквернить это священное для мусульмана мѣсто; входя
сюда, правовѣрные бываютъ принуждены перелѣзать черезъ
эту рѣшетку. Базарь. Еще издали слышится неизрѣтный,
острый запахъ кунжутнаго масла, на которомъ тутъ же, на
базарѣ, приготовляются разныя сїди; гулъ иѣсколькихъ
сотъ, если не тысячи, голосовъ торгующагося люда, стукъ
кузнечныхъ молотовъ и ржаніе коней. Изрѣдка откуда-то
выносится рѣзкій ревъ верблюда. На базарѣ улицы значи-
тельно шире, чѣмъ въ остальной части города. По сторо-
намъ ихъ лавки и лавочки обыкновенно очень вѣбольшихъ
размѣровъ; у большинства съ изружной стороны маленькие
павѣсы изъ камышевыхъ изгленокъ на топеныхъ подпор-
кахъ изъ таловыхъ жердей; здѣсь работаютъ и торгуютъ
кузнецы, шорники, сѣдельники, портные, серебряники и
мѣдники; въ перемѣшку съ ними касабы (мясники) и бакалы
(мелочные лавочники) продаютъ мясо, дыни, морковь,
перецъ, лукъ, масло, рисъ и табакъ. Вотъ лавочка съ кни-
гами; рядомъ съ ней варятъ и продаютъ пельмени и пирожки;
далѣе выѣзываютъ шубы; вотъ кудуцкаръ толстой
карагачевой колотушкой отбиваетъ яркій, съ замысловатымъ
узоромъ атласъ; мадда весь въ поту, съ вытаращенными въ
экстазѣ глазами, размахивая руками и ударяя себя кула-
комъ въ грудь, ходить большими шагами взадъ и впередъ и
не своимъ голосомъ выкрикиваетъ біографію какого-то мусу-
льманскаго святого. Далѣе цѣлый рядъ лавокъ съ войло-
ками, волосяными арканами, шерстяными мѣшками и др.
подобными же издѣліями; продавецъ халвы во все горло
оретъ: „шакаръ-дакъ“! (какъ сахаръ); съ другой стороны,
какъ бы въ отвѣтъ ему несится: „муз-дакъ! шарбатъ!“ (шер-
беть! холодный какъ ледъ!) На углу въ чай-ханѣ иѣсколько
хорошо одѣтыхъ сартовъ сидѣть полукругомъ, лицомъ къ ба-
зару съ батчѣй, смазливымъ, разряженнымъ мальчикомъ по
серединѣ, пьють чай и курятъ чилїмъ, мѣстный кальянъ съ
длиннымъ тростниковымъ чубукомъ. Далѣе длинные, крытые
ряды лавокъ съ краснымъ товаромъ — ситцы, кумачи, тики,
платки — все по преимуществу самыхъ яркихъ цветовъ; це-

редъ одной изъ лавокъ цѣлая компанія юродивыхъ — диванѣ
въ высокихъ коническихъ изъ краснаго сукна шапкахъ — ку-
лѣ, съ длинными посохами, съ горляндами у пояса вмѣсто
нашихъ пищепскихъ сумъ, нестройнымъ пѣніемъ выпра-
шивается подаянія; лавочникъ старается не смотрѣть на нихъ
и затѣваетъ разговоръ съ однимъ изъ проходящихъ мимо
его сартовъ. По другой сторонѣ исыркى, тоже юродивый,
спуетъ въ толпѣ, окуриваетъ проходящихъ вонючимъ ды-
момъ травы — исырка, дабы охранить ихъ отъ приближенія
шайтана и тоже выпрашиваетъ себѣ подаяніе. На лѣво цѣ-
лый рядъ лавокъ съ разѣшанными по стѣнамъ кусками ат-
ласа, канавса, шпаркака, адряса и др. шелковыхъ матерій;
далѣе сидѣть аштары съ пуговицами, тесемками, лекар-
ствами, зеркальцами, косметиками и др. мелочью; иѣсколько
лавочекъ съ тюбетейками различнѣйшихъ цветовъ и узо-
ровъ. Въ кучкѣ зѣвакъ авгапецъ заставляетъ плясать уче-
ную обезьянку, показывающую, какъ солдатъ ходить съ ружь-
емъ, какъ охотникъ крадется къ дичи и проч. Въ большіе,
открытые ворота впда виѣтропость каравансарай, простор-
наго двора со сплошнымъ рядомъ маленькихъ худжарѣ, келій
вдоль стѣнъ, съ громадными вѣсами, съ воротами кожъ, же-
леза, котловъ и кощемъ, съ пузатыми купцами — сартами;
съ юркими, благообразными прикащиками; съ возчиками
киргизами и накопецъ съ русскимъ чиновникомъ въ формен-
ной фуражкѣ и съ толстой тетрадью въ рукахъ.

Гдѣ нибудь не подалеку отъ базара или урда, гдѣ преж-
де помѣщался бекъ или хакимъ, управлявшій даннѣмъ вилаѣ-
томъ, или цитадель, гдѣ теперь па барбетѣ стоитъ мѣдное,
старого образца орудіе и часовой въ бѣлой рубахѣ съ по-
гонами и бѣлой же фуражкѣ. Далѣе изъ-за ряда густыхъ
таловъ и стройныхъ тополей выглядываютъ окна и бѣлые
стѣны русскихъ домиковъ. Офицеръ въ бѣломъ кителѣ и бѣ-
лой фуражкѣ направляется къ цитадели; баба-солдатка не-
сесть куда-то на головѣ узель съ вымытымъ и накрахмален-
нымъ бѣльемъ; русская барыня съ дочкой, въ шляпкахъ, подъ
зонтиками; извозчикъ сартъ съ необычайно трясучей про-
легкостью; иѣсколько солдатъ; русская лавка въ два окна съ
выѣской: „Торговля бакалейными тварями“; напротивъ
другая: „Продажа птицъ на выносъ“; почтовая станція съ
двумя казеннымъ цвета фонарными столбами; телеграфъ; ма-

лолюдныи улицы, густо обсаженныи съ обѣихъ сторонъ деревьями; въ ковцѣ одной изъ нихъ длинная бѣлая казарма; тишина, а надо всѣмъ этимъ прозрачно-голубое небо, солнце яркое на столько, что на сѣрые, глинобитные заборы долго смотрѣть нельзя — такъ сильно блестятъ они, отражая жгучіе, почти отвѣсные лучи, и въ заключеніе всего въ полдень +41° Ц. въ тѣни.

Кишлаки, деревенскіе базары, конечно, гораздо меньшѣ городскихъ; торговля ведется на нихъ главнымъ образомъ хлѣбомъ и другими продуктами сельского хозяйства; остальные товары всегда въ крайне ограниченномъ количествѣ, а многихъ изъ нихъ, предметовъ туземной роскоши, даже и совсѣмъ не встрѣчается. За исключеніемъ Кокана и Маргелана базарные дни бываютъ разъ въ недѣлю. Въ теченіи остальныхъ шести дней мясныхъ и овощныхъ лавочекъ, а также чай-ханы, небольшое число другихъ лавокъ бываетъ открыто только въ городахъ.

Въ городахъ же съ заката и до восхода солнца на базарѣ могутъ оставаться одинъ только караульщики. (Мусульманская религія не совѣтуетъ торговлять ночью, дабы не было конкуренціи съ тѣми торговцами, которые не могутъ почему либо торговлять по ночамъ, во первыхъ, а во вторыхъ требуется, чтобы товаръ продавался при такихъ условіяхъ, когда онъ можетъ быть безпрепятственно измѣренъ и осмотрѣнъ).

Число базарныхъ кишлаковъ сравнительно велико. Такъ напр. въ наманганскомъ уѣздѣ на площадь приблизительно въ 5600 кв. верстъ и около 100,000 душъ населенія число базаровъ — 5.

Выше мы сказали уже, что существованіе культуры, а вмѣсть съ тѣмъ и осѣдлости прежде всего здѣсь обусловливается возможностью проведения арыковъ, а это послѣднее въ свою очередь зависитъ одинаково какъ отъ присутствія или отсутствія такихъ источниковъ, воды которыхъ могли бы эксплуатироваться съ цѣлями ирригациіи, такъ равно и отъ конфигураціи данной мѣстности. Но тѣмъ же причинамъ какъ величина оазисовъ, такъ равно и разстоянія между ними очень различны.

Преобладающіе размѣры кишлаковъ колеблятся между 100—200 дворовъ. Тамъ, где главную массу населенія со-

ставляютъ кипчаки, каракалпаки, курама и недавно еще осѣвшіе киргизы, кишлаки сравнительно рѣдки и мѣсто ихъ застуپаютъ отдельные курганчи, хутора, окруженные высокими, первѣко зубчатыми, съ бойницами глинобитными стѣпами, которымъ въ былое, смутное время не разъ приходилось играть роль маленькихъ крѣпостей, отчего, собственно говоря, и получилось ихъ название. (Кургандз — крѣпость. Курганица — крѣпостца).

Здѣсь же скажемъ пѣсколько общихъ словъ о климатологіи описываемой нами страны. Весна вмѣстѣ съ началомъ половынъ работы въ среднемъ наступаетъ въ концѣ февраля или въ началѣ марта. Въ вегетативномъ отношеніи она начинается появлениемъ вѣкоторыхъ травъ (пырей, Iris), а равно цвѣтепіемъ миндалевыхъ и урюковыхъ (абрикосовыхъ) деревьевъ. Въ маѣ начинаются уже жары и наибольшая прибыль воды въ Дарьѣ и въ главнѣйшихъ горныхъ рѣчкахъ, обусловливающаяся усиленнымъ таяніемъ снѣга въ горахъ. Около этого же времени поспѣваютъ ягоды тута, урюкъ и ячмень. Въ іюнѣ сѣять пшеница. Въ іюль виноградъ и кукуруза. Въ іюнѣ и іюль почти обыкновенно очень душны, и эта духота тѣмъ болѣе невыносима, что ночью же воздухъ кипитъ миріадами москитовъ и комаровъ. Въ августѣ жары начинаютъ попемпогу спадать, почти становятся прохладными, а москиты мало по мало пропадаютъ. Съ начала октября наступаетъ теплая и по большей части сухая осень. Къ концу этого же мѣсяца окончательно поспѣваютъ джугары (сорго), хлопчатникъ и рисъ.

Зима съ температурою ниже 0° начинается обыкновенно въ концѣ ноября или началѣ декабря и продолжается до половины или конца февраля. Въ годы холодныхъ зимъ температура первѣко падаетъ до 23° Ц.; въ общемъ же средняя температуры декабря и января мѣсяцевъ колеблятся между 5° и 15° Ц.

Все сказанное относится исключительно ко дну долины (Наманганъ — 1340 фут. надъ уровнемъ моря; Маргеланъ — 1480; Коканъ — 1300; Андижанъ — 1512 ф. См. Карту Ферг. Обл. Изд. 1879 г.).

По мѣрѣ приближенія къ горамъ и постепенного повышенія мѣстности надъ уровнемъ моря, продолжительность лѣта и средня температуры какъ его самого, такъ и цѣлаго

года уменьшаются. На высотѣ 4000 фут. джугард, рисъ, дыни, виноградъ, гранаты и хлопчатникъ уже не вызреваютъ, а въ съвооборотъ входятъ такія растенія, какъ лѣнъ и просо, посѣвы которыхъ на днѣ долины почти не производятся вслѣдствіе малой сравнительно ихъ доходности.

Начиная съ этой же высоты, въ горахъ съвернаго хребта встрѣчаемъ березу, а далѣе, на 7—8000 ф. ель и рябину. На 10,000 ф. снѣгъ сходитъ не раньше конца апрѣля; снова начинаетъ выпадать (но обыкновенно растаиваетъ) съ половины сентября, а окончательно ложится въ половинѣ или въ концѣ октября.

Наибольшее количество атмосферныхъ осадковъ всегда приходится на горы. Какъ бы ни была тепла зима въ долинѣ, въ горахъ нижняя, предѣльная линія снѣга всегда лежитъ не выше 5—6000 ф.

Въ горахъ наименьшее количество осадковъ приходится обыкновенно на юль и августъ, а въ долинѣ, послѣ теплыхъ, безснѣжныхъ зимъ на май, июнь, юль, августъ, сентябрь, а иногда даже и октябрь мѣсяцы.

Прежде чѣмъ перейти къ населенію Ферганы, мы попросимъ читателя сѣсть на лошадь и сѣѣтъ съ вами маленькое путешествіе.

Теперь половина июня и вы на Джайкѣ, въ горахъ, верстахъ въ 75 на съверъ отъ Намангана. Горы разстутились и образовали Джайкъ, широкую, зеленую долину, пересѣзанную съ востока на западъ двумя небольшими ручьями, впадающими въ Шадшаату. Быстрая и прозрачная, она шумно бѣжитъ по каменистому дну у самыхъ горъ вдоль западной стороны долины. Березы, шиповникъ, аса-муса и барбарисъ разрослись по берегу; у нѣсколькихъ березъ подмыло корни; они накренились и нижними вѣтвями окунулись въ воду. Съ востока и запада то крутыя, то пологія, зеленая высоты, мѣстами поросшія кустарникомъ, образовали сѣи, овраги, смотрящіе устремленіемъ въ долину. Почти отвесная каменная гряда заперла Джайкъ съ съвера, треснула по серединѣ и въ эту трещину, саженей 10 шириной, такъ называемый Капчигай пропустила Шадшаату, которая шумитъ здѣсь, иѣится обѣ береговые утесы и торчащіе со дна валуны, громоздить на нихъ обломки привнесенныхъ съ верху елей и

березъ и, перескочивъ черезъ послѣдній порогъ, шумно вылетаетъ изъ тѣснаго Капчигая на широкую долину Джайка.

Вонъ изъ-за Капчигая видѣются гравитныя громады съ темными пятнами по уступамъ и бѣлыми снѣговыми верхами. Тамъ верховья Кашка-сѣ и Мингъ-Илкы, а темная пятна, это еловыя и другія рощи. Тамъ альпійская flora съ ползущей по землѣ арчей, похожей на нашъ можжевельникъ, съ цѣлыми пространствами дикаго лука и мелкихъ, ярко-зеленыхъ альпійскихъ травъ въ перемѣшику съ громадами скалъ, съ медленно тающимъ подъ ними снѣгомъ, съ уларами и дикими козами, ихъ единственными почти обитателями.

Не много ниже, по облагимъ скатамъ раскинулись громадные ковры роскошной зелени съ самыми яркими и пріятливыми узорами горныхъ лѣтовъ, а по склонамъ темѣютъ рощи раскидистой арчи въ стройной линии въ перемѣшику съ рябиной.

Еще ниже береза, кленъ, яблоня, барбарисъ, малина, и смородина, аса-муса, шиповникъ и другие кустарники перемѣшиались на днѣ глубокой и узкой лощины, обступивъ и закрывъ собою шумный, холодный потокъ, скачущій между обросшихъ мохомъ каменѣвъ.

Но вернемся къ Джайку. По всей долинѣ раскинулись киргизкіе аулы по 5—6 и болѣе кибитокъ. Поздень. Почти жарко. Түрдүкі, боковыя кошмы, подняты и подоткнуты подъ курчиду, арканъ, опоясывающій кибитку. По вечерамъ здѣсь все оживлено; вездѣ группы киргизъ, разсѣвшихся кружками на травѣ и слушающихъ рассказы своихъ краснобаевъ; ребята—подростки ловятъ и привязываютъ телятъ къ приколамъ и козлятъ къ аркану съ привязанными къ нему онѣйниками, протянутому между двумя визенъкими, вбитыми въ землю колышками. Бабы съ маленькими деревянными ведерочками торопливо доятъ козъ и коровъ. Отовсюду доносится говоръ, ржаніе подогнанныхъ къ ауламъ лошадей, ревъ рогатаго скота и блеяніе козъ и барановъ — словомъ полное оживленіе. Теперь ничего этого нѣть. Тишина. Мужчины спятъ по кибиткамъ; дѣти или тоже спятъ, или же играютъ гдѣ нибудь по рѣчкѣ, и только бабы не покидаютъ своего вѣчнаго веретенца съ пучкомъ овечьей или верблюжьей шерсти.

На самомъ верху ближней горы, попуря головы и отмахиваясь хвостами отъ мухъ, стоять табунъ лошадей; ниже по полугорѣ между кустами велькаютъ неугомонныя козы, а внизу, у самой рѣчки, тяжело дыша, съ полузакрытыми глазами лежать отъѣвшіеся на привольѣ быки и коровы.

Переждавъ жаръ, садитесь на лошадь иѣдете въ Нангани.

Дорога плоха и камениста, а потому, сѣлавъ долиною, по берегу рѣчки верстъ 20, доѣдете только до кишлака Навай, гдѣ заиочуете у общаго знакомаго Мулламъ-Ташъ-бая. У него просторная, высокая *мыхманъ-хана* (компата для гостей на переднемъ дворѣ) и хорошенъкій, молодой садикъ съ большимъ арыкомъ чистой и холодной падишатинской воды.

Теперь, впрочемъ, въ павайскихъ садахъ мало хорошаго. Всѣ деревья, за исключениемъ такъ называемой осеннеї красной яблони отцѣбли, а черешня и урюкъ здѣсь еще не поспѣли. Черешня только что начала желтѣть, а урюкъ поспѣетъ не раньше двухъ-трехъ недѣль.

До Наная дорога, какъ мы уже сказали, идетъ долиной, то по самому берегу рѣчки, то уходить немнога въ сторону, обходя заросли тальника, облепихи и др. кустарниковъ, болотца и пашни, виеремѣнку тянущуюся до самого Наная.

Справа и слѣва горы, сначала высокія и покрытыя по сѣвернымъ склонамъ кустарникомъ, ближе къ Наня становятся все ниже и безжизненнѣе и наконецъ у самаго кишлака постепенно спускаются съ широкой равниной Караванъ-дала, идущей на югъ отъ Наная верстъ на 8, вплоть до горъ Боснѣ и Унгара.

Начиная съ Карамашата (урочище верстахъ въ 12 выше Наная) вамъ попадались пашни; вы видѣли наливающейся ячмень, пшеницу въ цвету, только что начинаящей зацвѣтать ленъ, кукурузу всего съ аршинъ высотой и еще безъ всякихъ намековъ на початки, и всходы проса. Два-три киргиза попались вамъ по дорогѣ въ бѣлыхъ войлокныхъ остроконечныхъ шапкахъ и желтыхъ изъ верблюжей шерсти халатахъ, на маленькихъ, заѣзжанныхъ лошаденкахъ.

Въ одномъ мѣстѣ четыре человѣка окучивали кетменями (мотыками) кукурузу; когда вы поровнялись съ ними, они подняли головы, обернулись, долго смотрѣли на васъ и по-

томъ весь четверо сразу громко о чёмъ-то заговорили. Ближе къ Наняю въ двухъ-трехъ мѣстахъ вы видѣли людей босикомъ, съ засушенными выше колѣнъ штанами, съ подоткнутыми длинными рубахами и съ кетменями въ рукахъ; они разводили пущенную изъ арыка воду на посѣвы льна и кукурузы.

Чимбингъ, маленькая горная муха, беспокоили вашу лошадь; она отчаянно мотала головой всю дорогу, вырывала у васъ изъ рукъ поводъ и такъ васъ замучила, что вы какъ убитый засыпаете въ саду подъ тихій шепотъ листьевъ и быстрого арыка. Спите спокойно. Ни комаровъ, ни мошекъ, ни скорпіоповъ, ожидающихъ васъ дальше, здѣсь нѣтъ. Подъ утро будетъ свѣжо, но заботливый хозяинъ давно уже приготовилъ для васъ туземное, ватное одѣяло.

На слѣдующее утро, позакусивъ, садитесь на лошадь и дальше. Жарко, скакать не приходится, а потому плетитесь шажкомъ.

Отъ Наная до подошвы Унгара дорога вѣется по равнинѣ Каравада между полями пшеницы, проса, льна и пара. Если-бъ не Унгартъ съ его гранитными скалами и зеленою верхушкой, вы забылись бы и вообразили бы себя будущимъ по русскому проселку. Тѣ же поросшія травой межи бѣгутъ отъ дороги и теряются въ посѣвахъ; также изрытая колеями, малоѣзжая дорога; тотъ же трескъ кузнециковъ; тѣ же васильки выглядываютъ изъ пшеницы; тѣ же перепела и жаворонки.

Обогнувъ кишлакъ Мамай по подошвѣ Унгара, вы перебѣжаете каменистое, съ версту шириной, рѣсло Падшаты, разбившееся здѣсь на вѣсколько арыковъ и, оставя вправо Заркентъ, по все болѣе и болѣе пыльной дорогѣ выѣзжаете на ровную, голую, опаленную солнцемъ Искаватскую степь. Чѣмъ дальше, тѣмъ становится все жарче и жарче. Скоро полдень; вѣтеръ почти совсѣмъ стихъ; у васъ начинаетъ болѣть голова и глаза сливаются.

Передъ вами два киргиза, пѣший и конный, гонять стадо курдючныхъ барановъ; вытянувъ шеи и тыкаясь мордами въ землю, они подняли цѣлую тучу столбомъ стоящей, тоначайшей лѣссовой пыли. Это купеческий гуртъ. Онъ пришелъ изъ Ауліэ-ата изъ Токмака черезъ горы. Два-три

жирныхъ барабана, захромавшихъ въ дорогѣ, на каменистомъ горномъ перевалѣ, ковыляютъ на трехъ ногахъ.

Крехти и кашляя отъ пыли, ванда лошадь обогнала стадо рысцой и оять пошла шагомъ. Все жарче да жарче. По сторонамъ ровная, поросшая *шуджомъ* степь; ни дерева, ни другой тѣни, гдѣ можно было бы отдохнуть. Вльво Яланчагъ, а прямо Искаватъ кажутся висящими на воздухѣ.

Мѣстами желтѣютъ поля ишеницы—*лютчакъ* съ темнымъ, почти коричневымъ колосомъ совсѣмъ безъ ости. Вонъ вдали мелькнули три—четыре бѣлые точки. Это *уракчи*—жнецы; здѣсь уже начали жать ишеницу. Но вотъ Искаватъ спустился на землю; вотъ онъ все ближе и ближе; вотъ первое встрѣченное вами, темнозеленое поле высокой, похожей на тропической тростникъ широколиственной джугары.

Вотъ начались пизенькие, глинистые, мѣстами развалившіеся заборы *хайтозъ*, огороженныхъ отъ скота мѣсто, съ люцерной или другимъ посѣвомъ внутри, обсаженныхъ вдоль стѣнъ урюками, тѣтомъ или тополями.

А вотъ и собственно кишлакъ начался. Пшли высокіе заборы съ маленькими воротами и калитками.

Вонъ направо изъ-за забора взвился цѣлый рядъ стройныхъ кокандскихъ тополей; натѣво старый раскидистый персикъ перекинулся черезъ заборъ своими запыленными сучьями съ зелеными еще жесткими плодами; вонъ рядомъ съ пимъ коренастый урюкъ со спѣлыми оранжевыми ягодами. Вы остановили подъ его вѣтвями у забора лошадь, поднялись на стремянахъ, чтобы сорвать ближнюю ягоду и неосторожно дернули вѣтку; красивый, переспѣвшій урюкъ оторвался, шлепнулся на землю и превратился въ грязную лепешку. Но вотъ и *разатъ* (постоялый дворъ).

Почти у самой дороги квадратный, саж. 2—3 въ стороны, прудъ, обсаженный густыми талами. Подъ ними *сундукъ*, земляное возвышеніе, яѣчто вродѣ большої лежанки, съ разостлаными кошмами и паласами для сидѣнья. Кругомъ павѣсы и конюшни на случай погоды, а все это обнесено съ трехъ сторонъ, высокой, глинистой стѣной; изъ-за нея слышна плачь ребенка и крикливый женскій говоръ. Тамъ *шкваръ*, внутренний дворъ, гдѣ живетъ скрытая

отъ постороннихъ глазъ семья хозяина. А вотъ и онъ самъ въ тюбетейкѣ и длинной, на манеръ халата рубахѣ, подпоясанной широкимъ, въ иѣсколько разъ обмотаннымъ вокругъ живота синимъ, бумажнымъ поясомъ.

Занискивающе улыбаясь, онъ привѣтствуетъ васъ обычнымъ *селямомъ*, складывая руки на животѣ, затѣмъ хватаетъ подъ уздцы вани лошадь и, вскорѣ привязавъ её, усаживаетъ васъ на кошму. Сказавъ еще одно привѣтствие: „*ходиши килѣбъ сызъ*“, равновѣчущее нашему „*милости просимъ*“ и справлявшись о вашемъ здоровье, онъ бѣжитъ въ *шкваръ* за *кунгамомъ* чая и подносомъ съ лепешками, урюкомъ, яйцами и пр.

Въ его отсутствіи вы захотѣли напиться, зачерпнули чашкой воды изъ пруда, въ тамъ инфузорій оказалось больше, чѣмъ воды. Въ этомъ отношеніи Искаватъ отвратительное мѣсто, вода по очереди пускается сюда изъ Падшааты разъ въ 10 дней, а ключей нѣть.

Передохнувъ, закусивъ и распрощающи съ хозяиномъ, который долго ломался, не соглашаясь якобы взять съ васъ денегъ, ёдете далѣе.

За Искаватомъ пыль еще невообразимѣе, и идетъ она верстъ 5—6 до Булакъ-башы и Наукентъ включительно. Здѣсь вы вѣрзжаете въ культурный оазисъ, тянущійся по дну широкаго оврага вплоть до самаго Намангана.

Вотъ вы миновали ключи, перѣѣхавъ ихъ воды по мостику съ земляной настилкой и вѣчной дырой по серединѣ. Потянулись поля джугары, хлощатника и кукурузы, сады и хайты.

Изрѣдка начинаютъ попадаться виноградники съ лозами, обвившими большія, въ сажень и болѣе высокой, дуги, соединенные между собою жердями. Вотъ и Наукентъ, небольшой кишлакъ, гдѣ когда-то жилъ Худоляръ — Хановскій бекъ, правившій народомъ. Дома, какъ и вездѣ въ Азіи, внутри дворовъ, при чемъ на улицу смотрятъ только глинистые заборы и стѣны съ маленькими воротами или калитками. Вотъ скринить джугары, маслёнка допотопной конструкціи; вотъ мелочная лавочка съ сушенымъ урюкомъ, рисомъ, *паславъ* — табакомъ вродѣ нашего никотина, который туземецъ кладетъ за щеку; льнянымъ или кунжут-

нымъ масломъ въ узкогорлой горянкѣ и не поддающимся описанію хламомъ въ дальнемъ углу.

Вотъ неустанно шумящая, маленькая туземная водяная мельница; вотъ мечеть, большой пакъсъ внутри дворика съ прудомъ, обсаженнымъ карагачами, а дальше безкопечные сѣрые заборы, высокіе и низенькие, съ выглядывающими изъ за нихъ деревьями.

На каждомъ шагу большие и малые арыкѣ съ мостиками и безъ мостиковъ, а вдали, по сторонамъ, голыя, изжелта-сѣрыя высоты.

Шпеница здѣсь ската уже и стоитъ или въ колнахъ, или въ большихъ стогахъ, около которыхъ мѣстами приготовлены *хирманы*, круглые, расчищенные и обильно политыя водою площадки, на которыхъ будуть молотить этотъ хлѣбъ. Вотъ навстрѣчу вамъ попадается цѣлый рядъ арбъ съ запыленными лошадьми и арбакѣшами. Это везутъ дыни; въ Наманганѣ и дальше къ Дарьѣ онѣ уже посыпѣли. Везутъ ихъ въ Искаватъ, гдѣ ихъ мало сбоятъ за недостаткомъ воды, въ Мамай, Нанай и предгорья, гдѣ онѣ вовсе не рождаются за недостаткомъ жара.

Хлѣбъ съ урюкомъ и хлѣбъ съ дынями — это почти исключительная лѣтняя пища здѣшняго осѣдлого населения.

А вонъ влѣво, на полугорѣ, кто-то ужъ началъ молотить ячмень или ишеницу. Часть стога разостлана на *хирманъ* слоемъ въ ариинъ толщиной; мальчишка лѣтъ 8 — 9 верхомъ на высокой, худой лошади ѿздѣтъ вокругъ *хирмана*, волоча за собою *вѣлѣ*, треугольный плетенъ аршина 4 въ сторонѣ съ набросанными на него, для большей тяжести, спопами.

Чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ чаще и чаще попадаются виноградники, а синіе изъ грубой туземной бумажной матеріи халаты все быстрѣе и быстрѣе смѣняются русскимъ ситцемъ, *сумсамдѣй* и *адрѣсомъ*.

Вонъ молодой загорѣлый сартъ перепахиваетъ маленькое поле убраний уже ишеницы. Здѣсь посѣютъ морковь, и она успѣеть выростіи къ началу или серединѣ октября. Пара худыхъ, старыхъ воловъ медленно тянетъ немудрый туземный плугъ, не обращая вниманія на прутья и поминутное покрикиваніе: „*хо-дѣмъ, хдичъ, калъ!*“ Вечерѣетъ. Жаръ начинаетъ смѣняться духотой южной ночи. Вы вѣзваете

въ Наманганѣ, потонувшій въ садахъ, въ пыли и въ смирадѣ удушливаго дыма полыни, на которой готовятъ вечернюю трапезу.

Пожелать вамъ спокойной ночи сегодня, значитъ зло посыпаться надъ вами. Дорога, знай и тряская киргизская лошаденка, кажется, уже въ конецъ разбили вась; повидимому, вамъ стоитъ только лечь, чтобы тотчасъ же заснуть, но не тутъ-то было. Страшная духота и мириады москитовъ не дадутъ уснуть вамъ, только что покинувшему прохладныя горныя настбища.

Туземное населеніе Ферганды въ бытовомъ отношеніи подраздѣляется на двѣ большихъ группы: осѣдлое, обитающее въ долинѣ и кочевое — главнымъ образомъ въ горахъ и предгорьяхъ, гдѣ кроме скотоводства оно имѣть еще и занашки, почему правильно было бы называть его не кочевымъ, а полукочевымъ, такъ какъ зимовки съ даходящими при нихъ занашками всегда постоянныя, а лѣтомъ аулы выходятъ изъ года въ годъ на одни и тѣ же горныя настбища.

Въ настоящее время осѣдлые составляютъ значительное большинство. Такъ напр. въ наманганскомъ уѣздѣ на 13,500 домовъ (осѣдлыхъ) приходится только 3000 киргизскихъ юртъ или кибитокъ.

Въ рассовомъ или племенномъ отношеніи осѣдлое населеніе Ферганды, носящее общее название *сартовъ*, состоитъ изъ *узбековъ* (или тюрковъ) и *таджиковъ* (¹).

Сарты-узбеки, говорящіе на тюркскомъ языкѣ, суть прежніе кочевники узбекскихъ родовъ Кыргызъ, Багышъ, Кипчакъ, Каракалпакъ, Курама, Мингръ, Юзъ, Кыркъ и др., осѣвшіе здѣсь въ разное время и принявши земледѣльческій культь мѣстныхъ аборигеновъ таджиковъ. [Замѣтимъ между прочимъ, что осѣданіе это въ силу совокупности разнаго рода причинъ непрестанно продолжается и въ настоящее время]. Въ предѣлахъ Ферганды въ численномъ отношеніи сарты-узбеки значительно преобладаютъ надъ таджиками. Немногочисленныя

(¹) Кројъ этихъ двухъ главныхъ народностей есть еще небольшое число евреевъ, цыганъ и индусовъ.

сравнительно поселенія последнихъ, говорящихъ на нарѣчіи персидскаго языка (Касанъ, Чустъ, Камышъ-Курганъ, Канибадамъ, Исфара, Варухъ, Сохъ и др.), лежать вдоль подножья окружающихъ долину хребтовъ и указываютъ на тѣ пункты, изъ которыхъ какъ изъ центровъ, происходило постепенное разрастаніе существующихъ нынѣ культурныхъ оазисовъ долины.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ настоящее время вся разница между осѣдлыми узбеками и таджиками заключается, собственно говоря, только въ одномъ языке. Религія, образъ жизни, привычки и обычай, все это настолько одинаково, что далѣе мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ осѣдлую женщину—узбѣчку, называя её общимъ именемъ *сартлики*, т. е. такъ, какъ это принято между русскими, живущими въ средней Азіи.

Воспринявъ земледѣльческій культи таджика, узбекъ принялъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ таджика же персидскія названія многихъ кушаній, большей части теперешней его утвари, разнаго рода инструментовъ, орудій, строительныхъ терминовъ — словомъ всего того, что отсутствовало въ прежнемъ кочевомъ быту узбека, а потому не имѣло и названій на его узбѣскомъ, тюркскомъ языке.

Въ тоже самое время не меньшее количество персидскихъ словъ внесла въ современный намъ сартовскій (тюркскій) языкъ и принятая имъ персидская литература (¹), а принятие ислама ввело массу арабскихъ словъ (преимущественно названія отвлеченныхъ предметовъ, юридические и богословскіе термины, а равно и большинство собственныхъ именъ).

Такимъ образомъ въ современномъ намъ сартовскомъ (тюркскомъ) языке половина почти словъ персидскія, и арабскія.

Постепенно соцрикасаясь съ таджиками, читая почти исключительно на персидскомъ языке, хваставаясь знаніемъ этого языка и его литературы и, наконецъ, въ значительной

(¹) Большинство книгъ на персидскомъ языке. На немъ же до прихода сюда Русскихъ писалось большая часть разнаго рода документовъ и официальныхъ бумагъ.

степени смѣшившись съ таджиками путемъ браковъ, узбекъ, особенно городской житель, да если онъ при томъ еще и мулла (грамотный) значительно смягчилъ твердое произношеніе своего родного языка, а пойдя далѣе, отчасти и иско-
веркалъ его..

Киргизъ говоритъ *кыныладайды* (шевелится); сартъ *кыннайдайды*, но зато вместо правильнаго *нанъ* (хлѣбъ), сартъ часто говоритъ *иднъ*; вместо *чай* — *чай* и т. п.

Преимущественнымъ занятіемъ осѣдлого туземца въ Ферганѣ до сихъ поръ было земледѣліе.

Главнѣйшими причинами этого слѣдуетъ считать: во-первыхъ, значительную сравнительно доходность иѣстнаго земледѣльческаго труда, являющуюся въ результатѣ продолжительности вегетативнаго периода, высокихъ температуръ лѣта, и существованіе искусственного орошенія почвы; во вторыхъ, отсутствіе тѣхъ положительныхъ знаній и др. условій, безъ которыхъ невозможно развитіе широкой и достаточно доходной индустріи; въ третьихъ сравнительную незначительность жизненныхъ потребностей туземца, зависящую, какъ отъ климатическихъ условій, такъ равно и отъ крайне слабаго и прогрессивнаго движения народнаго ума, чтѣ въ свою очередь происходитъ на столько-же подъ влия-
ніемъ религіи и народныхъ привычекъ, на сколько и въ слѣд-
ствіе географическихъ условій, отдѣлившихъ эту страну, да и всю Среднюю Азію, тысячами верстъ песчаныхъ степей отъ болѣе цивилизованнаго міра. Правда, что частичка этого послѣдняго волею историческихъ судебъ перенесена сюда, но пока она внесла еще очень и очень мало того, что могло бы серьезно вліять на прогрессивную сторону туземной жизни. Это понятно, впрочемъ. Перенесенные сюда элементы далеко не изъ тѣхъ, которые могли бы дѣйствовать въ данномъ направлениі прямо и активно. Вліяніе ихъ, по большей части, косвенно.

Такое активное вліяніе могутъ современемъ оказать только тѣ элементы, которые принесутъ съ собою знаніе и капиталъ, а этого можно ожидать не раньше того временій, когда колонія будетъ связана со своей метрополіей удовлетворительными, по жизненнымъ условіямъ вѣка, путями сооб-щенія.

Четвертою причиной главенства земледѣлія слѣдуетъ признать религию или, вѣрнѣе, тѣ взгляды, которыя она устанавливаетъ на этотъ родъ труда. Въ шаріатѣ, напр. упоминается между прочимъ, что земледѣльцы, живущіе исключительно земледѣліемъ и лично обрабатывающіе землю, при условіи исполненія ими нравственныхъ заповѣдей (*фарзъ*), лежащихъ на пахарь, и аккуратнаго вноса установленныхъ исламомъ податей, именуются *ашраф-уль-ашрафъ* (благороднейшіе изъ благородныхъ), при чёмъ въ меджлисахъ (сборищахъ, засѣданіяхъ) они имѣютъ право сидѣть по правую руку Султана, рядомъ съ учеными и судьями, тогда какъ всѣ вообще чины административные и военные помѣщаются по лѣвую руку своего повелителя.

Есть маленькая, сама по себѣ очень не мудрая, книжка, носящая название: „*Рисалѣ-и-диканчиликъ*“—земледѣльческая рисалѣ (*рисалѣ*—посланіе, трактатъ). Въ рисалѣ этой, кромѣ изложенія земледѣльческаго завѣта, тѣхъ нравственныхъ обязанностей (вродѣ правдивости, щедрости и пр.), которая лежатъ на земледѣльцѣ, говорится еще и о томъ, что земледѣліе имѣть за собой божественное происхожденіе; что первый плугъ былъ сдѣланъ Ангеломъ Гавріиломъ изъ райскаго дерева *тибій*; что оттуда же были выведены первые быки и былъ вырѣзанъ первый хлыстъ изъ кустарника *кауранъ*; говорится тамъ, что Гавріиль провелъ нѣсколько первыхъ бороздъ самъ и потомъ передалъ плугъ въ руки первого пророка Адама; что земледѣліе—лучшее изъ занятій человѣческихъ, такъ какъ, предаваись ему, человѣкъ легче можетъ сохранить свою нравственность; оно велико уже по одному тому, что плодами рукъ земледѣльца питаютъся равно и бѣдные, и богатые, и слабые и сильные, и малые и великие.

Книжка сама по себѣ очень не мудрая, а въ концѣ даже нѣсколько подловатаго направленія, ибо составлявшіе еї *улемы* (книжники; богословы), не забывая и себя, страшатъ богобоязненныхъ всякими ужасами ада, не исключая и подобія свиньи, предстоящаго на томъ свѣтѣ тѣмъ злочестивымъ, которые не захотятъ давать имъ, духовенству, *хакъ-улду*, небольшую часть урожая; но тѣмъ не менѣе большое значеніе этой рисалѣ далеко не малое.

Теперь, когда житейская роль многихъ сторонъ ислама въ средѣ мѣстнаго населенія рушится на нашихъ глазахъ

постолько, что не замѣтить этого могутъ только очень блѣзорукіе, рисалѣ въ загонѣ и еї не всегда даже можно раздобыть, но прежде, и сравнительно еще очень недавно, за нѣсколько лѣтъ до прихода сюда русскихъ, каждый маломальски солидный земледѣлецъ, прежде чѣмъ вывести въ первый разъ весной плугъ на работу, варилъ *палау*, кормилъ имъ домочадцевъ и работниковъ, читалъ послѣднимъ, или заставлялъ кого либо читать, вслухъ рисалю, мазаль льнянымъ масломъ рога воловъ, дабы предохранить ихъ отъ разныхъ болѣзней и тогда только приступалъ уже къ работѣ.

Какъ бы то нибыло, по за земледѣліемъ до сихъ поръ еще очень прочно держится роль главенствующаго занятія осѣдлаго туземца, на столько прочно, что напр. въ сфере наиболѣе состоятельныхъ мѣстныхъ торговцевъ, имѣющихъ дѣла даже и съ Россіей, нѣть почти ни одного такого, который вполнѣ отрѣшился бы отъ земли, при чёмъ возрастаніе капитала въ большинствѣ случаевъ имѣетъ своимъ послѣдствиемъ, на сколько расширение торговыхъ аферъ, на столько же и увеличеніе площади, обладаемой даннымъ лицомъ, земли.

Замѣтимъ здѣсь же, что это же самое возрастаніе капитала у громаднаго большинства крайне мало вліяетъ на улучшеніе обстановки и образа жизни. Самая незначительная улучшенія въ домашней, повседневной пищѣ; лишняя прислуга и нѣсколько приживающихъ; нѣсколько лишней мѣдной и фарфоровой посуды, подушекъ, ковровъ и одѣялъ; лишняя шелковая рубаха и халатъ (или бешметъ) у жены; значительное расширение одного только гостепріимства, да и то не всегда,—вотъ и все.

Есть масса купцовъ, имѣющихъ дѣсятки тысячъ наличнаго капитала и не отличающихся ни по вѣшности и kostюму, ни по образу обыденной жизни, отъ самаго зауряднаго мужика.

Врядъ-ли половина лицъ, непосредственно занятыхъ земледѣліемъ, т. е. обрабатывающихъ землю своими руками, имѣетъ свои же собственные участки, такие по крайней мѣрѣ, которые могли бы достаточно обеспечивать своихъ хозяевъ приносимыми ими (участками) доходомъ.

Большинство землепашцевъ обрабатываетъ чужую землю въ качествѣ частью временныхъ, однолѣтнихъ, рабочихъ (чай-

рикёр или комчи), частю-же въ качествѣ болѣе или менѣе долгосрочныхъ арендаторовъ — керандѣ.

Поденый трудъ при землевѣльческихъ работахъ эксплуатируется исключительно въ пригородныхъ мѣстностяхъ и городахъ и никогда почти въ кишлакахъ. Чайрикёр или комчи въ большинствѣ случаевъ предлагаєтъ свой личный трудъ, имѣя отъ владѣльца земли зерно, плугъ и воловъ, или лошадей. На его обязанности лежатъ: пахать, поливка и надзоръ за посѣвами, ихъ молотьба и окончательная уборка, а также уходъ за рабочимъ скотомъ. Осушивание дынь, джугары, кукурузы и хлопчатника производится обыкновенно особыми рабочими — около городовъ поденьщиками, а въ кишлакахъ, по большей части, взаимной подмочью (ашардѣ). Кавъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ расходы несетъ или одинъ хозяинъ, или пополамъ съ чайрикѣромъ.

Жниво также не лежитъ на обязанности послѣдняго и производится всегда особо нанимаемыми жнецами (⁽¹⁾) Трудъ ихъ оплачивается чайрикѣромъ и владѣльцемъ земли изполу и всегда почти зерномъ. Уплата производится послѣ уборки, а во время жатвы жнецы всегда получаютъ пищу.

Между прочимъ замѣтимъ, что жнецы приходятъ иногда очень издалека, жнуть у незнакомыхъ имъ людей, уходить, по окончаніи работы, во свояси, являются за уплатою лишь въ концѣ лѣта, или въ началѣ осени, не заключивъ предварительно никакихъ письменныхъ условій, и, не смотря на все это, въ теченіи шести почти лѣтъ, проведенныхъ среди этого люда, памъ ни разу не приходилось наткнуться на какоенибудь мошенничество, или палувательство.

Во время жнивъ каждый жнецъ имѣеть право ежедневно брать въ свою пользу по одному спону, а по окончаніи этой работы на всѣхъ не огороженныхъ поляхъ каждый, а главнымъ образомъ неимущіе могутъ собирать оставшіеся на полѣ колосья (башакъ или машакъ). Отсюда собиратели этихъ колосьевъ — башакчи или машакчи).

(¹) Это по большей части бѣдные горожане, не занятые въ данный моментъ какимъ либо дѣломъ и тѣ кипчачиные жители, которымъ въ текущемъ году не удалось почему либо пристроиться къ землѣ въ качествѣ чайрикеровъ.

Чайрикёр, въ особенности если онъ семейный, живетъ у себя на дому, а въ вознагражденіе за свой трудъ получаетъ отъ пшеницы $\frac{1}{4}$, всего урожая, за выдѣломъ $\frac{1}{5}$, въ подать и платы жнецамъ, а отъ джугары и хлопка — $\frac{1}{4}$, урожая за тѣмъ же выдѣломъ, что и выше. Кроме того во время работъ чайрикёр получаетъ отъ хозяина еще и пищу, но только для себя лично, а не для всего своего семейства. Часто эта дача пищи замѣняется одновременною выдачею пѣкотораго количества муки и зерна (рисъ или джугара).

Керандѣ, мало чѣмъ отличающійся отъ чайрикѣра, живеть по большей части на обрабатываемой имъ землѣ, или въ хозяйствскомъ помѣщеніи, или въ построенному имъ самимъ, при чемъ нерѣдко усадебное мѣсто пріобрѣтается имъ на разныхъ условіяхъ въ собственность.

Если зерно и инвентарь овъ получаетъ отъ хозяина, то условія тѣ-же, что и для чайрикѣра; въ противномъ случаѣ урожай, за слѣдуемыми выдѣлами въ подать и жнецамъ, дѣлится между керандѣ и землевладѣцемъ поровну.

Здѣсь слѣдуетъ оговориться въ томъ смыслѣ, что въ разныхъ мѣстностяхъ Ферганы вышеприведенные условія пѣсколько измѣняются въ зависимости отъ доходности земли, предложения рабочихъ рукъ и проч., почему мы привели одни лишь среднія нормы, такъ какъ вдаваться въ подробности было бы, пожалуй, и неумѣстнымъ.

Поденая плата въ настоящее время въ городахъ не превышаетъ 40 к., а въ кишлакахъ колеблется между 10 и 20 к. с.,

Въ кишлакахъ, ближайшихъ къ городамъ, большая половина населенія въ собственности имѣеть одни только усадебные участки; въ остальныхъ затѣмъ селеніяхъ процентъ безземельныхъ (не имѣющихъ полевого надѣла) домовладѣцѣвъ пѣсколько уменьшается, но тѣмъ не менѣе вѣтъ, кажется, ни одного такого кишлака, гдѣ-бы совсѣмъ не было безземельныхъ, общее число которыхъ съ теченіемъ времени несомнѣнно возрастаетъ.

Количество земли, обладаемой однимъ лицомъ, колеблется отъ $\frac{1}{4}$, шанапа (шанапъ = 400 кв. саж.) до 200—250 десятинъ. Отдельные участки свыше 200 десятинъ составляютъ рѣдкія исключенія.

(Въ Наманганскомъ уѣздѣ есть одно туземное хозяйство въ 1000 десатинъ, но участокъ этотъ сплошь состоитъ изъ перелоговъ, т. е. такихъ земель, на орошеніе всей площаи которыхъ воды не хватаетъ, а потому ежегодно воздѣлывается только часть ихъ, въ данномъ случаѣ около $\frac{1}{3}$).

Изъ результатовъ организаціонныхъ и межевыхъ работъ, производившихся въ 1876 – 1881 годахъ, при введеніи здѣсь новой податной системы, видно, что средній душевой надѣль для наманганского уѣзда можетъ быть принять лишь около $\frac{1}{3}$, дес. Такимъ образомъ соотношеніе между количествомъ удобной, культурной земли (для орошенія которой воды имѣется въ достаточномъ количествѣ) и количествомъ населенія далеко не гравдіозное; можно даже сказать, что Фергана страдаетъ скорѣе малоземельемъ, чѣмъ обилиемъ почвы, вполнѣ удобной для полеводства и лѣсоразведенія.

Цѣна на землю, находящуюся въ зависимости отъ свойства почвы, высоты падѣ уровня моря, а следовательно и возможности, или невозможности, производить наиболѣе доходные посѣви риса, джугары и хлопчатника, отъ большей или меньшей удаленности отъ городовъ и другихъ базарныхъ пунктовъ, отъ большей или меньшей ровности и горизонтальности поверхности почвы, что облегчаетъ способы ея орошения, и отъ количества той воды, которая можетъ орошать данную землю,—колеблется отъ 6 до 400 р. за десятину.

Доходность земли различна, конечно, въ разныx пунктахъ Ферганы, а потому мы приведемъ среднія-же базарные на нихъ цѣны, выведенныя за послѣдніе годы для паманганского уѣзда, который, во первыхъ, по своимъ почвеннымъ, ирригационнымъ и другимъ условіямъ, можетъ быть принятъ тоже за средній, а во вторыхъ, намъ лично запакомъ гораздо болѣе остальныхъ уѣзовъ области.

НАЗВАНИЕ ПОСѢВОВЪ.	Урожай съ десятины въ пудахъ.	Цѣны за пудъ.	
		Р.	К.
Пшеница	50,5	—	55
Ячмень	62,5	—	36

НАЗВАНИЕ ПОСѢВОВЪ.	Урожай съ десятины въ пудахъ.	P.	K.
Рисъ	105,5	—	46
Джугара	138,5	—	33
Хлопчатникъ	58,5	—	90
Ленъ—(зерно)	28,5	—	65
Пріосо	41	—	27
Люцерна (жнуть 3—5 разъ) .	300	—	12

Тавапъ ($\frac{1}{3}$ дес.) сада даетъ годового дохода около 40 р.
Тавапъ — — виноградника . . . . . 20 р.

Быть можетъ, для чителя не безинтереснымъ будетъ знать приблизительный хотя бы, валовой доходъ земледѣльца. Земледѣлецъ одиночка (хозяинъ, жена и 2-3 дѣтей подростковъ, непринимающихъ еще непосредственного участія въ работѣ), имѣющій достаточное количество своей собственной земли и пару воловъ, успѣваетъ засѣвать около 3 дес. озимой пшеницы, около $1\frac{1}{2}$, дес. джугары, хлопчатника, или кукурузы, чтѣ, при приведенныхъ выше нормахъ урожайности и цѣнъ, даетъ валового дохода около 192 руб. сер., а, за вычетомъ $\frac{1}{3}$ этого дохода въ подать, — 154 руб. сер. Исходя изъ того-же предположенія, для чайникера, получающаго отъ хозяина землю, зерно и инвентарь, получимъ годовой доходъ около 43 руб. сер.

Всюдѣ тамъ, гдѣ населеніе густо, а земли дороги, нельзя не изумляться умѣнию сарта выжать изъ земли все, что только возможно при его средствахъ и знаніяхъ. Ни одного самаго крошечнаго клочка земли не остается невоздѣланнѣмъ. Каждый прутикъ, каждая травка, если только еї нель-

ся съѣсть самому или продать, будеъ: или искормлена скоту, или сожжена подъ котломъ. Экономія изощрена на столько, что, переходя свои обычные предѣлы, прямо таки вступаетъ въ сферу такъ называемаго иѣкосиннательства. Добро-бы еще, если бы это спасительство было принадлежностью мелкихъ, недостаточныхъ хозяйствъ; мы встрѣчаемъ его вездѣ и повсюду, не въ одномъ только сельскомъ хозяйстве и не у одного только бѣднаго населения. Оно сдѣлалось отличительной чертой сарта, характеристикой общаго народнаго хозяйства, народной привычкой. Можно думать, что явленіе это есть результатъ, во первыхъ, крайняго недостатка практическихъ знаній, возможности широкой эксплуатациіи другихъ естественныхъ богатствъ страны (соль, нефть, жељзо, мѣдь и проч.), изворотливости и злания житейской ариѳметики, а во вторыхъ, тѣхъ отпашеній, которые установились у туземца къ понятію о благосостояніи. А отношения эти довольно своеобразны.

Слово яхшій одинаково обозначаетъ и хороший, и боятый, и это далеко не простая случайность. Гостепріимство, напр., одна изъ высочайшихъ добродѣтелей мусульманна, тѣмъ доступнѣе для послѣдняго, чѣмъ лучше его материальная средства.

Религія совѣтуетъ туземцу зарѣзать въ одинъ изъ трехъ дней праздника Курбанъ (воспоминаніе жертвы Авраамовой) жертвеннаго барана или козла и накормить его мясомъ бѣдныхъ (¹).

Бѣдныхъ, положимъ, кормятъ рѣдко; обыкновенно угощаютъ своихъ знакомыхъ, но такъ или иначе, а каждый, кому религія это разрѣшаетъ, рѣжетъ па Курбанъ барана или козла, рѣжетъ всегда собственоручно, вѣруя, что этотъ

(¹) «Хорошихъ и тучныхъ животныхъ мы назначили для жертвенныхъ вашихъ приношеній Богу; за нихъ вамъ будетъ добро. Произносите имъ божіе надъ ними, когда они стоятъ стреноженные; когда они, упавши, перестанутъ дышать, тогда ѿпите мясо ихъ и накормите имъ бѣднаго, просящаго у васъ, и нищаго, не смыслющаго просить. Мы покорили ихъ (животныхъ) вамъ, предполагая, что будете благодарны. Не мясо, не кровь ихъ восходитъ къ Богу; восходитъ къ Нему ваше благочестіе». Коранъ. Глава 22 ст. 37 — 38.

баранъ поможетъ впослѣдствіи пройти черезъ сырѣтъ, мостъ тоцкій, какъ волосъ и острый, какъ мечь; грѣшики визвергнутся съ него въ адъ, а праведники съ быстротой молнии пройдутъ по нему въ райскія обители. Желая быть участниками этой благодати, жена и дѣти держать жертвеннаго барана за ноги, пока его рѣжутъ и потрошатъ.

Выѣстъ съ тѣмъ рѣзать барана на Курбанъ могутъ тѣ только (мужчины и женщины), состояніе которыхъ, обѣлѣнное отъ долговъ, не мѣре 20 тиллѣй (76 руб. сер.).

Такимъ образомъ для туземца благосостояніе является однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ быть хорошимъ, благочестивымъ, праведнымъ.

Вездѣ и всегда, впрочемъ, благосостояніе и правдивость находились въ болѣе или менѣе близкой, естественной зависимости. Вся разница заключается въ томъ только, что сартъ понимаетъ и признаетъ дѣйствительность такой зависимости, а другое отъ пониманія этого уклоняются.

Главнѣйшими подспорьями туземнаго сельскаго хозяйства являются: откармливаніе убийшаго скота; тканье маты, каламы и другихъ бумажныхъ матерій; приготовленіе войлоковъ и витые аркановъ, а равно и тканье грубыхъ шерстяныхъ матерій; очистка хлопка отъ коробочекъ и зеренъ и пряжа витокъ; шелководство; извозъ; собираеніе осенью и зимой, въ свободное отъ полевыхъ работъ время, степныхъ сорныхъ травъ и кустарниковъ на топливо и продажа ихъ на ближайшихъ базарахъ; поденщина въ ближайшихъ городахъ и большихъ селеніяхъ; гоньба льняного или кунжутнаго масла; мѣстами рыболовство, вообще, впрочемъ, очень мало распространенное.

Ружейная и другая охота въ средѣ земледѣльческаго населенія совсѣмъ не распространена, ибо осѣдлое, и главнымъ образомъ земледѣльческое, населеніе относится къ охотѣ, какъ къ занятію, несомнѣнно ведущему человѣка по стезѣ оскудѣнія. Какъ забава, охота знакома только въ наиболѣе зажиточныхъ классахъ туземнаго общества, преимущественно въ классѣ бывшаго служилаго ханскаго люда. (Какъ промыселъ, охота практикуется здѣсь преимущественно кочевниками).

Кстати, упомянувъ о классахъ, замѣтимъ, что, за исключениемъ прямыхъ потомковъ ханскаго рода (въ настоящее

время не имѣющихъ уже никакого общественного значенія) въ средѣ осѣдлого туземного населенія никакихъ ни дворянскихъ, ни другихъ привилегированныхъ сословій нѣть. Есть ходжіи, ведущіе свою родословную или отъ пророка, или отъ первыхъ четырехъ халифовъ; при ханахъ они пользовались пѣкоторыми льготами въ податномъ отношеніи, по теперь лишились и этой привилегіи, а потому ровно ничемъ не отличаются отъ остального населенія, развѣ тѣмъ только, что избѣгаютъ отдавать ему въ замужество своихъ дочерей. (Сами-же жепятся безразлично на дочеряхъ, какъ ходжѣ, такъ и карача). Оттого здѣсь высота общественного положенія туземца опредѣляется: или тѣмъ служебнымъ постомъ, который онъ занимаетъ, или принадлежностю его къ разряду ученыхъ, или же, и главнымъ образомъ, размѣрами его состоянія.

Послѣ земледѣлія слѣдуютъ: садоводство и лѣсоразведеніе; сушеніе фруктовъ; а изъ производствъ: тканье бумажныхъ, полушелковыхъ и шелковыхъ матерій; выдѣлка кожъ; приготовленіе обуви; гончарное дѣло, кузничное, ножевое, сѣдельное, шорное, кожевенное и красильное (нитки); приготовленіе мѣдной посуды; литье мѣстнаго чугуна, въ общемъ развитое очень слабо; выдѣлка серебряныхъ и золотыхъ украшений; плотничество; извозъ; токарное дѣло; приготовленіе арбъ, плуговъ, вилъ и лопатъ; вываривание смолы — мѣмъ изъ нефти; обжиганіе древеснаго угля; изготавленіе камышевыхъ плетенокъ. Вотъ въ сущности почти и все. Металлы, стекло, сукна, ситцы, фарфоровая посуда, значительная часть столярныхъ инструментовъ, котлы, гвозди, иглы, пинцеты, зеркала, чай, сахаръ, частью иисчая бумага, все это привозится изъ Россіи.

Фабрикъ, заводовъ и всякаго вообще крупнаго промышленного производства нѣть; всѣ существующія носятъ исключительно кустарный характеръ.

Все, что выдѣлывается здѣсь, выдѣлывается отдѣльными лицами или на дому, или же въ особыхъ лавкахъ — мастерскихъ (дуканѣ), находящихся обыкновенно при домѣ же (ткацкія; арбы; обувь; ножи; посуда) и рѣже на базарѣ (кузнецы, токари, мѣдники, серебряники).

Въ большинствѣ случаевъ отдѣльные мастера, занимающіеся однимъ и тѣмъ же производствомъ, избираютъ изъ

своей среды старшину — аксакала, который играетъ лишь роль маклера, отыскивающаго работу, берущаго на себя разнаго рода поручительства и пр., за что онъ получаетъ при заключеніяхъ условій и расплатахъ нѣкоторое денежное вознагражденіе, такъ наз. шериканѣ.

Кузнецъ, работающій отъ себя и не имѣющій подмастерья, добываетъ въ день чистаго дохода отъ 20 до 40 к.; красильщикъ отъ 40 до 60 к.; ткачъ бумажныхъ матерій отъ 15 до 30 к.; ткачъ шелковыхъ матерій отъ 20 до 40 к.; кожевникъ отъ 40 до 70 коп.; плотникъ и штукатуръ отъ 50 к. до 1 р.; джуазкѣшъ, гоняющій масло,— отъ 15 до 30 к.

Въ большинствѣ кустовъ мастеръ-хозяинъ (хаміфа; устакарѣ) имѣеть работниковъ-подмастерій (нижкѣрѣ), нанимаемыхъ имъ на разныхъ условіяхъ: очень часто понедѣльно, отъ базара до базара, или помѣсячно. Кроме пищи такой нижкѣрѣ получаетъ отъ 40 к. до 1 р. 20 к. въ недѣлю. Еженедѣльный же доходъ самого хозяина-мастера для разныхъ производствъ колеблется отъ 2 до 4 р.

Торговля существуетъ одинаково, какъ внутренняя, такъ и вѣнчая, ввозная и вывозная.

Предметами внутренней торговли главнымъ образомъ служатъ, разумѣется, продукты тѣхъ производствъ, о которыхъ было уже упомянуто выше. Наиболѣе прибыльными считаются: торговля въ городахъ хлѣбомъ, а въ кишлакахъ — мясомъ.

На хлѣбѣ барыши получаются благодаря ежегоднымъ колебаніямъ цѣнъ. Въ концѣ лѣта и осенію, когда хлѣбъ новаго урожая только что обмолоченъ и охотно продается бѣднымъ населеніемъ, нуждающимся въ деньгахъ для уплаты податей и для потребностей домашняго обихода, зерно скучается торговцами и перепродается ими же въ концѣ зимы, или весною, по значительно возвысившимся уже цѣнамъ.

Не смотря на то, что религія относится къ мясничеству, также какъ къ акушерству, ремеслу цирурѣпковъ и пѣкоторымъ другимъ занятіямъ, крайне неодобрительно, называя ихъ макрѣхъ (презрѣнныe; неодобряемые), торговля мясомъ чрезвычайно распространена: нѣть ни одного почти кишлака, где не было бы мясника — касабы и вмѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ касабѣ не процвѣтаетъ такъ, какъ въ захолуст-

ныхъ, исключительно земледѣльческихъ кишлакахъ, имѣющихъ большія, сравнительно, зашашки.

Мясо, по большей части, съ половины мая и по ноябрь, т. е. со времени поспѣванія ячменя и по конецъ полевыхъ работъ, продается по обыкновеннымъ, мѣстнымъ базарнымъ цѣнамъ, но въ уплату за него берутся не деньги, а зерно, при чемъ послѣднее отѣзгивается мясникомъ всегда значительно ниже существующихъ базарныхъ цѣнъ и еще ниже, если покупатель беретъ мясо и сало въ кредитъ. Этого рода торговля для отдѣльного лица недопускается особенно большихъ нормъ оборотнаго капитала, такъ какъ въ кишлакѣ мясникъ рѣдко бываетъ одинъ, но за то въ продолженіи лѣта въ подходящихъ селеніяхъ *касаба* наживаѣтъ капиталъ на капиталъ.

(Средній оборотный капиталъ кишлачаго мясника можно считать колеблющимся отъ 50 до 200 р. сер., причемъ капиталъ менѣе 100 р. успѣваетъ обернуться около 2 разъ).

Поѣдемте, читатель, оиять въ Навай.

Жаркое послѣднѣе—обѣда въ началѣ Августа. Мы подѣѣжаемъ къ Наваю съ западной стороны, со стороны Ахтама, по ровной, сплошь воздѣланной, *Бай-багъ-дала* (стень безъ садовъ), на которой кромѣ хлѣбовъ и небольшаго кишлака *кукъ-яръ*, на самомъ берегу Падшааты; ровно ничего нѣть.

Въ верстѣ слѣва поднимаются предгорья; вправо желтая, зеленая и сѣрая *Бай-багъ-дала* съ маленькимъ кукъяромъ, а прямо передъ вами, сейчасъ же за широкими, каменистыми оврагами Падшааты, темнозелеными пятнами стоять Нанай, весь ушедшій въ густую листву урюковъ и таловъ, надъ которыми кое-гдѣ торчатъ высокіе, старые поля.

У самой Падшааты проѣзжаемъ мимо *хирмана* съ кучей пропахнѣй уже пшеницы. Съ боку груда *самана* (мелкая солома), а около нея не выпряженная арба съ виноградомъ и дынями. Два человѣка на карточкахъ присѣли около зерна и вѣшаютъ его на туземныхъ деревянныхъ вѣсахъ, при чемъ выѣсто гирь служить виноградъ, который здѣсь, въ Навай, продается на вѣсъ пшеницы.

Около нихъ двѣ молодыхъ цыганки изойливо предла-
гаютъ иголки, паперстки и нитки угрюмому хозяину *хирмана*, не обращающему на нихъ ровно никакого вниманія.

Появился откуда-то *каляндаргъ*—нѣчто вродѣ нищенствующаго монаха—сказать обычное въ такихъ случаяхъ привѣтствие „*хирманъ тулсунъ*“—да будетъ полонъ *хирманъ*, неистовымъ голосомъ причиталъ пожеланія хозяину всяческихъ благъ и получилъ нѣсколько пригоршней высыпокъ.

По каменистой тропинкѣ спускаемся на Падшаату и перѣѣзжаемъ ее въ бродъ по дну, сплошь усыпанному крупными каменьями; лошадь то и дѣло спотыкается и обрызгиваетъ впереди бѣдущаго крупными каплями холодной воды.

Поднявшись немного въ гору по крутой, малоѣзжѣй тропинкѣ, вѣѣжаемъ въ узенькую, кривую улицу съ ея неизмѣнными здѣсь глиниобитными стѣнами, съ выглядывающими изъ калитокъ ребятишками, съ арычками и навозомъ.

Цѣлая стая куръ бросилась отъ нашихъ лошадей во все стороны, оставивъ маленький токъ по серединѣ улицы, гдѣ, очевидно, кто-то молотилъ нѣсколько споловъ пшеницы.

На право пустырь съ кучами навоза и остатками развалившихся стѣнъ. На лѣво кузница съ мѣхомъ, съ кетменями и серпами, разѣшанными по стѣнѣ и съ кузнецомъ въ кожаномъ фартукѣ, сосредоточенно отбивающимъ старый кетмень небольшимъ желѣзнымъ молотомъ.

Здоровый, рослый парень ѹдетъ на встрѣчу намъ на шустромъ, сытенькомъ 2-хъ годовомъ жеребчикѣ, навьюченомъ 4-мя большими спопами пшеницы, въ одинъ изъ которыхъ заткнутъ серпъ.

По серединѣ улицы, передъ калиткой, баба въ бѣлой матовой рубахѣ и бѣломъ же, распущенномъ по плечамъ, грубомъ кисейномъ платкѣ молотитъ палкой два снопа пшеницы. Занявши работой, она увидѣла насъ тогда только, когда мы съ ней поровнялись; бросила палку и какъ шальная метнулась въ калитку, забывъ на улицѣ, крошечнаго, благимъ матомъ заревѣвшаго, мальчугана. А вотъ и *гузаръ*, маленький кишлачный базарчикъ и клубъ въ тоже время.

На лѣво, подъ большими старыми талами, лавка съ наѣсикомъ и сундѣй, пристѣпившій съ боку, у арыка. Черезъ разобранныя досчатыя двери видна внутренность лавки: къ передней, законченной дымомъ, стѣнѣ придѣлана въ сажень длиной плаха съ торчащими изъ нея длинными, желѣзными гвоздями, на которыхъ висятъ части разобранной бараньей туши. *Касабъ* (мясникъ) съ жирной щельмоватой рожей, въ

засаленномъ халатѣ поджидаетъ вечернихъ покупателей и отъ нечего дѣлать убираетъ въ мѣшокъ пшеницу, ссыпанную прямо на земляной полъ въ дальнемъ, правомъ углу лавки.

На сутѣ расположился только-что пріѣхавшій изъ города *сатукчій*; подъ таломъ стоять его сильно вспотѣвшая, узкогрудая лошаденка подъ неуклюжимъ вьючнымъ сѣдломъ; она притащила и хозяина и большой, изъ толстой бумажной матеріи, *хурджунъ* съ разнымъ мелочнымъ товаромъ.

Сатукчій разостлалъ затасканный коврикъ и разложилъ тѣхъ червячковъ, на коихъ должна будетъ ловиться рыбка, именуемая пшеничкою.

Справа помѣстилось пѣсколько кусковъ мѣстныхъ грубыхъ бумажныхъ матерій: *маты*, *каязы* и *плѣка*. Слѣва пѣсколько аршинъ розового ситца съ крушинами, аляповатыми разводами, а въ серединѣ тотъ цестрый хламъ, безъ котораго трудно представить себѣ какой бы то ни было, даже и не туземный, базарь. Три крошечныхъ оловянныхъ зеркальца облокотились спилами на положенный сзади ихъ кусокъ маты и внимательно осматриваютъ проходящій мимо людь; впереди ихъ выстроились въ рядъ десять — двѣнадцать конусообразныхъ кусковъ вонючаго сартовскаго мыла, а за ними, ближе къ краю, перемѣшались: оловянныя колечки, пѣсколько кусковъ халвы и сахару, *слѣкъ* (древесная смола, которую очень любятъ жевать женщины и дѣти), широкія и узкія тесьмы — *джігікъ*, иголки, очкуры, пуговки, бусы и прочая дрянь, на которую глазѣеть цѣлалъ куча чумазыхъ ребятъ; не безъ трепета взираютъ они на молчаливаго *сатукчія* и шепотомъ сообщаютъ другъ другу свои замѣчанія.

На другой сторонѣ улицы, противъ мясника, еще двѣ лавки съ такими же маленькими павѣсиами. Одна изъ нихъ нагдухо заперта; въ другой рисъ, липкое масло, мыло, пастай и дыни, перекупленныя у арбакешей, а у дверей, на старой потрепанной кошмѣ, синѣ хозяинъ лавки, — молодой, сухощавый сартъ съ жиденькой бородкой.

Пять-шесть здѣшнихъ стариковъ сидѣтъ подъ павѣсомъ пустой лавки противъ *сатукчія*; по временамъ то туть, то другой, тяжело вздыхая, отрывочно, въ полъ голоса, произноситъ: „*Алла!*“ или „*Л, Карім!*“. Говорить имъ и не о

чемъ и охоты вѣть; посты теперь, *рузд*; они съ ранняго утра ничего не пили и не ёли,—какая тутъ бесѣда.

Со стороны Намангана подѣзываютъ двѣ арбы съ дынями; беззвучно останавливаютъ мокрыхъ, запыленыхъ лошадей осовѣвшіе отъ голода, жажды и усталости арбакѣши. „*Ас-селямъ алайкюмъ!*“ протяжно привѣтствуютъ они стариковъ, нѣсколько времени неизвѣстно зачѣмъ сидѣтъ па тяжело водящихъ боками лошадяхъ, вопросительно поглядывая то па стариковъ, еле откѣтившихъ имъ „*алайкюмъ-ас-селямъ!*“, то па безлюдную улицу; медленно слѣзаютъ они съ лошадей и еще медленнѣй распрягаютъ и привязываютъ ихъ подъ талами.

„*Барікъ-алла, баракъ-алла!*“, привѣтствуетъ пріѣзжихъ всхрапнувшій сухопарый лавочникъ, выйдя подъ павѣсъ изъ дукана съ помятой со сна и постной физіономіей.

Торопливой, дробной походкой проходитъ мимо баба, закрыта по здѣшнему не *паранджей*, а наброшенымъ на голову маленькимъ дѣтскимъ халатикомъ. Медленно, медленно прошла она мимо *сатукчія*, искоса разглядывая его товары, затѣмъ опять припустила и живо, почти бѣгомъ, скрылась за угломъ мечети.

Минутъ черезъ десять изъ за того же угла показался рослый, опрятно одѣтый, сартъ лѣтъ цѣдъ сорокъ; тяжелой, медленной походкой подошелъ онъ къ *сатукчію*, долго толковалъ съ нимъ о чёмъ то въ полъ—голоса, затѣмъ размоталъ конецъ длиннаго матоваго кушака и высыпалъ изъ него пѣсколько пригоршней пшеницы. *Сатукчій*, сѣвши пшеницу, ссыпалъ её въ мѣшокъ и подаль мужику кусокъ мыла, съ которымъ онъ также тяжело, медленно, какъ и пришелъ, скрылся за угломъ мечети.

Красивый паришкъ, лѣтъ 12-ти, въ грязной матовой рубахѣ, вошелъ къ мяснику и подаль ему узелокъ пшеницы, завязанной въ старый ситцевый платокъ. Очевидно, болѣе порученной ему покупки, паришку заинтересовалъ *сатукчій*, па походную лавочку котораго онъ смотрѣлъ все время, пока мясникъ вѣшалъ пшеницу, долго раздумывалъ, отъ какого бы именно куска отрѣзать, долго разсчитывалъ, сколько слѣдуетъ отпустить маса, очень быстро отвѣсилъ, завернулъ платокъ и отдалъ мальчишкѣ.

Больше и больше проходитъ по улицѣ народа, возвращающагося съ поля пѣшкомъ и верхомъ: кто съ серпомъ, кто съ кетменемъ, кто съ пучками башдка. Одни проходятъ мимо; другіе заглядываютъ къ мяснику; трети останавливаются поболтать со стариками.

Одинъ за другимъ начинаютъ являться съ пшеницей покупатели и къ мяснику, и къ арбакешамъ, привезшимъ дыни, и къ сухопарому лавочнику.

Около стариковъ ю арбъ съ дынями мало по малу образовалась цѣлая компанія, шумно толкующая въ ожиданіи скораго ужина о разныхъ напайскихъ и наманганскихъ разностяхъ. Одинъ изъ стариковъ, по моложе другихъ, но уже съ бѣлой длинной бородою, медленно поднялся съ места, поправилъ на головѣ чалму, взялъ стоявшую у стѣны длинную палку изъ колѣвчатой асѣ-мусѣ и степенно направился къ сосѣдней мечети. За нимъ поднялось еще человѣкъ пять—шесть, кто постарше, а черезъ три—четыре минуты въ вечернемъ воздухѣ звонко раздались протяжно выкрикнутые слова азана: „Аллахъ акбаръ, аллахъ акбаръ“....!

Стадо пришло. Мимо лавокъ и арбъ съ дынями густой толпой потянулись всевозможныхъ мастей, худыя по большей части, коровы, телята и козы.

Зарѣзанный сегодня мясникомъ баравъ разошелся почти весь; половина дынь разобрала, а другую завтра повезутъ по хирманамъ.

Гузаръ по немногу пустѣетъ. Всѣ расходятся по домамъ; скоро уже и слѣдующій памдэз ахшамъ, послѣ котораго проводѣрные могутъ наполнить свои отощавшиесъ желудки.

Завтра опять привезутъ и дыни, и винограду; опять сатукчи разложитъ свой хламъ; мясникъ зарѣжетъ барана, а разные поясы, платочки, хурджумы и торбочки потащутъ на гузаръ пшеницу. Такъ завтра, послѣ завтра и далѣе, до тѣхъ поръ, пока будуть возить разныя соблазнительныя вещи и пока мясникъ будетъ рѣзать скотину; а будетъ онъ есъ рѣзать до поздней осени, до тѣхъ поръ, пока благомысленная главы семей не положатъ чадамъ своимъ строжайшаго запрещенія па тайное и явное тасканіе хлѣба мутагамамъ (міроѣдамъ) и пока голъ не перетаскаетъ имъ болѣшей части собранной ею пшеницы, льна и иныхъ благодатей, послѣ чего для голи этой начнется продолжительный сезонъ зимнихъ и весеннихъ голодовокъ.

Такимъ манеромъ между мужичихъ рукъ непроизводительно проскаиваетъ не малая доля хлѣба; благодаря тому, что есть желаніе иѣть сытно, по человѣчески хоть иѣсколько дней въ году есть услужливые люди, которые привезутъ всякую всячину какъ разъ въ то время, когда въ мужичихъ рукахъ заводятся деньги въ видѣ новаго хлѣба и, что самое главное, есть у этого мужика привычка слишкомъ мало думать о будущемъ, о голодовкахъ, въ периодичности которыхъ онъ привыкъ также, какъ привыкъ къ мысли о томъ, что лѣтомъ тепло, а зимой будетъ холодно; можетъ быть и очень даже холодно, но, если суждено прожить, проживу, и какъ ни какъ, а ни съ холodu, ни съ голоду не подохну.

Великое множество народа занимается мелкимъ торговществомъ и барышничествомъ. Торгуютъ и барышничаютъ всѣмъ. Перепродаютъ лошадей и другой скотъ, небольшая количества зерна, бумажныхъ матерій, дѣны на которыхъ понижаются и повышаются по пѣсколько разъ въ годъ и пр.; берутъ у оптовыхъ торговцевъ ситецъ, кумачъ и др. матеріи и развозятъ ихъ по базарамъ; снуютъ изъ кишлака въ кишлакъ, съ базара на базарь, клянутся, божатся, надуваютъ, обмѣриваютъ и обвѣшиваютъ и въ концѣ концовъ нерѣдко добываютъ чистаго барыша не болѣе 10—20 к. въ день.

Контингентъ этого мелкаго торговства рекрутится по преимуществу или безземельными горожанами, или же кишлакчиками, отбившимися почему либо отъ земли.

Наибольшіе обороты по внутренней торговлѣ, доходящіе для отдельныхъ лицъ до иѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей, относятся къ хлѣбнымъ операциямъ и внутренней же перепродажѣ барановъ.

Изъ продуктовъ, получаемыхъ отъ зарѣзанаго животнаго, туземецъ отдаетъ главное предпочтеніе салу, а не мясу. Для него сало—одинъ изъ основныхъ элементовъ всякой вообще хорошей пищи, какъ напр. палавъ, а мясо служить скорѣе украшеніемъ кушанья, чѣмъ элементомъ питанія. Въ домашнемъ быту средняго и бѣднаго классовъ мясныхъ блюдъ въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. такихъ, главнымъ основаніемъ которыхъ было бы мясо, мы почти не встрѣчаемъ.

Въ народной кухнѣ есть правда иѣсколько блюдъ вродѣ жарумы (мелко изрѣзанная баарина, изжаренная въ котлѣ

на салъ), но такія блюда приготавляются преимущественно для гостей и никогда почти для своего, домашняго стола.

Вследствіе такихъ отношеній къ мясу, требование ту-
земца отъ убойного скота выражаются главнымъ образомъ
въ желаніи получить отъ него возможно большее количество
сала, а такимъ требованиемъ лучше другихъ животныхъ удо-
влетворяетъ здѣшній курдючный баранъ; хорошо откормлен-
ный, онъ даетъ сала во вѣсу столько же, сколько и мяса,
а при особенно хорошихъ условіяхъ даже и больше.

Такимъ образомъ потребность въ убойныхъ баранахъ
большая, а удовлетворить еї своими средствами, по разнымъ
причинамъ, Ферганы не можетъ; это-то и послужило нача-
ломъ развитія весьма широкой торговли съ кочевымъ насе-
леніемъ Ауліэ-ата, Токмака, Вѣрнаго и даже съ западно-
сибирскими киргизами.

Главнѣйшиe скотопрогонные пути пролегаютъ по горамъ
каманганскаго уѣзда и здѣсь ежегодно проходитъ не менѣе
50,000 головъ.

Торговля эта, установившаяся, повидимому, очень давно,
приняла, и до сихъ поръ поситъ, почти исключительно мѣсто-
вой характеръ. Изъ Ферганы въ обиѣнъ барановъ вывозятся
главнымъ образомъ мѣстная бумажная и полушелковая ма-
теріц; частью сушеные фрукты, обувь мѣстного приготов-
ленія, ватная одѣяла и ножи. Не болѣе трети или четверти
пригоняемыхъ въ Фергану барановъ покупается въ Семирѣчье
или Западной Сибири на деньги. При благопріятности всѣхъ
условій операция эта въ рукахъ туземнаго торговца даетъ
никакъ не менѣе 50%, ежегоднаго барыша, а число барановъ,
пригоняемыхъ однимъ лицомъ, колеблется отъ 50 до 4000
головъ.

Предметами общей вывозной торговли служать: бумаж-
ная и полушелковая матеріи въ Семирѣчье и Западную
Сибирь; шелкъ и хлопокъ въ Россію; сушеные фрукты въ
Семирѣчье, Сибирь и частью Оренбургъ; строевой лѣсъ
(тополь) въ Перовскъ и Казалу; въ незначительномъ коли-
чествѣ мѣха въ Россію.

По внутренней торговлѣ значительная часть сдѣлокъ
ведется въ кредитъ, при чёмъ въ большинствѣ случаевъ не
пишется ни расписокъ, ни другихъ какихъ либо документовъ;

сдѣлка совершаются на словахъ, но всегда при свидѣтеляхъ⁽¹⁾. Такое предпочтеніе свидѣтелямъ передъ документомъ является результатомъ того, что по мусульманскому законодательству документъ, скрывающійся не подписью дателя, а печатью казы, признается действительнымъ тогда только, когда подлинность и действительность его или признается самимъ отвѣтчикомъ, или же удостовѣряется двумя свидѣтелями мусульманами.

Мѣстомъ купли и продажи (по внутренней же торговлѣ)
для большинства продуктовъ служатъ преимущественно ба-
зары, отдаленные лавки и каравансараи.

На дому какъ продажа, такъ равно и вся вообще тор-
говая сдѣлки совершаются очень рѣдко, такъ какъ религія,
во первыхъ, требуетъ, чтобы продаваемый товаръ во время
совершения сдѣлки былъ на лицо: во вторыхъ, совѣтуетъ
избѣгать такихъ условій или обстоятельствъ продажи, при
которыхъ одинъ изъ торгующихъ можетъ находиться въ не-
вѣденіи о существующихъ на базарѣ цѣнахъ и, въ третьихъ,
рекомендуется приглашать двухъ свидѣтелей, которыхъ на
дому не всегда можно найти.

По тѣмъ же причинамъ временемъ продажи религія на-
значаетъ день, отъ утренней зари до заката, послѣ котораго
большинство базарныхъ лавокъ действительно и закрывается.

Въ общемъ отношенія къ торговлѣ ислама, являющаго
собою настолько же религію, насколько и юридической, го-
сударственный кодексъ, очень строги.

Продаваться можетъ только частная собственность и
при томъ такая, которая можетъ быть осмотрѣна, измѣрена
или пересчитана; можетъ принести покупателю какія либо
выгоды и можетъ быть передана изъ рукъ въ руки. Оттого
недозволяется напр. продавать предмета, не находящагося на-
лицо; не дозволяется продавать что либо оптомъ безъ измѣ-
рения; нельзя продавать хлѣба на корню и пр. При продажѣ
участка земли, дома, сада и др. недвижимой собственности

(1) «Если будутъ между вами какія либо на лицо торговые
обороты (или сдѣлки), то на вѣсъ не будетъ винны, если вы не
будете давать расписокъ въ нихъ. Поставьте свидѣтелей, когда да-
лаете условія между собою».... Коранъ Глава. 2. Ст. 282.

первенство въ правѣ па пріобрѣтсіе продающагося принадлежитъ сосѣдамъ, называемымъ въ данномъ случаѣ *шапи* или *шадж*; только послѣ отказа ихъ пріобрѣсти продающе-ся за объявленную цѣну право купли переходитъ уже и къ постороннимъ лицамъ. Продающій самъ долженъ указывать на недостатки своего товара и стараться избѣгать за-прашиванія высокихъ цѣнъ.

По заключеніи условій свидѣтели должны обратиться къ продающему съ вопросомъ „продали ли вы?“ и къ по-купающему „купили ли вы?“ Утвердительный отвѣтъ съ обѣихъ сторонъ, выраженный непремѣнно въ прошедшемъ времени, дѣлаетъ куплю и продажу совершившимися.

Однакоже большинство этихъ, также какъ и многихъ другихъ, постановлений ислама соблюдаются, особенно въ настоящее время, очень рѣдко, больше по наружности и тогда только, когда это почему либо выгодно для одной изъ сторонъ.

Прежде, во времена хановъ, соблюденіе подобнаго рода положеній религіи было, правда, строже, по соблюденію это держалось только палкою.

Палка эта была двухъ родовъ: вещественная и нравственная. Еѣ лицѣ первой являлся *Казы-райс*, въ лицѣ второй—общественное мѣнье, надъ которымъ чѣмъ то вродѣ Дамоклова меча висѣлъ тотъ же *райс*, а надъ нимъ самимъ сонмы книжниковъ и фарисеевъ, о которыхъ вкратцѣ упомянемъ ниже.

На обязанности *райса* (должность эта упразднилась съ завоеваніемъ ханства Русскими) лежало главнымъ образомъ наблюденіе за правильностью вѣсовъ и др. мѣръ, за соблюденіемъ жителями данного города постовъ, ежедневныхъ моленій—*намазъ* (ихъ 5) и правилъ мусульманской нравственности, а также и наложная расправа на чѣсть преступленія надъ провинившимися.

Вотъ тотъ—краеугольный камень, на которомъ въ тече-ніи вѣковъ держалось зданіе наружной нравственности и чистоты нравовъ и наружного же уваженія къ основамъ религіи.

Стоило только выдернуть этотъ камень, упразднить *райса*, и часть зданія сама собой стала рушиться. На базарахъ въ очію стали обмѣривать и обвѣшивать; куски матерій

стали дѣлаться все короче и короче, а нынѣство, проституція и индифферентныя отношенія къ обрядамъ религіи все шире и шире.

Выше мы упомянули уже о томъ что при совершенніи торговыхъ сдѣлокъ религія совѣтуетъ торгующимся приглашать не менѣе двухъ свидѣтелей. Совѣтъ этотъ и по сие время исполняется туземцами самымъ тщательнымъ образомъ. Не говоря уже о продажѣ гурта барановъ, большой партіи матеріи, участка земли, дома и пр. два—три, а иногда и четыре свидѣтеля нерѣдко присутствуютъ при продажѣ лошади, коровы, теленка, барана или козы, играя въ тоже время и роль маклеровъ, устанавливающихъ цѣну и приводящихъ торгующихся къ соглашенію, за что ови, маклера (*даляз*), получаютъ *шериканѣ*, размѣры которой отъ чекѣ доходятъ до нѣсколькихъ рублей или даже десятковъ рублей.

Привычка къ присутствію свидѣтелей—маклеровъ сдѣлалась настолько велика, что нерѣдко продажа не можетъ состояться только за ихъ отсутствіемъ, благодаря которому обѣ стороны никакъ не могутъ сговориться.

На любомъ, въ особенности же конномъ или бараньемъ, базарѣ вы всегда встрѣтите нѣсколькихъ сартовъ подозрительного вида, съ хищнымъ и въ тоже время несомнѣнно голоднымъ выраженіемъ лица. Спуж въ тоиѣ, они высматриваютъ, не затѣвается ли гдѣнибудь торгъ, выростаютъ какъ изъ земли, не вмѣшиваются, а буквально врываются между торгующимися, уговаривають ихъ придти къ соглашенію, которое для нихъ маклеровъ, во всякомъ случаѣ не только выгодно но и необходимо, дабы имѣть возможность получить *шериканѣ*, подчасъ даже и выругаютъ, если торгъ слишкомъ затягивается, соединяютъ руки торгующихся въ единѣ, произносятъ традиціонные вопросы: „продали ли?“ и „купили ли?“, съ нѣсколько надменнымъ видомъ получаютъ три—четыре чекѣ гонорара и затѣмъ переходятъ далѣе, къ другому телѣпку или къ другой кобылѣ.

Есть артисты, для которыхъ *далячи-маклера* (занятіе подобнаго свидѣтеля—маклера) сдѣлалась почти профессіей, по мѣрѣющей мѣрѣ однѣ изъ вспомогательныхъ средствъ существованія. Иногда и жаль, и смѣшно смотрѣть на сарта, который отсчитываетъ чекѣ, часто не зная хорошенько кому и за что собственно онъ платить, по въ тоже время нельзя

отрицать и того, что въ виду приведенныхъ выше мусульманскихъ законоположений и народныхъ привычекъ туземца, сложившихся подъ влияниемъ ислама, за дѣллемъ есть кое что реальное, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ нужды онъ не имѣетъ права отказываться отъ безвозмездного отправленія своихъ обязанностей, какъ свидѣтеля⁽¹⁾.

Розничная продажа мяса, хлѣба, овощей, обуви, матерій и пр. цѣны на которые болѣе или менѣе общезвестны, производится всегда безъ посредниковъ, ибо иначе это было бы уже черезъ чурь отяготительно.

Туземныхъ общественныхъ кредитныхъ учрежденій не существуетъ. Всѣ операции этого рода находятся въ рукахъ частныхъ лицъ, по большей части ростовщиковъ сартовъ же и индусовъ. Послѣдніе въ числѣ 5—10, а иногда и болѣе, человѣкъ имѣются въ каждомъ изъ мѣстныхъ городовъ и промышляютъ здѣсь исключительно ростовщичествомъ.

Коранъ относится къ этой профессіи крайне неодобрительно, но жизнь беретъ свое и лихва—сюда взимается ростовщиками въ громадныхъ процентахъ⁽²⁾.

Ростовщическая операции ведутся преимущественно на деньги и на зерновой хлѣбъ; очень не рѣдко, особенно въ городахъ, подъ залогъ вещей. Индузы оперируютъ исключительно на деньги, при чемъ на каждыи 16 тенегъ = 3 р. 20 к. въ теченіи 20 недѣль берутъ 4 тенегъ = 80 к. процентовъ. Уплата производится ежеседѣльно въ размѣрѣ одной тенеги = 20 к.; такимъ образомъ въ теченіи 20 недѣль выплачиваются и капиталъ и проценты.

Сарты при мелкихъ займахъ съ каждой тиллѣ = 3 р. 80 к., въ мѣсяцъ берутъ по 1/4 тенеги = 10 к. При крупныхъ займахъ на годъ, вместо взятыхъ четырехъ тиллѣ

(1) «Свидѣтели не отказывались бы, когда призываются будуть». Коранъ. Глава 2. Ст. 282.

(2) «Тѣ, которые жадны къ лихвѣ, воскреснутъ такими, какими, воскреснутъ тѣ, которыхъ обезумилъ сатана своимъ присовѣніемъ..... Богъ позволилъ прибыль въ торговлѣ, а лихву запретилъ..... бойтесь Бога и оставьте то, что достается вамъ лихвой..... Если онъ человѣкъ отягоченный бѣдностью, то ждать, когда его состояніе улучшится; но обращеніе вами долга въ милостию будетъ лучшее для васъ.....» Коранъ. Глава 2. Ст. 276—281.

возвращается пять или вместо взятыхъ пяти возвращается шесть.

Безпроцентные займы между знакомыми и родственниками бываютъ, конечно, но сравнительно очень рѣдко.

Замѣчательно, что прежде, это помнить люди которымъ теперь 40—50 лѣтъ, при заключеніи большей части долговыхъ обязательствъ росписка давалась не должникомъ заемодавцу, а, наоборотъ, заемодавцемъ должнику.

Въ подобнаго рода роспискѣ писалось: такой то долженъ мнѣ, такому то, столько то; процентъ и срокъ уплаты такие то.

Сама росписка до уплаты долга находилась въ рукахъ должника какъ обеспеченіе въ томъ, что съ него не будетъ взыскано больше того, что онъ долженъ въ действительности.

РЕЛИГІЯ И ДУХОВЕНСТВО.

Какъ осѣдлое, такъ равно и кочевое населеніе Ферганы исповѣдуетъ мусульманскую религию, суннитскаго толка, sectы Ханафій или Азамій.

Въ основаніи мусульманской религіи, какъ известно, конечно, читателю, лежитъ Коранъ, заключающій въ себѣ 114 главъ разной величины, изъ коихъ каждая состоитъ изъ большаго или меньшаго числа стиховъ.

Такъ какъ Коранъ писался Магометомъ въ разное время и несомнѣнно подъ различными впечатлѣніями, то не только между отдѣльными главами, но даже и между стихами одной и той же главы очень часто неѣть никакой логической связи; вмѣстѣ съ тѣмъ названія отдѣльныхъ главъ, по большей части очень странныя, никогда почти не соответствуютъ содержанію послѣднихъ.

Кромѣ того, вѣкоторые изъ послѣдующихъ стиховъ являются противорѣчіемъ соответствующимъ имъ предыдущимъ, что заставило пророка сдѣлать оговорку: «Когда Мы отмѣляемъ какое либо знаменіе или повелѣваемъ забыть его, тогда Мы даемъ другое, лучшее того или равное ему.» (Коранъ. Глава 1. Ст. 100).

Чрезвычайная сжатость изложения Корана послужила причиной того, что применение его къ жизни вызвало необходимость разъяснения массы затрагиваемыхъ имъ вопросовъ.

Разъяснения эти, дѣлавшіяся разными представителями мусульманской науки, начиная съ первыхъ Халифовъ, по-большей части записывались и впослѣдствіи были сведены въ книги, носящія въ настоящее время общее наименование *шаріата*, что въ переводѣ съ арабскаго языка означаетъ — *прямой путь*.

Провозглашенные Кораномъ главнѣйшіе, основные догматы религіи суть:

1) Единобожіе, отрицаніе идолопоклонства и Троицы.

„не допускайте какихъ либо божествъ равныхъ Богу....“. Глава 2. ст. 20.

„Богъ вашъ — Богъ единій: пѣть другого Бога, кроме Его, милостиваго, милосердаго“. Гл. 2. ст. 158.

„Читающіе Писаніе! не допускайте излишества въ вашу вѣру; .... Мессія Іисусъ, сынъ Маріи, есть только посланикъ Бога, есть Слово Его, низведенное Имъ въ Марію, есть Духъ Его. Вѣруйте въ Бога и въ посланиковъ Его, и не говорите: троица — не можетъ быть, чтобы у Него были дѣти. ....“. Глава 4. ст. 169.

„Не можетъ статься, чтобы Мессія считалъ для себя унизительнымъ быть рабомъ Ему, какъ и приближенные къ Нему ангелы“. Гл. 4. ст. 170.

2) Магометъ послѣдній и высшій пророкъ. (Печать пророковъ).

„Магометъ не есть отецъ кому либо изъ васъ; онъ только посланикъ Бога и печать пророковъ“. Глава 33. ст. 40.

„Прежде тебя (Магомета) ни одному человѣку мы не давали вѣчной жизни; потому, если ты умрешь, то ужели имъ быть бессмертными?“ Глава 21. ст. 36.

„Я (Магометъ) такой же человѣкъ, какъ и вы: миѣ открыто, что Богъ вашъ единый Богъ“. Глава 18. ст. 110.

3) Признаніе Корана послѣднимъ и наисовершеннѣйшимъ откровеніемъ Божіимъ, причемъ не отвергаются какъ книги Вѣтхаго Завѣта, такъ равно и Евангеліе.

„Это писаніе, иѣть сомнѣнія въ томъ, руководство благочестивымъ“. Глава 2. ст. 1.

„Скажи: его (Коранъ) свыше ниспосланъ Тотъ, Кто знаетъ тайны на небесахъ и на землѣ“. Глава 25. ст. 7.

„Мы уже дали Моисею Писаніе; вслѣдъ за нимъ Мы велили идти другимъ посланикамъ; потомъ Іисусу, сыну Маріи, Мы дали ясныя указанія....“. Глава 2. ст. 81.

„По ихъ стопамъ слѣдовать велили Мы Іисусу, сыну Маріи, подтвердившему то, что предъ нимъ было въ Законѣ и Мы дали ему Евангеліе; въ немъ правота и свѣтъ ....“. Глава 5. ст. 50.

„.... дали ему (Іисусу) Евангеліе; въ сердца послѣдователей его Мы вложили добродушіе и состраданіе....“. Глава 57. ст. 27.

4) Богъ управляетъ міромъ и судьбою человѣка.

„Слава Богу, Господу міровъ....“. Глава 1. ст. 1.

„Никакое бѣдствіе не совершается ни на землѣ, ни въ васъ, если оно не было предопределено въ книгу прежде того, какъ Мы творимъ его....“. Глава 57. ст. 22.

„Опь Тотъ, Кто сотворилъ васъ изъ глины и опредѣлилъ для каждого срокъ жизни“. Глава 6. ст. 2.

5) Существованіе Ангеловъ и діавола.

6) Воскресеніе изъ мертвыхъ и страшный судъ.

„Прозвучитъ труба и все, что на небесахъ и на землѣ, изомреть, какъ умираетъ пораженный молniей, кроме тѣхъ, которыхъ оставить живыми захочетъ Богъ; потомъ прозвучитъ она въ другой разъ, и вотъ они возстанутъ, озираясь кругомъ себя. 69. Земля озарится свѣтомъ Господа твоего, положена будетъ книга, приведутся пророки и мученики и разсудятся они праведно, ...“. Глава 39.

7) Невѣрные, не признавши ислама; не могутъ расчитывать на спасеніе.

„Невърныхъ, толпами, погонять къ гесиѣ, и когда они подойдутъ къ ней, отверзутся врата ея“. Глава (39) Толпы. ст. 71.

3) Рай и адъ.

„Вѣрующыхъ и добродѣтельныхъ обрадуй благой вѣстью, что для нихъ будуть сады, по которымъ текутъ рѣки....“. Глава 2. ст. 23.

„Вотъ очеркъ раia, который обѣщаетъ благочестивымъ. Въ немъ рѣки изъ воды, не имѣющей смрада; рѣки изъ молока, которого вкусъ не измѣняется; рѣки изъ вина, пріятнаго для пьющихъ; 17. рѣки изъ меда очищенаго. Тамъ для нихъ плоды всякаго рода и отъ Господа ихъ прощеніе грѣховъ. Есть ли что подобное этому у тѣхъ, которые будутъ въ огнѣ, которыхъ будутъ поить кипящею водой, терзающей ихъ внутренности“. Глава 47.

„—приближенные къ Богу. 12. Они будутъ въ садахъ сладости. .... 15. на украшенныхъ дорогами камнями сѣдища; .... 17. вѣчно юные отроки будутъ носить вокругъ ихъ кубки, кружки, чаши съ напиткомъ, отъ которого они не одурѣютъ, не опьяняютъ; 20. съ плодами. .... 21. съ мясами птицъ, какихъ пожелаютъ. 22. Чернозѣмичныя, велеокія, подобныя хранимымъ жемчужинамъ, 23. будутъ имъ воздаяніемъ за то, что они прежде дѣлали. .... 27. Они будутъ среди лотосовъ, пе.имѣющихъ шиповъ, 28. среди банановъ, на которыхъ висятъ ряды плодовъ; 29. въ тѣни, широко разстилающейся, ... 34. А онѣ.... созданы Нами особымъ созданіемъ: 35. Мы имъ положили быть дѣвами, 36. мужьямъ милыми, по возрасту равными“. Глава 56.

„Они (грѣшники) будутъ среди злойнаго самума и кипящей воды, 42. въ тѣни чернаго дыма“. Гл. 56.

„Жилищемъ ихъ (грѣшниковъ) будетъ геенна. Какъ мучительно это ложе!“ Глава 3. ст. 196.

Кромѣ догматовъ религіи Коранъ выѣщаетъ къ себѣ правила нравственности и религіозныхъ обрядовъ (моленія, омовенія и пр.), перечисленіе разнаго рода обязанностей, лежащихъ на мусульманахъ, а также и главнѣйшія, основанныя государственные законоположенія.

Оттого исламъ настолько же религія, насколько и юридической кодексъ; а въ книгахъ шаріата находятся указанія того, какъ долженъ поступать мусульманинъ въ различнѣихъ случаѣахъ своей и общественной, и даже частной жизни.

Уклоненіе отъ этихъ указаній шаріата есть *кюбръ-певѣrie*, нечестіе, за которое въ будущей жизни предстоитъ, какъ мы видѣли выше, геенна. Вотъ причины, почему жизнь мусульмана во всѣхъ ея даже самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ и проявленіяхъ регулируется многотомнымъ зданіемъ шаріата,

Приведемъ примѣръ. Каждый мало мальски солидный туземецъ не только избѣгаетъ быстрыхъ и угловатыхъ движений, пляски, пѣнія, свистанія и другихъ осуждаемыхъ религіей дѣйствій, но даже и особенно громкаго разговора. Это сдѣлалось чертою хорошаго тона, вошло въ привычку всѣхъ благовоспитанныхъ людей, а въ основаніи такой привычки лежатъ слова Корана: „—походка твоя пусть будетъ скромная. Говори голосомъ тихимъ, потому что самый непріятный изъ голосовъ, есть голосъ ословъ“. (Коранъ. Глава 31. ст. 18).

Спать туземецъ—мусульманинъ ложится лицомъ къ сторонѣ священной мечети (*Кадба*), ибо въ Коранѣ сказано: „Гдѣ бы вы ни были, обращайте лица ваши къ ней. ....“. Глава 2. ст. 145.

Понятно, что въ совершенно такой же зависимости отъ шаріата находятся между прочимъ жизнь и права женщины; а такъ какъ въ основаніи религіи лежитъ Коранъ, то мы находимъ величайшее привести здѣсь большую часть тѣхъ стиховъ, сущность которыхъ касается такъ или иначе женщинъ (¹).

Глава (2) Корова.

Ст. 183. Во время ночи поста разрѣшаются вамъ совокупленіе съ женами вашими: онѣ одѣжда вами, а вы одѣжда имъ.... Отъ зари же и до почи исполняйте посты; не сообщайтесь съ ними, предаваясь благочестивымъ думамъ въ мечетяхъ.

(¹) Приводя въ разныхъ мѣстахъ нашего труда стихи Корана, мы пользуемся русскимъ переводомъ Г. Сабдукова. Изд. 1877 г.

Ст. 220. Не женитесь на многобожицахъ, доколѣ не увѣрють они. Вѣрующая невольница лучше многобожницы, хотя бы эта и правилась вамъ. Не выходите въ замужество за многобожниковъ, доколѣ не увѣрють они: вѣрующей рабѣ лучше многобожника, хотя бы этотъ и правился вамъ.

Ст. 222. Спрашиваютъ тебя о срочномъ кровотечении женъ. Скажи: это у нихъ время недуга; а потому удаляйтесь отъ женъ во время кровотечения, и не сближайтесь съ ними, покуда они не будутъ чисты. И когда они очистятся, входите къ нимъ такъ, какъ повелѣлъ вамъ Богъ.

Ст. 223. Жены ваши иниа для васъ: ходите на иниу вашу, когда ни захотите, но предварительно дѣлайте что либо и въ пользу душъ вашихъ (омовеніе).

Ст. 226. Тѣмъ, которые поклянутся не имѣть болѣе супружескихъ сообщеній со своими женами, выждать четыре мѣсяца. И въ это время, если они обратятся къ ини: то Богъ прощающій милосердъ.

Ст. 227. Но если они неизмѣнно рѣшились развестись съ ини, то Богъ слышацій, знающій.

Ст. 228. Тѣ, съ которыми сдѣланъ разводъ, переждутъ съ собой три срочныхъ кровотечения; иначе не позволяетъ скрывать то, что создалъ Богъ во чревахъ ихъ, если они вѣрюютъ въ Бога и въ послѣдній день. Мужчины въ этомъ случаѣ окажутъ болѣе справедливости, возвративши ихъ къ себѣ, если хотять сдѣлать доброс; а они, подобно тѣмъ, отъ кого они зависятъ, окажутъ справедливость, соглашаясь на благоприятное. Мужчины выше ихъ степенью своего достоинства. Богъ силенъ, мудръ.

Ст. 229. Разводъ—двойкій: или удержать жену при себѣ съ благоприятностью; или отпустить её отъ себя съ благотвореніемъ. Вамъ не дозволяется брать чего либо изъ того, что отдали вы имъ, развѣ только вы оба опасаетесь, что не исполните уставовъ Божіихъ. Если вы опасаетесь, что оба не исполните уставовъ Божіихъ, то на васъ не будетъ грѣха, если она за себя дастъ ему выкупъ. Таковы уставы Божіи, и не парушайте ихъ; тѣ, которые нарушаютъ уставы Божіи,—тѣ злочестивы.

Ст. 230. Если она разведется съ ини, то она послѣ того уже не позволена ему (не можетъ опять вступить съ нимъ въ бракъ) дотолѣ, покуда она не выходитъ за другого какого либо мужа; и когда этотъ другой разведется съ ини, тогда обони имъ не грѣхъ возвратиться другъ къ другу, если они надѣяются исполнить уставы Божіи.

Ст. 231. Когда вы разведетесь съ женами и когда они достигнутъ до опредѣленного для нихъ срока: тогда или удерживайте ихъ благоприятнымъ образомъ, или отпускайте ихъ благоприятнымъ образомъ. Не удерживайте ихъ противъ ихъ воли, поступая съ ними несправедливо.....

Ст. 232. Когда вы разведетесь съ женами и когда они достигнутъ до опредѣленного для нихъ срока: тогда не препятствуйте имъ вступать въ бракъ со своими (новыми) мужьями, послѣ того, какъ они соглашаются между собою благоприятнымъ образомъ.

Ст. 233. Родительницы грудью кормятъ дѣтей своихъ полные два года, если кто захочетъ, чтобы кормленіе грудью было законченное; а на родителѣ ихъ обязанность кормить ихъ, одѣвать ихъ благоприятнымъ образомъ. Каждый обязывается только тому, что удобоисполнимо для него: ни родительница да не подвергнется огорченіямъ изъ-за дитяти своего, ни родитель изъ-за своего дитяти. Подобная этой обязанность и на наследники. Если оба они съ общаго согласія и совѣта захотятъ отнять отъ кормленія грудью матери, на нихъ не будетъ грѣха. И если захотите поручить ваше дитя кормилицѣ, то не будетъ на васъ грѣха, какъ скоро вы будете вѣрно платить то, что хотѣли доставить ей.

Ст. 234. Кто изъ васъ умретъ и оставитъ супругъ: онъ переждуть для себя четыре мѣсяца и десять дней. Когда достигнутъ указанного для нихъ срока, тогда не будетъ на васъ грѣха въ томъ, что поступятъ онъ съ собою добровольно: Богъ вѣдаетъ ваши поступки.

Ст. 235. Не будетъ на васъ грѣха въ томъ, что вы предложите сватовство за этихъ (разведенныхъ) женщины, или скроете это въ душахъ вашихъ: Богъ знаетъ,

что вы помните о нихъ; по не входите въ бесѣды съ ними тайно, развѣ только тогда, когда будете говорить съ ними добрымъ разговоромъ.

Ст. 236. Не рѣшайтесь на брачный союзъ, покуда не пасстанетъ предписаный для него срокъ.....

Ст. 237. Не будеть па васъ грѣха, если разведетесь съ тѣми женами, къ которымъ вы не прикасались, или которымъ вы не давали опредѣленной для приданаго доли. Снабжайте ихъ,—зажиточный по своему достатку, бѣдный по своему достатку—снабжая въ благоприличной мѣрѣ, какъ подобаетъ людямъ благотворительнымъ.

Ст. 238. И если вы разводитесь съ ними прежде, нежели прикасались къ нимъ, и уже тогда какъ падѣли ихъ опредѣленной для приданаго долею: то имъ половина того, что вы дали въ приданое имъ, развѣ только они (мужья) не уступятъ, или не уступитъ тотъ, въ руки которого брачный договоръ. А если вы уступите, это будетъ ближе къ благочестію. Не забывайте добрыхъ отношеній между собою.

Ст. 241. Тѣ изъ васъ, которые умираютъ и оставляютъ послѣ себя супругъ, должны завѣщать для своихъ супругъ падѣль, нужный на одинъ годъ, безъ выхода изъ дома. А если онѣ выдуть, то па васъ нѣть вины въ томъ, что сдѣлаютъ онѣ сами отъ себя, добровольно.

Ст. 282. Вѣрующіе! Когда вы другъ у друга дѣлаете долги па срочное время, то ..... Для засвидѣтельствованія пусть призовутъ двухъ свидѣтелей изъ мужчинъ между вами; а если двухъ мужчинъ не будетъ, то пусть будутъ свидѣтелями мужчина и двѣ женщины, какихъ вы заблагоразсудите, для того, чтобы, когда одна изъ нихъ ошибется, другая которая либо изъ нихъ напомнила.

Глава (4) Жены.

Ст. 1. Читате Бога, которымъ вы управляете другъ друга, также и утробы васъ носившиѧ.

Ст. 2. Отдаваѣте сиротамъ имущество ихъ; не замѣняйте въ немъ добротнаго негоднымъ;.....

Ст. 3. Если боитесь, что не соблюдете справедливости въ отношеніи сиротъ, то женитесь на сиротахъ женскаго пола, какъ скоро онѣ правятся вамъ,—на двухъ, на трехъ, ва четырехъ, а если боитесь, что не можете равно быть правдивыми ко всѣмъ имъ, то—только на одной, или на той, которой завладѣли руки ваши; въ этомъ болѣе удобства не уклониться отъ справедливости. Съ добрымъ расположениемъ души отдавайте женамъ приданое ихъ; и если онѣ захотятъ представить что нибудь изъ того вамъ, пользуйтесь тѣмъ въ удовольствіе, во благо себѣ.

Ст. 5. Испытывайте сиротъ, покуда не наступитъ для нихъ время вступить въ бракъ; и если замѣтите въ нихъ здравый смыслъ, то отдавайте имъ имущество ихъ.

Ст. 8. Мужчинамъ своя доля изъ того, что оставили послѣ себя ихъ родители или близкіе родственники; и женщинамъ своя доля изъ того, что оставили послѣ себя ихъ родители или близкіе родственники.....

Ст. 9. Когда при раздѣлѣ будуть находиться близкіе родственники, сироты, бѣдные, то давайте имъ что нибудь па пропитаніе, и, говоря съ ними, говорите благонравѣтливо.

Ст. 12. Богъ въ отношеніи дѣтей вашихъ заповѣдуетъ вамъ: доля сына равна долѣ двухъ дочерей; если будетъ женъ болѣе двухъ, то имъ третью изъ оставшагося послѣ него имущества; если будетъ одна, то ей половина. И родителямъ его, каждому изъ нихъ, шестая часть изъ оставленнаго имъ имущества, если у него есть дѣти; а если не было у него дѣтей, то наследниками ему будутъ родители его, и въ этомъ случаѣ матери его—треть. Если у него есть братья, то матери его шестая часть изъ того, что останется послѣ выдачи того что въ завѣщаніи онѣ завѣщали, или послѣ уплаты долга.....

Ст. 13. Вамъ половина того, что оставили жены ваши, если нѣть у нихъ дѣтей; а если есть у нихъ дѣти то вамъ четвертая часть изъ того, что оставили онѣ, послѣ выдачи по завѣщанію изъ того, что завѣщали опѣкомъ либо, или послѣ уплаты долга.

- Ст. 14. Так же имъ (женамъ) четвертая часть изъ того, что оставите вы послѣ себя, если нѣтъ у васъ дѣтей; а если есть у васъ дѣти, то имъ осьман часть изъ того, что оставите вы послѣ себя, послѣ выдачи по завѣщанію вашему того, что завѣщаете кому либо, или послѣ уплаты долга.
- Ст. 19. Если которые изъ вашихъ женъ сдѣлаютъ гнусное дѣло (прелюбодѣяніе); то представьте изъ пасъ четырехъ свидѣтелей о нихъ; и если они засвидѣтельствуютъ, то держите ихъ въ домахъ вашихъ дотолѣ, какъ постигнетъ ихъ смерть; или Богъ положить для нихъ какой либо путь.
- Ст. 23. Вѣрующіе! вамъ не позволяютъ брать наследство у женъ противъ ихъ воли, и также препятствовать имъ получать часть, какую вы предоставили имъ, развѣ только онѣ сдѣлаютъ явно какое гнусное дѣло. Обходитесь съ ними благопристойно;.....
- Ст. 24. Если вы захотите замѣнить которую либо супругу другой супругой и первой изъ нихъ дали талантъ; то никакъ не берите его назадъ. Ужели возмете его къ своему посрамленію и дѣлая очевидное беззаконіе?
- Ст. 25. И какъ возмете вы его послѣ того, какъ вы стали въ близкое отношеніе другъ къ другу, и когда онѣ вступили съ вами въ тѣсный союзъ?
- Ст. 26. Не вступайте въ бракъ съ тѣми женщинами, съ которыми вступали въ бракъ отцы ваши; потому что это—гнусное, срамное дѣло; это худой обычай.
- Ст. 27. Вамъ запрещается вступать въ бракъ съ материами вашими, съ дочерьми вашими, съ сестрами вашими; съ тетками съ отцевой стороны, съ тетками съ материной стороны; съ дочерьми брата вашего и съ дочерьми сестры вашей; съ материами вашими, которыхъ вскорили васъ грудью, съ сестрами вашими молочными; съ материами женъ вашихъ; съ падчерицами вашими, живущими въ вашихъ домахъ, отъ вашихъ женъ, съ которыми вы вошли въ супружескія отношенія (но если вы не входили въ такія отношенія, то на васъ не будетъ грѣха жениться на нихъ); съ женами сыновъ вашихъ, которые отъ чресль вашихъ;

- запрещается имѣть женами вмѣстѣ двухъ сестеръ⁽¹⁾;....
- Ст. 28. Запрещается бракъ съ замужними женщинами, за исключениемъ тѣхъ, которыми овладѣла десница ваша.
- Ст. 29. Кто изъ васъ не владѣеть такимъ достаткомъ, чтобы могъ вступить въ бракъ съ воспитываемыми подъ строгой охраной дочерьми вѣрующими, то съ тѣми, которыми завладѣла десница ваша, съ вѣрующими служанками вашими..... вступайте въ бракъ съ ними съ позволенія семейства ихъ и отдавайте имъ вознагражденіе ихъ правдиво, коль скоро онѣ были честными, не распутными, не имѣвшими любовниковъ.
- Ст. 30. Если онѣ, послѣ того какъ жили честно сдѣлаютъ какую гнусность, то онѣ подвергаются половина того наказанія, какому подвергаются воспитываемые подъ строгимъ присмотромъ.....
- Ст. 38. Мужья стоять выше женъ, потому что Богъ далъ первымъ преимущество надъ вторыми и потому, что они изъ своихъ имуществъ дѣлаютъ траты на нихъ. Добрыя изъ нихъ покорны, во время ихъ отсутствія бережливы на то, что бережетъ Богъ; а тѣхъ, которыхъ опасны по своему упрямству, вразумляйте, отлучайте ихъ отъ своего ложа, дѣлайте имъ побои; если онѣ вамъ послушны, то не будьте несправедливы въ обхожденіи съ ними.....
- Ст. 39. Если вы опасаетесь разрыва между обоими, то призовите судью изъ его родственниковъ и судью изъ родственниковъ; если они оба захотятъ помириться, то Богъ устроить между ними согласіе.....
- Ст. 46. ... если вы больны, или въ дорогѣ, или когда кто изъ васъ пришелъ изъ отхожаго мѣста, или когда выкасанылись женъ и не найдете воды, то очищайте себя доброй пылью.....
- Ст. 123. А тѣ, которые дѣлаютъ доброе, мужчины ли, женщины ли будутъ они, были бы только вѣрующими, тѣ войдутъ въ рай и не будутъ обижены и на величипну ямки въ финиковой косточкѣ.

(1) Разновременно же родные сестры могутъ быть женами одного и того же лица.

Ст. 127. Если жена видитъ притѣсненіе себѣ отъ мужа или его отвращеніе отъ нея, то не будетъ на нихъ грѣха помириться между собою искреннимъ миромъ: миръ есть доброе дѣло.

Ст. 128. Вы не можете одинаково быть расположеными къ женамъ своимъ, хотя бы этого и желали вы; потому и не привязывайтесь къ нимъ всею привязанностью.....

Ст. 175. Если умретъ какой мужчина, у которого пять дѣтей, а есть сестра, то ей половина оставшагося имущества. И она получаетъ наследство послѣ нея, если у нея не было дѣтей. Если ихъ двѣ, то имъ обѣими двѣ трети изъ оставшагося имущества.

Глава (5) Трапеза.

Ст. 7. Разрѣшается вамъ бракъ съ воспитанными подъ строгой охраной дочерями вѣрующими, и съ воспитанными подъ строгой охраной дочерями тѣхъ, которымъ прежде васъ дано Писаніе (христіане и евреи), когда дадите имъ вознагражденіе для нихъ и будете строго хранить себя, не распутничая, не держа любовницъ.

Ст. 8. Вѣрующіе! Когда вы хотите совершить молитву, то умывайте свои лица и свои руки до локтей и отрайте ваши головы и ваши ноги до щиколотокъ.

Ст. 42. Вору и воровкѣ отсѣкайте руки въ воздаяніе за то, что сдѣлали они, въ назиданіе отъ Бога.

Глава (23) Вѣрующіе.

Счастливы, спорущіе 2. тѣ, которые благоговѣйны въ молитвѣ, 3. которые воздержны отъ празднословія, 4. которые исполнительны въ очистительной милости, 5. которые осторожны въ отношеніи къ половымъ членамъ своимъ, 6. ограничиваясь своими женами и невольницами, какими закладѣла правая рука ихъ.....

Глава (24) Свѣтъ.

Ст. 2. Любодѣйцу и любодѣя подвергайте тѣлесному наказанію, давая каждому изъ нихъ по сту ударовъ. Со-

жалѣніе о нихъ не должно овладѣвать вами при заповѣданномъ отъ Бога, если вы стали вѣрующими въ Бога и въ послѣдній день. Нѣсколько человѣкъ изъ вѣрующихъ должны присутствовать при наказаніи ихъ.

Ст. 3. Любодѣй будетъ жениться только на любодѣйкѣ, или идолопоклоннице; и любодѣйка будетъ выходить замужъ только за любодѣя, или идолопоклонника. Но вѣрующимъ это запрещается.

Ст. 4. Тѣхъ, которые будутъ клеветать на замужнихъ женщинъ и не представять четырехъ свидѣтелей, наказывайте осмыюдесятю ударами, и никогда не допускайте ихъ къ свидѣтельству, какъ людей негодныхъ.

Ст. 6. Обвиняющій своихъ женъ, не избѣга свидѣтелей кроме себя самого, въ свидѣтельство за себя сдѣлаетъ четыре-кратное увѣреніе Богомъ, что онъ справедливъ.

Ст. 7. и въ пятый разъ — призваніе на себя проклятія Божія, если онъ лжетъ.

Ст. 8. А та освобождается отъ наказанія, если сдѣлаетъ четыре раза призваніе Бога въ свидѣтельство того, что онъ лжетъ

Ст. 9. и въ пятый разъ призоветъ на себя гневъ Божій, если онъ справедливъ.

Ст. 23. Тѣ, которые клевещутъ на честныхъ женъ, равнодушныхъ къ молвѣ, вѣрующихъ, прокляты въ этомъ и въ томъ свѣтѣ;.....

Ст. 30. Скажи вѣрующимъ, чтобы они потупляли свои взоры; хранили бы себя отъ чувственныхъ пожеланій....

Ст. 31. Скажи также и вѣрующимъ женщинамъ, чтобы они потупляли свои взоры; хранили бы себя отъ половыхъ пожеланій; показывали только тѣ изъ своихъ парядовъ, которые паружу; накладывали бы себѣ на грудь покрывала; показывали бы свои паряды только своимъ мужьямъ, своимъ отцамъ, отцамъ своимъ мужей, своимъ сыновьямъ, сыновьямъ своимъ мужей, своимъ братьямъ, сыновьямъ своихъ братьевъ, сыновьямъ своихъ сестеръ, своимъ женщинымъ, невольницамъ, служанкамъ, такимъ, которые не имѣютъ половыхъ побужденій, дѣткамъ, которые не распознаютъ еще женской наготы; погами своими пестунами бы онъ такъ, чтобы выставлялись закрытые паряды ихъ.

Ст. 32. Позволяйте вступать в бракъ безбрачнымъ между вами, добрымъ слугамъ и служанкамъ вашимъ.....

Ст. 33. А тѣ, которые не вступили в бракъ, должны жить воздержно, покуда Богъ не обогатитъ ихъ отъ щедротъ своихъ..... Для пріобрѣтенія выгодъ въ здѣшнемъ мірѣ не принуждайте своихъ невольницъ къ распутству, тогда какъ онѣ хотятъ жить честно;.....

Ст. 59. Постороннимъ женщинамъ, такимъ, которая не надѣется вступить въ бракъ, не ставится въ вину спипать съ себя одежду, если онѣ не думаютъ при этомъ хваляться своими нарядами.

Глава (33) Соумышленники.

Ст. 4. Онъ положилъ, чтобы ваши супруги, съ которыми разводитесь, назвавши ихъ хребтомъ матери, были вамъ матерями..... (¹).

Ст. 33. Постоянно будьте въ своихъ домахъ; не хвастайтесь передъ другими своими нарядами,..... Совершайте молитву, давайте очистительную съ имущества милостыни;.....

Ст. 48. Вѣрующіе! Когда вы жепитесь на вѣрующихъ женахъ, и потомъ разводитесь съ ними прежде прикосновенія къ нимъ, тогда вамъ не слѣдуетъ обязывать ихъ къ сроку, какой считаете вы, а давайте имъ дары и отпускайте отъ себя благоприличнымъ отпускомъ.

Ст. 49. Пророкъ! Мы разрѣшили тебѣ братъ въ супруги тѣхъ, которымъ дашь ты брачные дары: невольницъ, какими владѣеть рука твоя изъ той добычи, какую доставилъ тебѣ Богъ; дочерей дядей твоихъ и дочерей тѣтоекъ твоихъ по отцу; дочерей дядей твоихъ и дочерей тѣтоекъ твоихъ по матери;....

Ст. 55. На нихъ (женщинахъ) иѣтъ грѣха открываться при отцахъ своихъ и сыновьяхъ своихъ, при братьяхъ

(¹) Жену, даже и въ шутку нельзя называть матерью, сестрой; также мужъ не можетъ быть учителемъ своей жены. Нарушеніе этого правила—одинъ изъ поводовъ къ разводу.

своихъ и сыновьяхъ братьевъ своихъ и при сыновьяхъ сестеръ своихъ, при женахъ ихъ и при своихъ невольникахъ.

Ст. 59. Пророкъ! скажи супругамъ твоимъ, дочерямъ твоимъ, женамъ вѣрующихъ: плотиѣ опускали бы онѣ на себя покрывала свои: при такомъ опусканіи онѣ не будутъ узнаваемы, и потому не будутъ оскорбляемы.

Ст. 73. Богъ накажетъ лицемѣровъ и лицемѣрокъ, многобожниковъ и многобожницъ;.....

Глава (46) Ажнафъ.

Ст. 14. Человѣку мы заповѣдали дѣлать добро своимъ родителямъ. Мать его носить его во чревѣ съ трудомъ и рождаетъ его съ трудомъ: ношеніе его во чревѣ и кормленіе его грудью — тридцать мѣсяцевъ.

Глава (49) Внутреннія комнаты.

Ст. 4. Изъ тѣхъ, которые громко вызываютъ тебя изъ внутреннихъ комнатъ, очень многіе неблагоразсудительны.

Ст. 5. Но если бы они ждали, когда ты выйдешь къ нимъ, то это было бы для нихъ лучше.....

Глава (52) Гора.

Ст. 21. Вѣрующимъ и потомкамъ ихъ, послѣдовавшимъ имъ въ вѣрѣ, мы дадимъ видѣться съ потомствомъ ихъ.

Глава (60) Испытываемая.

Ст. 11. Если который изъ вашихъ женъ убѣгутъ отъ васъ къ невѣрнымъ, то можете взять ихъ назадъ, какъ добычу; а за тѣхъ изъ женъ ихъ, которая убѣгутъ отъ нихъ къ вамъ, отдавайте ровное тому, что употребили они на содержаніе ихъ....

Глава (65) Разводъ супруговъ.

Ст. 1. Пророкъ! Когда разводитесь вы съ женами, то разводитесь съ ними въ отчисленный для нихъ срокъ, и

- вѣрно считайте этотъ срѣбъ.... Не высылайте ихъ изъ домовъ ихъ; онъ тогда только пусть выйдутъ, когда сдѣлаютъ явное безпутство.
- Ст. 2. Когда онъ достигнутъ срочнаго времени, тогда вы или благопристойно удержите ихъ, или благопристойно разлучитесь съ ними; изберите въ свидѣтели людей правдивыхъ между вами,.....
- Ст. 4. Тѣмъ изъ вашихъ женъ, которая, хотя сами не ждутъ очищений, но для васъ еще сомнительны, тѣмъ срокъ три мѣсяца, какъ и тѣмъ, у которыхъ еще не было очищений. А беременнымъ срокъ, когда онъ разрѣшается отъ своего бремени.
- Ст. 6. Давайте имъ жительство тамъ, гдѣ сами живете, по своимъ достаткамъ; не огорчайте ихъ, давая имъ тѣсное помѣщеніе. Если онъ беременны, доставляйте имъ содержаніе, покуда онъ не разрѣшается отъ бремени своего. И если вы возмете ихъ въ кормилицы вашимъ дѣтямъ; то давайте имъ плату; совѣтуясь съ ними, дѣлайте, что почетнее лучшимъ.
- Ст. 7. Достаточный пусть дѣлаетъ издергки по своему достатку; и тотъ, у кого жизненные потребности скучны, пусть дѣлаетъ издергки изъ того, что доставилъ ему Богъ.

Главнымъ хранителемъ религіи въ средѣ населенія является, конечно, духовенство. У мусульманъ оно не рукоположеніе. Духовныя должности во время хановъ, также какъ и теперь, замѣщались или по назначению отъ правительства, или по выбору гражданъ, т. е. также, какъ и должности административныя, безъ всякаго рукоположенія, или посвященія со стороны высшихъ духовныхъ лицъ.

Каждый грамотный, умѣющій читать и писать, посить званіе *муллѣ*, что по арабски значитъ — учитель. Умѣющіе читать только называются у туземцевъ *чалѣ-муллѣ* (пеполный, иссовершенный муллѣ), передко употребляются такія выражения, какъ: очень муллѣ; не очень муллѣ; большой муллѣ; плохой муллѣ и пр.

Лица, изучавшиѣ, кромѣ чтенія и письма, еще и главнейшія изъ тѣхъ книгъ, въ которыхъ изложено толкованіе

догматовъ и обрядовъ религіи, а равно и права, носятъ общее название *улемѣ* — ученый, богословъ.

Такимъ образомъ принадлежность къ сословію духовенства, будучи правомъ личнымъ, не переходящимъ наследственно, обусловливается главнымъ образомъ знакомствомъ съ мусульманской наукой, т. е. въ сущности съ мусульманскимъ богословіемъ (и правомъ), а относительное положеніе въ средѣ *муллѣ* и *улемѣ* зависить прежде всего отъ обширности обладаемыхъ даннымъ лицомъ знаний.

Въ общемъ все, официально существующее, туземное, мусульманское духовенство, принимающее непосредственное участіе въ общественной жизни населенія, можно подраздѣлить на четыре главнѣйшихъ разряда:

- 1) Причть мечетей.
- 2) Судебный институтъ.
- 3) Учителя визшей школы.
- 4) Преподаватели права и богословія.

Причть каждой отдельной мечети состоитъ изъ двухъ лицъ: *имама* и *азанчи* (послѣдній называется также *муэзиномъ* или *сүфій*).

Оба избираются или, вѣроѣ, назначаются гражданами данного прихода. Прежде *имамы* главнѣйшихъ и наиболѣе богатыхъ мечетей назначались ханами. На обязанности *имама* лежитъ присутствовать ежедневно при всѣхъ пяти *намазахъ* и читать тѣ молитвы, которые положено читать ему вслухъ по уставамъ религіи.

Азанчи за нѣсколько минутъ до намаза кричитъ *азанъ*, призывающій на молитву и наблюдаетъ за чистотой въ мечети.

Въ кишлакахъ, какъ *имаму*, такъ и *азанчи*, уплата производится хлѣбомъ. Обыкновенно обонь *шишакъ* (около 52 ф.) пшеницы въ годъ съ каждого дома. На долю *имама* $\frac{1}{4}$ всего собраннаго хлѣба; остальное получаетъ *азанчи*. Состоятельный домохозяева платятъ нѣсколько больше установленной нормы. (Въ среднемъ приходѣ около 25 домовъ).

Годовой доходъ *имама* въ кишлакѣ на деньги колеблется отъ 16 до 30 р. Въ эти цифры не входятъ, впрочемъ, частные доходы по случаю свадебъ, похоронъ, отчитыванія больныхъ и пр.

Въ городахъ уплата производится деньгами отъ 20 к. до 2 р. съ дома, смотря по состоятельности. *Азанчи* полу-

чаетъ $\frac{1}{4}$, или $\frac{1}{5}$, всего сбора и кромѣ того обыкновенно ему же отдаются прихожанами шкуры тѣхъ жертвенныхъ козловъ и барановъ, которые рѣжутся ими на праздникъ Курбанъ. Такихъ шкуръ онъ набираетъ, въ среднемъ, на одну *тилакъ* (3 р. 80 к.) въ годъ. (Относительно шкуръ тотъ же обычай и въ кишлакахъ). Причинами смыщенія *имама*, или *азанчи*, считаются обыкновенно нерадѣніе, какой либо компрометирующей ихъ, какъ духовныхъ лицъ, поступокъ и пр.

Смыщеніе и замѣна новымъ лицомъ производятся съ общаго соглашенія или всего квартала (онъ же и приходъ), или только нѣсколькихъ, наиболѣе уважаемыхъ, или почему либо влиятельныхъ, стариковъ.

Туземное судебное учрежденіе, разбирающее дѣла по *шаріату*, состоитъ изъ трехъ лицъ: *казы*, *аглама* и *мубти*.

Казы является собою инстанцію рѣшающую. Приложениемъ его печати свидѣтельствуются и закрѣпляются документы и постановленія суда.

Агламъ играетъ роль помощника и совѣтчика *казы*; иногда замѣщаетъ послѣдняго во время его болѣзни, отсутствія и пр.

Мубти докладываетъ *казы* дѣла и подыскиваетъ въ шаріатъ тѣ статьи, которыми слѣдуетъ руководиться въ данномъ случаѣ. (Такая статья закона называется *фетва* или *натва*).

Прежде всѣ эти должности замѣщались по назначенію отъ правительства; теперь онъ выборный. Число *казы* въ городахъ различно, смотря по величинѣ города; въ Наманганѣ напр. ихъ два. Внѣ городовъ—по одному на волость.

Въ настоящее время суду казіевъ подсудны дѣла бракоразводные, а также всѣ вообще гражданскіе иски не свыше 100 р. сер., одного только осѣдлаго туземного населенія. (иски свыше 100 р., а также дѣла по аппеляціоннымъ жалобамъ на рѣшеніе казіевъ, вѣдаются уѣздными съѣздами послѣднихъ).

Казіямъ, мубти и агламамъ отъ правительства никакого содержанія не полагается; вознагражденіе они получаютъ отъ истцевъ и отвѣтчиковъ или по таксѣ, утвержденной русской администрацией, или же по взаимному соглашенію.

При каждой мечети имѣется приходская школа — *мактабъ*, гдѣ мальчики даннаго прихода, или квартала, обучаются чтенію и письму. Зданіе школы имѣеть видъ комнаты, въ которой можетъ помѣститься отъ 10 до 30 дѣтей, сидящихъ близко другъ къ другу, поджавъ подъ себя ноги, и строится въ большинствѣ случаевъ тѣмъ же лицомъ, которое строило и самую мечеть. (Рѣже обѣ постройки сооружаются на общественный счетъ). Иногда школа помѣщается или въ частномъ домѣ, или въ самой мечети.

Учреждается школа, т. е. приглашается учитель, по соглашенію или нѣсколькихъ, наиболѣе влиятельныхъ, лицъ, или цѣлаго прихода.

Учителемъ приглашается или *имамъ*, или *азанчи* той мечети, при которой школа находится, а въ случаѣ ихъ отказа, неспособности, или др. причинъ, постороннее лицо.

Учитель по большей части одинъ. При большомъ числѣ учащихся онъ выбираетъ себѣ помощниковъ изъ лучшихъ, наиболѣе знающихъ, старшихъ учениковъ, приблизительно по одному на десять.

Въ кишлакахъ, отдѣленныхъ отъ города, гдѣ грамотныхъ людей сравнительно мало, трудъ такого учителя — *дамулла* оплачивается довольно сносно и всегда почти хлѣбомъ. Онъ получаетъ условленной платы не менѣе пуда пшеницы въ годъ за каждого учащагося и кромѣ того время отъ времени мелкие подарки деньгами и продуктами.

(Учительница—*атунъ*, обучающая дѣвочекъ на дому, въ этихъ же кишлакахъ, получаетъ тоже пшеницей, но вдвое менѣе).

Въ городахъ *дамулла* условленной платы по большей части не получаетъ. По четвергамъ каждый ученикъ приносить ему такъ назыв. *пейшамбеликъ* (*пейшамбэ*—четвергъ) — деньги, хлѣбъ, рисъ, — размѣры котораго всегда зависятъ отъ благосостоянія той семьи, къ которой принадлежитъ учащійся. Кроме того, при оконченіи каждого особаго отдѣла выучки, *дамулла* получаетъ отъ родителей не большіе подарки, а ежегодно, передъ наступленіемъ праздника *Рамазанъ*, школьники ходятъ вечеромъ по своему приходу славить и все собранное отдаютъ своему учителю. Этотъ обычай ведется теперь главнымъ образомъ въ кишлакахъ и носить название *рамазанлыка*. *Дамулла* составляетъ стихи ра-

мазанлыка; ученики заучиваютъ ихъ и декламируютъ на распѣвъ. (Въ иѣкоторыхъ мѣстностяхъ рамазанлыкъ декламируется только своимъ родителямъ. Тотъ же обычай и у дѣвочекъ). Вотъ образчикъ рамазанлыка:

„Прошелъ мѣсяцъ Рамазанъ;
„Пришелъ праздникъ Рамазанъ;
„Дайте мнѣ праздничный подарокъ,
„Я отдаю его своему учителю,
„А Богъ вознаградитъ
„За мое ученье въ день суда“.

Прежде велся обычай такого же паурузлыка (паурузъ—новый годъ) весной, при появленіи новой земли. Теперь этотъ обычай почти оставленъ.

Число учащихся въ одной школѣ колеблется отъ 5 до 30, рѣже до 40 мальчиковъ, а возрастъ поступленія въ школу, въ среднемъ, можетъ быть принять около 8 лѣтъ.

Обученіе не обязательное. Всѣ ученики пизшей школы приходящіе.

Отецъ, или другой старшій родственникъ, приводить мальчика въ школу къ учителю, при чемъ послѣднему приносится блюдо таду, или другое какое либо угоженіе и произносится рѣчь такого приблизительно содержанія: „господинъ! мы поручаемъ нашего ребенка вамъ. Учите его, бейте. Если даже и убьете—мы не будемъ имѣть на васъ претензій. Мясо ваше, кости—наши“.

Впослѣдствіи большинство учителей пользуется даныимъ родителями правомъ самыи широкимъ образомъ. Намъ приходилось видѣть мальчиковъ (да и дѣвочекъ тоже), бѣжавшихъ отъ ученія потому только, что они не могли вынести чрезвычайной методичности битья, въ особенности же по головѣ. Есть учителя, гуманное обращеніе которыхъ съ дѣтьми не оставляетъ желать ничего лучшаго, но въ общемъ битье распространено очень сильно. У многихъ существуетъ даже увѣренность въ томъ, что безъ этой мѣры никакого пути не будетъ и не можетъ быть, т. с. въ сущности тоже, что царило и у насъ самихъ сравнительно еще очень недавно. Разъ намъ пришлось учить взрослого уже сарта арифметикъ. Малый оказался очень толковый; дѣло шло успешно, но,

и смотря на это, взрослый ученикъ совершенно серьезно просилъ одного изъ пасъ поколачивать его время отъ времени, уверяя, что тогда ученье пойдетъ много ходче.

И такъ парнишку привели въ школу. Первый урокъ начинается тѣмъ, что учитель береть его за руку и заставляетъ повторять за собой слова первой сурѣ Корана. Затѣмъ переходятъ къ азбукѣ. Вместо азбукѣ—книжекъ, по крайней мѣрѣ на первое время, употребляются или небольшія деревянныя досечки съ ручками, или же пластиинки бѣлой жести, на которыхъ учитель пишеть первомъ чисть алфавита.

Заучиваніе буквъ и зуbrane слоговъ продолжается, въ среднемъ, отъ 3 до 6 мѣсяцевъ.

Первая книга, которую даютъ въ руки ученику—Коранъ на арабскомъ языке, котораго учитель по большей части и самъ то или со всѣмъ не знаетъ, или знаетъ очень плохо,

Обязательно для каждого учащагося Коранъ прочитывается, а la Гоголевской Петрушкой, отъ корки до корки, на что уходитъ еще иѣсколько мѣсяцевъ. Далѣе всегда слѣдуетъ членіе (и опять та же механическое) ~~и тутъ~~ читать табѣ, содержащей въ себѣ изложеніе правилъ омовенія, молитвъ, поста и пр., написанной на персидскомъ языке, котораго ученики—узбеки тоже не понимаютъ. (Въ арабскомъ, персидскомъ и тюркскомъ языкахъ алфавитъ одинъ—арабскій).

Въ день разбирается по иѣсколько строкъ, при чемъ *дамуллѣ* учить только правильности произношенія. Когда ученикъ привыкнетъ достаточно бѣгло читать чарз-китабѣ, не понимая конечно содержанія, то говорятъ: „сабатъ-чиктѣ“—утвердился, и переходятъ или къ письму, или къ механическому чтенію другихъ книгъ, какъ напр. Ходжѣ-Хафизъ (одинъ изъ персидскихъ поэтовъ).

Обученіе въ школѣ продолжается отъ 2-хъ до 5 лѣтъ. Занятія—ежедневно, за исключеніемъ пятницъ и праздниковъ.

Ученики собираются рано утромъ, вскорѣ послѣ восхода солнца; за часъ, или за два, до полудня расходятся по домамъ завтракать; въ полдень собираются снова и сидятъ еще часъ, или два, а то и до вечера. Иногда, по соглашенію съ родителями, лѣтомъ мѣсяца на два каникулы.

Въ школѣ учатся, по большей части, по два за одной книгой или досчечкой. На главномъ мѣстѣ комнаты (у стѣны, противуположной входной двери) сидятъ читающіе *чаръ-китабъ*, *Ходжѣ-хатізъ* и др. книги; ближе къ дверямъ съ кораномъ и паконецъ у самыхъ дверей съ досчечками.

Вся эта компания ореть во весь голосъ то, что каждому задано вырубить учителемъ.

Иногда самъ, послѣдній, во время такого урока отсутствуетъ. Показавъ каждому, какъ читаются заданные строки *чаръ-китабъ*, или корана, или буквы и слоги, и надравъ уши наименѣе понятливымъ, *дамуллѣ* уходитъ по своимъ дѣламъ, не имѣющимъ ничего общаго съ его профессіей учителя.

Большинство кончившихъ обученіе въ приходской школѣ обращаются въ обычнымъ занятіямъ туземнаго населенія, не исключая и земледѣлія; некоторые, выучившіеся порядочно писать, дѣлаются переписчиками книгъ и зарабатываютъ въ день приблизительно отъ 10 до 40 к. (¹), или поступаютъ въ писцы, *мирза*, такихъ учрежденій, гдѣ не требуется знанія ариѳметики, которая въ начальной школѣ не преподается.

Кончившій полный курсъ въ *мактѣбѣ имама* мечети можетъ сдѣлаться тогда только, если (при условіи достижения зрѣлаго возраста) изучить и представить доказательство своего знанія: двухъ первыхъ главъ книги *Мухтасаръ-уль-сикайѣ* (на арабскомъ языке) о правилахъ омовеній и молитвы, а также нѣсколькихъ опредѣленныхъ *сурѣ* Корана наизусть.

Меньшинство, желающее продолжать свое образованіе, по выходѣ изъ *мактѣба*, поступаетъ въ медресѣ, высшую туземную школу, въ которой обучается арабскому языку, богословію и праву, проходя все это по книгамъ, написаннымъ исключительно на арабскомъ языке..

Ильмъ—и—фераїзъ, заключающій въ себѣ, какъ наследственное право, такъ равно и краткій курсъ математики (первая четыре правила ариѳметики и самое неудовлетворительное изложеніе способовъ измѣренія площадей простѣй-

(¹) 60 к. зарабатываетъ только тозъ, у кого почеркъ особенно четкий и красный.

шихъ геометрическихъ фигуръ, необходимаго при измѣреніи земли), изучается особо, желающими только и сравнительно рѣдко, не смотря на то, что Пророкъ сказалъ: „изучайте *фераїзъ*, въ немъ половина человѣческихъ знаній“.

Медресѣ имѣются, какъ во всѣхъ городахъ, такъ равно и въ большинствѣ тѣхъ большихъ, базарныхъ кишлаковъ, гдѣ въ прежнєе время жили Ханскіе беки, какъ напр. въ Яны-Курганѣ, наманганскаго уѣзда, въ Тюря-Курганѣ и Касанѣ-Чустскаго и др.

Въ кишлакахъ обыкновенно не болѣе одного медресе, а число учениковъ отъ 5 до 15.

Въ городахъ медресе двухъ различныхъ родовъ:

1) *малыя*, при нѣкоторыхъ изъ приходскихъ мечетей, на 5—10 человѣкъ учащихся и

2) *большія*, самостоятельный медресе, имѣющія свои собственныя (помѣщающіяся въ зданіи медресе) мечети, своихъ имамовъ, свои *вакѣбы* (¹) и учениковъ отъ 15 до 100 (рѣже, какъ напр. въ большомъ медресе г. Кокана, число учениковъ доходитъ до 200).

Число учителей—*мударрѣсовъ*, завися отъ общихъ размѣровъ медресе и числа учащихся, колеблется отъ одного до десяти, рѣдко 12-ти.

Число большихъ медресе въ разныхъ городахъ различно.

Въ Наманганѣ, напр. ихъ четыре; въ Коканѣ четырнадцать.

Сооруженіе медресѣ и снабженіе его жизненными средствами считается богоугоднымъ дѣломъ; потому всѣ, существующія пынѣ, построены на частные средства хановъ, хабімовъ, а также и состоятельныхъ частныхъ лицъ.

Лицо, строящее медресе, дарствуетъ обыкновенно еще и нѣкоторое количество земли, доходами съ которой пользуются, какъ учителя—*мударрѣсы*, такъ равно и ученики—*муллы* (или *шакирды*).

Иногда кромѣ земли завѣщается небольшой, въ нѣсколько сотъ рублей, капиталъ и незначительная библиотека, составленная изъ тѣхъ книгъ, которыхъ обыкновенно проходятся въ туземныхъ медресѣ.

(¹) Имущество (земли по большей части), доходами съ которыхъ пользуется данное учрежденіе.

Случается, что впослѣдствіи *вакфъ*, обладаемый учрежденіемъ, увеличивается пожертвованіями и другихъ, постороннихъ лицъ.

Прежде ханы ве рѣдко отказывались въ пользу того или другого медресе отъ податей, сходящихъ съ какого либо кишлака, почему доходы нѣкоторыхъ медресе простирались иногда до весьма значительныхъ размѣровъ.

Основатель медресе составляетъ обыкновенно документъ — *шэртъ-наама*, въ которомъ значится: когда и кѣмъ построено медресе; сколько и гдѣ завѣщано ему земли; какъ должны дѣлиться ежегодные доходы съ нея между *мутевалий*, завѣдующимъ хозяйствомъ учрежденія, *мударрисами* и тремя разрядами учениковъ.

Иногда въ такой *шэртъ-наама* упоминается также и о томъ, какія книги должны проходиться учениками каждого изъ трехъ разрядовъ, кто имѣеть право быть *мутевалиемъ*, *и.намомъ* находящейся при медресе мечети и проч.

Мутевалий получаетъ $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{10}$ годового дохода съ *вакфа*.

Получка *мударрисовъ* и учениковъ различны, смотря по количеству земли, принадлежащей учрежденію.

Въ среднемъ *мударрисъ* получаетъ изъ *вакфа* отъ 30 до 100, рѣдко до 200, р. сер. въ годъ. (Кромѣ того наиболѣе состоятельные ученики и ихъ родители дѣлаютъ подарки цѣнностью отъ 3 р. до 40 р. по окончаніи изученія каждой отдельной книги.)

Ученикъ высшаго разряда ежегодно получаетъ отъ 15 до 35 руб., средняго — отъ 10 до 20 р. и низшаго — отъ 4 до 12 р. (Цифры эти относятся къ тѣмъ медресе, *вакфы* которыхъ, по размѣрамъ своимъ, могутъ быть приняты за средніе. Наиболѣе богатыми считаются медресе г. Маргелана).

Большія медресѣ строятся всегда изъ жженаго кирпича; крыши, какъ и у всѣхъ почти туземныхъ зданій, плоскія, крытыя землей. Само медресѣ имѣеть видъ двора, окруженнаго со всѣхъ сторонъ высокой, отъ двухъ до четырехъ саж., стѣной, ко внутренней сторонѣ которой пристраиваются *худжрѣ*, кельи для учениковъ и *мударрисовъ*, каждая на 1—4 человѣка, *дарсъ-хана* — вѣдь что вродѣ аудиторій, большие отдельныхъ *худжрѣ*, одинъ или два на вѣса и паконецъ мечеть *ханака*.

Въ большихъ медресе *Худжрѣ* расположены въ два этажа. Число послѣднихъ въ одномъ медресѣ колеблется отъ 20 до 70.

Большая часть времени, какъ учениками, такъ и учителями, проводится въ самомъ медресѣ, въ *дарсъ-ханѣ*, или въ *худжрѣхъ*. На ночь, да и то не каждый день (обыкновенно по четвергамъ и базарнымъ днямъ только), по домамъ расходятся большою частью одни лишь женатые.

Занятія продолжаются обыкновенно круглый годъ, но не ежедневно. Дни недѣли подраздѣляются въ этомъ отношеніи на: *тахсіль* (суббота, воскресенье, понедѣльникъ и вторникъ) — дни занятій и *таатіль* (среда, четвергъ, пятница) — свободные дни, предназначающіеся также и для повторенія проіденного.

Ученики дѣлятся на три разряда:

- 1) *аднѣ* (низшій),
- 2) *аусамъ* (средній) и
- 3) *алѣ* (высшій)

Аднѣ проходятъ обыкновенно книги: *Капілъ*, *Шархъ* — *мулла*, *Шамсій* и *Мухтасіръ-у-з-викайзъ*, оставаясь въ этомъ разрядѣ около 3 лѣтъ.

Аусамъ изучаютъ *Ақайдъ* и *Таузій* около 3—4 лѣтъ. Алѣ изучаютъ: *Мулла* — *Джаліль*, *Мушкатъ* — *Шеріфъ*, *Хидай* — *шеріфъ* и пр., оставаясь при медресе различное число лѣтъ, иногда до получения мѣста *мударриса*, *мубтий* или *агамы*, а иногда, что совсѣмъ не рѣдкость, до конца своей жизни, посвящая всю послѣднюю на изученіе богословія, которое вмѣстѣ съ мусульманскимъ правомъ и философіей является собою содержаніе всѣхъ перечисленныхъ выше книгъ.

Однажды намъ пришлось спросить пожилаго уже сарта — *мирзѣу*, сколько времени онъ учился въ медресе.

Мирза отвѣчалъ, что пробыть онъ очень недолго, всего 7 лѣтъ; богословскихъ книгъ не изучалъ, а выучился писать и заучилъ написать 22 *сипары* Корана. (Кромѣ дѣленія на главы — *сурѣ*, Коранъ подраздѣляется еще на 30 *сипары*).

Въ большихъ медресѣ, имѣющихъ нѣсколькихъ *мударрисовъ*, ученики одного и того же курса или, вѣрѣмъ, изучающіе одну и ту же книгу, собираются у своего учителя. Одинъ изъ учениковъ читаетъ; другие слѣдятъ за пимъ по

своимъ книгамъ; *мударри́съ*, поправляя произношениe, дѣлаетъ нужныя разъясненія и толкованія прочитаннаго.

Не рѣдко на такія лекціи извѣстныхъ *мударри́совъ* приходятъ ученики другихъ медресѣ, или даже посторонніе, вольные слушатели; точно также есть *мударри́сы*, не принадлежащіе ни къ какому медресѣ и дающіе уроки частнымъ образомъ, на разныхъ условіяхъ, какъ въ медресѣ, такъ и на домахъ. (Къ числу такихъ условій принадлежитъ, между прочимъ, плата за выучку той-или другой книги.)

Такъ какъ принадлежность ученика въ тому или другому разряду связана съ получениемъ большей или меньшей части годового дохода медресѣ, то и переходъ изъ разряда въ разрядъ, конечно, не можетъ быть самопроизвольнымъ.

Каждый, надѣюющійся на достаточность своихъ знаній и подготовки, самъ заявляетъ *мударри́су* о желаніи перейти въ слѣдующій разрядъ и держитъ у послѣдняго экзаменъ.

Переводъ изъ разряда въ разрядъ слабыхъ учениковъ случается очень рѣдко, ибо товарищи доймутъ такого са-мыми злыми и постоянными насмѣшками надъ ничтожностью его знаній.

Въ старину *мударри́сы* приглашались самими учениками; впослѣдствіи ихъ стали назначать ханы; теперь это дѣло въ томъ переходномъ положеніи, при которомъ имѣютъ мѣсто и избраніе, и протекція наиболѣе вліятельныхъ, какъ улѣмъ, такъ равно и административныхъ лицъ тузем-наго происхожденія, и пр.

Что касается до поступленія въ большія, обладающія вѣкфами, медресѣ учениковъ (обыкновенно не ранѣе 14—15 лѣтняго возраста), то оно весьма своеобразно. Право такого поступленія по большей части покупается на деньги. Во всѣхъ почти большихъ медресѣ кельи продажны—*са-шикънъ*. Дѣло въ томъ, что вслѣдъ за постройкой медресѣ кельи—*худжрѣ* продаются желающимъ обыкновенно очень недорого, отъ 3 до 8 р. (Деньги, вырученныя отъ этой про-дажи, поступаютъ въ распоряженіе мутевали и расходуются имъ на ремонтъ медресѣ и др. надобности.)

Лицо, купившее *худжру*, получаетъ на вѣчныя времена право жить въ ней, слушать уроки у *мударри́совъ*, пользоваться книгами, завѣщанными медресѣ, если такія имѣются, и получать, согласно завѣщанію, прописанному въ *шэртѣ*—

намѣ, часть дохода съ вѣкфа, смотря потому, къ какому разряду онъ (ученикъ) будетъ принадлежать.

Оставляя медресѣ, владѣтель *худжры* перепродаетъ свое право одному или иѣсколькимъ желающимъ.

Часто обладатель *худжры* продаеть право сожитель-ствовать съ пимъ въ его кельѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полу-чать часть дохода приходящуюся на данную *худжру*.

Въ тѣхъ медресѣ, гдѣ *худжры* не продажны, посту-пленіе разрѣшается обыкновенно *мударри́сами*.

Общаго стола нѣть. Пища покупается или пригото-вляется отдельно въ каждой кельѣ. Часто даже въ одной и той же кельѣ живущіе въ ней 2—3 человѣка не образуютъ между собою артели.

Въ общемъ питаніе очень плохое и скѣдное. Чай, хлѣбъ, сушеные и сырье фрукты и очень рѣдко *палду* или другое питательное кушанье. Послѣднее зачастую готовится туть-же, въ *худжрѣ*, въ крошечномъ, чуть не игрушечномъ ко-телкѣ — разъ въ недѣлю.

По уточненной вѣжливости переходящей въ работѣ, по привычкѣ опускать глаза долу, говорить тихо и быть мало; по особой, если можно такъ выразится нищенской опрятности, по привычкѣ вставлять въ рѣчь массу араб-скихъ и персидскихъ словъ, по иѣсколько испитому цвѣту лица и неестественной для данной расы бѣлизнѣ рукъ всег-да легко узнать человѣка, долго просидѣвшаго въ медресѣ и не имѣвшаго въ теченіи этого времени своихъ личныхъ средствъ жизни, достаточныхъ для сноснаго существованія.

Заговоривъ о туземномъ, мусульманскомъ духовенствѣ и сказавъ все то, что позволяютъ общіе размѣры этого тру-да, о прічѣ мечетей, судьяхъ, учителяхъ низшей туземной школы, нельзя пройти полнымъ молчаниемъ *ишановъ*, *кары* и *дуд-хановъ*.

Въ древности или, вѣрнѣе, въ старину подъ именемъ *ишановъ* или *пироевъ* разумѣлись люди, отличавшіеся строгимъ, аскетическимъ образомъ жизни и строгими правилами нрав-ственности. Не ограничиваясь обязательными для каждого мусульманна пятью ежедневными *намазами* и мѣсяцемъ по-ста, такого рода подвижники возлагали на себя доброволь-ные посты, обязательство чтенія въ теченіи дня части Корана, многократное произнесеніе какой либо молитвы или про-

изнесение эпитетовъ имени Божія и др. подобнаго же рода эпитетіи.

Съ пріобрѣтеніемъ въ народѣ извѣстности *ишаны* пріобрѣтали и послѣдователей — *мюридовъ*.

Образовалось иѣчто вродѣ монгольскихъ орденовъ, члены которыхъ однако же не оставляли по большей части ни своихъ обычныхъ частныхъ запятій, ни семействъ и пр., и собирались только для совершения общественныхъ моленій и бесѣдъ со своими наставниками.

Въ настоящее время изъ числа такихъ прежнихъ *ишановъ*, почитаемыхъ за святыхъ, туземцы съ наибольшимъ уваженіемъ относятся къ памяти старинныхъ бухарскихъ *ишановъ*: *Хазрѣтъ-и-Ширъ-Кулъль*, *Хазрѣтъ-и-Баба-и-Агалъкъ*, *Хазрѣтъ-и-Шахъ-и-Джаанъ*, *Хазрѣтъ-и-Натъ-Абадъ* и *Хазрѣтъ-и-Диванъ-и-Багаведдінъ*. (*Хазрѣтъ* — святой) Поступление въ мюриды того или другого *ишана* сопровождалось, также какъ и теперь, слѣдующимъ обрядомъ. Ишанъ беретъ нового мюрида за правую руку и спрашиваетъ его: раскаивается ли онъ въ совершенныхъ имъ грѣхахъ? будетъ ли воздерживаться отъ нихъ на будущее время? Будетъ ли руководствоваться въ дальнѣйшей своей жизни правилами, установленными религіей? и пр.

Слѣдуютъ, конечно, утвердительные отвѣты. *Ишанъ* читаетъ молитву и сейчасъ же налагаетъ на нового мюрида какую нибудь эпитетію, какъ напр. нѣсколько сотъ кратное ежедневное прочтение какой либо краткой молитвы или повтореніе имени Божія — *алла*.

Наиболѣе ревностные мюриды, прошедшіе болѣе или менѣе продолжительные искусы и послушаніе, получали, отъ своего *ишана*, *иршадъ* (собственно — напутствіе), документъ или патентъ, въ которомъ значилось, что такой-то, пройдя искусы у такого то, достаточно укрѣпился въ правилахъ вѣры, можетъ самъ быть наставникомъ (*халифѣ*) и обязанъсѧ пожизненно нести такую то эпитетію или исполнять такой то обрядъ.

Путемъ такихъ посвященій *ишаны* размножились и разѣялись по лицу мусульманской земли. Въ настоящее время въ каждомъ кварталѣ Намангапа *ишановъ* имѣется по три, по четыре; однакоже сколько нибудь серьезнымъ уваженіемъ и большимъ числомъ мюридовъ располагаютъ очень немно-

гіе, а чѣмъ дальше, тѣмъ все больше падаетъ значение этихъ наставниковъ. Прежде, и сравнительно еще не очень давно, были *ишаны* (какъ напр. Катта-Ходжа-Ишанъ въ Намангапѣ), которые составляли себѣ цѣлую состоянія изъ добровольныхъ приношеній, дѣлавшихся имъ мюридами.

Теперь подобнаго рода примѣровъ мы совсѣмъ не встрѣчаемъ. Причинами такого упадка значенія *ишановъ* можно считать, во первыхъ, постепенно развивающійся индифферентизмъ въ дѣлѣ религіи; во вторыхъ, чрезмѣрное размноженіе *ишановъ*, при которомъ въ число послѣднихъ попадаютъ лица, нерѣдко компрометирующая своимъ поведеніемъ званіе *ишана*; въ третьихъ, то обстоятельство, что современныe намъ *ишаны* отнюдь не могутъ уже быть названы наставниками въ вѣрѣ, такъ какъ роль ихъ ограничивается въ большинствѣ случаевъ однимъ лишь представительствомъ на общихъ моленіяхъ, при чемъ образъ жизни многихъ изъ нихъ сталъ слишкомъ далекимъ отъ аскетизма, и, наконецъ, въ четвертыхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ положеніе *ишановъ* въ средѣ собственныхъ своихъ мюридовъ сдѣжалось крайне двусмысленнымъ, благодаря обязательности разнаго рода приношеній.

Часто можно слышать сообщеніе о томъ, что такой то *ишанъ* уѣхалъ на охоту за новыми мюридами.

Мюридами *ишана* — мужчины, бывають обыкновенно одни только мужчины же. У женщинъ существуютъ свои *ишаны* — женщины, очень впрочемъ, немногочисленныя. Послѣднее зависитъ, какъ кажется, главнымъ образомъ отъ того, что улемы относятся къ женщинамъ *ишанамъ* далеко не одобрительно.

Чтение, а еще болѣе званіе Корана наизусть считается мусульманами дѣломъ душеспасительнымъ. Магометъ рекомендуетъ каждому мусульману читать эту книгу возможно чаще, а тѣмъ, кто не умеетъ читать, совѣтуетъ заставлять читать еї кого либо изъ знающихъ.

Обстоятельства эти послужили причиной образования цѣлаго разряда такъ называемыхъ *кары*, знающихъ весь Коранъ наизусть (между ними очень часто встрѣчаются слѣдующие), а также и *кары-ханы* — помѣщеній для этихъ *каръ*.

Кары — ханы строятся обыкновенно на очень небольшое число человѣкъ и при тѣхъ же почти условіяхъ, какъ

мечеть, приходская школа и медресе, при чём въ большинстве случаев на помышающихся въ ней кары ложится обязательство ежедневного прочтения некоторой части Корана за упокой или во спасение души учредителя.

Эти же кары занимаются иногда и отчтываниемъ больныхъ, но главнымъ образомъ этой послѣдней профессией занимаются такъ называемые *дуа-ханы*. *Дуа-ханы* отчтываютъ больныхъ не по Корану, а по своимъ, специально на этотъ предметъ имѣющимъ книги, составленнымъ изъ отрывковъ самыхъ разнообразныхъ книгъ, самого же разнообразнаго, не рѣдко исключительно кабалистического содержания.

Нельзя сказать, чтобы *дуа-ханы* были въ особено большомъ почетѣ, но тѣмъ не менѣе случаи, когда къ нимъ обращаются, мы встрѣчаемъ па каждомъ шагу и во всѣхъ безъ исключения слояхъ туземного общества.

Въ городахъ наибольшая часть пациентовъ женщины. Въ Наманганѣ одно время подвизался одинъ *дуа-ханъ*, отчтывавшій специально отъ безплодія и другихъ женскихъ недуговъ, при чёмъ непремѣннымъ условіемъ было поставлено, чтобы пациентки являлись не иначе, какъ по одной.

Таковы въ общемъ функции туземного мусульманскаго духовенства. Намъ остается добавить еще разъ то только, что каждый мало-мальски богообязанный и выѣстъ съ тѣмъ мало свѣдующій туземецъ во всѣхъ сомнительныхъ для него случаяхъ жизни обращается къ книжнику съ просьбою указать ему, какъ слѣдуетъ поступить въ данномъ случаѣ, какъ смотрѣть на данный вопросъ религія; поступаетъ же такъ туземецъ въ силу глубокой его увѣренности въ томъ, что въ обширномъ *шаріатѣ* непайтись искомаго имъ отвѣта не можетъ. И отвѣтъ этотъ дѣйствительно находится.

Попала въ котелъ мышь. Котелъ сталъ несомнѣнно поташеннымъ, ибо кому же неизвѣстно, что мышь — нечисть, погань, *хардамъ*. Какъ быть? Есть изъ этого котла — осквернившись; бросить его — жалко, тоже вѣдь онъ денегъ стоитъ, а взять ихъ неоткуда.

Идуть въ книжнику. „Какъ быть?“ Книжникъ шаритъ въ книгахъ и отвѣтствуетъ такъ: „если котелъ, въ который попала мышь, собака или другая нечисть, сдѣлавшійся вслѣд-

ствіе того поганымъ, трижды накалить, трижды вымыть и трижды высушить — онъ сдѣляется чистымъ, *халль*“.

На глазахъ туземца *шаріатъ* разрѣшаетъ такую массу мелочнѣхъ вопросовъ, что ему, сарту, дѣйствительно однотолько и остается — уѣровать въ несуществованіе такихъ вопросовъ, которыхъ не могъ бы разрѣшить этотъ *шаріатъ*. Онъ и вѣрюетъ въ это и къ этой вѣрѣ присовокупляетъ другую: книга, если только она древняго происхожденія, если она произведеніе одного изъ извѣстныхъ въ мусульманскомъ мірѣ лицъ — не можетъ врать; все изложенное въ пей истина. Оттого всѣ новыя книги, а равно и тѣ, содержаніе которыхъ не имѣть общности съ богословіемъ и правомъ, находятся въ сравнительномъ пренебреженіи (¹).

Отсюда читатель самъ уже можетъ составить некоторое представление о томъ, какъ ничтожны научныя знанія въ средѣ не только народа, но даже и грамотныхъ людей.

Знанія по математикѣ не идутъ далѣе первыхъ правильнѣи ариѳметики, извѣстныхъ сравнительно очень небольшому числу лицъ. Между людьми слышущими за наиболѣе образованыхъ намъ не пришлось встрѣтить ни одного, имѣвшаго хоть какоенибудь научное представление о дробяхъ.

По анатоміи извѣстно, что у животныхъ есть мозгъ, сердце, печень, кровеносныя жилы, книшки, легкія и пр., но какія соотношенія существуютъ между всѣмъ этимъ, этого не скажетъ вамъ ни одинъ изъ мѣстныхъ, сартовскихъ врачей.

Исключеніемъ представляется, строго говоря, одинъ только исторический отдѣль знаній, и то лишь въ отношеніи исторіи Востока.

Медицина процвѣтаетъ, но только въ томъ смыслѣ, что ежедневно предлагаются тысячи самыхъ несуразныхъ совѣтовъ и ежедневно же сѣдѣается, выпивается, прикладывается и намазывается цѣлая прорва иногда не безвредной дряни.

Большинство медицинскихъ книгъ бомбейского изданія; всѣ почти на персидскомъ языке, похожи одна на другую

(¹) Исключеніемъ является поэзія. Однако и здесь старинная авторамъ отдается явное предпочтеніе передъ новѣйшимъ.

и привозятся сюда непосредственно изъ Индіи. Мѣстныя медицинскія книги, написанныя на мѣстномъ же, узбекскомъ языке, очень рѣдки, а по содержанію мало чѣмъ отличаются отъ бомбейскихъ.

Одна изъ такихъ книгъ лежитъ въ настоящую минуту передъ нами, и мы позволимъ себѣ сдѣлать изъ нея нѣсколько выдержекъ въ русскомъ переводѣ, дабы познакомить читателя съ современнымъ состояніемъ мѣстной медицины.

Книга носитъ название: *Шифд и-клибз*, что въ подстрочномъ переводе означаетъ — излеченіе сердецъ; а такъ какъ въ перевоночномъ смыслѣ сартовское сердце равнозначно русскому *нутру*, то заглавіе это правильнѣе будетъ перевести такъ: излеченіе внутреннихъ болѣзней.

Какъ и всѣ вообще мусульманскія книги, будь то хотя бы даже сборникъ анекдотовъ, *Шифд и-клибз* начинается словами: „*Бѣсмъ-иля ар-рахманъ ар-райхъ*“ — во имя Бога милостиваго, милосердаго. (Этой же фразой начинается Коранъ и эта же фраза произносится при началѣ каждого дѣла). Далѣе говорится о несомнѣнно божественномъ происхожденіи медицины, послѣ чего уже слѣдуютъ 35 главъ, въ которыхъ излагаются способы лечения разныхъ болѣзней. Вотъ отрывки изъ нѣкоторыхъ.

Глава 1. . . . Головная боль. Цвѣты мальвы и цвѣты колючихъ вскипятить въ водѣ и натирать этимъ настоемъ ноги ниже колѣна, пребывая въ спокойствіи....

Глава 5. . . . Ушная боль. Если она происходитъ отъ разлитія желчи, то признаки болѣзни: желтизна лица и глазъ. Средство — настой изъ фіалки.

Глава 8. . . . Растрескиваніе губъ. Если оно происходитъ отъ желчи, то признаки болѣзни: горечь во рту, сухія губы, жесткій языкъ. Средство — давать слабительное (для уменьшенія желчи) и мазать губы мазью изъ шафрана.

Глава 9. . . . Опухоль десенъ. Признаки болѣзни: если она происходитъ отъ крови, то десны постоянно болятъ, и во рту образуются трещины покрововъ; если отъ желчи, то горечь во рту; если отъ мокроты, то опухоль мягка и цвѣтомъ блѣдая. Средство: если болѣзнь происходитъ отъ первой причины, то слѣдуетъ

пустить кровь, а если отъ другихъ (причинъ), то принимать слабительное, соответствующее этимъ причинамъ.

Глава 11. . . . Если въ груди заведутся черви, то полоскать глотку смѣсью 10 золотниковъ сахара, вскипяченаго въ чайной чашкѣ воды, и 5 зол. соли, тоже вскипченной въ такомъ же количествѣ воды....

Глава 12. . . . Язвы на легкихъ. Признаки болѣзни: постоянный жаръ; при кашлѣ отдѣляется гной; если этотъ гной отѣлить отъ слюны и бросить въ огонь, онъ издастъ дурной запахъ, а въ водѣ тонетъ. Средство: пить ослиное молоко и примѣшивать къ пищѣ соевъ ячменя.

Глава 25. . . . Полная импотенція мужчины. Происходить отъ того, что *аб-мани* изъ жидкаго обращается въ твердое. Средство: примѣшивать къ пищѣ тминъ и инбирь, и есть мясо цыпленка.

Глава 26. . . . Отъ неплодія — есть языкъ зайца.

Въ предисловіи къ другой подобной же книгѣ говорится, что какъ стихіи, такъ и болѣзни, и равно и лекарства отъ этихъ болѣзней раздѣляются на горячія и холодныя.

Такъ какъ пища и питьё могутъ различно влиять на состояніе человѣческаго организма, то къ нимъ относятся какъ къ лекарствамъ, а потому и они тоже подраздѣляются на горячія (*иссыкъ*) и холодныя (*саукъ*).

Медикаменты, которыми пользуютъ туземные врачи, довольно разнообразны. Цвѣты и кореня различнѣйшихъ, будь то туземныхъ, такъ и иноземныхъ растеній, квасцы, бупоросы, сушеныя змѣи и ящерицы, вареные, печеные и сушеныя овощи и фрукты, известъ, сѣрная кислота, ртуть, воскъ и медъ, привозимые сюда изъ Семирѣчья и пр.

По большей части все это дается въ видѣ разлічнѣйшихъ соединеній.

Однимъ изъ наиболѣе популярныхъ лекарствъ считаются *мумія*. Изъ чего и какъ эта мумія приготовляется намъ достовѣрно неизвѣстно; мы знаемъ только, что цвѣта она обыкновенно желтаго или красноватаго, вкусъ непріятный, горький; на базарахъ продается около 20 к. за кусочекъ.

сь горошину и рекомендуется какъ внутреннее средство при порѣзахъ, вывихахъ, переломахъ костей и многихъ другихъ болѣзняхъ.

Большинство сартовъ того миѣнія, что *мумій* приготавляется въ Китай (или Тибетъ) двумя способами: или изъ сока какого то тамошняго растенія, или же изъ человѣческаго жира. Что касается до второго способа приготовленія, то каждый описываетъ его по своему. Одни упоминаютъ о китайскихъ побойникахъ; другіе болѣе склонны думать о ловлѣ и откармливаніи китайцами людей, предрасположенныхъ къ ожиренію. Какъ бы то ни было, во общественное миѣніе стоитъ за приготовление *мумій* изъ человѣческаго жира и стоитъ за это настолько твердо и непоколебимо, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ уѣздовъ области производилось даже слѣдствіе, имѣвшее нѣсколько оригинальный характеръ, ибо у туземныхъ сельскихъ властей явилось подозрѣніе, не было ли совершенно происшедшее тамъ убийство съ цѣлью приготовленія *мумій*.

Отъ коклюша, который по сартовски называется *кукъ-юталь* (спій кашель) и которымъ въ кокандскомъ уѣздѣ болѣли двое нашихъ сыновей, намъ совѣтовали пижеслѣдующія средства: 1) зарыть въ землю пять синихъ куколъ; 2) привѣсить къ больному нѣсколько перьевъ сизоворонки (*кукъ-карға*); 3) повѣсить нѣсколько синихъ тряпокъ на *мазаръ*, могилѣ какогонибудь святого; 4) кормить больного яйцами, окрашенными въ синюю краску или, наконецъ, 5) у первого проѣзывающаго на сѣрой лошади (*кукъ-атъ*) въ синемъ или сѣромъ халатѣ (*кукъ-тұңыз*) спросить, какое средство отъ коклюша. Что онъ скажетъ, то и дѣлать.

ЖИЛИЩЕ И УТВАРЬ.

Главнейшими, основными материалами всѣхъ вообще туземныхъ построекъ служатъ: глина (шѣриѣ—лѣсъ) и дерево, по преимуществу тополь и таль. Изъ первой выводятся стѣны зданій и заборы; которое идетъ на столбы, подпорки, прогоры, двери, оконныя рамы и кровли.

Строительными продуктами глины являются: 1) сырцовыи кирпичъ; 2) *гуалъ* — эллитической формы комки около 6 вершковъ длиною и 4 въ поперечномъ діаметрѣ; дѣлаются они изъ густого глинянаго тѣста съ примѣсью *самана* (мелкая солома) и сушатся на солнѣцѣ также, какъ и сырцовыи кирпичъ; 3) *лой* — растворъ глины съ примѣсью *самана* или безъ него.

Жженый кирпичъ употребляется сравнительно очень рѣдко, по большей части только при сооруженіи такихъ общественыхъ зданій, какъ мѣдресѣ, каравансараи и пр. и никогда почти при постройкѣ частныхъ жилищъ и другихъ частныхъ же зданій (за исключеніемъ ихъ фундаментовъ).

Стѣны (*дишілъ*), всегда вѣсколько съуживающіяся къ верху, очень рѣдко выводятся изъ кирпича, идущаго главнымъ образомъ на устройство нишъ и каминовъ, а гораздо чаще изъ комковъ — *гуалъ*, которые кладутся рядами на глиняномъ растворѣ — *лой*.

Другой не менѣе распространенный типъ стѣны — такъ называемая *пахса-дишілъ*, глиновитая стѣна.

Такая стѣна, тоащина которой, въ среднемъ, бываетъ рѣдко болѣе 1 арш., выводится слоями *пахса*, каждый отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ арш. высотой, сбиваемыми изъ густого глинянаго тѣста, приготовляемаго наканунѣ дня работы.

Такъ какъ слои такой *пахса-дишілъ* всегда растрескиваются при высыханіи въ вертикальномъ направлениі, то послѣдующій слой кладется не ранѣе того, какъ достаточно обсохнетъ и потрескается предѣдущій, нижній, дабы не получалось большихъ трещинъ, идущихъ непрерывно черезъ вѣсколько слоевъ.

Когда стѣны возводимой постройки готовы, вдоль внутренней стороны двухъ параллельныхъ стѣнъ данной комнатаы проекладываются мауэрлаты (*сарду*) на стойкахъ такъ, чтобы верхній край *сарду* находился бы приблизительно на $\frac{1}{2}$ арш. ниже верхняго края стѣны. На мауэрлаты кладутся балки въ разстояніи около 1 арш. одна отъ другой, а на нихъ наложки (*васеъ* — обѣшетникъ), поверхъ которыхъ настилаются камышевые плетенки; на плетенки кладуть слой камыша, самана и сухой сорной травы, поверхъ чего насыпаютъ слой земли въ $1\frac{1}{2}$ верш. толщиной и смазываютъ лоемъ, придавая поверхности крыши слабый наклонъ въ ту

или другую сторону и вмазывая въ нѣсколькихъ мѣстахъ по краю крыши маленькие деревянные желоба для стока дождевой воды.

Если строящееся помѣщеніе жилая комната, то внутри она отштукатуривается сначала пачерио такъ, чтобы всѣ тѣ стойки, на которыхъ лежать маурѣллы, ушли бы внутрь штукатурки. Въ промежуткахъ между стойками выдѣлываются ниши глубиною отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ ариш., окна и каминъ.

Отверстія для дверей и оконъ оставляются при возведеніи стѣнъ, но косяки вмазываются не при кладкѣ послѣднихъ, а послѣ.

Каминъ, глубиною около 1 ариш. большей своею частью находится въ стѣнѣ, а меньшей выступаетъ наружу. Труба прямая, безъ задвижекъ и другого какого либо закрывающаго еї приспособленія.

Двускатныя крыши — *тишакары*, устраиваемыя иногда надъ небольшими строеніями въ Коканѣ и Маргеланѣ, сравнительно очень рѣдки также, какъ и крыши куполообразныя — *гумбазы*. Послѣднія сооружаются по большей части изъ жженаго, рѣже изъ сырцового кирпича надъ туземными баними, мечетями, въ нѣкоторыхъ медресѣ и могильными часовнями — *мазары*, возводимыми надъ прахомъ мѣстныхъ святыхъ и другихъ уважаемыхъ почему либо людей.

Религія запрещаетъ туземной женщинѣ показываться при постороннихъ мужчинахъ безъ покрывала и совѣтуетъ чтобы послѣдніе, по возможности, не слышали бы даже и ея голоса. Подобное постановленіе религіознаго кодекса не могло, конечно, не отразиться на общемъ характерѣ и расположениіи жилищъ.

Въ большинствѣ случаевъ, нездѣ тамъ, гдѣ это мало-мальски возможно при наличныхъ средствахъ данной семьи, дворъ дѣлится на двѣ, совершенно обособленныя половины: наружную, мужскую — *тишакары* и внутреннюю, женскую, семейную ... *ишкары*.

Такого дѣленія двора на *тишакары* и *ишкары* мы не встрѣчаемъ только у наиболѣе бѣдныхъ семействъ, не имѣющихъ средствъ на сооруженіе построекъ въ двойномъ почти количествѣ или у такихъ, усадебные участки которыхъ настолько малы, что по своимъ размѣрамъ не допускаютъ раздѣленія ихъ на двѣ части. Въ этомъ случаѣ, удовлетворяя

требованіямъ религіи, туземецъ располагаетъ свои постройки такъ, чтобы при растворенной калиткѣ, ведущей на улицу, женщина, выходящая изъ сакли на дворъ, не была бы видима проходящимъ по улицѣ людямъ. Для этой цѣли очень часто передъ калиткой или воротами, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, выводится стѣнка не много выше человѣческаго роста, заслоняющая собою отъ постороннихъ глазъ большую часть внутренности двора. Дворы такого рода встрѣчаются одинаково какъ въ городахъ, такъ и въ кишлакахъ, но въ послѣдніхъ чаще, чѣмъ въ первыхъ.

Размѣры двора никогда почти не бываютъ велики; въ городахъ, гдѣ усадебная мѣста дороги, даже у наиболѣе состоятельныхъ лицъ *тишакары* и *ишкары* вмѣстѣ занимаютъ площадь земли не болѣе 10×15 и 15×20 саж.

Дворъ всегда окружается со всѣхъ сторонъ стѣной, ко внутренней сторонѣ которой жилая и надворная строенія примыкаютъ своими тыльными частями, отчего окна никогда почти не выходятъ на улицу. Сообщеніе съ послѣдней имѣется съ паружнаго двора — *тишакары* черезъ калитку или небольшіе воротца, средніе размѣры которыхъ не превышаютъ размѣра двухъ калитокъ средней же величины, почему верховые слѣзаются по большей части за воротами, а арбы совсѣмъ не могутъ вѣзжать во дворъ и потому всегда остаются на улицѣ. Очень часто надъ воротами со внутренней стороны устраивается небольшой навѣсъ, такъ называемая *дарваза-хана*.

На паружномъ дворѣ, размѣщающемся самимъ различнымъ образомъ, находятся: 1) *мизнанъ-хана* комната или, вѣрѣнѣ, помѣщеніе для гостей — мужчины; она состоитъ изъ комнаты съ пакъсомъ, а иногда, у богатыхъ людей, изъ двухъ комнатъ и навѣса между ними; 2) конюшни, по большей части въ видѣ открытыхъ навѣсовъ съ яслими вдоль стѣнъ.

Гораздо рѣже конюшня имѣеть видъ квадратной, сплошь крытой постройки съ небольшимъ, около 2—3 кв. аршинъ, отверстиемъ по серединѣ крыши и яслими вдоль стѣнъ также, какъ и въ простыхъ конюшняхъ-навѣсахъ. Отдѣльные стойла никогда почти не дѣлаются.

Кромѣ этихъ построекъ непремѣнной принадлежностью каждого мало-мальски порядочно устроенного двора явля-

ются: нѣсколько деревьевъ, одна или двѣ, супы или подъ деревомъ; или около стѣны и небольшой аркѣ, а если дворъ не особенно тѣсенъ, то прудъ — хайдзъ отъ 1 до 4 кв. саж. и одна-двѣ грядки цветовъ: бархатки, астры, маргаритки, базиликъ, пѣтуший гребешокъ и бирючина.

Супю вазывается глиняное (земляное) отъ 1/2 до 1 арш. высотой и отъ 3 до 5 арш. въ сторовѣ возвышеніе. Лѣтомъ туземецъ рѣдко сидитъ въ комнатѣ, развѣ только въ самый жаръ. Если онъ не занялъ въ полѣ, въ лавкѣ, въ мастерской или на службѣ, и если супа въ тѣни, а не на солнцѣ, онъ сидитъ, Ѳсть, работаетъ и спитъ на ней.

Въ общемъ наружный дворъ содержитъ довольно чисто, а у людей состоятельныхъ, имѣющихъ прислугу, даже и очень опрятно. Его ежедневно метутъ, а лѣтомъ поливаются не менѣе двухъ разъ въ день — утромъ и вечеромъ.

Въ зажиточныхъ домахъ также чисто содержатся и конюшни, изъ которыхъ лѣтомъ, если онъ крытыя, лошади выводятся на ночь и привязываются во дворѣ къ высокимъ, деревяннымъ приколамъ.

Михмандъ-ханѣ рѣдко состоятъ изъ одной только комнаты. Въ большинствѣ случаевъ къ ней или по переднему ея фасу, или же съ боку пристраивается павильонъ отъ 4 до 7 арш. шириной съ такой же плоской земляной крышей, какъ и у всѣхъ другихъ туземныхъ построекъ, и иногда кроме того еще джигитъ-ханѣ, комната для мужской прислуги и аизъ-ханѣ, кухня, коморка съ очагомъ или каминомъ на тотъ случай когда пища для гостей должна почетному либо вариться по въ шикари женщиными, а въ ташкари мужской прислугой⁽¹⁾. Въ частныхъ домахъ размѣры средней михмандъ-ханѣ не превышаютъ 5 — 6 арш. ширины, 7 — 9 арш. длины и 4 — 5 арш. высоты.

(1) Иногда, и по большей части въ городахъ, надъ одной изъ построекъ наружного двора устраивается баллъ-ханѣ (высокое помѣщеніе), родъ мезонина, маленькая обыкновенно комнатка, устраиваемая здесь или за недостаткомъ жѣста внизу, во дворѣ, или же для того, чтобы лѣтомъ, во время жаровъ, имѣлось помѣщеніе, возвышающееся надъ другими постройками и облучающее вѣтромъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ окна и двери баллъ-ханѣ располагаются такъ, чтобы получался сквозной вѣтеръ.

Входная дверь всегда почти двусторчатая и нѣсколько ниже средняго человѣческаго роста; входить приходится слегка наклоняясь, отчего вступление въ комнату каждого входящаго въ нее сопровождается легкимъ поклономъ, за которымъ следуетъ установленное религіей и обычаемъ привѣтствие: „ас-селямъ-алейхомъ“⁽¹⁾.

Половинки двери ходятъ въ косякахъ, вмазываемыхъ съ наружной стороны стѣны, не на петляхъ, а на ножкахъ, коротенькихъ выступахъ самаго полотна двери, входящихъ въ углубленія, выдѣлываемыя въ порогѣ и притолокѣ. Дверь пригояется къ косякамъ очень не плотно; образуются большие щели, благодаря которымъ зимой температура комнаты мало отличается отъ температуры двора. Этому, впрочемъ, еще болѣе дверей способствуютъ окна и каминъ съ ихъ прямыми, ничѣмъ не закрывающимися трубами.

Оконъ въ михмандъ-ханѣ одно или два. Размѣры ихъ тѣ же почти, что и у двери; низъ окна лишь на вершокъ или на два выше пола комнаты (либо свѣтъ нуженъ въ нижней части послѣдней, такъ какъ туземецъ, не знающій мебели, сидитъ, работаетъ и Ѳсть ва полу); ставни такого же устройства какъ и входная дверь. Рамы, если только онѣ есть, имѣютъ видъ тонкихъ деревянныхъ решетокъ, оклеиваемыхъ на зиму бумагой.

У состоятельныхъ людей внутренность михмандъ-ханѣ отштукатуривается белымъ алебастромъ; въ стѣнахъ выдѣляются большия и маленькия ниши, изъ которыхъ послѣднія, также какъ и каминъ, украшаются мелкими, узорными лѣпными работами; потолки и верхніе деревянные карнизы стѣнъ расписываются яркими красками (по преимуществу красный, желтый, синий и зеленый цветы), сусальными золотомъ и мелкой, иногда чрезвычайно красивой и изящной рѣзьбой. Большинство узоровъ въ арабскомъ вкусѣ.

Каминъ всегда около или не подалеку отъ двери. Полъ земляной, плотно утрамбованный. Въ немъ выдѣляется два углубленія: одно около 1 1/2 арш. въ квадратѣ и 1/4 арш. глубиной у самой двери; въ этомъ углубленіи оставляются

(1) «А когда вы входите въ дома, то привѣтствуйте другъ друга, желая мира, прося отъ Бога здравствованія....» Коранъ. Глава 24. Ст. 61.

калоши; другое значительно меньше, по глубже, почти по середине комнаты устраивается для углей, у которыхъ обогреваются зимою. Полъ комнаты, за исключениемъ места для калошъ и ямки для углей, застилается сначала камышевыми плетенками, а поверхъ ихъ кошмами или, что гораздо рѣже и только у богатыхъ людей, коврами.

Поверхъ кошмы или ковровъ около углубленія для углей, представляющаго собой, въ особенности зимою, центръ комнаты и вмѣстѣ съ тѣмъ ея наиболѣе уютную часть, стелется 2 — 3 *толщака*, узкихъ ватныхъ одѣяльца или тюфяка изъ русской бумажной или туземной шелковой матеріи.

Въ состоятельныхъ домахъ въ одной изъ большихъ нишъ сложены ватные одѣяла и плоскія ватныя же подушки; этими одѣялами и подушками пользуются ночующіе въ *михманг-ханѣ* гости. Европеецъ долженъ пользоваться ими крайне осмотрительно и лишь при условіи разныхъ предосторожностей и предохранительныхъ мѣръ; иначе на утро онъ ощутить на своемъ тѣлѣ присутствіе тѣхъ медленно двигающихся насекомыхъ, которыхъ присущи туземному быту совершенно столько же, сколько присущи ему омовенія, *намазы*, селясь при встрѣчѣ съ знакомыми и проч. и проч.

Послѣ всего, воочію видѣнаго, а частью даже и испытанаго, невольно приходишь къ сомнѣнію въ существованіи такихъ сартовъ, нижняя одѣянія которыхъ не служили бы пристанищемъ такъ называемой *бѣтг*, къ которой туземецъ относится гораздо добродушиѣ чѣмъ къ блохѣ. Послѣднюю онъ положительно ненавидитъ. Она быстра въ своихъ движеніяхъ, по большей части неуловима и беспокойтъ его главнымъ образомъ въ жаркія лѣтнія ночи, когда и безъ нея житья неѣть отъ москитовъ и комаровъ.

Въ одной изъ нишъ около камина стоитъ *чайдушъ*, мѣлый кувшинчикъ библейской формы, а около него одна или две *піалы*, маленькия, фарфоровыя или глазированныя глиняныя чашечки, ча манеръ нашихъ полоскательныхъ. Въ *чайдушъ* кипятится вода и заваривается чай, а *піалы* замѣняютъ собою нашъ стаканъ или чайную чашку.

Если пьющихъ не болѣе 4 — 5, всѣ они пьютъ поочередно изъ одной и той же *піалы*; сначала изъ *чайдуша* паливаютъ одному, потомъ другому и т. д.

Пьютъ обыкновенно совсѣмъ безъ сахара, несмотря на то, что въ богатыхъ домахъ блюдце съ кусочками послѣдняго является обычною принадлежностью такъ называемаго *дастархана*.

Дастарханъ собственно значить — скатерть, но это же название присвоено у туземцевъ также и всему тому, чѣмъ угощаются гости.

По туземному этикету всѣдѣть за прѣздомъ, послѣдняго и послѣ продолжительныхъ привѣтствій и взаимныхъ справокъ о здоровье⁽¹⁾ передъ прѣхавшимъ разстилается *дастарханъ*, широкое полотенце изъ цветной бумажной или полушелковой матеріи, всегда въ большей или меньшей мѣрѣ засаленное, такъ какъ обѣ него принято обтиратъ руки, а мыть его считается совершенно лишнимъ; на *дастарханъ* становится подносъ (мѣдный или крашеный желѣзный) съ лепешками, изюмомъ и фисташками, а у людей по богаче кромѣ того еще и нѣсколько блюдечекъ съ кусками сахара, леденцемъ, конфектами, халвой и др. сладостями (лѣтомъ вмѣсто сладостей подаются фрукты) и непремѣнно чай, обыкновенно очень плохаго качества, такъ называемый *ак-куйрукъ*.

Одинъ изъ присутствующихъ разламываетъ руками нѣсколько лепешекъ на куски и кладетъ ихъ всегда верхней стороной кверху же — иначе грѣхъ.

Откусывать отъ цѣлой лепешки считается крайнимъ неприличіемъ также, какъ напр. считается неприличнымъ сидѣть поджавъ ноги по турецки (*чаръ-зану*); всѣ благовоспитанные туземцы садятся и сидѣть такъ: сначала становятся на нѣсколько раздвинутыя колѣна, а затѣмъ уже опускаютъ ягодицы на пятки, слегка наклоняясь корпусомъ впередъ.

Когда лепешки наломаны, и кусочки ихъ разложены на подносѣ, жестомъ руки и словами: *“мирәнг буллінг”* или *“мархаматъ кылынг”*; *“наны каранг”* (окажите милость; обратите взоръ вашъ на хлѣбъ) приглашаютъ гости вкушать.

(1) «Ас-сеймъ-алейкюмъ!» «Алейкюмъ-ас-сеймъ!» «Здоровы ли вы?» «Слава Богу! Васъ сѣдѣуетъ спросить, какъ вы поживаete.» «Благодареніе Богу, живемъ по добру — по здорову.» «Семейство ваше здорово ли?» «Благодареніе Богу.» «Въ спокойствии ли вы? Въ полномъ ли здоровы?» и т. д.

Гость долженъ первый начать трапезу, при чёмъ этикетъ требуетъ, чтобы онъ прежде всего съѣлъ хотя бы маленький кусочекъ хлѣба. Затѣмъ уже онъ пить чай, есть фрукты и пр. Начиная есть, каждый произноситъ или не-потомъ, или въ полголоса: „бисмъ-иллѣ ар-рахманъ ар-раимъ“—во имя Бога милостиваго, милосердаго (¹).

Гдѣнибудь въ сторонѣ отъ михмѣнъ-ханы устраивается ходъ во внутренний дворъ. Обыкновенно это открытый, изогнутый подъ прямымъ угломъ коридорчикъ, образуемый глиняными стѣнками, пемного выше человѣческаго роста, и снабженный въ большинствѣ случаевъ односторончатой дверью или калиткой.

Такимъ образомъ внутренность ичкари всегда остается невидимою съ наружнаго двора.

Размѣры ичкари или одноковы съ ташкари, или меньше ихъ.

Въ ичкари находятся: жилая комнаты; кухня, у богатыхъ отдельная отъ жилого помѣщенія; маленькая кладовая—хазина-хана; хѣвъ—мѣн-хана, а иногда еще конюшня и хлѣбный амбарчикъ. Гдѣнибудь между нежилыми постройками (или внутри конюшни) устраивается бадраба (отхожее мѣсто); яма роется очень глубокая, до 2—3 саж. глубиной; экскременты отдаются значительный процентъ содержащейся въ нихъ воды подпочвѣ (зачастую это пористые конгломераты), сгущаются и очень медленно возрастаютъ въ объемѣ; благодаря значительной глубинѣ ямъ, не исключая и самого жаркаго времени года, замѣчается полное почти отсутствіе даже и аммоніакального запаха тѣмъ болѣе, что содержаніе бадраба (имѣющаго земляной полъ и деревянную настилку только надъ ямой и то покрытую слоемъ глины) всегда очень опрятно.

Хлѣвъ стараются строить такъ, чтобы одна изъ его стѣнъ примыкала или къ улицѣ, или къ саду (или огороду), если только послѣдній имѣется при домѣ. Въ этой стѣнѣ дѣлается отверстіе такой величины, чтобы въ него свободно проходила лопата съ навозомъ; послѣдній выбрасывается въ садъ или на улицу и лежитъ здѣсь иногда годами

(¹) «Бише то, надъ чѣмъ было произнесено имя Божіе...»
Коранъ. Глава 6. Ст. 118.

въ видѣ коническихъ кучъ, примыкающихъ къ наружнымъ, уличнымъ стѣнамъ дворовъ и зданій. Оттого здѣсь, послѣ дастархановъ и нижнаго бѣлья туземцевъ, ничто не грязно такъ, какъ большинство не только кишлачныхъ, но даже и городскихъ улицъ.

На внутреннемъ дворѣ, также какъ и на наружномъ, всегда почти есть два—три дерева, а иногда и нѣсколько виноградныхъ лозъ, арыкъ, а если гдѣнибудь есть свободное мѣстечко, то и супа. Содержаніе ичкари въ общемъ значительно грязнѣе, чѣмъ содержаніе наружнаго, показнаго, такъ сказать, ташкари.

Число жилыхъ комнатъ во внутреннемъ дворѣ различно и соображается прежде всего, конечно, съ размѣрами семьи и съ ея средствами. Дѣти подростки спятъ по возможности отдельно отъ отца и матери, а въ случаѣ нѣсколькихъ женъ, каждую изъ нихъ туземецъ старается снабдить отдельнымъ помѣщеніемъ (¹). Но такъ какъ правомъ многоженства пользуются сравнительно не многіе, наиболѣе состоятельные люди и то главнымъ образомъ въ городахъ, то поэтому въ большинствѣ случаевъ внутреннихъ комнатъ бываетъ не больше двухъ. У бѣднаго же населенія всегда одна.

Устройство и убранство этихъ комнатъ въ среднихъ классахъ такое же, какъ и для михмѣнъ-ханы съ тою только разницей, что первыя отштукатуриваются алебастромъ и имѣютъ раскрашенные потолки рѣже вторыхъ. У бѣднаго люда въ жилой комнатѣ внутренняго двора очень часто нѣть оконъ, замѣняемыхъ отверзтіемъ въ крыше; дверь маленькая, односторончатая; полъ застилается кошмой не силошь, а только въ половину комнаты. На этой кошмѣ въ повалку синтъ вся семья.

По устройству своему жилая комната внутренняго двора отличается отъ михмѣнъ-ханы тѣмъ только, что углубленіе для калошъ дѣлается гораздо большихъ размѣровъ, а въ одномъ изъ его угловъ, обыкновенно въ сторонѣ отъ двери, ближе къ камину, вырывается глубокая, уширяющаяся къ низу

(¹) По таріату, въ случаѣ нѣсколькихъ женъ, каждая имѣеть право требовать себѣ отъ мужа такую совершенно отдельную комнату, которая могла бы запираться на ключъ.

яма—*абръз*, покрытая сверху или жерновомъ съ небольшой дырой по серединѣ, или же изъ железной решеткой, или же деревянной настилкой съ широкими щелями. Въ эту яму сливаются помои, и надъ нею же дѣлаются омовенія.

Въ одной изъ большихъ нишъ, пущей отъ потолка до полу и устраиваемой обыкновенно противъ входной двери, стоять сундуки, по большей части русской работы; окованы жестью; иногда они замываются шкафчикомъ, на глухо вѣланымъ въ нижнюю часть этой ниши. Здѣсь хранится бѣлье, платье, лоскуты, часть посуды и др. домашняя рухлядь, или же сласти, горшки съ саломъ и масломъ и т. п. Поверхъ сундука на день складываются одѣяла и подушки.

Въ одномъ изъ угловъ, около сундука,—палка, приблизительно въ сажень длиной, укрѣпляется (въ горизонтальномъ направленіи, на высотѣ головы) своими концами въ двѣ изъ пересѣкающихся стѣнъ; на ней въ видѣ украшенія комнаты развѣшиваются шелковыя рубахи, камзолы и халаты хозяекъ дома. Такимъ же украшеніемъ служатъ разставленыя въ нишахъ мѣдные и крашеные жестяные подносы, чайдучи, фарфоровые чайники и чашки, не рѣдко гардиеровской работы, съ малиновыми и синими цветами, аляповатой русской работы ящики и шкатулки съ женскими украшеніями, жестяные подсвѣчники мѣстного произведенія, съ широчайшими основаніями и сальными огарками; сюда же случайно попадаетъ маленькая хрустальная вазочка и русскій пузырекъ изъ синяго стекла, когда-то вмѣщавшій въ себѣ растворъ яписа, а теперь исправляющей должность табакерки. Хозяйка дома время отъ времени высыпаетъ изъ него на ладонь лѣвой руки щепотку мелко истертаго, темнозеленаго насвѣла и помѣщаетъ его между щекой и десной. Подержавъ тамъ таѣбѣ минутъ пять, она выплевываетъ его. Если это происходитъ въ комнатѣ и дама сидѣть, то она плюетъ или въ углубленіе, имѣющееся посреди каждой комнаты для углей (*аташъ-дѣнъ*), или же отвертывается для этого край кошмы. На дворѣ она плюетъ, безразлично, во всѣ стороны и если неопытный европеецъ черезъ полчаса случайно взглянетъ на мѣсто такого плевка, то онъ непремѣнно подумаетъ, что тутъ сидѣла птица, продолжительно питавшаяся зеленью.

Въ зажиточныхъ семьяхъ зимой, когда температура туземнаго жилья мало чѣмъ отличается отъ температуры двора,

обогреваются такимъ образомъ. Въ *аташъ-дѣнъ* кладется кучка хорошо прогорѣвшихъ углей; надъ ними устанавливается не высокій табуретъ—*сандалъ*, покрываемый сверху одѣніемъ или двумя ватными одѣялами. Сидѣть около *сандаля*, подсунувъ ноги подъ одѣяло. Нагреваются, понятно, одѣяльно ноги.

Зимой у *сандаля* проводятъ большую часть дня и ночи; здѣсь работаютъ то, что можно работать при такомъ положеніи. Ёдятъ, ставя пищу поверхъ *сандаля*, и даже спятъ.

Если *сандалъ* не успѣетъ совсѣмъ погаснуть и сильно настыть къ утру, то спать очевь удобно и даже пріятно, такъ какъ, приподымая одѣяло, можно пропустить теплый, нагрѣтый воздухъ, по желанію, до колѣнъ только, до пояса, до шеи. Утромъ голова, остававшаяся всю ночь на сравнительномъ холода, всегда свѣжа, но за-то простудиться очень и очень легко.

Нельзя не удивляться, какъ туземцы не простуживаются и не мрутъ сотнями, благодаря ихъ дневному сидѣнью у *сандаля*. Наложить сартина подъ *сандалъ* свѣжихъ углей и грѣеть босыя ноги; нажжетъ ихъ до того, что чуть божа не трескается, встаетъ, надѣваетъ калоши на босу ногу, идетъ на дворъ, стоитъ тамъ полчаса, часъ, приходитъ назадъ, въ комнату, опять садится у *сандаля*, опять грѣеть ноги, опять выскакиваетъ на дворъ, и такъ ежедневно, на каждомъ шагу и всегда почти безо всякихъ сколько нибудь серьезныхъ и немедленныхъ же послѣствій. Случай простудъ и ревматизмовъ бываютъ, конечно, но, по видимому, далеко не въ такомъ числѣ, какого можно было бы ожидать при такомъ широкомъ игнорированіи основныхъ правилъ гигиены.

Въ бѣдныхъ семьяхъ *сандалъ* большая рѣдкость, ибо угли сравнительно дороги, а потому здѣсь обогреваются у камина (*учакъ*) (¹).

(¹) Въ нѣкоторыхъ кишлакахъ Наманганскаго уѣзда (переселенцы изъ окрестностей г. Туркестана, пришедшие сюда около 100 лѣтъ тому назадъ) устраиваютъ такъ назыв. *йръ-учакъ* (земляная печь). Подъ землянымъ поломъ сакли складывается небольшая печь, труба которой подъ поломъ же выводится черезъ одну изъ стѣнъ наружу. Сама печь служитъ для приготовленія пищи, а труба

Постель стелется головой или къ съверу, или къ западу, рѣже къ югу и никогда къ востоку. Укладываясь на новомъ мѣстѣ, туземецъ прежде всего соображасть, гдѣ кыблѣ—сторона священной мечети, ибо въ Коранѣ сказано: „гдѣ бы вы ни были, обращайте лица ваши къ ней,...“ (Гл. 2 ст. 145). Внизъ стелется одѣяло, сложенное пополамъ (¹); поверхъ его въ изголовье кладется или плоская (*куракъ*), сшитая изъ лоскутовъ разныхъ матерій, или цилиндрическая подушка (*бильчиш*), изъ кумача, ситца или туземной полушелковой матеріи.

Простыня—*чайшабъ*—употребляется очень рѣдко; дѣлается же она обыкновенно изъ светлого съ мелкимъ узоромъ ситца.

Вторымъ одѣяломъ покрываются; чаще, вирочемъ, особенно въ холодъ, въ него завертываются, подкладывая одну половину подъ себя.

Вся вообще пища, за исключениемъ хлѣба, готовится въ котлѣ. Топливомъ служать главнымъ образомъ сорные травы, стебли хлопчатника, ежегодно обрѣзываемыя тощія вѣтви виноградника и пр.

Къ искусственно—вырощеному, культурному дереву сартъ относится очень осторожно и сравнительно рѣдко пользуется его древесиной въ видѣ дровъ. Угли выжигаются преимущественно въ горныхъ, дикорастущихъ лѣсахъ.

Тѣсто замѣшивается въ большой глиняной чашѣ—*тагарѣ*, около аршина въ попечинкѣ. Разминается же оно и валяется на белой сыроятной козьей кожѣ, назыв.—*сурпѣ*; завернутое въ *сурпѣ* же и покрытое сверху еще чѣмъ—нибудь, оно киснетъ отъ 2 до 4 часовъ, смотря по температурѣ воздуха. (Въ обыкновенное время *сурпѣ* всегда въ нагревасть значительную часть пола, на которой спить вся семья. Такого же рода отопленіе или, вѣрѣбе, нагреваство половъ практикуется въ Кульджѣ и, кажется, въ Кашгарѣ.)

(¹) Одѣяла, всегда ватныя, отъ 2½ до 3 арш. въ квадратѣ, дѣлаются изъ ситца, тика, или же изъ туземныхъ, какъ бумажныхъ, такъ равно и шелковыхъ матерій.

шаютъ гдѣнибудь на колышкѣ, иначе, гласить народная примѣта, не будуть водиться деньги).

Хлѣбъ всегда, въ видѣ лепешекъ разной величины, печется въ особой печи, называемой *тануръ* или *тандуръ*. *Тануръ* приготовляются особыми мастерами *танурчы* следующимъ образомъ. Изъ глины, смѣшанной съ конской шерстью, или съ шерстью рогатого скота, пріобрѣтаемой отъ кожевниковъ, приготавляется густое тѣсто, которое разминается въ тонкіе пласти около ¼ дюйма толщиной, 1½ арш. шириной и 2·2½ арш. длиною.

Раскатанный и тщательно выравненный пластъ оставляется часа на 1½, на солнцѣ для того, чтобы онъ слегка окрѣпѣ. Затѣмъ его осторожно изгибаютъ по длини, придавая форму цилиндра, одно изъ оснований которого нѣсколько суживаются; шовъ замазывается глиной, а на суженный конецъ надѣвается обручъ, приготвляемый изъ того же материала, изъ которого сдѣланъ и самъ *тануръ*.

Для печеія хлѣба *тануръ* приспособливается такимъ образомъ. Къ одной изъ стѣнъ двора, изъ комковъ—*гуалъ*, пристраивается возвышеніе, верхній край котораго нѣсколько выше пояса. Поверхъ такого стула *тануръ* кладется плащомъ, такъ, чтобы широкое его отверстіе плотно прилегало бы къ стѣнѣ, а узкое, скрѣпленное обручемъ, смотрѣло бы на уржу. Затѣмъ поверхность всего этого сооруженія оптукатуривается глиной, а въ верхней части *танура*, у самой стѣны, выламывается небольшое отверстіе для выхода дыма, закрываемое послѣ топки комкомъ глины, камнемъ или чѣмъ либо подобнымъ.

Большая часть домашней посуды глиняная; мѣньшая—мѣдная, чугунная и деревянная.

Большія чашки, около аршина въ діаметрѣ—*тагары*—для замѣшиванія тѣста, заквашиванія молока, если его въ хозяйствѣ много, для промывки риса на *пайлѣ* и проч.; чашки средней величины—*каса*, въ которыхъ продаются различные жидкія пищи; *хурнача*—средней же величины чашки съ ушками, въ которыхъ держать молоко, привѣшивая ихъ за ушки или къ потолку, или колышкамъ, вбитымъ въ стѣну, дабы предохранить молоко отъ мышей; *пайлѣ*—чайные чашки; блюда—*табака* (или *тавакъ*) всегда круглые,—всѣ эта посуда глиняная, поливная (*сапаль*), или глазированная (*чинъ*, *чинд*).

Кувшины-- *кузай*-- для воды (въ нихъ же держать виноградную патоку и др. жидкости, а также масло и сало) съ широкими и узкими горлышками, самой разнообразной величины, а также большія и малыя корчаги, обожженныя только, но не облитыя. Съ формою этихъ кувшиновъ и корчагъ читатель, конечно, давно уже знакомъ изъ видѣнныхъ имъ картинъ библейского содержанія.

Этого же типа мѣдные, или чугунные кувшины—*кумайны*—для кипаченія воды; умывальники—*афтаба* и чайники—*чайдушъ*. Послѣдніе всегда почти изъ мѣди.

Ложки деревянныя, очень грубой, аляповатой работы, съ длинными, тонкими ручками и носкомъ не спереди, а у лѣваго края.

Деревянныя чашки и блюда (орѣховыя, или таловыя) у осѣдлаго населенія мало употребительны.

Лапша, тѣсто для пирожковъ и пр. приготавливаются на доскѣ (*амз—тахтѣ*) около 6 вершк. ширинъ и 1 арш. длины. Поверхность *амз тахтѣ* слегка выпукла, а сама она стоять на четырехъ маленькихъ ножкахъ (¹).

Въ бѣдныхъ семьяхъ такое зерно, какъ рисъ, просо и джугарѣ, обдирается дома въ большихъ деревянныхъ ступахъ—*аїрѣ*, или *кили*. Нестъ деревянный же, толщиной въ руку и длиной отъ 1½ до 2 арш.; по срединѣ онъ нѣсколько уширяется и имѣеть вѣдь сквозину дыру, вслѣдствіе чего образуется двѣ ручки. Работа эта лежитъ на женщинахъ. Обыкновенно же зерно обдирается на *абъ-джуазахъ*, крупорушкахъ, приводимыхъ въ движеніе водою.

Свѣчи (салмышя) употребляются или состоятельными людьми, или тѣми, кто занять членіемъ, письмомъ и др. подобными работами. Все оставленное лежитъ въ почникахъ—*чирдѣ*—льняное, или кунжутное масло. *Чирдѣ*, глинянпый или чугунный, ставится на чугунную же, или деревянную

(¹) Есть прията, что *амз-тахтѣ*, поставленная не на ножки а на ребро, предѣщасть покойника. Сартники рассказываютъ, что такъ называемыя *югучи*, женщины, специально занимающіяся оживленіемъ женскихъ же труповъ и получающія за это особое вознагражденіе, никогда не упускаютъ, будто бы, случая поставить въ чужомъ домѣ *амз-тахтѣ* на ребро.

подставку,—*чирдѣ*—пайд. Фитиль всегда скручивается изъ ваты. Масло держится или въ горлянкахъ, или въ *кыымѣ*, очень прочныхъ кувшинчикахъ, приготовляемыхъ изъ *кунджурѣ*, маслобойныхъ жмыховъ.

Въ городахъ почти у каждого состоятельного человѣка есть садъ, а у богатыхъ даже и не одинъ. Если семья живетъ не въ самомъ центрѣ города, то садъ по большей части при домѣ, въ противномъ случаѣ онъ гдѣнибудь на окраинѣ города.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ площадь его рѣдко бываетъ болѣе одной десятины, а по внутреннему своему расположению онъ напоминаетъ столько же садъ, сколько и огородъ. Дорожекъ никогда почти нѣтъ. Вдоль глинистаго забора въ одинъ или въ два ряда тутовыхъ, тополевыя и рѣже такія фруктовыя деревья, какъ вишня, яблоня, или слива.

Значительная часть внутренняго пространства сада занятая виноградникомъ и рѣдко разсажеными кустами грапата.

Лозы у здѣшняго винограда длинныя. Кусты сажаются двумя параллельными рядами, разстояніе между которыми около 4—5 аршинъ. Между двумя такими рядами кустовъ, изъ сырыхъ таловыхъ жердей, устраиваются дуги, концы которыхъ врываются въ землю; высота дугъ обыкновенно нѣсколько болѣе человѣческаго роста. Дуги соединяются между собою или тонкими жердями, или жгутами, свитыми изъ камыша; къ послѣднимъ привязываются лозы и, если виноградникъ уже взрослый, то получается сплошь закрытая бесѣдка или, вѣрѣбе, коридоръ, стѣны и крыша котораго образуются мелкими вѣтвями и листвой лозъ. Если такихъ коридоровъ нѣсколько, то они примыкаютъ другъ къ другу своими продольными сторонами вплотную.

На оставльной части сада ежегодно засѣваются дыни, тыквы, арбузы, морковь и лукъ, а иногда и нѣсколько грядъ кукурузы.

Фруктовыя деревья разбросаны въ большинствѣ случаевъ въ совершенномъ безпорядкѣ по сторонамъ виноградника, между грядами огорода или по обочинамъ проходящаго черезъ садъ аркы.

Если садъ не особенно малъ, то гдѣ нибудь пеподалеку отъ входа въ него—прудъ, около 1½—2 саж. въ квадратѣ, съ большими, раскидистыми талами, или карагачами по сторонамъ. Здѣсь же, въ тѣни деревьевъ, одна или двѣ суны.

Иногда надъ частью пруда устраивается прочная деревочная сѣтка, на которой сидятъ днемъ и спятъ почью въ прохладѣ, даваемой испареніями пруда.

Если садъ находится при домѣ, то въ немъ никакихъ построекъ вѣтъ. Въ противномъ случаѣ, смотря по средству, устраивается одна или двѣ комнаты для семьи и небольшая конюшня для лошадей.

У людей состоятельныхъ очень часто такое дачное помѣщеніе ничѣмъ не отличается отъ городского.

Въ кишлакахъ сады сравнительно рѣдки, но зато при каждомъ почти домѣ имѣется хайтъ, вѣчно вродѣ огорода, гдѣ сѣютъ дыни, тыквы, кукурузу и люцерну. Вдоль заборовъ хайта, также какъ и въ садахъ, одинъ или два ряда деревьевъ, по большей части, тутъ, листьями второго корытъ шелковичныхъ червей.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ маргеланскаго, кокандскаго и наманганскаго уѣздовъ, гдѣ производятся большие посѣвы дынь, туземцы переселяются со своими семьями на бахчы и живутъ здѣсь въ шалашахъ. На бахчѣ переселяются обыкновенно не ранѣе Мая, т. е. того времени, когда дыни начинаютъ завязываться.

НАРУЖНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ И ЕЯ ОДЕЖДА.

Преобладающей ростъ туземныхъ женщинъ средний и низкий. Рослыя въ кишлакахъ встречаются гораздо чаще, чѣмъ въ городахъ. Въ силу тѣхъ ищевыхъ условій, о которыхъ мы будемъ говорить нѣсколько ниже, туземная девушка развивается далеко не быстро, а замужъ выходить рано, въ среднемъ па 13-мъ или 14-мъ году; оттого, по выходѣ замужъ, молодая женщина довольно долго, а иногда и очень сильно растетъ. Существуетъ даже повѣреи или замѣчаніе, что новобрачная ростъ тѣмъ больше и быстрѣй, чѣмъ больше ей правится ея мужъ.

Полныя женщины встречаются довольно часто. Большинство предрасположено къ полнотѣ и въ зрѣломъ возрастѣ быстро толстѣеть, попавъ въ хорошія жизненные условія. Полнота считается однимъ изъ непремѣнныхъ условій красоты; часто красавицей называются чуть не уроды съ пишущими атурами и здоровымъ цветомъ лица. Полнѣть женщины начинаютъ обыкновенно не раньше 19—20 лѣтъ и по большей части уже послѣ рожденія первого ребенка.

Тѣлосложеніе очень рѣдко бываетъ правильныи. У большинства замѣчаются несоразмѣрно длинные торсы, что, впрочемъ, въ значительной степени скрадывается покроемъ верхняго платка; въ случаѣ же отсутствія большихъ, хорошо развитыхъ грудей, торсъ одинаково, какъ спереди, такъ и сзади, крайне плоскій. Въ силу этихъ недостатковъ тѣлосложенія рѣдкая туземная женщина, одѣтая въ европейское платье, имѣть сколько-нибудь привлекательный видъ.

Тазы большинства, какъ полныхъ, такъ равно и сухощавыхъ субъектовъ,—широкіе. Случай смерти во время родовъ не рѣдкость, но, принимая во вниманіе полное отсутствіе научныхъ знаній въ сфере акушерства, можно думать, что причинами большинства этихъ случаевъ является не природная узкость таза, а скорѣе неправильное положеніе плода и другія патологическія состоянія беременныхъ, являющіяся въ резултатѣ неудовлетворительности гигієническихъ условій, какъ беременной, такъ и роженицы. Думаемъ это потому, что, во первыхъ, очень не рѣдки случаи, когда смерть наступаетъ не во время родовъ, а вслѣдъ за ихъ окончаніемъ, а во вторыхъ, о случаяхъ этого рода приходится слышать главнымъ образомъ зимою. Къ сожалѣнію статистическихъ данныхъ этого рода, также какъ и данныхъ о рождаемости и смертности, до сихъ поръ не имѣется, а потому, не позволяя себѣ говорить что-либо утверждительно, мы рѣшились высказать одно лишь наше предположеніе.

Форма головы по большей части неправильна. Особенно часто встречаются широкіе и плоскіе затылки. Причиною этого мы склонны считать то обстоятельство, что ребенокъ въ продолженіи не менѣе года лежитъ въ башмакѣ, на деревянное дно которого подъ головку дитяти подстилается или тонкій ватинный тюфячекъ, или такая же тонкая вата на подушечка. Вата быстро сваливается и теряетъ упругость, а

подушка дѣлается на столько твердой, что не можетъ не вліять на правильность развитія затылочной кости. Высокіе, большие лбы у взрослыхъ почти не встрѣчаются или, до крайней мѣрѣ, очень рѣдко, по недостатокъ этого въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно искусно, хотя и не всегда сознательно, замаскировывается женщиными *дурницами*, о которой подробнѣе мы упомянемъ ниже. Цвѣтъ кожи по преимуществу смуглый съ самыми разнообразными оттенками до таکъ называемаго цвѣта печищенаго салога включительно. Бѣлая, пѣжная кожа встречается, правда, по сравнительно очень рѣдко; о такихъ лицахъ туземцы говорятъ: «*пахтадакъ*» — какъ вата — и отдаютъ имъ безусловное предѣльно предпочтеніе, если только цвѣтъ волосъ не слишкомъ свѣтлъ. Женщины со свѣтло русыми волосами встречаются не часто, а блондинки и рыжія очень рѣдкія исключенія и находятся у туземцевъ въ совершенномъ пренебреженіи. Однаково съ этимъ не одобряются и сѣрые глаза, въ общемъ довольно рѣдкие. У большинства они каріе и черные.

Бѣдный, болѣзнистый, испитой цвѣтъ лица встречается довольно рѣдко и то главнымъ образомъ въ средѣ того лишь люда, который постоянно живетъ въ центральныхъ частяхъ большихъ городовъ, особенно Кокана и Маргелава, отличающихся крайне неудовлетворительными гигиеническими условіями. Румянецъ между молодыми туземными женщинами далеко не рѣкость.

Лица можно раздѣлить на три типа: монгольскій, персидскій и средній.

Первые два, конечно, известны читателю, а потому и говорить о нихъ мы не будемъ. Средній типъ, произошедший отъ смѣщенія монгольского съ персидскимъ, въ средѣ осѣдлого населения сартовъ, можетъ быть названъ преобладающимъ. Лица этого типа, по большей части, круглыя, у женщинъ не рѣдко очень плоскія. Расстояніе между глазами обыкновенно довольно велико. Черты лица всегда почти неправильныя. Верхняя губа очень часто тоньше нижней; во время молчания она иѣсколько западаетъ, при чемъ иногда собирается въ вертикальныя складки, что придастъ лицу иѣсколько злое выраженіе. Карій цвѣтъ глазъ преобладающей, а брови, по большей части, очерчены не такъ рѣзко и пра-

вильно, какъ у другихъ. Этому типу, болѣе чѣмъ остальнымъ двумъ, присущи полнота, иѣжный цвѣтъ кожи и свѣтлые оттенки волосъ. Узкіе, наискось прорѣзанные глаза, такъ называемые *битъ-кузы*, довольно рѣдки. Уши у большинства большія и вѣсколько оттопыренныя.

Благодаря разнообразію типовъ, было бы очень трудно дать какое вибудь общее представлениe о господствующемъ выраженіи женскихъ лицъ. Однако же, всматриваясь въ послѣднія, нельзя не замѣтить, что выражение энергіи по всемъстю и во всѣхъ слояхъ женскаго туземнаго общества преобладаетъ надъ апатіей. Апатичное выраженіе, такъ часто встрѣчающееся между мужчинами, у женщинъ сравнительно очень рѣдко. Чаще другихъ можно встрѣтить выражение лица, а въ особенности глазъ, хитрое, плутоватое или проницательное и вдумчивое.

Ровные и крѣпкие передніе зубы, по долгу сохраняющіе бѣлизну, были бы не рѣкостью, если бы многія изъ туземныхъ женщинъ не имѣли обыкновенія красить зубы черной краской *тышхали*, которая, будучи разъ положена на зубы, не сходитъ потомъ съ нихъ очень долго. Дупла въ зубахъ встречаются очень часто, какъ между женщинами, такъ и между мужчинами. Страдаютъ, по преимуществу, коренные зубы. Очень возможно, что главнѣйшей причиной этихъ болѣзней является привыкѣ зимою горячей пищи на морозъ. (1) Думаемъ это потому, что въ общемъ и мужчины и женщины обращаются съ зубами очень осторожно; такъ напр. никогда не грызутъ ореховъ, или фисташекъ; не обрываютъ зубами чипокъ и пр. Это во первыхъ, а во вторыхъ они очень рѣдко їдятъ такие продукты, какъ сахаръ, конфеты и т. д., такъ какъ большинство не имѣть на это средствъ.

Родинка считается однимъ изъ лучшихъ украшений лица. Выраженіе *халь-дэр* — имѣющая родинку — почти равносильно слову *красивая*. Веснушки встречаются довольно рѣдко и, главнымъ образомъ, у женщинъ со свѣтлыми и рыжеватыми волосами.

(1) Температура большей части туземныхъ женщинъ въ это время года ниже 0°

Послѣдніе у большинства густы и длинны, но всегда почти очень жестки; мягкие волосы, не только между женщиными, но даже и между дѣвочками, большая рѣдкость. Въ городахъ молодыя женщины до рожденія первого, а иногда даже и второго ребенка, заплетаютъ волосы у затылка въ нѣсколько, 4-5, мелкихъ косъ; оттого молодуха здѣсь называется *бѣз-накѣль* (пять кось). Обыкновенная же прическа замужней женщины двѣ косы.

Рядъ всегда прямой. Въ Наманганѣ тщательно приложенные спереди волосы спускаются по верхней части лба двумя большими фестонами. Въ Кокандѣ многія франтихи оставляютъ за каждымъ ухомъ по локону. Копцы косъ всегда закрѣплены снуркомъ, скрученнымъ изъ ваты; есть покѣрье, что, если оставить копцы не закрѣпленными, то на горячемъ лѣтнемъ вѣтрѣ—*гарм-сіль*—волосы вылѣзутъ. Въ большомъ употреблении фальшивыя косы удау, которая дѣлаются обыкновенно изъ своихъ же выпадающихъ волосъ.

Утромъ, проснувшись и вставши съ постели, сартыка приглашаетъ только волосы ладонью руки и сейчасъ же накидываетъ на голову платокъ, ходить безъ котораго считается, не только неличнымъ, но даже и грѣхомъ. Особенное большинство грѣхомъ считается для женщины быть безъ платка въ той комнатѣ, где пылется коранъ, а также во время его чтенія многія сняты въ платкѣ, обвязывая его очень туго вокругъ головы. Чешется голова только въ тѣ дни, когда ее моютъ, а моютъ ее разъ въ недѣлю, обыкновенно по пятницамъ, рѣже по четвергамъ, или субботамъ. Не принято мыть голову по вторникамъ (тяжелый день) и по базарнымъ днямъ. Распустивъ и разчесавъ волосы, ихъ намазываютъ *кѣтъкомъ*, квашеннымъ кипяченымъ молокомъ, еще разъ прочесываютъ маленькимъ довольно частымъ и всегда почти деревяннымъ гребнемъ, а затѣмъ промываютъ зимой теплой, а лѣтомъ холодной водой, выжимаютъ, скручиваютъ въ пучекъ надъ серединой лба, даютъ слегка обсохнуть въ продолженіи около $\frac{1}{2}$ часа и затѣмъ уже чешутъ и заплетаютъ въ косы. Операция эта въ совершенной точности продѣлывается всеми женщинами, не только Ферганы, но даже и всего Туркестанскаго края. Мыла при мытьѣ головы никогда не употребляютъ. Зимой, за исключеніемъ *кѣтъка*, послѣдній замѣняется или творогомъ, припасаемымъ специально для этой цѣли

и разводимъ въ теплой водѣ, или сырьими яйцами. Однимъ изъ лучшихъ средствъ, способствующихъ укрѣплению и росту волосъ, считается бычья, или коровья, желчь.

У большинства, особенно городскихъ, женщины не рѣдко мускулистая и пухлыхъ кисти руки малы и имѣютъ очень изящную форму. Ногти всегда выщуклые и продолговатые. Ступни, наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ относительно велики, или, вѣрнѣе, длинны, съ низкимъ подъемомъ и длинными, плоскими пальцами. Груди у большинства достаточно развиты. Есть признакъ, что женщины со слабо развитыми грудями мало способны къ рожденію дѣтей.

Изъ наиболѣе распространенныхъ уродливостей мы упоминаемъ о зобахъ—*букаѣ*, достигающихъ иногда громадныхъ размѣровъ и встрѣчающихся преимущественно въ Кокандскомъ и Маргеландскомъ уѣздахъ, о большихъ шрамахъ на лицѣ и рукахъ отъ такъ называемой *сартовской болѣзни* и рябинахъ. Оспопрививаніе очень рѣдко практикуется въ средѣ туземного населения; ежегодно зимой оспа (*чечакъ*)—свирипствуетъ и въ городахъ и въ кишлакахъ, оставляетъ на лицахъ рябины и на глазахъ бѣльма и уноситъ солидное, по видимому, число малолѣтнихъ дѣтей. Русская администрація сдѣлала кой-какія попытки ввести осопопрививаніе между туземцами, учредивъ при каждой уѣздной больницѣ, а равно и въ волостяхъ, осенниковъ—сартовъ, получающихъ содержание и лимфу на счетъ земскихъ суммъ, но дѣло это подвигается крайне туго, несмотря на то, что осопопрививаніе для сартовъ въ сущности далеко не новость, такъ какъ, хотя и рѣдко, но всетаки встрѣчаются туземцы съ осою, привитой обыкновенно на ладони, около большого пальца.

На покрой и наружный видъ туземной женской одежды наибольшее влияние имѣли: климатъ, особенности быта и религія. Длинное, жаркое лѣто, продолжающееся въ среднемъ около полугода, выѣстъ съ привычкою сидѣть на полу, поджавши ноги, и потребностью время отъ времени садиться на лошадь, заставили женщину придать всемъ почти частямъ ея костюма такой видъ, при которомъ онъ возможно меньше стеснялъ бы ея движенія; а религія обязала устроить его такъ, чтобы, при ходьбѣ по улицѣ, посторонній глазъ не видѣлъ ничего кроме самого верхнаго платя, которое не должно быть яркимъ, дабы не привлекать собою взгляды мужчины.

Штаны (*шитанъ*), очень широкие сверху до колена, къ низу съуживаются на столько, чтобы сквозь низы штанинъ, достигающихъ ступни, или щиколотки, могли лишь безъ особаго труда пройти ступни, ногъ. Низы обшиваются нестрой тесьмой—*джіякъ*, а сами штаны у пояса подвязываются на очкуре (*шитанъ-байз*). Дѣвочкамъ штаны надѣваются съ 2-хъ или 3-хъ лѣтнаго возраста. Взрослымъ ходить безъ нихъ считается и грѣхомъ и неприличиемъ, отчего иногда эта часть костюма называется *языкъ*, что, по арабски, значитъ совершение необходиимос. У состоятельныхъ женщинъ штаны шьются изъ кумача, яркаго ситца, полушелковаго *адряса*, или канзуза; у бѣдныхъ—изъ грубой, мѣстной бумажной матеріи, по большей части, бѣлаго цвета, при чёмъ низы четверти на $1\frac{1}{2}$, на 2, обшиваются кумачемъ, ситцемъ, или *адрясомъ*. Поверхъ штановъ надѣвается рубаха, замѣняющая собою и нижнюю рубаху, и сарафанъ, или платье.

Рубаха *коинакъ*—шьется всегда очень широкая и длинная, до щиколотокъ, съ широкими же и длинными рукавами, концы которыхъ спускаются значительно ниже коленъ. При плясѣ длинные концы рукавовъ замѣняютъ собою платокъ нашихъ русскихъ женщинъ, а въ общемъ нерѣдко служатъ и посовоймъ платкомъ; впрочемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ рукавъ не сморкаются, а лишь обтираютъ имъ носъ. Воротъ прорѣзывается двоякимъ образомъ: или горизонтально надъ обоими плечами, или вертикально до пояса. Какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ, онъ обшивается широкой узорной тесьмой *джіякъ*. При вертикальномъ воротѣ на нижніе концы *джіяка*, имеющіе видъ бахрамы, очень часто привязываются или ключъ отъ сундука, или привѣски изъ бусъ и коралловъ. Рубахи съ горизонтальными воротами—*муллачакайнакъ*—носятъ только молодая женщина; если послѣдняя кормитъ, то надъ грудями прорѣзываются прорѣхи, чего у простыхъ женскихъ рубахъ съ большими вертикальными воротами не дѣлается.

(Название *муллачакайнакъ* получилось потому, что ношеніе рубахъ этого покрова присвоено прежде всего грамотнымъ мужчинамъ—*мулламъ*. Въ такихъ же рубахахъ ходятъ дѣти обоихъ половъ, и дѣвушки. Неграмотные мужчины носятъ *якта*, рубахи на манеръ халата. За послѣднее время

между сартовскими франтихами стали входить въ моду татарскіе ворота съ широкими отложными воротниками).

Шьются женскія рубахи изъ самыхъ разнообразныхъ матерій. Въ кишлакахъ: будничныя—изъ грубой бѣлой, или полосатой синей, туземной бумажной матеріи; праздничныя—изъ кумача или ситца, рѣже изъ канзуза или тонкаго атласа—*шпаркакъ*. Въ городахъ рубахи изъ туземныхъ бумажныхъ матерій встречаются сравнительно рѣдко, только въ средѣ самаго бѣднаго населения. У мало-мальски зажиточныхъ городскихъ женщинъ и дѣвушекъ рубахи дѣлаются изъ гладкаго или узорнаго кумача, изъ ситца яркихъ цветовъ и по большей части, крупиаго узора и изъ бриллиантина. Шелковыя рубахи надѣваются или по праздникамъ, или въ гости. Пожилыя женщины, за 30, за 35 лѣтъ, носятъ, какъ ситцевыя, такъ и шелковыя рубахи темныхъ цветовъ: темно-синія, фиолетовыя, двуцвѣтныя съ отливомъ (*кабутард*—цвѣтъ груди у голубя) и проч. Синій цвѣтъ соотвѣтствуетъ нашему черному и считается траурнымъ. Лѣтнія рубахи не рѣдко дѣлаются изъ бѣлой, или цветной, мѣстной кисеи, довольно грубой и очень плохаго достоинства. (Въ вѣкоторыхъ мѣстностяхъ замужнія женщины не подрубаютъ подоловъ рубахи рубцомъ, а лишь обмѣтываютъ его, такъ какъ есть повѣре, что женщины, посягнувшіе рубаху съ подрубленнымъ подоломъ, грозить неплодіе).

Выше мы сказали уже, что ходить съ открытой головой считается грѣхомъ. Ангель-хранитель отлетаетъ отъ женщины, если она есть пішу, не имѣя на головѣ платка. Послѣдній, бѣлый, или красный, кисейный, рѣже кумачевый, обыкновенно не менѣе $1\frac{1}{2}$, аршинъ въ квадратѣ, складывается по поламъ по диагонали, получается косынка, которая или закладывается на голову, или повязывается. Въ первомъ случаѣ края косынки закладываются за уши, а концы выпускаются на грудь. Во второмъ, платокъ обертывается вокругъ головы, закрывая верхнюю часть лба, а концы висятъ сзади.

При выходѣ изъ дома, въ гости, поверхъ большаго платка (*румалъ*) на лобъ повязывается *дурача*, небольшой, всегда узорный, яркаго цвета платокъ, сложенный въ сколько разъ полоской и повязываемый на голову въ видѣ кошника.

Лѣтомъ домашняя одежда женщины состоить изъ штановъ, рубахи и платка; при выходѣ на дворъ на босу ногу надѣваются калоши. Въ холодное время состоятельный надѣваютъ ючиги съ калошами; бѣдныя всегда, и лѣто и зиму, ходятъ или въ калошахъ на босу ногу, или въ ючигахъ безъ калошъ. Изрѣдка можно встрѣтить женщину въ чулкахъ изъ бѣлой бумажной матеріи, вмѣсто кожаныхъ ючиgovъ, и калошахъ. Прежде, лѣтъ 30 тому назадъ, большинство женщинъ ходило въ такихъ чулкахъ; теперь это всѣми оставлено. Ходить по улицамъ въ сапогахъ считается неприличнымъ; въ нихъ ходить большинство теперешнихъ проституокъ. Русские ботинки, завѣтная мечта большинства тѣхъ мѣстныхъ франтихъ, которыхъ видѣли ихъ гдѣ нибудь случайно, только что начинаютъ входить въ моду и встрѣчаются пока очень рѣдко.

При выходѣ изъ дома, еще на внутреннемъ дворѣ, женщина набрасываетъ на голову чимбѣтъ⁽¹⁾; густую сѣтку изъ конского чернаго волоса, закрывающую лицо и грудь, а поверхъ чимбѣта на голову же накидывается паранджѣ, длинный халатъ изъ сѣрої, или темно-синей, бумажной, иногда полушелковой, матеріи. Подоль паранджѣ достигаетъ щиколотокъ, или земли; концы длинныхъ рукавовъ, висящихъ за спиной и схваченныхъ ниткой внизу, нерѣдко волочатся по полу. Приличie требуетъ, чтобы, при хожденіи по улицѣ, изъ подъ паранджѣ, по возможности, не выставлялись бы цветные наряды женщины, но правило это, въ особенности теперь, никогда почти не соблюдается⁽²⁾. По способу ношения паранджѣ туземцы сейчасъ же узнаютъ урожденку того или другаго города. Такъ напримѣръ, въ Наманганѣ верхній край паранджѣ всегда спускаютъ къ самому лбу, а нижній конецъ чимбѣта выпускаютъ изъ подъ паранджѣ; въ Кокандѣ наоборотъ, верхній край паранджѣ лежитъ посерединѣ темени, а низъ, придерживаемый рукой, закрываютъ собою края и низъ чимбѣта.

Въ кишлакахъ, удаленныхъ отъ городовъ, паранджѣ встрѣчаются рѣдко, у наиболѣе состоятельныхъ женщинъ,

(1) Сокращенное изъ чималъ—бандъ.

(2) «Ногами своими не ступали бы онѣ такъ, что бы выставлялись закрытыес наряды ихъ». Коранъ. Гл. 24 ст. 31,

Тамъ ихъ замѣняютъ обыкновеные халаты, набрасываемые также какъ и паранджѣ, на голову. Во многихъ мѣстностяхъ у кишлакныхъ женщинъ принято набрасывать не свой халатъ, а халатишко одного изъ дѣтей, при чемъ на голову всегда накладывается внутреннее отверстіе котораго нибудь изъ рукавовъ.

Въ холодное время рубахъ, если онѣ только имѣются, надѣвается двѣ; верхня обыкновенно и новыи, и нарядней нижней.

По верхъ ихъ большинство женщинъ носить ватный халатъ такого же покрова какъ и у мужчинъ. Подпоясывать его кушакомъ у женщинъ не принято. (Красные кумачевые кушаки въ 6—8 аршинъ длиной въ большомъ употребленіи у туземныхъ женщинъ легкаго поведенія).

Въ дорогѣ или во время какой либо работы, какъ напр. мытья бѣлья, женщина опоясывается платкомъ, сложеннымъ косынкой. Кушакъ изъ какой либо синей матеріи она опоясываетъ во время оплакиванія покойника на дому и при хожденіи на его могилу на 2-ой, 3-ій и 40-ой день. Женскій халатъ дѣлается изъ ситца, узорного кумача или полушелковаго адриса; рѣже изъ канавуса или атласистаго испаркака. У шелковыхъ и полушелковыхъ халатовъ подкладка по большей части ситцевая, а у ситцевыхъ и кумачевыхъ она дѣлается обыкновенно изъ грубой бумажной матеріи бѣлаго цвѣта, или же изъ туземной непроклеенной марли. У состоятельныхъ городскихъ женщинъ за послѣднее время халатъ стала вытѣсняться бешметомъ изъ полушелковыхъ матерій, но такъ какъ послѣдній дѣлается здѣсь или совсѣмъ безъ ваты, или лишь съ очень тонкой ея наслойкой, то поверхъ его въ холодѣ обыкновенно надѣвается и халатъ.

Въ городахъ у старухъ, а въ кишлакахъ у всѣхъ вообще замужнихъ женщинъ, до сихъ поръ можно встрѣтить старинный мунсакъ, халатъ съ короткими, до локтя только, и очень широкими рукавами.

Шубы, такого же покрова какъ и обыкновенный туземный халатъ, па барашкѣ, лисьихъ лапкахъ или дикой кошкѣ, отороченные бобромъ, куницей или выдрой, между женщинами встрѣчаются лишь у наиболѣе состоятельныхъ.

Носильные штаны и рубахи сминаются и моются обыкновенно очень рѣдко. У людей состоятельныхъ въ среднемъ

недѣли че́резъ дѣ́й, тѣ, кто побѣди́е, снимаю́тъ ихъ тогда лишь; когда достаточно убѣдя́тся въ достиже́нии ими степени заскорузлости, именуемой *шакарг-кірз*, что происходит, разумѣется въ очень различные сроки, смотря по времени года, образу жизни и пр. Голь носитъ рубахи и штаны, никогда не моя ихъ, до тѣхъ поръ, пока они не истлѣютъ, истрепляются и начнутъ сваливаться клочьями съ ихъ обладателей. Для мытья бѣлья вода кипятится въ обыкновенномъ, по большей части единственною, котломъ съ поташемъ или *гушиштамомъ*, растеніемъ, изъ которого здесь приготавляется поташъ. Само бѣльё моется или въ маленькомъ деревянномъ корытицѣ, или въ большой глиняной чашкѣ — *тагарѣ*. Мыло, кускомъ которого здесь придается форма конуса съ высотою около 2½, вершковъ, расходуется очень экономно, не больше двухъ головокъ на бѣльё всей семьи, отчего послѣднее никогда почти не отмывается до чиста. (Такая головка стоитъ отъ 3 до 5 копѣекъ серебромъ).

Выполоска́въ въ холодной водѣ, баба выжимаетъ бѣльё вездѣ и всегда однимъ и тѣмъ же способомъ: она держитъ рубаху правой рукой за плечо, а лѣвой крутить её непремѣнно отъ себя. Бѣльё сушится на солнцѣ и потомъ разминяется руками. Ката́нье и гла́же́нье его совсѣмъ не практикуются, а большинству даже неизвестны. Въ холодные зимы его или совсѣмъ не моютъ, или моютъ очень рѣдко, выбирай сравни́тельно теплые и ясные солнечные дни.

У каждой маломальски состоятельной женщины, кромъ посильного бѣлья и платья есть еще одна или две, а у тѣхъ, кто побогаче, даже и пѣсколько, шелковыхъ рубахъ и халатовъ, которые надѣваются при выходѣ въ гости. Рубахи эти никогда почти не моются, служить очень по долгу; памъ не разъ приходилось видѣть такія, которые прослуживъ 10—12 лѣтъ, имѣли еще настолько спосный видъ, что могли въ глазахъ саряжокъ считаться нарядными. Такія рубахи дома не носятся, по возвращеніи изъ гостей немедленно же снимаются и прячутся въ сундуки, а потому и сохраняются очень долго. Если въ городахъ мы и встрѣчаемъ на улицахъ большое сравни́тельно число женщинъ въ шелковыхъ рубахахъ и халатахъ, то это отнюдь еще не можетъ служить признакомъ благосостояния, такъ какъ большинство встрѣчаемыхъ ими

франтихъ этого разбора очень часто изнашивается въ продолженіи всей своей жизни не болѣе двухъ-трехъ шелковыхъ рубашекъ; одна шьется (мужемъ или родителями) при выходѣ замужъ, а другую, или дѣй другихъ, она сколачиваетъ впослѣдствіи сама на тѣ средства, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Прійдя и снявъ верхнюю шелковую рубаху, такая женщина остается въ грязной, затасканной ситцевой, падающей такой же ситцевый халатъ, изо дня въ день ёсть *кучукъ* — кашицу изъ джугары или *машъ-хурдукъ*, кашицу же изъ риса и чечевицы, а *палау* съ микроскопическими пропорциами мяса варить разъ въ цедѣлю, по четвергамъ вечеромъ. Въ богатыхъ семьяхъ количество праздничной и выходной одежды женщинъ бываетъ иногда очень велико, но несмотря на это дома они ходятъ побольшей части грязно и отличаются очень малой опратностью въ отношеніи своего посильного бѣлья и платья. Въ новой рубахѣ или новомъ халатѣ саряжка садится на землю, прислоняется къ глиняному забору, вытираетъ рукавомъ посуду и пр. Понятно, что при такомъ отпошепинѣ къ бѣлью и платью послѣднее не можетъ по долгу оставаться чистымъ, а благодаря рѣдкому его мытью и другой чисткѣ, оно всегда почти имѣеть очень грязный и затасканный видъ.

Къ каждому изъ двухъ праздниковъ, къ Рамазану и Курбану, шьются обновки; женщины они доставляются по большей части ихъ мужьями; рѣже они дѣлаютъ ихъ на свой счетъ или получаютъ отъ богатыхъ родственниковъ. Количество и стомвность такихъ обновокъ, конечно, различны. У состоятельныхъ это полная обмунировка; у другихъ халатъ и рубаха; одинъ халатъ или одна рубаха; платокъ или ючиги съ калошами и пр. Праздничная обновки носятся весь дні праздника, не снимаясь, и, если это не шелковая рубаха, то поступаютъ въ разрядъ постоянно носящаго бѣлья и платья. Нерѣдко, особенно среди бѣднаго кишлачного населенія, приходилось видѣть случаи, когда, за неимѣніемъ средствъ, праздничной обновкой женщины былъ аршинъ ситца, изъ которого она дѣлала наставки на рукава поноженной уже рубахи и выпускала ихъ изъ рукавовъ халата.

Еще за два, за три дні до праздника на улицахъ начинаютъ появляться новые рубахи, халаты, ючиги, калоши, сапоги и тюбетѣйки, такъ какъ полученные обновы надѣва-

ются обыкновенно немедленно же. Сколько проливается слезъ, сколько извергается ругани и сколько разводовъ затѣвается у бѣднаго люда въ теченіи двухъ-трехъ дней, предшествующихъ празднику, а главнымъ образомъ въ день такъ называемой *арапы*, капуна или сочельника!

На базарѣ всѣ почти лавки отворены. Всюду снуютъ пароды. Ближайшія къ базару улицы начинаютъ замѣтно оживляться. И пѣши, и конные двигаются съ разными покупками; у большинства лица праздничныя, довольныя. Сѣй степенный сартъ на коротенькомъ волосяному арканѣ тащить за собой барапа; мальчишка сынъ подталкиваетъ его сзади. Другой, въ новомъ халатѣ и тюбетейкѣ, несетъ свертокъ ситца и кумача. Жена и дочь просидятъ весь вечеръ и весь завтрашній день, чтобы успѣть къ празднику со своими обновками. *Байлбача*, сынъ богатаго купца, ёдетъ верхомъ и держитъ на передней лукѣ сѣдла цѣлый ворохъ ситца, кумача и тика.

Дизаны — юродивый усиленно выпрашиваетъ милостыню къ предстоящему празднику. Кишлакчые сарты на арбахъ и верхомъ, со свертками ситца, съ калошами и платками въ рукахъ, торопливо разѣзжаются по домамъ. Женщины въ сопровожденіи дѣтей — подростковъ споютъ въ разныя стороны, держа на головахъ подносы, завернутые въ разноцвѣтные *дастарханы*. На этихъ подносахъ *палау*, лепешки, ситцы, платки и маленькия зеркала. Женщины разносятъ эти подарки передъ праздникомъ къ своимъ *шуддѣ*, у которыхъ они высматривали дочерей или сестеръ своимъ сыновьямъ и братыムъ.

Съ одного двора несется протяженный и громкій вой. Дѣвка лѣтъ двѣнадцати сидитъ на корточкахъ, опершись лицомъ на лодопи, а локтями въ бедра ногъ и голосомъ воетъ на цѣлый кварталъ. Отецъ ничего не купилъ къ празднику, а она ожидала получить по меньшей мѣрѣ платокъ.

Подальше, у маленькой входной калитки, въ старой тюбетейкѣ и попошенномъ полосатомъ ситцевомъ халатѣ сартъ сидитъ на корточкахъ и не то задумчиво, не то съ усмѣшкой посматриваетъ на проходящій мимо него людь. Въ *ичкарѣ* ругается его жена. Она, очевидно, была запята приданьемъ читокъ, но бросила работу, сѣла въ другой уголъ сакли, распустила головной платокъ и, не обращая

вниманія на ревъ лежащаго въ бишкѣ ребенка, поносить мужа всѣми известными ей попошеніями. Она ожидала получить отъ него новую рубаху и калоши съ йчигами, а онъ только что и принесъ ей съ базара бѣлый кисейный платокъ и плохенькия, дешевыя калоши.

Она ругается и вслухъ произноситъ твердо припятое ею рѣшеніе, идти послѣ праздника къ *кази* за разводомъ. Въ это самое время, шурша новой ситцевой рубахой, въ саклю входитъ молоденькая сосѣдка.

Ругательница на мигу умолкаетъ, потомъ вдругъ, ни съ того ни съ сего начинаетъ голосить. Гостья присаживается около плачущей. „*А? Нима иллабъ отурубъ сыз?*“ Чего вы плачете? „Воетъ. „Что такое съ вами случилось?“ Баба швыряетъ на середину сакли привесенныя мужемъ калоши и, нетрогаясь съ мѣста, съ илачью и руганью начинаетъ повѣствовать гостьѣ о постигшемъ ее несчастьи. „Умири! проглоти тебя земля! эдакой подарокъ купилъ миѣ къ празднику! А еще обѣщаю: рубаху, говорить, куплю, калоши съ йчигами. Только бы праздникъ прошелъ — пойду къ казию разведусь. Чего миѣ съ нимъ жить; какая это жизнь, когда къ празднику не можетъ женѣ рубахи купить. Разведусь. Уйду отъ него.“

Если до этого происшествія она жила съ мужемъ спокойно, то по всей вѣроятности, выѣхать съ праздникомъ придется и мысль о разводѣ; въ противномъ случаѣ въ теченіи всего *жайта* въ саклѣ будутъ раздаваться ругань и перебранка, а послѣ праздника она отправится съ мужемъ къ казию и, если обстоятельства развода будутъ благопріятны для нея, то она покинетъ своего сожителя, а къ зимѣ выйдетъ замужъ за другого.

Въ небогатыхъ семьяхъ, какъ въ кишлакахъ, такъ равно въ городѣ, женщина ежегодно изнашивается въ среднемъ 2 рубахи, столько же штановъ, 2 халата, 2 пары калошъ, одни йчиги, которые она поситъ не постоянно, и 2 платка. *Чимбетъ* и *паранджай* носятся по иѣскольку лѣтъ. Такимъ образомъ ежегодный расходъ на ея одежду для небогатой семьи въ среднемъ можетъ быть принять около 12-17 рублей серебромъ. (Первая цифра средняя для кишлака, гдѣ йчиги посятся очень рѣдко, а ситецъ въ домашнемъ обиходѣ замѣняется грубыми туземными матеріями; вторая, большая

для города. Рубаха изъ туземной матеріи стоитъ отъ 80 к. до 1 р. 20 к.; изъ ситца—его идетъ около 10 аршинъ—отъ 1 р. 50 к. до 2 р.; штаны ситцевые около 80 к.; йчи-ги—1 р.; пара калоши отъ 1 р. до 1 р. 50 к.; халатъ отъ 1 р. 50 к. до 3 р.; платокъ 1 р.) Для состоятельныхъ семей цифры эти значительно возрастаютъ, такъ какъ тамъ туземная бумажная матерія не употребляются, замѣняясь русскими ситцами, кумачемъ и тикомъ, а праздничная и выходная одежда женщины, въ особенности въ городахъ, дѣлается всегда почти изъ полушелковыхъ и шелковыхъ матерій. (Рубаха изъ тонкаго атласа—*шарандж* стоитъ около 7 р; полушелковый халатъ или бешметъ около 6 р. сер., хороший полушелковый *парандж* около 11 р.).

Если женщина имѣеть свое личное, привносящее доходъ имущество, то она одѣвается всегда почти исключительно на эти средства. Въ кокандскомъ уѣзде мы знали не богатую крестьянскую семью. Хозяйка была за вторымъ мужемъ; отъ первого она имѣла нѣсколькихъ дѣтей и наследство: небольшой участокъ земли, на доходы съ котораго одѣвалась она сама и дѣти первого мужа.

Если личного имущества у женщины нѣть, то въ состоятельныхъ семьяхъ еї одѣваютъ мужъ, а въ бѣдныхъ нужные для одежды средства добываются еї самой такимъ трудомъ, какъ пряжа витокъ, разведеніе шелковичныхъ червей, очистка ваты отъ сѣмянъ и коробочекъ, а въ городахъ печеніе хлѣба на продажу, шитье одѣяль и халатовъ и пр. Въ достаточныхъ семьяхъ нѣкоторыхъ кишлаковъ намангавскаго уѣзда, и въ тѣхъ главнымъ образомъ, гдѣ ведется переложное хозяйство, не рѣдки случаи производства особыго, совершенно самостоятельнаго посѣка одного изъ такихъ хлѣбовъ, который требуетъ небольшого сравнительно ухода (не окучивается) какъ напр. ячмень, шеница и лѣнъ. Урожай съ этого поля полностью передается женщинѣ въ зерна; она продасть его и расходуетъ на свою экипировку по своему личному усмотрѣнію, не получая уже затѣмъ отъ мужа никакихъ другихъ субсидій, а перѣдко даже и праздничныхъ подарковъ. Такъ какъ этихъ средствъ бываетъ далеко не всегда достаточно, то очень не рѣдки случаи, когда женщина крадетъ у мужа зерно, продаѣтъ его въ тихомолку и расходуетъ эти деньги лично па себя; зачастую все это

дѣлается въ сообществѣ дѣтей, которыхъ вообще съ матерью живутъ дружинѣ съ отцомъ, такъ какъ власть послѣдняго одинаково тяготѣетъ надо всѣми ими. Замѣчательно, что всѣ эти мелкія воровства женъ, тщательно скрываемыя ими отъ мужей, отнюдь не считаются секретомъ не только между пріятельницами, но даже и между простыми знакомыми. Разсказывая о своихъ продѣлкахъ одному изъ авторовъ, сартяяки спрашивали много ли она сама таскаетъ у своего мужа и всегда относились крайне недовѣрчиво къ получаемымъ ими отрицательнымъ отвѣтамъ.

Представленіе о модѣ стало слагаться, повидимому, лишь за послѣдніе годы. Частности женскаго костюма измѣнялись и раньше, но причинами тѣхъ прежнихъ измѣненій было стремленіе не столько къ изящному, сколько къ болѣе практическому и удобному. Такъ бумажные матовые чулки смѣнились кожанными йчигами, а мунсакъ съ короткими, широкими рукавами, и въ большинствѣ случаевъ безъ воротника,—обыкновеннымъ халатомъ со стоячимъ воротникомъ и длинными рукавами.

Теперь отношенія какъ женщины, такъ равно и мужчины къ своему костюму значительно измѣняются или, вѣрнѣе, измѣнились, и въ средѣ состоятельного городского населения мы видимъ стремленіе шить платье изъ наиболѣе модныхъ матерій съ пѣкторами, частными, впрочемъ отступленіями отъ основныхъ формъ народнаго костюма. Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ между туземными франтами, кунеческой молодежью, соприкасавшейся съ русскими и съ Ташкентомъ, одно время были очень распространены туземные сапоги на необыкновенно высокихъ и тонкихъ каблукахъ и халаты съ отложными воротниками; въ это же время женщины стали обзаводиться бешметами вместо халатовъ. Позднѣе у мужчинъ вошли въ моду калоши съ широкими носками, халаты, простроченные на машинѣ, и бѣлье изъ ситца вместо прежнихъ туземныхъ бумажныхъ матерій. На улицахъ встрѣчалось все больше и больше женщинъ одѣтыхъ въ рубахи моднаго цвѣта.

Изъ Россіи приходятъ товары. Привозится партія такого ситца, узоръ котораго здѣсь новинка. По городу разносится слухъ о томъ, что на базарѣ продается який чикан-чиштаг—вновь появившійся ситецъ. Въ лавкахъ съ крас-

нымъ товаромъ онъ лежитъ на видномъ мѣстѣ и вмѣсто 18 или 20 копѣекъ за аршинъ продаются первое время по 30 коп.. Натурально, это еще болѣе раздразниваетъ и рубахи изъ такого ситца дѣлаются миражемъ, носящимся въ воображеніи всѣхъ наиболѣе склонныхъ къ самоукрашенію. Одно время въ качествѣ такого янг-чикканд-чѣта фигурировалъ рѣденъкій ситецъ съ широкими красными вигзагами по бѣлому полю; черезъ нѣсколько времени его смѣнилъ брильянтины съ мелкими цвѣточками и т. д. Точно также мода существуетъ у женщинъ и на головные платки. Прежде въ большомъ употребленіи были бѣлые кисейные, вышитые по краямъ шелками, такъ называемые *дурія*; затѣмъ ихъ мѣсто заняли кисейные же красные платки съ крупными бѣлыми или желтыми цвѣтами; потомъ опять простые платки изъ бѣлой кисеи, а теперь входить въ моду бѣлые или цвѣтные шелковые, по большей части бухарского приготовленія. Вмѣсто съ прониканіемъ повсюду въ городахъ отложнаго татарскаго ворота у женской рубахи, замѣчается неподобимое вожделѣніе къ ботинкамъ, но носить ихъ на улицахъ побаиваются, ибо, во первыхъ, они имѣютъ сходство съ сапогами, а въ послѣднихъ ходятъ однѣ лишь проститутки, а во вторыхъ, надѣвъ ихъ, рискуешь обвиненіемъ въ отступничествѣ отъ религіи.

Франтить и наряжаться сартанка, въ особенности молодая, любить, конечно, совершило также, какъ и женщина всякой другой расы, но здѣсь самоукрашеніе это кромѣ личныхъ, субъективныхъ стимуловъ и побужденій, зависитъ еще и на религіозныхъ снованіяхъ. *Шаріадтъ* (см. Торнѣу) совѣтуетъ женщинѣ заботиться о томъ, чтобы она правила мужу и рекомендуетъ ей для этой цѣли такія средства, какъ румяна, бѣлила, *ус.и.у* (для окрашиванія бровей) мушки (*хѣль*), локоны и проч. Такимъ образомъ для туземной женщины заботы о виѣшнемъ ея благообразіи и привлекательности являются до вѣкоторой степени нравственnoю обязанностью, отъ которой она избавляется или неимѣніемъ средствъ, или же достижениемъ того возраста, въ которомъ у всѣхъ вообще извѣстныхъ народовъ излишняя заботливость о своей варужности считается и смѣшной и зазорной.

Бѣлила приготавляемыя здѣсь изъ риса или изъ яичной скорлупы, румяна (фуксіинъ), а равно мушки и локоны въ Ферганѣ употребляются очень рѣдко. Въ гораздо большомъ

ходу окрашиваніе бровей *ус.м.ю* и рѣсницъ сурьмой. Наиболѣе красивыми считаются брови рѣзко очерченныя, широкія и сросшіяся надъ переносицей. Оттого при окрашиваніи ихъ *ус.м.у* кладется широкой полосой, идущей отъ наружнаго ковца одной брови до наружнаго же конца другой. Выходитъ это, конечно, очень грубо и аляповато, а сколько-нибудь изящное подкрашиваніе бровей встрѣчаются очень рѣдко.

Ус.м.у, — растеніе изъ крестоцвѣтныхъ, разводимое здѣсь туземцами. При свѣжемъ растеніи изъ листьевъ его пальцами выжимаютъ темнозеленый, съ легкимъ синеватымъ оттенкомъ сокъ; въ послѣдній обмакиваютъ конецъ тоненькой деревянной палочки или спички, обвернутой ватою и проводятъ имъ нѣсколько разъ по бровямъ. Черезъ нѣсколько времени окрашенное мѣсто принимаетъ почти черный цвѣтъ, а краска не сходитъ довольно долго тѣмъ болѣе, что мыло при мытье лица употребляется лишь очень немногими, наиболѣе богатыми франтихами.

Для полученія краски изъ сухой *ус.м.у*, листья завернуты въ кусочекъ ваты жуютъ въ теченіи нѣсколькоихъ минутъ, пока красящія начала не растворятся въ слюнѣ.

Сокъ *ус.м.у* считается средствомъ способствующимъ росту бровей.

Окрашиваніе ногтей на рукахъ и ногахъ, а перѣдко также и ладоней, повидимому, начинаетъ выходить изъ моды; окрашенныя руки теперь встрѣчаются только по праздникамъ и то не вездѣ, небольшой части въ однихъ лишь городахъ. Духи, туземного приготовленія и далеко не пріятнаго запаха, въ очень небольшомъ употреблениі.

Главнѣйшими украшениями сартовской женщины послѣ покрашенныхъ бровей и рѣсницъ служатъ кольца, серги, браслеты, бусы, кораллы, серебряные амулеты и другія привѣтскіе мѣстнаго издѣлія. За послѣднѣе время у женщинъ, носящихъ рубахи съ татарскими воротами, начинаютъ входить въ моду большія европейскія запонки. Всѣ эти украшенія, за исключениемъ колецъ и простыхъ не дорогихъ серегъ, дома никогда почти не носятся.

Мелкій жемчугъ, идущій на глазки къ кольцамъ и привѣтскіи къ сергамъ, мелкіе же, плохого достоинства кораллы, драгоценные камни—привозные изъ Индіи, Бухары и частью изъ Россіи.

Бирюза въ большинствѣ случаевъ поддѣльная, а камни замѣняются простыми цвѣтными стеклами. Въ наибольшемъ употреблении серебряные кольца съ поддѣльной бирюзой, кораллами, цвѣтными стеклами, мелкимъ жемчугомъ и иногда янтаремъ, который здѣсь очень большая рѣдкость. Стоимость такихъ колецъ колеблется отъ 30 к. до 5 р. с. Золотые кольца, браслеты и серги довольно рѣдки и встречаются лишь у наиболѣе богатыхъ женщинъ. Серги обыкновенно имѣютъ видъ большихъ, тонкихъ колецъ, сдѣланыхъ изъ серебряной проволоки и слегка разгибающихся безъ шарнира. Къ нимъ придѣляются привѣски изъ мелкаго жемчуга, коралловъ, бусъ или мелкихъ вызолоченныхъ серебряныхъ же побрякушекъ. Длина такихъ побрякушекъ доходитъ иногда до $\frac{1}{2}$ аршина, а о вѣсѣ ихъ свидѣтельствуетъ масса прорваныхъ женскихъ ушей.

Въ случаѣ особенности тяжелыхъ серегъ, женщина прицѣпляетъ ихъ не къ мочекъ уха, а къ волосамъ позади посыденія, или къ переднему краю платка на высотѣ уха. Стоимость обыкновенныхъ серебряныхъ серегъ колеблется отъ 40 к. до 4 р. сер. Серебряные же браслеты, цѣпою отъ 2 р. до 8 р. сер. дѣлаются съ чернью, позолотой или мелкой бирюзой, по болыней части поддѣльной. Изъ ожерелей наиболѣе употребительны коралловыя. Золотникъ посыденій (обыкновенно мелкіе и очень плохого качества) продается отъ 30 к. до 1 р. 40 к.

Коралловому ожерелью очень часто придается видъ ѿѣтки, изъ которой спускается до пояса; иногда между коралловъ помѣщаются крупныя шлифованныя бусы изъ серебра. Больше и малые, подъ чернью или позолоченные амулеты — *тумары*, имѣющіе обыкновенно форму треугольника, привѣшиваются или къ плечу, или сзади падь лопаткой. Къ косамъ на длинныхъ шнуркахъ нерѣдко привѣшиваются такъ называемые *чач-папукъ* — кисти изъ крученаго чернаго шелка, головки которыхъ обдѣляются въ серебро, а иногда кроме того украшаются еще бусами и другими побрякушками. Въ кишлакахъ такіе *чач-папукъ* нерѣдко замѣняются или крупными стеклянными бусами, или же просто просверленнымъ по серединѣ пебольшимъ камешкомъ. Такой камешекъ служить, конечно, не какъ украшеніе; онъ привязывается къ косѣ для того, чтобы она меньше болталась.

Носеніе небольшой серги въ носу, распространеное между женщинами и девушкиами и некоторыхъ другихъ частей Средней Азіи, въ Ферганѣ совсѣмъ не принято. Здѣсь ношение такихъ серегъ встречается иногда лишь между мѣстными, очень немногочисленными евреями.

Наиболѣе дешевыи и вѣбѣтъ съ тѣмъ любимыи украшениемъ сартапки, какъ женщины такъ и девочки являются цвѣты въ особенности розы, по къ сожалѣнію оѣ украшаются ими крайне не изящно. Цвѣтка затыкается обыкновенно за лѣвое ухо; рѣже два цвѣтка съ длинными черенками укрѣпляются концами послѣднихъ въ волосахъ у висковъ и болтаются по обѣ стороны лица.

Весною чуть не у каждого сарта можно видѣть цвѣтокъ, заткнутый черенкомъ подъ тюбетейку, около уха или виска. Дѣвочки весною же вплетаютъ въ косы тонкія полоски коры съ молодыми листиками и сережками, осторожно сдираемые съ тонкихъ же вѣтвей тала.

ЗАНЯТИЯ И ПИЩА.

Одпою изъ лучшихъ добродѣтелей женщины исламъ признаетъ домосѣдничество и трудолюбие. Набожнаго и трудолюбиваго мужчину сартъ называетъ *субї* (чистый, благочестивый), а домовитую хозяйку *мастурд* (домосѣдка), по этой эпитетъ въ средѣ молодыхъ женщинъ присущъ лишь очень и очень немногимъ⁽¹⁾. Наблюдала въ течеіи яѣсколькихъ лѣтъ и мужчинъ и женщинъ, мы пришли къ тому заключенію, что при относительной одинаковости возраста между тѣми и другими существуетъ громадная разница. Женщина до 25 — 30 лѣтъ, въ большинствѣ случаевъ, не имѣеть никакого вкуса ни къ хозяйству, ни къ какому либо другому труду. Если ее не заставляютъ трудиться бѣдность или понужданія мужа, она не ударитъ палецъ о палецъ, цѣлыми днями будешь носиться по гостямъ, брянчать

(1) «Постоянно будьте въ своихъ домахъ; не хвастайтесь передъ другими своими нарадами;.....» Коранъ. Гл. 33, ст. 33.

на дутаръ, колотить въ бубенъ и сплетничать; самое большее, что сама сошьетъ себѣ обновку. Мужчина, наоборотъ; до 30—35 лѣтъ онъ въ высшей степени работающъ, дѣлать и подвижень; во многихъ семьяхъ опъ принимаетъ самое дѣятельное участіе и въ земледѣліи, и въ промыслахъ, и въ торговлѣ, начиная съ 10—12 лѣтнаго возраста, когда большинство дѣвушекъ—чуть не невѣсты—почти ничего еще не умѣютъ дѣлать. Но за этимъ рубежемъ зреости роли средняго мужчины и средней женщины меняются. Онъ становится въ большинствѣ случаевъ вялъ, малоподвиженъ, а рѣдко просто лѣнивъ; она, наоборотъ, не теряетъ энергіи и подвижности до самого поздняго возраста и, за рѣдкими лишь исключеніями, становится въ высшей степени дѣятельной, домовитой и трудолюбивой. На каждомъ шагу мы встрѣчаемъ сѣдыхъ старухъ, которая цѣлый день на погахъ, цѣлый день не покладая рукъ, то пекутъ хлѣбъ, то шьютъ, то пришиваютъ, то варятъ пищу—мокіе дѣлѣ юрубты—сплютъ какъ ткацкій членокъ.

Мы не беремся давать объясненій этого, физіологическаго въ сущностї, факта, но думаемъ, что кроме климатическихъ, пищевыхъ и другихъ аргументовъ дающей функции несомнѣнно громадное значеніе должно иметь и образъ жизни какъ того, такъ и другой или, вѣрище, ихъ способы расходованія энергіи въ періодѣ до наступленія вышеуказанного нами возраста.

Исключепія въ сторону трудолюбія есть, разумѣется, въ особенности между кишлакчными, земледѣльческими наслѣдіемъ, но, немногочисленныя въ средѣ зажиточаго люда, и тамъ, въ кишлакѣ, они обусловливаются главнымъ образомъ неотступной необходимостью и неизбѣжностью труда, а никакъ не личными къ нему симпатіями. Въ общемъ кишлачная женщина несравненно болѣе дѣятельна чѣмъ городская, а лучшими, наиболѣе домовитыми хозяйствами выходятъ жены, которые берутся сартами у киргизъ и другихъ родовъ кочеваго населения, на женщинахъ и дѣвушкахъ котораго лежать всѣ домашнія работы, не исключая ухода за скотомъ, разстановки кибитокъ и проч.

Однако же, несмотря на явную практическую выгодность такихъ брацовъ, они сравнительно рѣдки, такъ какъ по издавна установленному у киргизъ обычай калынъ, пла-

тимый за нихъ дѣвушекъ гораздо больше, чѣмъ калынъ за сартянку, почему лишь немногіе могутъ жениться на киргизкахъ; это во первыхъ, а во вторыхъ, у большинства сартовъ не принято брать невѣсту изъ далека. И сарты, и сартянки искони привыкли жить и умирать тамъ, где они родились. Съ понятіемъ о мусафирѣ (стравникъ, чужеземецъ, человѣкъ живущій не на родинѣ) въ умахъ обоихъ связывается крайне мрачное и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто дѣтское представлѣніе обѣ отсутствіи родственниковъ, а потому и полной якобы безпомощности. Это пугаетъ и невѣсту, и ея родителей, почему и согласіе на отдаленные по разстоянію браки дается въ большинствѣ случаевъ крайне неохотно.

Въ домашнемъ быту сартовская женщина является хозяйкой и работницей лишь постольку, по скольку это вязжется съ основными, касающимися ея положеніями религіи, признающими мужа главою семьи и предлагающими ей, женщинѣ избѣгать взгляда постороннихъ людей. Мужъ долженъ добыть деньги или продукты; жена обязана приготовить изъ пухъ пищу и одежду (¹).

Въ зависимости отъ этихъ положеній на обязанности женщины лежать главнымъ образомъ тѣлько работы, которыхъ могутъ быть производимы ею внутри чикары. Такимъ образомъ главными обычными ея занятіями являются: приготовленіе пищи, доеніе скота, метеніе внутренняго двора, пряжа, шитье и кормленіе шелковичныхъ червей листьями, доставляемыми ей мужчиной вмѣстѣ съ водой, дровами, а также и кормомъ тому дойному скоту, который содержится въ хлѣбѣ внутренняго двора.

Такія дѣла какъ торговля, купля и продажа и пр., всегда лежатъ на мужчинѣ, ибо для женщины считается неприличнымъходить на базарь. Она, правда, ходитъ туда, но сравнительно рѣдко и въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда замѣнить ея некому. Личные торговые операции женщины ведутся ею всегда черезъ какихъ либо посредниковъ, по большей части черезъ мужа или другихъ родственниковъ.

(¹) Это послѣднее освящено лишь обычаемъ. Согласно же постановленіи шаріата для жены необязательно: кормить грудью своихъ дѣтей, варить пищу, мыть бѣльё, печь хлѣбъ и мести жилище.

Мы знали одну очень богатую женщину, которая, овдовевъ, вышла замужъ за одного изъ своихъ работниковъ, очень расторопнаго и смѣливаго малаго, къ которому она имѣла большое довѣріе; въ его руки она передала веденіе всѣхъ ея торговыхъ и другихъ дѣлъ.

Случаи, когда грамотная жена помогаетъ мужу въ веденіи торговыхъ счетовъ и другихъ письменныхъ работахъ, сравнительно очень рѣдки, такъ какъ женщины хорошо знающихъ грамоту и счетъ очень и очень немногого.

Въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ мужъ и жена живутъ согласно, на всѣ вообще предпріятія мужъ рѣшается не плачъ, какъ посовѣтовавшись съ женой или, покрайней мѣрѣ, сообщивъ ей свое рѣшеніе⁽¹⁾. Если же въ сколько, то мужъ соглашается по большей части съ одной лишь старшей, первой женой.

Къ намъ много разъ обращались или съ просьбою дать денегъ взаймы, или съ предложеніемъ вступить въ компанію по тому или другому торговому или землемѣльскому предпріятію. Если со стороны мужа слѣдовало соглашеніе, то его спрашивали согласна ли и жена; если слѣдовалъ отказъ, то просили не торопиться съ нимъ, а предварительно посовѣтоваться съ женой, ибо она можетъ пайти это возможнымъ или выгоднымъ.

Слѣдуетъ однако же замѣтить, что такое правило соблюдается главнымъ образомъ лишь въ средѣ землемѣльского населения, нравственный міръ котораго во всѣхъ вообще отношеніяхъ смыло можетъ быть названъ наиболѣе симпатичнымъ въ сравненіи съ другими классами или слоями туземного общества.

Далѣе, говоря о занятіяхъ и работахъ женщины, мы будемъ имѣть виду лишь кишлакное землемѣльское населеніе и классъ небогатыхъ горожанъ, такъ какъ въ средѣ богатыхъ купеческихъ семей и состоятельнаго бывшаго ханскаго служилаго люда женщина не занята ничѣмъ почти, кроме шитья и вышиванья.

(1) «...соглашалась съ ними, дѣлайте, что почитете лучшимъ». Коранъ. Глава 65, ст. 6.

Въ этой средѣ для исполненія черныхъ домашнихъ работъ имѣются или служанки *акъ-чайз*, или рабыни—*джурій*. Въ служанки идутъ почти исключительно однѣ лишь бездомныя вдовы, достигшія такого возраста, когда на выходъ замужъ не остается болѣе никакихъ надеждъ. Живутъ онѣ по большей части за пищу и одежду, а деньги если иногда и получаютъ, то въ самыхъ ничтожныхъ количествахъ, обыкновенно не болѣе 10 р. въ годъ. (*Акъ-чайз* значить бѣлыя волосы).

До прихода русскихъ въ Фергану во всѣхъ почти богатыхъ семьяхъ были и рабы (*куз*) и рабыни (*джурій*). Какъ тѣ, такъ и другія—исключительно дѣвушки—привозились сюда въ дѣтскомъ возрастѣ изъ Кульджі и Кашгара, где приобрѣтались здѣшними торговцами, имѣвшими дѣла съ называемыми городами, или увозомъ, или покупкою у родителей. Въ Ферганѣ мальчики—рабы продавался отъ 70 до 100 р., а дѣвочки—рабыни отъ 50 до 80 р. серебромъ.

Съ приходомъ русскихъ рабство было объявлено болѣе не существующимъ. Большинство рабовъ покинуло своихъ прежнихъ хозяевъ, а рабыни всѣ почти остались на мѣстахъ, такъ какъ онѣ или были замужемъ за работниками и служителями своихъ прежнихъ хозяевъ, или слишкомъ молоды для того, чтобы начать самостоятельную жизнь. Нѣкоторая же просто не имѣли надобности уходить куда-либо, такъ какъ жилое сравнительно спокойно. За такими дунгандками и по сіе время осталось название *джурій*.

Въ тѣхъ зажиточныхъ семьяхъ, гдѣ жены взяты изъ бѣднаго класса, очень не рѣдки случаи, когда обязанности ихъ прислужницъ—*акъ-чайз*, исполняютъ матери этихъ женъ или другія ихъ родственницы, положеніе которыхъ ровно ничѣмъ не отличается отъ положенія обыкновенныхъ служанокъ.

Дочь помыкаетъ и командуется такой прислужницей матерью, совершенно игнорируя существованіе какихъ либо другихъ соотношеній, кроме соотношеній госпожи и служанки. Намъ не разъ случалось слышать разговоры матери, выдающей свою дочь за богатаго человѣка. Она просить не вѣсту забыть, что иногда била и ругала ее и всегда высказываетъ опасеніе того, что разбогатѣвшая дочь не пустить съ даже и на порогъ своего дома. Мы знали такой случай,

когда дочь, вышедшая замужъ за состоятельного человека и взявшая свою мать въ служанки, не только помыкала ею самымъ безпощаднымъ образомъ, поминутно пила за плохую службу, но иногда и била ей.

О пищѣ и ся приготовлениіи мы будемъ говорить ниже самостоятельно и съ возможной подробностью, а потому теперь опишемъ другія женскія работы, изъ которыхъ главнѣйшее мѣсто занимаютъ пряденіе нитокъ и очистка ваты отъ зеренъ и коробочекъ.

Коробочки туземного хлопчатника растрескиваются очень слабо, а потому при уборкѣ урожая они срываются съ кустовъ цѣликомъ и въ этомъ видѣ поступаютъ въ продажу на базаръ.

При очисткѣ данного количества хлопчатника, ваты по вѣсу получается только $\frac{1}{4}$; половина общаго вѣса приходится на сѣмена—чиштѣ и четверть на коробочки. Чиштѣ идетъ въ примѣсь къ льняному сѣмени при гонкѣ изъ него масла, а коробочки при большемъ ихъ количествѣ сжигаются въ очагѣ подъ котломъ. Очистка хлопка отъ коробочекъ производится руками, а отъ чиштѣ при посредствѣ особаго деревянаго аппарата чирѣкѣ или чагрыкѣ, главную суть котораго составляютъ два врашающіеся на встрѣчу другъ другу валика со спиральными парѣзками. Вата проходитъ между валиками, а сѣмена отрываются и падаютъ внизъ. Прежде чѣмъ очищать хлопокъ отъ сѣмянъ, его тщательно просушиваютъ на солнцѣ. Въ теченіи недѣли или, вѣрѣ, шести дней женщина очищаетъ въ среднемъ не болѣе $\frac{1}{4}$, чайрика (2 пуда 25 фунтовъ) коробочекъ. Изъ этого количества получается 2 чаксы (26 ф.) ваты и 4 чаксы чиштѣ. Въ настоящее время напримѣръ $\frac{1}{4}$, чайрика неочищенныхъ коробочекъ хлопчатника (гузѣ) продается около 2 р. 40 к.; двѣ чаксы ваты стоять 3 р. 60 к., а 4 чаксы чиштѣ около 40 к. Средній недѣльный заработка женщины, занимающейся исключительно очисткою хлопка можетъ быть принятъ около 1 р. 50 к., во этой цифры заработка достигаетъ тогда только, когда у женщины есть помощники дѣти, на которыхъ лежитъ очистка хлопка отъ коробочекъ и кромѣ того рѣдкаки женщина можетъ работать по долгу безъ отдыха, такъ какъ рука и плечо сильно утомляются при врашении рукоятки чагрыка. (Такой очищенный хлопокъ

частью идетъ на мѣстныя потребности: одѣяла, халаты и пр., а главнымъ образомъ скучается торговцами по мелочамъ на базарѣ и увозится въ Россію).

На пряденіе нитокъ идетъ лучшій по цвѣту, наиболѣе бѣлый, хлопокъ. Предназначенная для переработки въ пряжу вата предварительно тщательно перебивается тонкими тростниками, при чѣмъ ей придаютъ форму пластовъ около пальца толщиной, $\frac{1}{4}$ аршина шириной и чѣсколькоихъ аршинъ длиною. Затѣмъ каждый такой пластъ по его длини свертывается въ клубокъ. Самое пряденіе нитки производится на веретено, приводящемся въ движение посредствомъ маленькой деревянной ручной прялки—чаржѣ. Нитка отсучивается отъ маленькихъ цилиндриковъ ваты, скатываемыхъ руками. Цилиндрики эти, около $\frac{1}{4}$ аршина длиной и въ палецъ толщиной, скатываются изъ кусковъ, отрываемыхъ отъ заражѣе приготовленныхъ клубковъ перебитой ваты.

Нитки, необходимыя для шитья бѣлъя и одежды, прядутся обыкновенно дома, а потому вся та пряжа, которая выдѣливается для продажи, идетъ главнымъ образомъ на тканье бѣлыхъ и цвѣтныхъ матерій мѣстнаго производства. (Послѣднимъ здѣсь заняты исключительно мужчины; въ нѣкоторыхъ каракаликскихъ и другихъ полукочевыхъ семьяхъ женщина ткетъ одѣѣ только грубая шерстяная матерія). Пряжею женщина зарабатываетъ въ недѣлю отъ 40 до 80 к. сер., при чѣмъ въ большинствѣ случаевъ выдѣланыя за недѣлю, или за 6 днѣй (¹), нитки продаются непремѣнно въ слѣдующій же базаръ, такъ какъ вырученныя на нихъ деньги, особенно въ городахъ, гдѣ у бѣднаго населенія никогда почти никакихъ запасовъ не имѣется, необходимы на покупку провизіи и опять таки въ базарный же день, ибо въ противномъ случаѣ провизію эту придется покупать у мелочныхъ торговцевъ по дорогой, сравнительно, цѣнѣ.

Въ холодныя зимы такія женскія работы, какъ очистка ваты, а главнымъ образомъ пряденіе нитокъ, прекращаются, потому что, во первыхъ, нѣгдѣ сушить хлопка, во вторыхъ, большинство помѣщеній настолько холодны, что работать въ

(¹) Прясть по пятницамъ считается грѣхомъ. Другія же работы производятся.

нихъ подолгу становится совершенно невозможнымъ и, въ третьихъ, на базарахъ пѣть спроса на нитки вслѣдствіе поголовной почти забастовки ткачей, мастерскія которыхъ холодны такъ-же, какъ и большинство другихъ помѣщепій. Цѣны на нитки падаютъ такъ сильно и быстро, что въ началѣ такой холодной зимы далеко не рѣдки случаи, когда женщина, вынесшая свои нитки на базаръ, продаєтъ ихъ за ту же цѣну, за которую она, недѣлю тому назадъ, купила пеочищенный хлопокъ. Есть женщины, живущія исключительно однимъ только этимъ трудомъ. Мы знали одну такую старуху. Она прядла нитки, а мужъ ея, 60-лѣтній старикъ, продавалъ на улицѣ халву, которую онъ бралъ на комиссію и зарабатывалъ этимъ около 10 к. въ день. Судите о положеніи этихъ людей во время забастовки ткацкихъ работъ, въ холодную зиму, когда пушки дрова и горячая пища, и когда все безусловно продукты сильно дорожаютъ. Знали и еще одну семью. Это была старуха лѣть за 50. У неї была дочь лѣть 12 и крошечный дворишко въ одномъ изъ наиболѣе людныхъ кварталовъ Намангана. Жили очисткой ваты и пряденемъ витокъ, разумѣется всегда въ проголодь. Старуха стала дряхлѣть. Видѣть дѣло плохо. Отдала дочь за бездомнаго подевщика и взяла его къ себѣ; зарабатывалъ онъ въ среднемъ около 20 к. въ день и то не всегда; оказался больнымъ грыжей и полуундіотомъ. Наступила холодная, вѣмъ памятная здѣсь, зима 18^{1/2} года, когда морозы доходили до —20° ц. Всѣ безъ работы. Дочери было уже 14 лѣть. Голодъ и холодъ довѣли. Невинность дѣвушкѣ была продана за четыре рубля сребромъ. Потомъ дѣла ихъ нравились; идіотъ умеръ, а бывшая nominalьная жена его сдѣлалась тайной проституткой.

Мы знали еще и другихъ, подобныхъ этимъ же, но боимся, что такъ можно, пожалуй, и надобѣсть читателю во первыхъ, а во вторыхъ, если начнемъ пересчитывать всѣхъ извѣстныхъ, то рискуемъ копчить очень не скоро, а обстоятельства заставляютъ пась торониться со своей работой.

Излюбленіемъ дѣломъ, не только женщинъ всѣхъ возрастовъ, по даже дѣвушекъ, не смотря на то, что оно въ сущности очень хлопотно, слѣдуетъ назвать разведеніе и кормлѣніе шелковичныхъ червей. Привлекаетъ же оно къ

себѣ потому, что, въ случаѣ удачи, дѣло это выгоднѣе всѣхъ другихъ женскихъ работъ.

Въ концѣ мая или въ началѣ юна мѣсяца изъ нарочно отложенныхъ для этого коконовъ, хранящихся гдѣ-нибудь въ углу комнаты, на влажномъ, земляномъ полу, выходятъ бабочки. Ихъ спариваются, сажая по одному самцу и одной самкѣ въ небольшой матерчатой мѣшечкѣ, который подвѣшивается гдѣ-нибудь въ комнатѣ же на колышкѣ. Здѣсь самка кладетъ яички, послѣ чего бабочекъ выбрасываютъ. До весны яички сохраняются такъ, чтобы они не могли промерзнуть. Нѣкоторые зарываютъ ихъ въ серединѣ зимы глубоко въ снѣгъ и оставляютъ здѣсь на одни сутки, полагая, что такая операция можетъ предохранить будущихъ червей отъ заболѣванія. Въ мартѣ, какъ только появляются первыя почки на тутовыхъ деревьяхъ, женщины приступаютъ къ искусственному высиживанію яичекъ, для чего послѣднія, завязанныя въ маленькия мѣшечки, подвѣшиваются подъ мышку, подъ груди, или къ оноискѣ штановъ и выводятся здѣсь въ теченіи 15—20 дней теплотою тѣла.

Въ это же время на базарѣ пайд (около 6 золотниковъ) яичекъ продаются отъ 20 до 40 к. Какъ только изо всѣхъ яичекъ, заключающихся въ мѣшечкѣ, появляются черви, ихъ выкладываютъ въ небольшую, плоскую корзинку, внутренность которой выстилается какой-нибудь трапицей; сверху корзинка закрывается или сложеннымъ въ пѣсколько разъ полотенцемъ, или тонкимъ ватнымъ одѣяломъ. Прикрывать корзинку необходимо, дабы защитить молодыхъ червей отъ свѣта, колебаній температуры и такихъ враговъ, какъ, напримѣръ, муравьи и воробы. Корзинки съ червами держатся или въ комнатѣ, или подъ павѣсомъ. Къ этому же времени на тутовыхъ деревьяхъ появляются первыя листки; ихъ обрываютъ, мелко рубятъ и въ такомъ видѣ посыпаютъ два раза въ день, утромъ и вечеромъ, поверхъ червей. (Какъ только послѣдніе выведутся, на базарахъ появляются лукошки съ продажными червями). Черезъ 8—10 дней послѣ появленія на свѣтѣ, черви засыпаютъ и спать 2 дня. Такихъ засыпаний, приблизительно черезъ 10 дней, четыре. По мѣрѣ роста червей, ихъ переводятъ изъ малыхъ корзинъ въ большія, а листья рубятъ все крупнѣй и крупнѣй, пока, послѣ 2-го сна, не станутъ давать ихъ цѣликомъ. Послѣ

третьего сна, когда длина червей достигает около $2\frac{1}{2}$ дюймовъ, ихъ переводятъ изъ корзинъ на пары; пары устраиваются изъ палокъ и хвороста въ темной комнатѣ. Въ это время въ пищу червямъ даются цѣлый вѣтви тута, разбрасываемыя поверхъ паръ. Послѣ четвертаго сна вокругъ паръ, или вдоль стѣнъ комнаты, разставляются пучки крупыхъ, сорныхъ травъ; черви сползаютъ на нихъ и начинаютъ здѣсь завивать коконы. Послѣдніе появляются приблизительно чрезъ 50 дней послѣ выхода червей изъ яичекъ. Въ первой половинѣ мая базары буквально заваливаются коконами. Со всѣхъ сторонъ несутся и везутся большія корзины и узлы. Каждый спѣшить продать свои коконы возможно скорѣе, пока они еще не успѣли высохнуть и потерять часть своего вѣса.

Въ это время чакса ихъ (13 ф.) стоитъ на базарѣ отъ 1 р. 60 к. до 2 р. 80 к. Цвѣтъ коконовъ различенъ, отъ бѣлого до ярко-оранжеваго, но на базарахъ коконы сортируются не по цвѣту, а по ихъ прочности. Хорошій коконъ, сжимаемый въ рукѣ, не долженъ легко поддаваться вдавливанию. Скупщики немедленно же раскладываютъ ихъ (коконы) на солнцѣ, дабы предотвратить этимъ выходъ бабочекъ, а следовательно и разрывъ коконовъ, ибо въ размотку идутъ одни лишь цѣльные. Коконы, оставленные для своихъ домашнихъ потребностей, такъ же, какъ и поступившіе въ продажу, разматываются всегда особыми мастерами, составляющими въ городахъ особый же цѣхъ.

Изъ одной пайсад (6 золотниковъ) яичекъ, стоящихъ на базарѣ отъ 20 до 40 к. сер., получается 30—50 фунтовъ коконовъ, цѣна которыхъ колеблется отъ 3 р. до 11 р. 20 к., а чистый доходъ, при условіи даровыхъ листьевъ, отъ 2 р. 60 к. до 11 р. сер. Въ одной семье выводится отъ $\frac{1}{2}$ до 20 пайсад. Такъ какъ не многіе лишь могутъ обходиться листьями своихъ собственныхъ тутовыхъ деревьевъ, то поэтому во все время кормлешія червей повсемѣстно устанавливается очень бойкая торговля тутовыми вѣтвями, цѣна па которая доходить иногда до громадныхъ размѣровъ, дѣлающихъ занятіе не только не выгоднымъ, но даже и убыточнымъ для тѣхъ, разумѣется, кто долженъ кормить червей покупнымъ листомъ. Очень часто составляются коміаніи. Обладатель большаго числа тутовыхъ деревьевъ даетъ листья

и половину всего количества яичекъ, другая сторона—другую половину яичекъ и уходить за червями. Коконы дѣлятся по ровну.

Вотъ примѣръ. Одна небогатая наманганская семья, состоявшая изъ мужа, жены и сына лѣтъ 11, отправилась въ Чартакъ, селеніе, лежащее вѣстахъ въ 12 отъ города, гдѣ и вступила въ такую компанію, при чёмъ общее количество яичекъ равнялось 20 пайсад; когда черви подросли, отецъ и сынъ съ трудомъ успѣвали доставлять вѣтви. Коконовъ было получено $10\frac{1}{2}$ пудовъ. Каждая сторона получила по 38 р. сер. Заработокъ былъ призванъ болѣе чѣмъ удовлетворительнымъ. (Работа трехъ человѣкъ продолжалась въ теченіи 2 мѣсяцевъ). Кормлешіе червей, въ томъ случаѣ, если оно производится не своими, а покупными листьями, также какъ и праздничная обновка, служить однимъ изъ безчисленныхъ поводовъ къ ссорамъ между мужьями и женами. Жена требуетъ листьевъ и гонитъ мужа за ними или на базаръ, или на окраины города, въ сады. Мужъ ругается за то, что его отрываютъ отъ дома и заставляютъ раскочеляваться на какихъ-то червей, отъ которыхъ будетъ ли толкъ, пѣсть ли, еще пеизвѣстно. „Умри, ты, не приносящий листьевъ, ругается жена, умри! Что я буду дѣлать безъ нихъ; черви передохнутъ; труды мои пропадутъ; все взъ за тебя. Иди, а-ты, иди!“

„Ну тебѣ, съ твоими червями; зря это все; только деньгамъ переводъ; ничего изъ этого не выйдетъ“. — „Не пойдешь, халатъ твой заложу; сама пойду за листьями“. — „Ахъ ты!.... прежде, чѣмъ ты халатъ то мой заложишь, я тебѣ всѣхъ твоихъ червей передавлю“. Дѣло доходитъ чуть не до драки, пока, вдоволь паругавшись, мужъ не наброситъ халатъ и не отправится за листьями или, точнѣе, за пучками тутовыхъ вѣтвей. Сарты разсказываютъ, что лѣтъ 13—15 тому назадъ былъ годъ, когда тутовые вѣтви, вслѣдствіе какихъ то причинъ, вздорожали до пѣбывалой степени. Увѣряютъ, что никогда, ни послѣ, ни прежде, не было такого числа разводовъ, какъ въ это памятное всѣмъ и злополучное лѣто.

Шитье туземныя женщины очень плохо и крайне небрежно. Большинство шьетъ вѣсъ вообще цвы впередъ-иголку; запошивка и строчка (бахы) встрѣчаются только па одиныхъ лишь шелковыхъ рубахъ. Низы женскихъ рубахъ, особенно

въ кишлакахъ, не подрубляются, а только обметываются. За шитье халата, или одѣяла, на заказъ въ среднемъ берется около 20 к.

Женщины, специально занимающіяся шитьемъ халатовъ и одѣялъ, продаваемыхъ на базарахъ, шиваютъ въ день не болѣе одного халата, или одного же одѣяла.

Вышиваніе шелками тюбетескъ, головныхъ платковъ и кушаковъ, гораздо и прочнѣй, и изящнѣй всякаго другаго шитья. Часто встрѣчаются тюбетейки силошь вышитыя очень мелкимъ и изящнымъ узоромъ. По большей части это цветы и листики самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и формъ. Такая тюбетейка продается обыкновенно не дороже 1 р. 50 к., а за вышиваніемъ ея женщина сидитъ не менѣе 4—5 дней. Приготовленіе тюбетескъ никогда почти не является здѣсь специальностью; имъ занимаются между другимъ дѣломъ. Такъ напримѣръ, прѣсть пинки по пятницамъ считается грѣхомъ, а потому многія женщины, по этимъ днямъ, вышиваютъ тюбетейки.

Что-же касается до вышиванія платковъ и кушаковъ, то есть женщины, занятыя этимъ дѣломъ специально. Въ недѣлю они зарабатываютъ обыкновенно не болѣе 80 к. сер. (Около 40 к. стоитъ киселъ на платокъ и шелкъ, а вышитая дурдѣй продается не дороже 1 р. 20 к.).

Участіе женщины въ земледѣльческихъ работахъ крайне незначительно. Встрѣтъ съ дѣтьми, подростками, опа принимаетъ участіе лишь въ сборѣ дынь и коробочекъ хлончаника, а иль бѣдныхъ семьяхъ еще и башака, колосьевъ, остающихся на полѣ послѣ жнивы. Въ иѣкоторыхъ местностяхъ женщины-же собираютъ чечевицу—машг и ясмыкъ (послѣдній сортъ—плоская, красная чечевица). Никогда не приходилось видѣть женщинъ съ серпомъ, или за плугомъ, и разъ только былъ встрѣченъ случай, когда жена выносila вмѣстѣ съ мужемъ на носилкахъ павозъ со двора въ хайтъ (огородъ), бывшій при домѣ; случай этотъ былъ встрѣченъ въ Напаѣ, гдѣ большинство женщинъ, на половину киргизки, не прачутся отъ своихъ односельчанъ.

Работая въ полѣ и завидя проходящаго или проѣзжающаго посторонняго человѣка, сартынка или набрасываетъ на голову платокъ такъ, чтобы не было видно ея лица; или же, недовольствуясь этимъ, присаживается на землю и отворачивается лицомъ въ сторону.

У сартовъ не принято заставлять женщину производить какія бы то ни было тяжелыя, черные работы, а потому такіе случаи, какъ помочь мужу при кладкѣ глиnobитныхъ стѣнъ и пр., можно встрѣтить очень и очень рѣдко, среди панибѣднѣшаго кишлачнаго люда, гдѣ женщина привычнѣй работать, чѣмъ въ городахъ, и то не иначе, какъ на внутреннемъ дворѣ. Въ иѣкоторыхъ кишлакахъ Наманганскаго уѣзда, близайшихъ къ горамъ (Напаѣ, Кукъ-яръ, Кызылъ-язъ, Ахтамъ), гдѣ, за отдаленностью базара, тануры для печенья хлѣба дѣлаются на дому, въ бѣдныхъ семьяхъ женщины иногда пособлиаютъ мужьямъ и въ этой работе. Устанавливаются же тануры, всегда почти, самими мужчинами. Въ тѣхъ случаяхъ, когда женщина принимаетъ участіе въ одной изъ подобныхъ работъ, она дѣлаетъ это всегда по своей доброй волѣ. Никогда не приходилось не только видѣть, но даже и слышать, чтобы мужъ приневоливъ жену къ такой работе, которая не входить въ кругъ ея исконно-обычнѣхъ занятій. Можно думать, что основной причиной этого служитъ дошедшая до максимальныхъ размѣровъ привычка согласовать свою жизнь съ обычаемъ—расномъ, въ основе котораго, какъ известно уже читателю, лежитъ тотъ же исламъ.

Выше мы сказали уже, что не только всѣ состоятельныя женщины, но даже и большинство тѣхъ бѣдныхъ, которыхъ имѣютъ мужей и достаточно взрослыхъ сыновей (свыше 10—12 лѣтъ), избѣгаютъ сами ходить на базарь, посѣщеніе котораго считается для нихъ не приличнымъ. Тѣмъ не менѣе въ базарный день женщины здѣсь не мало.

Въ переулочкѣ, пустынномъ въ обыкновенные дни и биткомъ набитомъ въ базарные, и конныи и пѣшии людомъ, стоитъ иѣсколько десятковъ женщинъ въ сѣрыхъ и синихъ, затасканныхъ и отрапанныхъ паранджай, съ мотками пряжи въ рукахъ. На углу, прижавшись къ стѣнѣ и присѣвъ на корточки, шь такомъ же отрапанномъ паранджай сидитъ маленькая, сгорбленная старушка; на колѣнахъ у неї широкая, илрская карзина съ лепешками, поверхъ которыхъ наброшены красный, затасканный и засаленный дастарханъ; о томъ, что она старуха, вы узнаете по морщинистымъ, сухимъ рукамъ со скрюченными пальцами. Мимо нея проходитъ молодой парень съ такой же корзиной на

головъ и во всю глотку ореть: „иссыкъ“ (горячія), привлекая этимъ возгласомъ покупателей. Старушка сидитъ молча, ибо ей не только кричать, но даже и говорить громко па улицѣ и грѣшно, и зазорно; она женщина, *зайфъ-кишъ*, *зайфъ* (что, по арабски, значитъ — слабый, безнамощный). Идете вы мимо нея и невольно думаете, не для нея ли, именно для этой сѣй, сгорбленной старушечки былъ приготовленъ сей многозначительный терминъ; поистинѣ она *зайфъ*. Очень возможно, что она просидитъ молча здѣсь, въ уличной грязи, и лишь къ вечеру успѣетъ продать свои 20 лепешекъ, выручивъ на нихъ какихъ нибудь 10—15, много 20, копѣекъ чистаго барыша.

Будь у нея подростокъ сынъ, она послала бы его на базаръ, а сама осталась бы дома, но послать ей положительно некого. Дочь была замужемъ, умерла; сынъ былъ, ушелъ работать поденщикомъ въ Ташкентъ и пропалъ безъвести; былъ мужъ, умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, оставилъ ей крошечный дворишко, въ которомъ живетъ она изодня въ день, вѣдаясь досыта лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ, случаяхъ, да и то не дома, а гдѣ-нибудь въ гостяхъ, на поминкахъ, на праздникахъ, гдѣ ей угощаютъ въ качествѣ нищѣй. Какъ не умираетъ она съ голоду, известно одному Аллаху. По истинѣ, Аллахъ великъ и чудны дѣла Его. Онъ *акбәръ* (великий); Онъ *рахмәнъ* (милостивый); Онъ *хәй* (сущій); Онъ далъ ей силу пріучить свой организмъ питаться въ теченіи сутокъ одной лепешкой и нѣсколькими чашками того, что она называетъ чаемъ, и что въ сущности есть отваръ ей лишь одной изѣстыхъ травъ. Судите сами, что было бы съ ней безъ Аллаха.

Но пойдемте, читатель, дальше по базару; не стоять же вамъ здѣсь, передъ этой старушечкой

Толкотня страшная. Вотъ рядъ съ тюбетейками. Лавки маленькия; передніе фасы, какъ и у всѣхъ, вообще задѣшнихъ лавокъ, открытые; поверхъ конемъ, постланыхъ на полу, разложены ряды разноцвѣтныхъ, черныхъ, красныхъ, синихъ и лиловыхъ тюбетесокъ, расшитыхъ цвѣтами. Продавцы чинные, опрятные; около каждой лавочки народъ; мальчишки ковыряютъ въ носу и смотрятъ па красныя тюбетейки; дальше чай, сахаръ, подносы и фарфоровые чайники. А вотъ и красные ряды. На перекресткѣ, вдоль лавокъ, разсѣлось

нѣсколько женщинъ съ вышитыми платками и кушаками. Вотъ хорошо одѣтая сартянка, дробной, плавной походкой, плыветь мимо лавокъ съ ситцами и робко оглядывается по сторонамъ. Она совсѣмъ молоденькая. Съ годъ тому назадъ ее отдали замужъ. Сегодня, отирошившись къ матери, она улизнула на базаръ; больше всего ей хотѣлось взглянуть на ситцы и лавочки *аттәровъ*, продающихъ пуговицы, тесьмы, зеркальца, запонки и другія блестящія мелочи. Если бы вы знали, какъ стучитъ у неї сердце отъ страха встрѣтиться съ отцомъ, или мужемъ, которые навѣрно узнаютъ её и по колошамъ, купленнымъ еще такъ недавно, и по *паранджѣ*. Она хотѣла надѣть чай либо чужой, по взять его было не у кого, и потому пустилась на удачу. Повернемъ за неё направо, мимо ситцевъ, разноцвѣтныхъ платковъ, канаусовъ, атласовъ и другихъ матерій, къ *аттәрамъ*. Проказница перешла на другую сторону и разсмотриваетъ бусы, а мы остановимся вотъ у этой лавочки. У передняго ея фаса, между бусами, пинками коралловъ, пуговицами, пузырьками, яичками съ сѣрой, квасцами и кусочками какихъ то корней, сидѣтъ молодой, красивый сартъ. Онъ сосредоточено смотритъ куда то въ сторону, стараясь не глядѣть на старуху, которая долго стояла передъ нимъ, но, уставъ стоять, присѣла на корточки. „Такъ что жъ, возмѣте что ли?“ слышится изъ подъ порыженаго отъ времени и сильно изѣкшагося волосяниаго чимбета. Сартъ молчитъ и смотритъ въ сторону „Ей-Богу, я въ прошломъ году сама купила по 40 к. за золотникъ. Дайте по 30 к.“.— „По 20 к. больше не дамъ“.— „Боже мой, Боже мой, что мнѣ дѣлать! хоть по 25 к. дайте“.— „Ну, ступай, сказалъ больше не дамъ—чего торгуешься“.— „Возмите, возмите, коли не хотите прибавить“ и рука съ кораллами протягивается къ сарту.

Рассказывать ли вамъ, читатель, что такое происходитъ здѣсь? Говорить ли о томъ, какъ сегодня утромъ эти кораллы были спяты съ дочери; какъ плакала дѣвочка, разставаясь со своимъ единственнымъ украшеніемъ, которое годъ тому назадъ покойный отецъ подарилъ ей къ празднику? Нужно ли говорить, зачѣмъ все это было сдѣлано? Конечно нѣтъ. Скучно все это. Уйдемте отсюда. Вонъ па углу *чай-ханы*. Нѣсколько разноцвѣтныхъ *бай-бачѣй* (молодыхъ купчиковъ) сидѣтъ на коврѣ. Передъ ними подносы съ лепешками, фис-

ташками и изюмомъ. Хорошенький батчик паливаетъ изъ мѣдного чайдуша въ чашку чай и подносить каждому по очереди. Батчик кокетничаетъ и строитъ глазки. Отъ него берутъ чашку, заставивъ его пригнуть. Однѣ изъ присутствующихъ всматриваются въ толпу, приструниваютъ глаза и медленно, какъ будто оправляя на себѣ халатъ, прикладываютъ правую руку къ лѣвой груди. Онъ узапалъ въ толпѣ одну изъ знакомыхъ ему кокотокъ и дѣлаетъ ей *хушаматъ*; она быстро проходитъ въ свое мѣсто, блестящемъ па солнцѣ, свѣтло-скромъ *таранджъ* въ осторожности оглядывается въ сторону *чай-ханы*. А вотъ въ толпѣ идетъ худой, угрюмый сартъ и въ полголоса разговариваетъ самъ съ собой. Остановился, не обращая вниманія па то, что его толкаютъ

за *кофта* *сторону*, выплюнувъ изъ каштанового мѣшечка, болтающагося на кушакѣ у лѣваго бедра, иѣсколько мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ па лодонь лѣвой руки, осмотрѣть ихъ, сосчитать, потыкать каждую указательнымъ пальцемъ правой руки, осмотрѣлся зачѣмъ-то по сторонамъ, сложить деньги опять въ мѣшечекъ и пошелъ дальше. Онъ ткачъ; онъ только что продалъ вытканную имъ за недѣлю материю, получилъ 1 рубль чистаго барыша и идетъ теперь въ *капанъ*—(хлѣбный базарь). На этотъ рубль онъ долженъ купитъ кусочки мяса, кусочки сала, иѣсколько фунтовъ рису, чечевицы и муки, моркови, луку и лровъ, а жена его должна будетъ иззаботиться о томъ, чтобы всего этого хватило имъ съ двумя дѣтьми на цѣлую недѣлю.

Сколько хороши и поучителены эти базары! Въ немъ жизнь или, покрайней мѣрѣ, драма жизни, та живая, правдивая драма, которой не увидишь ни на какихъ подмосткахъ, ибо па нихъ наука драматического искусства не пускаеть тѣмы, которые во всей жизненной ваготѣ мы видимъ здѣсь.

Здѣсь все, и куски ярко-блестящаго атласа и отрепья старого, истасканного *таранджъ*, и куницы, ворочающіе десятками и сотнями тысячъ, и ткачи, зарабатывавшіе одинъ рубль па недѣлю, и разфранченная проказница, убѣжавшая изъ дома посмотретьъ па базарь, и старуха, продающая лепешки, и чего, чего тутъ иѣть!

Еще за полверсты—за версту слышится базарный гулъ, базарный шумъ. Пойдите ближе Вы начнете различать какие-то пестропильные звуки; войдите па самыи базарь, смѣ-

шайтесь съ толпой, откройте ваши глаза и уши, и вы услышите цѣлую оперу; вы услышите и мягкий, плавный смѣхъ развѣшающагося куницами, и надтреснутый, слабый вопль старухи, придавленной нищетой, и поединокъ двухъ бѣдняковъ, азартно торгующихся другъ съ другомъ за три гроша, которыхъ ни одинъ изъ нихъ не хочетъ уступить другому, ибо эти три гроша—полторы лепешки, на которыхъ въ крайности можно прожить цѣлый, длинный для голодааго человѣка, день.

Здѣшній базарь—это огромный анатомическій театръ, въ которомъ па глазахъ всѣхъ зрячихъ людей искусственная рука жизни демонстрируетъ всѣ язвы и недуги мѣстнаго человѣчества.

Такимъ образомъ попадаютъ въ базаръ *средствъ жизни женщина принимаетъ только въ наиболѣе бѣдныхъ классахъ, а исключительно еї трудомъ, семья живетъ въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда въ домѣ пѣть мужчины, причиною чего обыкновенно бываетъ или вдовство женщины, или временная отлучка мужа, которая продолжается, впрочемъ, иногда и очень долго, въ теченіи иѣсколькихъ лѣтъ. Мы знали напримѣръ женщину, отъ которой мужъ сѣжалъ, оставивъ еї съ тремя малолѣтними дѣтьми. Женщина эта, жившая въ кишлакѣ, привыкла быкъ содержать и себѣ, и дѣтей, личнымъ своимъ трудомъ.*

Въ томъ случаѣ, если мужъ уходитъ на работу, или уѣзжаетъ по торговымъ дѣламъ па долго, и если онъ маломальски порядочный человѣкъ, онъ оставляетъ семью запасъ зерна, муки и небольшое, обыкновенно, количество денегъ. Мы знали состоятельную кунеческія семьи, обороты которыхъ простирались отъ 20.000 до 40.000 р., въ которыхъ мужья, уѣзжая за баранами въ Семирѣчье, или въ Западную Сибирь, оставляли семействамъ, сверхъ запасовъ сала, муки, риса и пр., не болѣе 15—20 р. сер. Иногда даже и этихъ денегъ не оставлялось въ наличности, а предлагалось получить ихъ съ одного изъ должниковъ.

Бывають и такие случаи. Мужъ живетъ въ работникахъ. Жена его, обрѣтающаяся въ томъ же кишлакѣ, или городѣ, долго не получая отъ мужа никакого вспомоществованія, идетъ къ казію. Казы присуждаетъ мужа къ еженедѣльной уплатѣ ей, женѣ, 40 к. сер., цифры, искони установленной на-

роднымъ обычаемъ, при чмъ совершиено игнорируется то обстоятельство, что когда обычай этот установился, пудъ ишеницы стоилъ отъ 10 до 15 к., а теперь этот же пудъ стоитъ отъ 50 до 80 к. сер.

Дабы дать возможно - полное представление о штавіи туземцевъ, мы позволяемъ себѣ перечислить главнѣйшія и наиболѣе употребительныя здѣсь кушанья.

Любимымъ, национальнымъ кушаньемъ туземца слѣдуетъ назвать *паләу*, которое считается лучшимъ и даже, до некоторой степени, аристократическимъ блюдомъ; блюдо *паләу* очень часто является подаркомъ, которымъ обмѣняются родственники и знакомые, какъ напримѣръ, вечеромъ наканунѣ праздниковъ Рамазана и Курбана. Вмѣстѣ съ тѣмъ кушанье это одно изъ наиболѣе дорогихъ, а потому бѣдный классъ можетъ пользоваться имъ не часто.

Въ средѣ малосостоятельного городского населения принято приготавлять его разъ въ недѣлю, обыкновенно по четвергамъ, вечеромъ.

Приготавливается *паләу* различными способами; здѣсь мы скажемъ лишь объ одномъ, наиболѣе распространенномъ. Прежде всего въ котлѣ варится супъ изъ баранины. Сварившійся супъ выливается изъ котла въ чашку; въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ сала поджаривается морковь, лукъ и мясо, вынутое изъ супа. Затѣмъ все, не исключая и супа, смѣшанное съ рисомъ, варится въ котлѣ до тѣхъ поръ, пока получится крутая каша; тогда котелъ накрывается на вѣсколько минутъ большой глиняной чашкой, опрокинутой вверхъ двомъ, и *паләу* готовъ.

Его выкладываютъ на блюдо горкой, поверхъ которой помѣщаются неразрѣзанные куски мяса. Мясо это крошится, при помощи рукъ и ложка, однимъ изъ сотрапезниковъ во время їды.

Шавлә—жидкое *паләу* или, вѣриѣ, рисовая размазня на салѣ съ морковью, лукомъ и мелкими кусочками баранины.

Шурбә—супъ изъ баранины, или другого мяса съ перцемъ, лукомъ, морковью, рѣпой, или тыквой, а иногда *ката-комъ*.

Кульматай—похлебка изъ мелко -крошенного мяса и тѣста.

Маста-лә—похлебка изъ мелко-рубленаго мяса, риса, лука и кислого молока.

Чичарә или *чи-тарә*—пельмени. Начинка состоитъ обыкновенно изъ лука и очень незначительного количества мяса.

Такія мясные кушанья, какъ *каурма*, кусочки баранины, поджаренные въ салѣ, *Хасынъ*, колбасы изъ баранины, печеньки и риса и *казы*, конская колбасы, приготовляются только въ наиболѣе состоятельныхъ домахъ.

Шир-Гурундже — молочная рисовая каша. *Кучә* или *кудэса*, — жидкая кашница изъ джугары (сорго), или пшена (рѣже изъ кукурузы, или ячменя), съ примѣсью *ката-комъ* — являетъ собою, въ особенности въ кишлакахъ, исключительную почти пищу, не только малосостоятельного и бѣднаго населения, но даже семей зажиточныхъ. Мы знали семейство волостныхъ управителей, въ которыхъ чуть не изодня въ день варилась *кучә*, при чмъ пища эта лишь изрѣдка разнообразилась *маста-лә*, *шавлә*, пирожками съ тыквой или съ листиками люцерны и т. п.

Ун-ашиг (кушанье изъ муки) лапша, сваренная на водѣ безъ мяса, съ примѣсью *ката-комъ*.

Гурда — жидкая кашница изъ риса на водѣ съ *ката-комъ*.

Маш-түрүнчэ — жидкая кашница на водѣ изъ риса (*түрүндэжъ*) и чечевицы (*машъ*) съ рѣпой, морковью, лукомъ, перцемъ и *ката-комъ* (или мясомъ).

Атамъ — болтушка изъ муки, имѣющая видъ жидкаго киселя. Мука поджаривается съ саломъ, и затѣмъ разводится водой.

Шир-каду (молоко и тыква) — похлебка на молокѣ съ тыквой и рисомъ.

Перечисливъ всѣ главнѣйшія, наиболѣе употребительныя, кушанья, нельзя обойти молчаниемъ еще одного, такъ называемаго *сумалакъ*, иѣчто въ родѣ жидкаго киселя, приготовляемаго изъ солода. Здѣсь приготовленіе *сумалакъ* такъ же какъ и русскихъ блиновъ, имѣть чисто обрядовый характеръ. Варять его, всегда ранней весной, изъ муки и солода, для приготовленія котораго искусственно проращиваются ишеницы.

На *сумалакъ* приглашаются обыкновенно однѣ лишь женщины и дѣвушки; большинство приносить съ собой по пемногу солода и муки. Собираются они вечеромъ. Старухи выродолженіи всей почки варятъ *сумалакъ*, произ-

нося надь котломъ разныя молитвы, а молодежь, бабы и девушки, угощаются пловомъ, изюмомъ, орехами и пр. Въ случаѣ прихода посторонняго мужчины, женщины и девушки, собравшіяся на сумалкѣ, не прячутся.

На утро, пойти сумалкѣ и забравъ часть его въ чашки, компания расходится. Очень часто на этихъ сборищахъ высматриваются невѣсты и сходятся любовники.

Происхожденіе этого обычая мы объясняемъ себѣ такъ. На зиму запасы зерноваго хлѣба въ большинствѣ случаевъ зарываются здѣсь въ землю, въ ямы, носящія название — ура. Если весною не отроютъ зерно во время, то оно пропадаетъ. Вероятно, прежде случаи такого проростанія были не рѣдки до тѣхъ поръ, пока хорошенъко не привыкли къ этому способу сохраненія (это случается вирочемъ и теперь). Отрываютъ ишепину — проросла. Попробовали сдѣлать изъ нея муку, получилось что-то сладковатое. Сварили болтушку, понравилось. Тогда позвали на нее сосѣдей; тѣмъ тоже понравилось, тѣмъ болѣе, что здѣсь весна, когда запасы хлѣба уже истощаются, самое голодное время года. А затѣмъ такой сумалкѣ мало по малу вошелъ и въ обычай.

Изъ напитковъ наиболѣе употребителенъ чай, приготовляемый двумя способами: или кипяченіемъ на водѣ въ чайникахъ, т. е. такъ же почти, какъ это дѣлается и у насъ, или же кипяченіемъ ея въ котлѣ съ примѣсью молока, масла, соли и перцу. Въ послѣднемъ случаѣ она получаетъ название ширг-чай. Такіе напитки, какъ водка, виноградное вино и бузакъ — родъ пива или браги, приготовляемой здѣсь изъ проса, — преслѣдуются религіей, но тѣмъ не менѣе явное, открытое потребленіе ихъ туземцами съ каждымъ годомъ, дѣлается все больше и больше, что дало некоторымъ новодѣ утверждать, будто бы пьянство, не известное прежде между сартами, было привито къ нимъ русскими.

Насамомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Во первыхъ, бузакъ — напитокъ чисто мѣстный и никто изъ туземцевъ не думаетъ отрицать прежняго значительнаго потребленія его, въ особенности кочевымъ населеніемъ. Во вторыхъ, не только туземцамъ, но даже и многимъ русскимъ, известно, что еще до прихода слюда, въ Фергану, послѣднихъ, тайное приготовленіе фруктовой водки и виноградного вина было очень

распространено между мѣстными евреями, и что русской администрациѣ во многихъ городахъ Ферганы стоило не малаго труда, если не совсѣмъ, то хотя бы отчасти, остановить это производство. А если было производство, то, очевидно, былъ и спросъ, были и потребители. Въ третьихъ, известно также, что Алимъ-ханъ и Мадали-ханъ были горькими пьяницами, о чёмъ повѣствуется въ туземныхъ сочиненіяхъ по истории Кокандскаго ханства.

Наконецъ, въ четвертыхъ, обращаясь къ запискамъ Султана — Бабура, написаннымъ около 400 лѣтъ тому назадъ, во второй половинѣ ихъ мы чуть не накаждой стравицѣ читаемъ описанія того, какъ знаменитый Султанъ кутиль со своими приближенными. Очевидно, что пьянство тайное, скрывавшееся отъ налокъ и плетей кази-райса, существовало здѣсь уже не одно столѣtie. Очевидно также, что если русскіе и виноваты въ расширепіи круга открыто пьянствующихъ сартовъ, то виновность эта заключается въ томъ только, что они не бьютъ палками тѣхъ, кто попадется на ихъ глаза въ пьяномъ видѣ.

Лѣтомъ, не только у большинства горожанъ, но даже и въ мѣстныхъ кишлакахъ, основными элементами пищи являются: хлѣбъ, фрукты и кислое молоко; содержаніе мяса въ пицѣ нѣсколько увеличивается въ тѣхъ только кишлакахъ, где запаски значительны, и где со временемъ поспѣванія хлѣба и до осени послѣдній обмѣнивается у мясниковъ за мясо и сало.

Зимою во многихъ малосостоятельныхъ семьяхъ питание женщинъ и детей, по мимо другихъ причинъ, ухудшается еще и по слѣдующему поводу. Въ средѣ мало-состоятельнаго, какъ городскаго, такъ равно и кишлачнаго, населения на зиму мужчины образуютъ изъ себя артели, джурѣ, по 10—15 человѣкъ; каждый вносить по 3—7 рублей. Избирается артельщикъ, джурѣбашъ; по большей части въ его же домѣ проходитъ и ежедневныя сборища.

На артельнія деньги заготовляется мясо, рисъ, овощи и топливо. Если средства джурѣ достаточны, то ванимаются па всю зиму илясунъ-батчай, закупается чай, изюмъ и фисташки. (Иногда въ джурѣ участвуютъ и состоятельные молодые люди). Поваръ избирается или на всю зиму, или же готовятъ поочередно.

Собираются вечеромъ. Варится *палду*, въ ожиданіи котораго идетъ *чакъ-чакъ*, болтовня, прибаутки; поютъ пѣсни; пляшетъ *батчи*. Сидятъ иногда далеко за столпочь. Женаты расходятся по домамъ, а холостые тутъ же и почуютъ. Въ этихъ случаяхъ мужъ и отецъ становятся мало заинтересованными въ качествѣ и количествѣ домашней трапезы, въ которой онъ не участвуетъ, а потому и питание семьи значительно ухудшается. Чтобы попытать значеніе *джурд*, слѣдуетъ имѣть въ виду,—что сартъ—человѣкъ улицы и общественной жизни. Нельзя сказать, чтобы онъ совсѣмъ не любилъ семьи; вѣтъ, па той же улицѣ мы встрѣчаемъ мужчинъ, не занятыхъ работой и вялящихъ съ дѣтьми. До известной степени онъ любить семью; онъ очень любить дѣтей и при возможности всегда балуетъ ихъ, но это не мѣшаетъ и тяготѣнію къ улицѣ. Улица—клубъ; на ней падъ; на ней жизнь, разговоры, новости. Но зимой па ней или грязно, или холодно, а общество всетаки нужно; вотъ онъ и идетъ въ *джурд*. Дома сидѣть или благочестивый—*суби*, или человѣкъ богатый, часто, почти непрестанно, посѣщаемый гостями, домъ котораго въ сущности та-же *джурд*.

Нѣсколько улучшается или, вѣрище, разнообразится пища только по праздникамъ Курбанъ и Рамазанъ и во время поста *рузы*, такъ какъ религія ограничиваетъ лишь время Ѵды, но отнюдь не разнообразіе тѣхъ продуктовъ, которые потребляются въ пищу ⁽¹⁾.

Ежедневное вечернее разговѣніе, *ифтаръ*, происходитъ вскорѣ послѣ солнечнаго заката, всѣдъ за памѣзомъ *ахшамъ*. У туземцевъ принято прежде всего съѣсть маленькую щепотку соли, вапиться *айрани*, (*катыкъ*, смѣшанный съ водой), а затѣмъ уже есть хлѣбъ и фрукты, послѣ которыхъ подается одно изъ перечисленныхъ выше блюдо.

(1) «Винте, пейте до толѣ, покуда вами нельзя будетъ различать блѣдую пить отъ чистой пить.

Отъ зари же и до ночи исполняйте постъ; не сообщайтесь съ ними (женами), предавалась благочестивымъ думамъ въ мечетяхъ». Коранъ глава 2 ст. 183.

За первыя же днѣ поста, продолжающагося цѣлыій мѣсяцъ, организмы людей, строго исполняющихъ постановленіе религії, до того ослабѣваютъ, что къ концу *рузы* желудокъ дѣлается совсѣмъ неспособнымъ принимать сколько пибудь значительное количество пищи. Однакоже такими ревнителями являются далеко не всѣ. Женаты быть потихоньку отъ мужа и дѣтей, а мужъ потихоньку отъ жены и дѣтей; сособѣдъ потихоньку отъ сосѣда и такъ далѣе. Постятся и дѣлаютъ постыя лица *pour faire les apprêches*. Религія освобождается отъ поста, между прочимъ, больныхъ и путешествующихъ, и мы знали случаи, когда сартъ отправляется куда либо нарочно во время поста. Женщина можетъ не поститься во время корыления грудью. Она не должна поститься въ теченіи шести недѣль, слѣдующихъ за родами и во время менструаций ⁽¹⁾.

Въ городахъ утромъ пьютъ чай съ хлѣбомъ, причемъ въ средѣ бѣднаго населенія чай очень часто замѣняется травами, упоминать о которыхъ памъ не приходится, за невозможностью для насъ ихъ опредѣленія (определенія ихъ научныхъ названий); въ кишлакахъ по утрамъ приготавляется какая-нибудь жидкая кашица; иногда это разогрѣтые остатки вчерашней пищи.

Днемъ, около полудня, хлѣбъ или остатки утренней пищи; въ городахъ въ это время дня, особенно зимою, нерѣдко варится *турдай*, *майт-гурундай* или другая кашица.

Вечеромъ къ солнечному закату, а зимой нѣсколько позже, при возможности готовится *шавай* или другая кашица съ мясомъ или, паконецъ, *палду*.

У бѣднаго же населенія и вечеромъ неизмѣнная *курадай*, *атамай* или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Днемъ *палду* варится только для гостей. *Палду* семья быть всегда почти вмѣстѣ или, вѣрище, одновременно, такъ какъ дѣти даютъ быть обыкновенно въ отдельной посудѣ. Другую же пищу члены семьи Ѵдятъ каждый въ отдельной чашѣ и нерѣдко разновременно. Если вся семья въ сборѣ, то хозяйка пативаетъ себѣ послѣ всѣхъ, а первая чашка подносится ею или мужу, или старшему въ семье.

(1) «Это у нихъ время недуга». Коранъ. Глава 2. стр. 222.

Говоря о всемъ вообще осьдломъ паслениі Фергана, врядъ ли возможно было бы сказать что-либо вѣрное о среднемъ аппетитѣ средняго же туземнаго человѣка, а потому, вѣроятно лучше всего будетъ перечислить тѣ факты этого рода, которые намъ удалось подмѣтить. Въ общемъ у мужчинъ аппетитъ проявляется гораздо энергичнѣе, чѣмъ у женщинъ. (Киргизки, наоборотъ, гораздо прожорливѣе мужчинъ и всегда готовы есть все, что угодно, лишь бы это не было *харымъ*—поганое). Между мужчинами наибольшее количество пищи способны принимать: 1) тѣ возчики, *арбакѣши*, которые ходятъ цѣлыми обозами и, составляя на это время артели, привыкли питаться сравнительно очень хорошо, по крайней мѣрѣ гораздо лучше того, какъ они питаются дома; 2) состоятельный купцы, ведущіе такую торговлю, которая вызываетъ частыя поѣздки и 3) весь вообще чернорабочій людъ. Наименѣйшій аппетитъ замѣчается у тѣхъ мужчинъ, которые долго пробыли въ *мадресѣ* (высшей школѣ) и обладали въ это время скучными средствами существованія.

У женщинъ кишлачныхъ аппетитъ лучше чѣмъ у городскихъ; у состоятельныхъ луше чѣмъ у очень бѣдныхъ, желудки которыхъ привыкли къ крайне ограниченому употребленію пищи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у всѣхъ вообще мало мальскихъ болѣтонныхъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ припятіе пищи въ очень ограниченныхъ количествахъ служить однимъ изъ орудій кокетства. Про такую говорить, что она есть *чимчиликъ*—щипочками, по воробиному.

Здѣсь же замѣтимъ, что сарты никогда почти не относятся къ запору, какъ къ патологическому состоянію организма, что твердая консистенція экскрементовъ считается нормальной и что къ разжиженію послѣднихъ туземецъ относится всегдаю боязною.

Не менѣе интересны, конечно, и количества пищи, ежедневно потребляемой туземцами, но и тутъ намъ придется обратиться опять-таки къ частнымъ фактамъ, оговорившись предварительно въ томъ смыслѣ, что мы будемъ имѣть въ виду одно лишь малосостоятельное пасление, такъ какъ состоятельный и богатый людъ, потребляющій *палау* не одинъ, а нѣсколько разъ въ недѣлю, имѣющій въ своемъ распоряженіи значительныя количества мяса, сала, риса, муки, чая

и даже сушеныхъ фруктовъ, представляеть для насъ наименѣйшій интересъ въ силу хотя бы своей наименѣйшой же численности.

Въ средней по достатку кишлачной семье, состоящей изъ 5—7, душъ ежедневно расходуется: хлѣба не болѣе двухъ много трёхъ лепешекъ (около 1—1½ фунта) на душу; большее число лепешекъ съѣдаеть лишь мужчина, находящійся въ полѣ или на другой тяжелой работе. Утромъ на приготовленіе *унг-ашъ* или *кучъ* идетъ или 3—4 фунта муки + 6—7 стакановъ *катаха*, или 6—7 фунтовъ *джугары* + 6—7 стакановъ *катаха*. Вечеромъ или опять *кучъ* изъ того же количества припасовъ или *мамы-турундже*, на который идетъ рису около 3—4 фунтовъ, чечевицы около 1—2 фунтовъ и нѣсколько стакановъ *катаха* (или 1—2 фунта мелко искрошеннаго мяса). На такой же семье на приготовленіе *палау* расходуется: около 7—8 фунтовъ риса, отъ 1½ до 3 фунтовъ сала и столько же мяса.

По официальнымъ свѣдѣніямъ наманганскаго уѣзда, здѣсь ежегодно собирается:

Шеницы	около 1,666,400	пудовъ.
Рису (неободраннаго)	—	662,400 —
Джугары (Соргъ) и проса	—	1,333,560 —

Предположимъ, что все это съѣдается на мѣстѣ. Полагая въ наманганскомъ уѣзде около 100,000 душъ получимъ на каждую въ годъ:

Шеницы	— 16,6	пуда.
Рису	— 6,6	—
Джугары и др.	— 13,3	—

Принимая же во вниманіе, что здѣсь, также какъ и повсюду, распределеніе жизненныхъ продуктовъ наравнѣ съ другимъ имуществомъ далеко не равномѣрное, мы необходимо должны прийти къ заключенію о существованіи такихъ бѣдняковъ, скучное питаніе которыхъ несомнѣнно ниже только что приведенныхъ нами нормъ. Мы ихъ дѣйствительно и находимъ. Такъ, напримѣръ въ кишлакѣ Яны-Курганъ (наманганскаго уѣзда) мы знали сарта, который цѣлую зиму, три мѣсяца, прожилъ съ женою и малолѣтнимъ сыномъ на 5—6 пудахъ шеницы, итаясь изодия въ день *аталѣй*.

Примѣровъ этого рода можно было бы привести очень много, но это совершенно лишнее, ибо читатель самъ, и съ достаточной точностью, можетъ составить себѣ представление о питаніи того луда, который зарабатываетъ въ недѣлю отъ 40 к. до 1 р 20 к. включительно.

Въ качествѣ иллюстраціи ко всему сказанному о туземномъ питаніи могутъ служить нѣсколько словъ о питаніи дворовыхъ собакъ, которая въ этомъ отношеніи не имѣетъ ничего общаго съ собаками не только Россіи но даже, можетъ быть и цѣлаго свѣта. Остатки пищи, куски хлѣба и пр. собаки получаютъ здѣсь въ очень рѣдкихъ, почти исключительныхъ случаяхъ, а потому припуждены сами списывать себѣ дневное пропитаніе. Если сартъ и бросаетъ собакѣ кость, то онъ предварительно и очень тщательно не только обгладываетъ её спаружи, по даже разбиваетъ и всасываетъ содержащейся въ ней жиръ. Только въ такомъ тщательно очищенному видѣ косточка попадаетъ къ собакѣ. Надо ли говорить о томъ, что она бросается на неё съ жадностью, но что она выжимаетъ изъ этой косточки, памъ положительно неизвѣстно; мы знаемъ только, что малкія кости она дробить своими зубами и глотаетъ.

Однажды сартъ, видѣвшій какъ мы кормили собаку молокомъ, былъ положительно возмущенъ нашимъ проступи-комъ. Во первыхъ говорилъ онъ, такого дорогого продукта какъ молоко давать собакѣ не слѣдуетъ, грѣшио, а во вторыхъ, у собаки отъ молока глаза лопнутъ и вытекутъ. Сартъ не даетъ собакѣ пищи частью по исконной привычкѣ, а частью потому, что ему и давать-то ей нечего; во онъ такимъ объясненіемъ недовольствуется; онъ хочетъ окончательно выгородить себя, и говорить, что отъ молока у собаки глаза лопнутъ и вытекутъ. Откуда онъ это взялъ, кто его знаетъ, но дѣло въ томъ, что взять откуда то и трактуетъ; трактуетъ въ теченіи многихъ лѣтъ и въ тойѣ столь поучительномъ, что самъ паконецъ увѣроятъ и другихъ всѣхъ увѣрилъ. Такъ никто собакѣ молока и не даетъ.

На подобіе того, какъ обгладывается кость, блудо или чашка отъ памѣу или другого кушанья тщательно вытираются лѣвымъ краемъ скрюченаго указательного пальца правой руки, а иногда даже и просто вылизываются языкомъ.

Такимъ образомъ сартовская собака всегда живетъ голодомъ; но голодъ, какъ известно, не тетка, научить пироги Ѵѣсть. Сартовскую собаку пироги Ѵѣсть онъ не научилъ, но за то въ совершенствѣ приспособилъ её къ поѣданію фруктовъ, початковъ кукурузы и даже человѣческихъ экскрементовъ. Здѣсь не только не рѣдкость поѣданіе собаками опавшаго съ деревьевъ урюка, но даже наблюдалось случаи, когда собака вскарабкивается на тѣтовое дерево и Ѵѣсть ягоды. Мы боимся, что памъ не повѣрять, по мы можемъ указать даже и на кишлаки, гдѣ эти случаи повторяются наиболѣе часто; это горные или, вѣрнѣе, предгорные кишлаки чустского уѣзда, въ которыхъ тѣтовые деревья разводятся главнымъ образомъ для сбора съ нихъ ягодъ, идущихъ на приготовленіе патоки—ширимъ (или шинимъ) и тѣтѣ-талкана, нѣчто вродѣ тѣтоваго толокна.

На поляхъ, удаленныхъ отъ селеній, кукурузу приходится окарауливать отъ дикихъ свиней, а въ кишлакахъ не знаютъ что дѣлать съ собаками, многочисленными и истребляющими молодые початки кукурузы, разводимой на огородахъ.

Въ киргизскихъ аулахъ, гдѣ никакихъ отхожихъ мѣстъ не имѣется, поражаетъ полное отсутствіе человѣческихъ экскрементовъ, пожираемыхъ собаками.

ЖЕНЩИНА, ЕЯ ХАРАКТЕРЪ, ПРИВЫЧКИ, ЗНАНІЯ И ПОВЕДЕНИЕ ВЪ ОТНОШЕНИИ ОКРУЖАЮЩИХЪ.

Въ общемъ характеръ туземной женщины слѣдуетъ назвать живымъ и въ высшей степени веселымъ; горе, тоска нестигаютъ, конечно, время отъ времени и ей, но она никогда не поддается имъ по долгу. Даже при самыхъ крутыхъ материальныхъ и нравственныхъ обстоятельствахъ жизни, она никогда не прочь поболтать, посмѣяться, спѣть пѣсню, которую, особенно въ молодые годы, она напѣваетъ

и мурлычить чуть не постоянно. Правда, что иногда она напускает на себя слезливость, но слезливость эта, всегда напускная, дѣланная, проявляется ею въ тѣхъ только случаяхъ, когда можетъ такъ или иначе служить орудіемъ достиженія той или другой цѣли.

Всѣ движения ея быстры, иногда даже юривисты, но никогда почти они не бываютъ угловаты. Съ самого раннаго возраста дѣвочка слѣдить уже за своими движеніями, стараясь придать имъ оттенокъ условной, мѣстной комильфотности. Оттого большая часть не только движений, но даже и всего поведенія женщины далеко не просты и не естественны. Она любить, напримѣръ, ходить скоро, но приличie, зиждущееся на основахъ религii, запрещаетъ ей сильно выдвигать при ходьбѣ ноги, размахивать руками и пр. (Коранъ. Глава 24. Ст. 31). Оттого и самая походка ея принципиально совершенно особый, ей только свойственный характеръ. Она быстро перебираетъ ногами, дѣлая маленькие шаги, при чемъ не только руки, но даже голова и плечи остаются почти совсѣмъ относительно неподвижными. Отпечатокъ такой же сдержанности легъ на многія проявленія и ея нравственнаго я. Не только женщина, но даже и дѣвочка лѣтъ 10—12-ти, получивъ, напримѣръ, подарокъ, приводящий её въ дѣйствительности въ полный восторгъ, никогда иничѣмъ это не выскажетъ; очень часто она даже и не поблагодаритъ за него. Послѣднее она сдѣлаетъ тогда только, когда подарокъ этотъ играетъ роль милостины или материальной помощи. Если это платье, обувь или украшениe, то самое большое что она позволяетъ себѣ сдѣлать, это надѣть ихъ сейчасъ же, чѣмъ даетъ понять, что подарокъ ей правится. (Тоже принято и у мужчинъ). Если подаренную вещь надѣть нельзя, то она ограничивается тѣмъ, что показываетъ её окружающимъ, при чемъ нерѣдко сопровождается это такимъ жестомъ руки и такой улыбкой, умѣнью состроить которую позавидовала бы, можетъ быть, не одна изъ нашихъ наизвѣданныхъ кокетокъ. По этому поводу замѣтимъ, что у многихъ сартовскихъ женщинъ и дѣвушекъ умѣнья выражать свои впечатлѣнія движениями губъ и бровей доводится иногда до высокой степени совершенства. Желая, напримѣръ, сдѣлать вопросъ, она, молча, чуть-чуть приподымаетъ брови къ верху и дѣлаетъ это такъ ловко, что дѣйствительно вся-

кий другой вопросъ съ ея стороны становится вполнѣ лишнимъ, такъ какъ лицо ея само по себѣ въ совершенствѣ изображаетъ знакъ вопросительный.

Также почти, какъ къ радости, она относится и къ горю; послѣднее способно ошараширить и одурить ее, но очень не падоаго. Крайне рѣдки случаи, какъ между женщинами, такъ ровно и между мужчинами, когда горе давить и изводить человѣка въ теченіи большого промежутка времени. Весьма возможно, что послѣ той или другой катастрофы женщина долго еще будетъ плакаться и причитать въ средѣ своихъ подругъ и знакомыхъ, но это будетъ причитанье съ вытьемъ безъ слѣзъ, причитанье дѣланное, а не то горе, которое не даетъ человѣку думать ни о чёмъ другомъ кроме его самого, этого горя неотступно идущаго за своимъ клиентомъ всюду и не дающаго ему подъ часъ даже и спать. Только въ одномъ случаѣ сартянка даетъ кажущуюся волю совсѣмъ кажущимся чувствамъ—это при оплакиваніи покойника. Но и тутъ, даже пожалуй болѣе чѣмъ въ другихъ случаяхъ, и рванье на себѣ волосъ, и царапанье лица, и самый неистовый, пичеловѣческій вой не болѣе какъ обычна, бытовая комедія, не продѣлать которую нельзя также, какъ нельзя не поголосить при выходѣ замужъ. Даже и здѣсь, при оплакиваніи покойника, никогда почти вы не увидите убитаго горемъ лица и тихихъ слѣзъ; это, впрочемъ, станетъ для читателя болѣе понятнымъ ниже, когда онъ увидитъ, что здѣсь родственныи узы, въ нравственномъ значеніи этого слова, если неотсутствуютъ совсѣмъ, то, покрайней мѣрѣ, очень слабы.

Крайне рѣдко приходилось и приходится видѣть туземную женщину плачущей. Прихлоинеть её какая-нибудь бѣда, придетъ она совсѣмъ или просить помощи, много-много, если пѣсколько слезинокъ навернется, за то голосить и выть будьтъ съ утра до ночи. Не плачетъ она и въ томъ случаѣ, когда бѣть ей мужъ; она или голосить безъ слѣзъ и причитается, или ругается; даже самое причитанье и то скорѣй отзыкается озлобленіемъ, досадой, чѣмъ слезами.

Одною изъ наиболѣе характерныхъ, отличительныхъ чертъ туземной женщины является болтливость и крайняя общительность, тѣсно связанныя со способностью быстро осваиваться во всякой обстановкѣ и съ привычкою называть все своими именами.

Что касается последнего, то все без исключений какъ части тѣла, такъ равно и органическій отиравленія пазываются большинствомъ ихъ обычно-пародыми именами. Термины же смягченные и по большей части метафорические, употребляются лишь въ наиболѣе изысканномъ обществѣ, соприкасающемся такъ или иначе съ литературой.

Для сартянки проходитъ нѣсколько часовъ одной, молча, хотя бы и за работой—муки Тантата; это положительно вѣя силь; поэтому, если ея не окружаютъ дѣти подростки, съ которыми можно перебросить словечкомъ, она поджидаетъ сначала, не придетъ ли кто съ павѣстить, и если никто не является, то сама уходить изъ дома хоть па четверть часа, хоть па пять минутъ, провѣдать ближайшую сосѣдку, поболтать съ ней и послетичать. Такимъ образомъ женщина очень рѣдко бываетъ одна; или у лей сидитъ кто-либо изъ знакомыхъ, или она сама уходитъ изъ дома. Если она отиравляется на долго, то иногда забираетъ съ собой свою работу; гораздо чаще, приїдя къ одной изъ своихъ знакомыхъ, она помогаетъ тамъ шить, прѣсть пинки, очищать и перебивать вату и пр. Очень часто съ этой послѣдней цѣлью знакомая созывается па посидѣлки или па помочь. Идуть всегда очень охотно, такъ какъ, во первыхъ, такія приглашенія дѣлаются по большей части людьми сравнительно состоятельными, а потому всегда можно расчитывать па угощеніе въ видѣ *паму*, лепешекъ и чая, а во вторыхъ можно до сыта наговориться, наслушаться всякой всячины, не исключая и сплетенъ новѣйшаго приготовленія, но пѣть иѣспи, поколотить въ бубень и пр. Разъ только соберется нѣсколько женщинъ, говоръ почти не умолкаетъ; идутъ безконечные разсказы о всѣхъ новѣйшихъ происшествіяхъ вродѣ свадьбъ, ссоръ съ мужьями, разводовъ, похожденій съ любовниками и пр. разговоръ идетъ въ перемежку съ пословицами, поговорками, прибаутками, а не рѣдко даже со сказками и анекдотами игриваго содержанія, до которыхъ всѣ безъ исключения большія охотницы. Умѣніе найтись въ разговорѣ, удачно отвѣтить на вопросъ или замѣчаніе, заговорить свою собесѣдину считается достоинствомъ; къ такой женщинѣ относятся съ иѣкоторой боязнью, тѣмъ болѣе, что она обыкновенно никогда не упускаетъ случая осмѣять и позлословить, особенно если та, на которую направлена эти пасмушки не найдется отвѣтить тѣмъ же.

Не разъ намъ приходилось встрѣчать женщинъ, поражавшихъ насъ умѣніемъ не только складно говорить, но и въ высшей степени искусно излагать свои мысли, въ смыслѣ умѣнія вѣсти рѣчь па столько же красиво, па сколько и послѣдовательно. Въ большинствѣ случаетъ это были жены ханскихъ служилыхъ людей, многовидавшія на своемъ вѣку и сталкивавшіяся съ самыми различными сторонами и явлениями туземной жизни.

Благодаря крайней общительности и привычкѣ не видѣть въ явленіяхъ своей семейной жизни тайны, которую нужно скрывать, сора, котораго не слѣдуетъ выносить изъ избы, незнакомыя, въ первый разъ видяція другъ друга женщины въ самомъ непродолжительномъ времени, черезъ полтора—два часа, чувствуютъ себя давно знакомыя. При проявленіи взаимной симпатіи, одной такой встрѣчи совершенно достаточно для того, чтобы онѣ называли другъ друга *уртакъ*, пріятельница, товарка.

Помимо такихъ случаевъ и происшествій, какъ смерть, поминки, свадьбы, разводы и пр., наиболѣе излюбленными темами женскихъ разговоровъ являются: ссоры съ мужьями, сообщенія о беременности и числѣ дѣтей, о давности и характерѣ послѣднихъ менструаций и наконецъ даже о подробностяхъ сожительства съ мужьями.

Въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно спрашиваются: „давно ли вы совершили омовеніе? Говорить на тѣхъ не принято даже и между самыми близкими знакомыми какъ въ высшихъ, такъ равно и въ низшихъ слояхъ общества.

Домашній соръ, тщательное припрятываніе котораго отъ постороннихъ взглядовъ регламентируется русскимъ домостроемъ, здѣсь, наоборотъ, выносится на улицу и одинаково какъ женщиной, такъ и мужчиной. Оттого, несмотря на кажущуюся замкнутость женщины, на скрываніе ея отъ постороннихъ глазъ и хожденіе подъ *чимбѣтомъ* и *паранджой*, жизнь данной семьи не только никогда не является секретомъ длясосѣдей и знакомыхъ, но, наоборотъ, вполнѣ известна имъ во всѣхъ не только материальныхъ, но да же и въ нравственныхъ подробностяхъ. Очень часто случается, что велѣдь за оскорблениемъ или побоями, нанесенными мужемъ, жена кричитъ: „*ва-й-дѣдь!* (караулъ). Каждый, услышавший этотъ крикъ, не только можетъ, но даже обя-

занъ войти во дворъ и сдѣлать возможное для примиренія. Роль примирителя считается священной; примиреніе враждующихъ—одно изъ тѣхъ душеспасительныхъ дѣлъ, за которыя воздается въ будущей жизни, а потому отъ роли этой никто никогда не отказывается ⁽¹⁾.

Привычка или, вѣриѣ, практика такого оглашенія своей семейной жизни является для туземной женщины щитомъ, хранящимъ ее отъ тираніи мужа; не смотря на тѣ права, которыми снабжаютъ послѣдняго и религія, и обычное право, тиранія мужа здѣсь въ сущности гораздо меньше, чѣмъ въ Европѣ; здѣсь онъ можетъ проявлять ею въ томъ только случаѣ, если материальная условія лишаютъ женщину возможности воспользоваться при надобности ея правомъ на разводъ; ниже, ознакомясь съ послѣднимъ, читатель увидитъ, что, въ иѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ отношеніяхъ, положеніе мусульманской женщины лучше, а кругъ ея личныхъ правъ не измѣримо ширѣ, чѣмъ у женщины европейскихъ народовъ. Подробиѣ мы будемъ говорить объ этомъ ниже, а теперь вернемся къ болтливости туземной женщины, свойственной ей столько же, сколько и любовь злословить, сплетничать и пикироваться, развитая въ ней, женщинѣ, несравненно болѣе, чѣмъ въ мужчинѣ.

Гостья, считающая себя по общественному положенію выше хозяйки, никогда не стѣсняется сдѣлать ей то или другое замѣчаніе относительно чистоты въ комнатѣ и пр.; въ большинствѣ случаевъ говорится это, конечно, намеками, по съ очевиднымъ желаніемъ кольнуть и кольнуть какъ можно болѣїе. Если въ обществѣ окажется деревенская баба и злозычная горожанка, то первая обыкновенно бываетъ въ буквальномъ смыслѣ слова заклевана. При ней пачнутся рассказы о томъ, какъ грязно живутъ въ кишлакахъ, какъ рѣдко тамъ їдятъ *палау*, какъ неизящно выражаются и т. д.

Отсюда и вслѣдствіи врожденной туземной женщинѣ вспыльчивости, скоры происходить на каждомъ шагу, а изрѣдка случается даже, что скора, начавшаяся пикировкой и препирательствомъ, кончается чуть не дракой. Что-же касается до обѣщаанія поколотить ту или другую изъ недав-

(1) «Миръ есть добroe дѣло». (Коранъ. Глава 4. Ст. 127).

нихъ пріятельницъ или произвести въкотороя измѣненія въ я причесѣ, то это случается слышать даже болѣе чѣмъ часто.

На сколько сартянка любить пикироваться, злословить и сплетничать, на столько же, если не больше, она боится на-смѣшекъ и пересудъ. Отюдь не скрывая обстоятельствъ своей домашней жизни и своихъ отношеній какъ къ мужу, такъ равно и къ другимъ членамъ своей семьи, она всегда избѣгаетъ говорить о себѣ лично, боясь чѣмъ-либо себя скомпрометировать. Извѣстная любительница веселой жизни и всяческихъ похожденій, держащая себя съ мужчинами болѣе чѣмъ развязно, при женщинахъ корчитъ изъ себя такую святошу, заподорить которую рѣшился не всякий, даже и многоопытный человѣкъ. Передавая вамъ всевозможныя интимныя похожденія ея знакомыхъ и пріятельницъ, она ни за что не скажетъ о себѣ самой, ни за что не признается даже и подругѣ въ томъ, что имѣеть любовника. И если вы захотите павести справки объ ея собственномъ поведеніи, вы необходимо должны будете обратиться къ одной изъ ея пріятельницъ.

Лгутъ, льстять и преувеличиваютъ такъ часто и по столь разнообразнымъ поводамъ, что мало по малу получаешь привычку никому не вѣрить на слово или, по крайней мѣрѣ, относится ко всемъ сообщеніямъ съ крайней осторожностью.

Совершенно такими же наклонностями отличается и сартъ. Прошлое пріучило его говорить правду тогда только, когда онъ вполнѣ увѣренъ, что правда эта ему будетъ выгодна; въ противномъ случаѣ, даже если бы это было сомнѣніе только, при которомъ далеко еще неизвестно, можетъ ли или не можетъ это быть выгоднымъ или хотя бы безразличнымъ, онъ или уклоняется отъ отвѣта, или вретъ и, конечно, не всегда удачно. Въ 1879 году администраціи понадобились зачѣмъ-то свѣдѣнія о числѣ низшихъ туземныхъ школъ и учащихся. Мы жили въ то время въ кишлакѣ, жили совсѣмъ по сартовски, а потому пользовались болѣшимъ сравнительно довѣріемъ своихъ односельчанъ. Получивъ приказъ о доставленіи сказанныхъ свѣдѣній, волостной управитель приходитъ къ намъ и убѣдительно просить насъ, какъ знакомыхъ съ русскими порядками, посовѣтовать, какъ ему:

быть: показать ли въ своемъ рапортѣ число школъ и учащихся въ волости болѣшимъ или меньшимъ дѣйствительного. Онь не знаетъ, зачѣмъ требуются эти свѣдѣнія, и этого уже довольно для того, чтобы не допустить и мысли о достоинствѣ куда слѣдуетъ истинныхъ цифръ.

Приведемъ еще примѣръ. Разодрались два сарта; разодрались, конечно, не *à la russe*, т. е. безъ вышибанія зубовъ, безъ сворачиванія скуль и другого членораздѣльства, а чинно, по сартовски. Драка эта происходила приблизительно такъ: сначала оба изъ-зачего-то поругались, при чемъ одинъ упомянулъ о матери; другой не спустилъ и къ матери присовокупилъ дочь; послѣ этого досталось всѣмъ, и отцу, и дѣду, и могилѣ прадѣда и опять матери, и, паконецъ, чалмѣ и тюбетейкѣ; тогда, прийдя въ заправскій азартъ, они схватили другъ друга за ворота, стали кричать еще громче, порвали рубахи и менѣе увертливый получилъ двѣ илюхи, па память о которыхъ остался синякъ подъ глазомъ и цараница на лѣвой щекѣ. Поплатившись цѣлостью рубахи, получивъ синякъ и цараницу на щекѣ, сартъ считаетъ себя не только побѣжденнымъ, но даже и избѣженнымъ. Онь кричитъ „*оай-ддд!*“ (караулъ). Около дерущихся собирается толпа; лишь очень не многие подзадориваютъ; большинство стремится къ умиротворенію.

Освободившись отъ противника, успѣвшаго дать ему на прощеніе еще и подзатыльникъ, побѣжденный начинаетъ выть, иногда совершенно по бабы, и просить присутствующихъ быть свидѣтелями оказанной ему несправедливости. Учуявшися крови, онъ размазываетъ ее по лицу, иногда нарочно расковыриваетъ цараницу, дабы добыть оттуда иѣсколько лишнихъ капель, необходимыхъ ему для подлежащаго татуированія, искусственно приводить свое одѣяніе въ возможно безобразный видъ и тогда только, найдя, что онъ вполнѣ достаточно замаскировался, отправляется къ начальству, искать правосудія. Черезъ полчаса на базарѣ разсказываютъ, что въ такой-то улицѣ происходила страшная драка — „*дэкуди урушил булдї!*“ (Считаемъ нужнымъ замѣтить, что драки, подобные вышеописанной, въ общемъ далеко не частыя, происходятъ только среди простонародья. Мало мальчики благовоспитанный сартъ держитъ себѣ въ высшей степени чинно и ни на улицѣ, ни въ обществѣ никогда не компрометируетъ

себя даже такими поступками, какъ излишне скора ходьба или бѣза, излишне громкий разговоръ, шѣние, свистъ и пр.).

Сидѣть иѣсколько пріятельницъ. Одна, наиболѣе бойкая начинаетъ поклоняться, какъ ей на дѣяхъ былъ мужъ. „Играй, говорить на *думаріи*“. А я говорю: „не стану“. „Играй!“ „Не стану“. „Играй, а то отлуцило“. „Не стану“. Какъ начать онъ меня лунить нагайкой; ужъ онъ былъ, былъ, а я все молчу; потомъ къ столбу привязаль; опять быть началь; а я опять молчу. Вся спина въ синякахъ — вотъ хоть посмотрите. Смотрѣть — никакихъ синяковъ тамъ нѣть. „Такъ вѣдь опѣ мяня былъ-то двѣ недѣли тому назадъ, теперь ужъ синяки прошли; а тогдѣ страсть что такое было; вся спина синяя; смотрѣть страшно!“

Хвастаются разнообразными способами: и воображаемымъ стоянцомъ въ отношеніи воображаемыхъ же побоевъ; и воображаемой близостью съ людьми, считающимися почтимыми-либо влиятельными, и всевозможными искусствами, не исключая и кулинарияго. Такъ напримѣръ, недавно, почти вадияхъ, одна сартянка хвасталась при пась тѣмъ, что можетъ сварить три разныя кушанья, не снимая котла съ очага и моя его постѣ приготовленія каждого кушанья тутъ же, на очагѣ, при помощи уполовника.

Хвастаются и парядами, и благосостояніемъ, и положениемъ занимаемымъ мужьями, и проч. Словомъ въ этомъ отношеніи никто не можетъ упрекнуть сартянку въ томъ, что ей далеко до другихъ женщинъ. Эта свои сартянка скрывается, также какъ и послѣднія, очень тщательно. Часто случается, что черезъ пять — шесть лѣтъ послѣ выхода ея замужъ въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ, ей оказывается шестнадцать, много семнадцать лѣтъ.

Напрошайничество и вороватость очень развиты въ языческихъ, бѣдныхъ классахъ туземнаго населения, при чемъ вторая распространена гораздо болѣе первой, ибо познаніе прошайки, гадѣй, считается зазорнымъ, а уличить въ воровстве не всегда легко. Напрошайничаютъ лишь у людей состоятельныхъ, а воруютъ болѣе или менѣе безразлично. Слѣдуетъ, вирочемъ, замѣтить, что такое женское воровство по большей части мелкое и производится лишь па домахъ. На базарѣ вы очень часто можете видѣть открытую лавку съ разложенными товарами и безъ хозяина, отлучившаго ку-

да-либо по дѣлу. Изъ сартовъ никто ничего не тропеть. Это привычка, оставшаяся отъ ханскихъ временъ, когда ворамъ и воровкамъ отрубали руку. Мелкія же воровства на дому, гдѣ воровать гораздо удобнѣе, очень нерѣдки. Часто воруютъ даже и у тѣхъ, кто охотно далъ бы украденное, если бы его попросили. Случаи этого рода происходили и съ нами не одинъ разъ.

Такъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна женщина, пользовавшаяся въ теченіи долгаго времени нашей помощью, прѣѣхала изъ кишлака, вѣроятно, за помощью же, но прежде чѣмъ обратиться съ просьбой, она воспользовалась нашимъ отсутствіемъ изъ комнаты и направилась къ письменному столу, изъ которого не задолго передъ тѣмъ при пей же вынимали деньги. Случайно одинъ изъ насъ помѣшалъ ей, не подавъ, впрочемъ вида, что замѣтилъ ея намѣреніе. Онаничуть не сконфузилась, отправилась на кухню, выждала, когда въ ней никого не осталось, набрала въ мѣшокъ разной провизіи, но и тутъ была застигнута прислугой.

Когда мы жили въ кишлакѣ, у насъ очень часто пропадала мелкая посуда, сбруя, хлѣбъ, лоскуты матерій и пр.

Нигдѣ, впрочемъ, воровство не развито между женщинами такъ, какъ у киргизъ. Осеню, во время приготовленія кошемъ (ихъ валяютъ здѣсь женщины) въ зажиточныхъ киргизскихъ семьяхъ принято сывать всѣхъ аульныхъ бабъ и дѣлать кошмы помочью. Въ этомъ случаѣ два или три члена данной семьи находятся неотлучно при женщинахъ, наблюдая за цѣлостностью шерсти. Но и такое окарауливаніе не всегда помогаетъ; каждая проворная баба успѣваетъ запрягать въ свои широкіе сверху штаны нѣсколько комковъ шерсти и унести еї въ штанахъ же домой.

Такого же рода отношенія наблюдаются у бѣдныхъ классовъ къ долгамъ и другимъ обязательствамъ. Въ то самое время, какъ большая часть туземной торговли совершается въ кредитъ, при чѣмъ никогда почти не приходится слышать о мошенничествѣ, грошевыя сдѣлки и долги, особенно городского населенія, не рѣдко бываютъ поводами не только къ ссорамъ и дракамъ вродѣ вышеизложенной, но даже и продолжительнымъ тяжбамъ, затягивающимся иногда очень по долгу, вслѣдствіе скрывательства должниковъ. Скрывательства эти, являющія собою прямое послѣдствіе былыхъ, хан-

скихъ временъ; когда каждое отдѣльное бекство было отдѣльнымъ же вассальнымъ государствомъ, созываться въ которое зря, безъ заступничества своего бека или надлежащаго поклона беку тамошнему, было далеко не безопасно, скрывательства эти, говоримъ мы, иногда бываютъ въ высшей степени комичными.

Заемодавецъ простолюдинъ, неохотно обращающійся къ посредству суда и администраціи, считаетъ своего должника совершенно неуловимымъ даже и въ томъ случаѣ, если онъ скрывается отъ него гдѣ нибудь за 20—30 верстъ, съѣздить куда самъ онъ не имѣть времени. Онъ тогда только признаетъ должника попавшимся въ свои руки, когда встрѣтится съ нимъ лицомъ къ лицу. „Никогда не могу его встрѣтить“ жалуется онъ своимъ знакомымъ. Но вотъ, наконецъ, онъ случайно поймалъ его на базарѣ; онъ хватаетъ своего должника непремѣнно за полу халата; скрутивъ ону на подобіе того, какъ выжимаютъ мокрое бѣлье и крѣпко ухвативъ обѣими руками, кредиторъ предлагаетъ или немедленно же уплатить долгъ, или отправиться къ начальству. Если должнику и удастся удрать, сбросивъ съ себя быстрымъ тѣлодвиженіемъ верхній, не подпоясанный халатъ, то послѣдній все-таки остается въ рукахъ кредитора; часть долга, какъ ни какъ, будетъ стѣдовательно уплачена, а окончательная ликвидациѣ дѣла само собою откладывается до будущей подобной же встрѣчи.

Приходитъ къ намъ женщина изъ другого кишлака и просить дать ей четыре рубля; получаетъ деньги и уходитъ, обѣщаю возвратить взятое или деньгами же, или масломъ черезъ шесть мѣсяцевъ; пе является она цѣлый годъ. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день приходитъ и, конечно, съ пустыми руками. „Ас-селямъ алайкюмъ!“ „Алейкюмъ ас-селямъ!“ „Какъ живете можете? Здоровы ли? Дѣтки здоровы ли? Выросли ли?“ „Славу Богу“. Гостиѣ подаются лепешки, чай. Долго идутъ разговоры объ урожаѣ, о погодѣ, о новостяхъ, о предстоящей у сосѣдей свадьбѣ, и пр. Собирается гостья уходить. „А вѣдь деньги то ваши я не принесла, не раздѣбла. Вы дайте мнѣ еще два рубля—на будущій годъ я вамъ ужъ все заразъ отдамъ“.

Выше, говоря о жилищѣ, мы упоминали уже о томъ, что какъ дворъ, такъ и комнаты, въ особенности наружныя,

содержатся у сартовъ опрятно. Однакоже опрятность эта, какъ и вездѣ, въ богатыхъ семьяхъ больше, чѣмъ въ бѣдныхъ, и въ городахъ больше, чѣмъ въ кишлакахъ. Тоже почти слѣдуетъ сказать и о содержаніи посуды, утвари и одѣялъ. Посуда вымыта (до суха еї почти никогда не вытираютъ, оставляя сохнуть самое по себѣ) и разставленна въ нишахъ; котель накрытъ крышкой; одѣяла, хотя и вшивыя, тщательно свернуты и сложены поверхъ сундука. (Полъ комната, также какъ и дворъ, ежедневно мется, а послѣдній лѣтомъ кромѣ того еще и поливается водой. Пища, особенно въ городахъ, приготавляется тоже довольно опрятно. Дотрогиваться до продуктовъ во время приготовленія пищи, равно какъ и юсть послѣднюю немытыми руками, считается грѣхомъ. Передъ приготовленіемъ кушанья вся нужная для этого посуда опять таки моется. Также тщательно промывается рисъ и другое зерно.

Въ кишлакахъ, впрочемъ, приходилось иногда видѣть, какъ раскатанныя, но не испеченные еще лепешки за немытымъ лишияго дистархана раскладывались на посильномъ халатѣ, вывороченномъ наизнанку, чего въ городахъ встрѣчать не приходилось. Такимъ образомъ вѣнчая, такъ сказать, опрятность сартянки, покрайней мѣрѣ городской, можетъ еще считаться до нѣкоторой степени удовлетворительной. Совсѣмъ иное приходится сказать о личной си чистоплотности.

Въ баю, и то только въ городахъ, ходить одни лишь мужчины. Ходить туда женщины считаются неприличными, а потому бани посѣщаются здѣсь изъ женщинъ или дамами легкаго поведенія, или же туземными еврейками, у которыхъ принято бывать здѣсь, кажется, по пятницамъ вечеромъ.

Однакоже и изъ мужчинъ въ бани ходить далеко не всѣ, а наибольшее число посѣтителей бываетъ на разсвѣтѣ въ пятницу, т. е. послѣ обычныхъ здѣсь супружескихъ четверговъ.

Религія запрещаетъ мусульманину видѣть не только чужія, но по возможности даже и свои аэрѣтз, части тѣла между поясомъ и колѣнами.

Оттого въ банихъ моются или въ штанахъ, или въ полотенцахъ, повязываемыхъ на ягодицы и бедра. Это же

постановленіе служить одною изъ главнѣйшихъ причинъ того, что туземные мужчины и женщины, даже и лѣтомъ, купаются очень рѣдко.

Выѣтъ съ тѣмъ въ то самое время, какъ аэрѣтз тщательно скрываются и мужчиной и женщиной отъ всѣхъ вообще взоровъ, первый не стѣсняясь работаетъ въ однихъ только штанахъ, а вторая не считаютъ неприличнымъ бормитъ грудью ребенка при тѣхъ мужчинахъ, которымъ не запрецдается входъ въ ичкари.

Въ массѣ туземнаго населенія отношенія къ религіи ничѣмъ въ сущности не отличаются отъ тѣхъ, которыя наблюдаются и у другихъ народовъ. Къ религіи прежде всего относятся, какъ къ обычаю, не исполненіе котораго преслѣдуется общественнымъ мнѣніемъ, а страхъ послѣдняго очень развитъ въ сартъ, по крайней мѣрѣ, гораздо больше, чѣмъ страхъ кары небесной.

Дѣла и поступки раздѣляются на дурные, грѣхи (*гунакъ*), подлежащіе расправѣ въ геенѣ огненной и добрые (*савабъ*), за которые будетъ вознагражденіе. Какъ тѣ, такъ и другіе, вписываютя двумя ангелами въ книгу жизни. Замѣчательно, что, не смотря на полную увѣренность въ существованіи и ангеловъ, и книги,—и сартъ, и сартянка обѣ геенѣ помышляютъ сравнительно очень рѣдко. Гораздо чаще оба думаютъ о томъ, нельзя ли учинить какой-нибудь таѣй *савабъ*, совершеніе котораго было бы и не трудно, а главнымъ образомъ не дорого. Разсыпать зерно на землю грѣхъ; а подобрать его *савабъ* и даже очень большой. Поэтому никто никогда не упуститъ случая совершить столь душеспасительное дѣло, да еще совершивши его, сотворить краткую молитву, дабы дѣло было вѣрнѣй. Такихъ *савабовъ* много, такъ много, что и не перечтешь: голову мыть по пятницамъ—*савабъ*; подобрать съ земли крошки хлѣба—*савабъ*; примиритьссоряющихся—*савабъ*; ищему подать—тоже *савабъ* и такъ безъ конца. Очень возможно, что одновѣтніе *савабовъ* и легкость ихъ выполненія уже сами по себѣ служатъ до нѣкоторой степени стимуломъ успокоенія сердца по части страха геены огненной. Иногда для совершеннія возможно большаго *саваба* составляется компанія на акціяхъ.

Такъ, напримѣръ, однажды пожилой сартъ, вѣроятно нуждавшійся въ пополненіи нѣкоторыхъ пробѣловъ своей

книги живота, обратился къ намъ съ такимъ предложениемъ: „давайте, говорить, сообща мечеть выстроимъ. Вы девьги похороните, а я работами буду распоряжаться; *сабаби тинкъ шерикъ буламызъ*“ (въ *сабаби* будемъ имѣть равные пай). Совершенно какъ бы коммерческое предпріятіе какое!

За подобными отпосеніями къ религіи неосредствено слѣдуетъ между прочимъ, конечно, и суевѣrie, ибо послѣднее всегда и вездѣ было вѣрямъ спутникомъ религіи при извѣстныхъ отпосеніяхъ къ ней человѣка.

Вѣрять почти во все то-же, во что вѣрить и русскій мужикъ. Кромѣ дьявола (*тайтанд*), антихриста (*аджай*), добрыхъ и злыхъ духовъ (*пары* и *дѣвѣ*), вѣрять въ существованіе домоваго — *албасты*, котораго представляютъ себѣ въ видѣ расстрапанной, косматой старухи, вѣрять и въ *аджину* — вѣчно среднее между домовымъ и вѣдьмой, которая рисуется воображенію сарта во образѣ женщины громаднаго роста, съ космыми желтыми волосами, портящей людей и паводящей на нихъ, между прочимъ, и падучую болѣзнь; уверяютъ, что *аджина* можетъ измѣнять свой вѣшний видъ. Такъ напримѣръ, одинъ сартъ говорилъ памъ, что видѣлъ *аджину* въ видѣ огонька, бѣжавшаго по улицѣ. Вѣрять въ существованіе *лямагыз-кампиръ* — вѣчно вродѣ нашей бабы-яги, по поводу которой имѣется сказка того же приближительно содержанія, что и у насъ (*кампиръ* — старуха). Этимъ же именемъ (*лямагыз-кампиръ*) называютъ и ворчуній — старухъ, а название *аджина*, или *албасты*, преодолоитъ женщина, не пригладившимъ падежаціемъ образомъ своихъ волосъ. Вѣрять въ то, что если качать цустой *бичикъ* (ко-лыбель), то ребенокъ, которому опъ принадлежитъ, умретъ. Каюши должны стоять непремѣнно около двери, а не то враги хозяина дома размножатся и одолѣютъ его.

Вѣрять въ дурной глазъ, а потому никому не показываютъ новорожденаго ребенка. Вѣрять въ то, что неизбѣжно долженъ ослѣпнуть человѣкъ, употребляющій въ извѣстныхъ случаяхъ не комочекъ глины, какъ это рекомендуетъ религія, а бумагу, тотъ священій предметъ, которому никогда не даютъ даже валяться на земль, ибо на ней, бумагѣ, пишется коранъ и другія священныи книги. Вѣрованій этихъ такъ много, что есть возможность допустить постоянную фабрикацію ихъ даже и до сего времени.

Ночуто съ вѣрою въ духовъ и предзначенія вѣрятъ также и въ колдовство, знахарство и гаданье. Боятся жена, чтобы не разлюбилъ ее мужъ; идетъ она къ специалисту — *муллѣ* и за пѣкоторое вознагражденіе (иногда однако же до 4 р.) получаетъ отъ него *тумаръ*, бумажку, исписанную приличествующей молитвой или стихомъ изъ корана. Бумажка складывается трехугольничкомъ, обшивается въ шелковую матерію и прицѣпляется въ видѣ такого амулета къ плечу рубахи или халата. У одного знакомаго намъ сарта было двѣ жены. Вражда между ними была страшная. Однажды младшая жена повѣствуетъ намъ такую исторію: „*Кундакъ-то мой, подлая, чуть-чуть меня не извелъ*! — „*Какъ — такъ?* — „*Да такъ. Стала я болѣть, стала чахнуть. Раскопала я въ своей комнатѣ землю подъ очагомъ, ань тамъ чашка опрокинутая, а подъ ней лягушка, да сала перетопленаго кусочекъ. Это она сдѣлала. Какъ только сало растаяло бы, такъ бы и я кончилась, извела бы. Такъ бы тоской извела*!“.

Кажется женщинѣ, что мужъ къ ней охладѣлъ. Идетъ она къ *муллѣ* и просить его сдѣлать наговоръ на хлѣбъ, на урюкъ, на воду, или что-либо другое съѣдобное и даетъ это съѣсть, или выпить мужу такъ, чтобы онъ не зналъ. Такой наговоръ называется *исытма* (горячацій, привораживающій); наговоръ обратнаго свойства *саутма* (охлаждающій, отвораживающій).

Наговорами занимаются по большей части грамотные мужчины; но кромѣ своихъ же, сартовскихъ, муллѣ не меньшей славой пользуются евреи и цыгане. (Между прочимъ, сумасшествіе мужчины въ большинствѣ случаевъ приписывается тому, что жена, по злобѣ, нахорнила его ослинымъ мозгомъ. Повѣрье это одно изъ наиболѣе распространенныхъ). Гадаютъ же, наоборотъ, почти исключительно женщины. Ворожен подраздѣляются на два разряда: 1) *пай-аунъ* или *пальбинъ*, простыхъ ворожей и 2) *пары-хайнъ* — предсказательницъ, вступившихъ въ общеніе съ духами (*пары*). Титулъ *пары-хайнъ* такая ворожея получаетъ только, когда она сподобится во очію увидѣть *аджину*.

Служиль у часъ сартъ; скучъ былъ страшно, а потому у него шли постоянныя прещирательства съ женою изъ за выдачи ей содержанія. Однажды приходитъ онъ изъ дома въ необыкновенно хорошемъ настроеніи. „Чему это ты ра-

дуешься? — „Ахъ, таксыръ, (господинъ) такой со мной случай произошелъ, такой случай....“ — „Что такое?“ — „Жена-то вѣдь у меня пари-хайнѣ стала! Я, надо вами сказать, давно ужъ замѣчалъ, что съ ней что-то не такъ; спрашивалъ ей, молчать. Наконецъ-то сегодня открылась. Пари-хайнѣ, говорить, я теперь стала: и адисину, говорить, видѣла и другія, говорить, видѣнія мнѣ во снѣ представлялись. Я, говоритъ, теперь гадать буду. Что-же, говорю, гадай; сама себѣ хлѣбъ зарабатывать будешь и сссоръ у насъ съ тобой не будетъ. Такъ я этому радъ, такъ радъ“....

Однако же вновь явленная пари-хайнѣ оказалась, должно быть, несостоятельной, ибо въ самомъ непродолжительномъ времени возвратилась въ лоно простыхъ смертныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ начались и прежнія перебранки на счетъ содержания.

Иногда ворожея занимается и леченіемъ. Имъ, впрочемъ, занимаются буквально всѣ, кому только есть досугъ и кто склоненъ ко врачеванію недуговъ ближняго. А и врачаютъ же! Разъ около Наная взрослую дѣвушку, дочь одного богатаго купца, такъ уврачевали, что она на другой же день Богу душу отдала.

Врачевать ее взялась какая то женщина, не помнимъ уже отъ какого именно недуга. Даля она ей чего то, должно быть, очень сердитаго, ибо у несчастной немедленно же разыло всю полость рта, а по всей вѣроятности и ишеводъ. Чего, чего только не принимаютъ. Забеременить женщину въ отсутствіи своего мужа. Хочется ей произвести искусственный abortus. Посовѣтуютъ ей принимать растворъ мѣдного, или желѣзного купороса. Летить на базарь, покунаетъ купоросъ и пить. Черезъ вѣсь сколько дней другая приятельница увѣритъ ей, что квасцы дѣйствительныѣ, — начинаетъ квасцы пить. Потомъ фуксинъ присовѣтуютъ и фуксина попробуетъ. Одной такой сказаль кто-то, что пѣть лучше, какъ въ день по бутылкѣ русской водки выпивать. Чуть чуть бѣднага не опилась. Этакое легкомысленное довѣреніе проявляютъ! И не думайте, что проявляютъ его однѣ лишь женщины. О, нѣтъ! Мужчины въ этомъ отпопеніи ровно ничѣмъ отъ нихъ не отличаются. Безусловно вѣрятъ, что, при желаніи, смѣло можно отравить всѣхъ сартовъ по одному; стоитъ только взяться за это дѣло съ умомъ.

Мы могли бы доказать это цѣлымъ рядомъ очень интересныхъ фактовъ, но къ сожалѣнію большинство ихъ, и какъ на грѣхъ наиболѣе яркіе, очень ужъ неудобны для напечатанія. Сообщимъ одинъ. Приходитъ сартъ къ доктору и ломаннымъ русскимъ языкомъ просить у него лекарства, именуемаго, по его словамъ, „шампінскай-мѣхъ“. Докторъ долго не понимаетъ, что такое отъ него требуютъ. Наконецъ объясняется дѣло тѣмъ, что сартъ проситъ шпанской мушки для приема ея внутрь, такъ какъ жена его еще очень молода, а онъ уже не пользуется особымъ обиліемъ спль. По разслѣдованіи оказалось, что во время оно, въ томъ же городѣ былъ русскій фельдшеръ, промышлявшій тогда продажею этого медикамента для тѣхъ же цѣлей и съ очень большимъ, повидимому, успѣхомъ.

Выше мы сказали, что масса туземнаго населенія относится къ религіи, какъ къ обычью, неполненіе котораго пре-следуется общественнымъ мнѣніемъ, и что страхъ послѣдняго развитъ въ сартѣ къ громадной степени. Съ еще большимъ страхомъ сартъ относился прежде къ палкѣ кази-раска, которая являлась тогда и хранительницей благочестія, и регуляторомъ общественнаго мнѣнія.

Разъ только волшебная палка упразднилась, — упразднилось и самое волшебство; въ общественномъ мнѣніи стало пропавляться иѣчто вродѣ разогласія, разногласія иѣмого, никѣмъ въ сущности не высказываемаго, по тѣму не менѣе вполнѣ реально существующаго, ибо насколько мало говорилось обѣ всемъ этомъ въ средѣ народа, настолько же много стало дѣлаться имъ самимъ такого, о чёмъ прежде онъ и думать не смѣлъ. Благочестіе поколебалось; въ первое время этихъ колебаній, амплитуды ихъ возрастали въ громадной степени, а затѣмъ мало по малу установились сами собой и въ настоящее время представляются уже движеніемъ болѣе или менѣе равномѣрнымъ.

Въ четвергъ упразднилась палка, на другой же день, въ пятницу, изъ трехъ женъ сарта двѣ ушли въ домъ терпимости, предполагая, что тамъ время-препровожденіе ихъ будетъ много занимательнѣе. Онъ панился, но такъ однако же, что этого ни кто не видѣлъ.

Въ слѣдующую пятницу онъ былъ чѣмъ то занятъ и не пошелъ въ мечеть на соборнай джумай-намазъ. На другой

день его устыдили. Двѣ пятницы онъ являлся въ мечеть, чувствуя не то угрызенія совѣсти, не то боязнь преслѣдований со стороны общественнаго мнѣнія. На третью пятницу опять не пошелъ. Стали было его попрекать въ нечестіи, но онъ былъ почему то въ сердцахъ и, набравшись храбрости, взялъ да самъ облаялъ всѣхъ приставшихъ къ нему съ упоминаніемъ родителей, а вдобавокъ пообѣщалъ отлучить того, кто полезеть къ нему съ наставлѣніями на предбудущее время. Приставать къ нему, разумѣется, больше не стали, а онъ и совсѣмъ пересталъ ходить въ мечеть. Примѣръ оказался заразительнымъ, и нѣкоторые изъ пристававшихъ къ нему еще такъ недавно, тоже рѣшили, что, при ихъ родѣ занятій, не всегда удобно бросать работу, заслушавъ призывъ азанчы. Въ первый же праздникъ Рамазанъ онъ напился открыто и кого-то побилъ. Его заперли въ кутузку. Выходя оттуда, онъ опять напился и началъ было, что взыгрывается, заливать, но такъ какъ онъ все-жъ таки сартъ, а потому наравнѣ со всѣми прочими изъ своихъ соотечественниковъ и скуповать, и въ высшей степени расчетливъ, то вскорѣ остынился. Ужаснувшись своихъ беззаконій, а главнымъ образомъ числа пропитыхъ имъ рублей (10 р. 34 к.), онъ, забравъ съ собой блюдо палай и 40 к. денегъ, отправился къ ишану, выложилъ передъ нимъ свое приношеніе, покаялся и сдѣлался мюридомъ, по какой причинѣ въ теченіи 2—3 мѣсяцевъ, пока ему это не надоѣло, въ свободное отъ занятій время склонялъ голову на лѣвый бокъ и въ полголоса произносилъ: „Алла! Алла! Алла!“ Иногда выѣстѣ съ тяжелымъ вздохомъ у него вырывалось: „Я, худа!“ (О, Боже!), или „Я, Керимъ!“ (О, Милостивый). Тѣмъ временемъ одна изъ женъ вернулась; вернувшись сказала: „тоба кылдымъ (каюсь), немного новыла, долго причитала надъ тѣми притѣсненіями, которые видѣла въ мѣстѣ злачины и принялась затѣмъ чинно прятать нитки, тоже, какъ и мужъ, вздыхая и произнося „Я, худа! Я, палай!“ (О Боже! О небо!).

Черезъ нѣсколько времени благочестіе опять надоѣло. Прежде всего перестали вздыхать и произносить воскликанія. Затѣмъ мужъ сталъ отлынивать отъ мечети, а возвратившаяся бѣглянка завела себѣ любовника, въ честь ей помогла другая жена, ея кундашъ, которая съ мужемъ жила

въ ладу и которой обстоятельство это, по весьма понятнымъ причинамъ, было на руку. И этихъ-то людей называютъ фанатиками! Ужъ если имѣется необходимость въ чёмъ-либо несправедливо обвинить ихъ, такъ обвиняли бы въ томъ, что всѣ тѣ явленія, о которыхъ обвинители знаютъ главнымъ образомъ по наслышкѣ, суть результаты не приверженности къ слову и догматамъ религіи, а тѣмы незнанія, привычки жить такъ, какъ жили дѣды, неумѣнія считать даже и по пальцамъ и истекающей отсюду же привычки бояться всего новаго, могущаго разстроить дурное ли, хорошее ли, но имѣющеся и не дать въ замѣнѣ его ничего путнаго.

Однако-же мы уклонились нѣсколько въ сторону. Уклонились мы съ того самого мѣста, гдѣ сказали, что со временеми упраздненія наложной расправы казы-райса, наблюдавшаго за точнымъ исполненіемъ обрядовъ религіи, въ массу населенія все болѣе и болѣе сталъ проникать религіозный индиферентизмъ.

У мусульманъ женщина не посѣщаетъ мечети; моленія она совершасть у себя на дому и всегда имѣть много такихъ причинъ, пользуясь которыми смѣло можетъ уклоняться отъ исполненія этого обряда. Такъ, напримѣръ, грѣхомъ считается молиться въ платьѣ, или бѣльѣ, обмоченномъ ребенкомъ, а также во время менструаций. Оттого ея отношенія къ религіи съ давнихъ порь были очень шаткими. Наблюдать за нею всегда было гораздо труднѣе, чѣмъ за мужчину, а потому съ давнихъ же порь вошло въ обычай смотрѣть сквозь пальцы на то, что за исключеніемъ грамотныхъ, въ общемъ немногочисленныхъ, намѣтъ совершаются однѣми лишь старухами, да и то далеко не всѣми. По той же причинѣ и омовенія, совершение которыхъ предписано религіей передъ молитвою, тоже, какъ и самыя моленія, совершаются мужчиною чаще, чѣмъ женщиной, при чёмъ не рѣдко приходится видѣть, какъ, въ торопахъ, или не желая почему либо снимать обувь для уставлаго омовенія ногъ до циклотокъ, послѣднее замѣняется символическимъ обрызгиваніемъ йчиговъ, или сапоговъ. Одна бѣдная сартянка разсуждала при настѣ такимъ образомъ: „если бы, говорить, я была богатой, я бы ничего не дѣлала, молилась бы Богу, сидѣла бы, да прославляла имя Божіе. Теперь мы молимся иѣкогда: работы у меня много; да и что молиться, когда Богъ ничего миѣ не даетъ!“

Надумавъ совершить *намаз*, женщина предварительно моетъ лицо, руки до локтя и ноги до щиколотокъ. (Чаще другихъ совершаются *намазы*: утренний и предпослѣдний — *намаз-ахтамъ*). Затѣмъ она надвигаетъ платокъ на лобъ такъ, чтобы не было видно волосъ, и концы платка распускаетъ спереди. (Мужчина молится въ чалмѣ, конецъ которой, около $\frac{1}{4}$ аршина, спускается на лѣвое плечо. Чалмы здѣсь преимущественно бѣлыя). Приведя платье въ порядокъ, дабы представать предъ лицо Аллаха въ приличномъ видѣ, молящаяся разстилаетъ на полу, поверхъ кошемъ (или ковровъ), или чистый маленький коврикъ, или, специально для этой цѣли имѣющійся, *джай-намаз*⁽¹⁾, коврикъ же изъ толстой бумажной матеріи свѣтло-желтаго цвѣта, или большой платокъ, или, ваконецъ, халатъ и обращается лицомъ къ *кыблѣ* (св. мечети) и въ полъ-голоса произносить молитвы, сопровождала ихъ наклоненіями туловища, земными поклонами, поворотами головы и другими символическими движеніями.

Въ солидныхъ и набожныхъ семьяхъ, въ то время какъ въ комнатѣ кто-либо изъ присутствующихъ совершаетъ *намаз*, обыкновенно или водворяется молчаніе, или же всѣ говорятъ тихо, въ полъ-голоса. Но въ большинствѣ случаевъ совершение *намаза* одною изъ присутствующихъ отнюдь не мѣшаетъ прочимъ, не только громко разговаривать, но даже и хохотать. Говоръ этотъ умолкаетъ лишь въ послѣдний моментъ *намаза*, когда молящаяся (или молящійся), отеревъ лицо руками, обращается къ присутствующимъ съ привѣтствіемъ: „*сәләм-ал-лїкъмъ*“.

О постѣ мы говорили уже выше. Изъ другихъ обрядовъ религіи съ наибольшою охотой женщина исполняетъ: поѣздки на богомолье, хожденіе на могилы родственниковъ, оплакивание покойниковъ, празднованіе Курбана и Рамазана и пр., словомъ все то, что въ столько же можетъ быть названо религіознымъ обрядомъ, на сколько и развлечениемъ, которыя

(1) *Джай-Намаз* дѣлается изъ особаго рода хлопка, такъ называемой *малл-гуза*, волокни которой имѣетъ желтоватый цвѣтъ. Изъ этого же хлопка приготавляются также матеріи для свѣтло-желтыхъ халатовъ, носимыхъ многими изъ наиболѣе набожныхъ стариковъ.

здѣсь далеко не разнообразны и до которыхъ, какъ мы уже видѣли выше, сартянка, даже и пожилая, всегда очень большая охотница.

Мѣстами богомолій являются главнымъ образомъ *мазары*, могилы людей, считающихся почему либо святыми. Иногда подъ именемъ *мазара* разумѣется также мѣсто, освященное какимъ либо происшествіемъ. Въ этомъ случаѣ, имѣющіяся здѣсь деревья тоже считаются священными, не рубятъся, а на сучья ихъ каждымъ посѣтителемъ такого *мазара* навѣшиваются лоскуты, тряпки, витки и пр. Въ Араванѣ, кишлакѣ Маргеланскаго уѣзда, есть *мазарь* и иного свойства. На поверхности одной изъ граней небольшой скалы, находящейся по близости отъ кишлака, имѣется изображеніе, напоминающее собою фигуру всадника въ миниатюрѣ. Изъ подъ скалы бываетъ ключъ, а надъ нимъ на $\frac{1}{4}$, или $\frac{1}{2}$ аршина въ той же скаль виднѣется небольшое, совершенно отшлифованное углубленіе, въ которое можно вложить часть человѣческой головы. Сарты вѣрють, что изображеніе всадника есть тѣль халифа Али, случайно упавшая на скалу, и что посѣщеніе этого *мазара* помогаетъ отъ головныхъ болей. Больные вкладываютъ свои головы въ углубленіе, имѣющееся въ скалѣ нѣсколько выше того мѣста, откуда бываетъ ключъ.

Мазаровъ очень много; большинство наиболѣе чтимыхъ находится въ горахъ, или предгорьяхъ Ферганы, почему для посѣщенія ихъ избираются обыкновенно Май, Июнь, или Іюль мѣсяцы, когда въ горахъ наступаетъ лучшее время года, а подножный корытъ еще не совсѣмъ стравленъ.

Всѣ *мазары* обладаютъ болѣе или менѣе различными свойствами. Такъ напр., посѣщеніе Араванскаго *мазара* помогаетъ отъ головныхъ болей, а посѣщеніе *мазара*, находящагося въ Канибадамѣ и носящаго название *күк-юталь-мазаръ*, считается наиболѣе вѣрнымъ средствомъ отъ чахотки и коклюша (*күк-юталь* — коклюшъ и чахотка). Въ Наманганскомъ уѣздѣ особенно чтимы *мазаровъ* — два: *Падшад-атѣ* и *Баев-атѣ*; оба они находятся въ горахъ и довольно высоко; наибольшее число богомольцевъ, пѣшихъ и конныхъ, тянувшихъ сюда цѣльми караванами, приходитъ въ іюнь мѣсяцѣ. Про оба эти *мазара* сарты говорятъ такъ: „хочешь молиться о богатствѣ, иди на *мазарь* *Падшад-атѣ*;“

хочешь молиться о рождении ребенка, иди на мазаръ *Исаиат*».

Изъ мазаровъ, известныхъ не только въ Ферганѣ, но и далеко за ея предѣлами, слѣдуетъ упомянуть о мазарѣ *Тахтъ-и-Сулейманъ* (тронъ Соломона), находящемся на вершинѣ горы того же имени, около города Оша.

Отправляясь на богомолье, мало-мальски состоятельные люди берутъ съ собою туда же жертвенного барана, или козла. Если дорога это позволяетъ, то женщины и дѣти Ѵдуть на арбахъ. Набожные идутъ часть пути пѣшкомъ, гоня передъ собою барана, или козла. Прійдя на мазаръ и совершивъ тамъ моленіе, рѣжутъ приведенное сюда жертвеннное животное; шкура и часть мяса отдается *шайгамъ* даннаго мазара, изъ рода въ родъ пользующимся правомъ получения всѣхъ вообще приношеній, дѣлаемыхъ богомольцами, а другая часть съѣдается здѣсь же, на мазарѣ, самими послѣдователями. (Такое жертвоприношеніе называется *худаи* — божеское). Ивогда, если предполагается посѣщеніе одного изъ ближайшихъ мазаровъ, вместо заклавія барана, или козла, ограничиваются однимъ лишь приготовленіемъ на мазарѣ какой-либо пищи, принятие которой здѣсь же считается душепасительнымъ (*савабъ*).

Не рѣдки случаи, когда на такие, ближайшіе по разстоянію, мазары женщины Ѵдятъ безъ мужей. Пять-шесть бабъ составляютъ компанию, забираютъ припасы, панимаютъ сообща арбу и отправляются.

Говоря о мусульманской религіи и ея житейскомъ значеніи, мы сказали уже, между прочимъ, и о томъ уровняѣ, на которомъ стоитъ развитіе или, вѣрѣ, сумма знаній, обладаемыхъ туземнымъ обществомъ. Поэтому здѣсь, говоря о званіяхъ женщины, мы считаемъ возможнымъ ограничиться тѣмъ лишь замѣчаніемъ, что въ общемъ кругъ ея знаній гораздо уже, чѣмъ у мужчинъ. Грамотныхъ женщинъ, обыкновенно съ трудомъ разбирающихъ небольшое число книгъ, написанныхъ на тюркскомъ языке, и съ трудомъ же могущихъ написать какое нибудь простенькое письмо, немнogo. Чрезвычайно рѣдкими исключеніями являются женщины, знакомыя съ богословіемъ и правомъ, къ которымъ въ этомъ случаѣ обращаются (обыкновенно женщины-же) съ вопросами и за советами такъ-же, какъ обращаются съ этимъ къ

улемамъ — мужчинамъ, и относятся къ нимъ съ громаднымъ уваженіемъ. Ничто не возвышаетъ здѣсь человѣка въ глазахъ другихъ людей и даже цѣлаго общества такъ, какъ званіе, начитанность и богатство.

Благодаря безграмотству большинства женщинъ, не рѣдки случаи, когда письма замѣняются ими разными символическими предметами. Такъ напр., женщина, соскучившаяся обѣ мужѣ, посыаетъ ему бѣлье, въ которое завертываетъ немножко соломы и кусочекъ угля. Этимъ она говоритъ, что въ отсутствіи своего сожителя отъ тоски пожелѣла, какъ солома и почернѣла, какъ уголь. Желая дать знать о покойнику, посылаютъ синюю нитку. (Синій цветъ — цветъ траура).

Особенно малыми знаніями отличается женщина деревенская, кишлачная. Тамъ не рѣдки случаи, когда она умѣеть считать лишь до ста, и то не всегда правильно, говоря напр., вместо сорока (*кыркъ*) — два раза двадцать (*иккі-игирмѣ*) и пр. Большая часть кишлачныхъ женщинъ не знаетъ счета денегъ, не знаетъ сколько *тенегъ* въ *тиллѣ*, чекъ въ *тенгі*, или копѣекъ въ рубль и въ большинствѣ случаевъ не имѣеть никакого понятія объ единицахъ вѣса и числѣ мѣсяцевъ въ году. Одна женщина въ Наваѣ при насъ говорила, что ея ребенку иѣть еще года, что ему всего только 17 мѣсяцевъ.

Всѣ-же, какъ городскія и кишлачныя женщины, такъ равно и большинство мужчинъ, имѣютъ крайне запутанныя представлѣнія объ исчислѣніи времени. У мусульманъ времязнисчисленіе лунное, при чемъ большинство подъ именемъ мѣсяца разумѣетъ не известное число дней, а фактъ, такъ сказать, появленія луны. Пояснимъ примѣромъ. Родится ребенокъ въ ковѣ луны. Нарождается и кончается вторая луна; затѣмъ нарождается третья; проходитъ со дня рожденія ребенка счетомъ, положимъ, 45 дней. По истеченіи ихъ мать и отецъ ребенка говорятъ, что ему три мѣсяца, ибо со дня его рожденія они видѣли три луны. Очень не рѣдко приходится слышать, что такая-то ходитъ беременной вѣтъ уже одинадцать мѣсяцевъ. Так-же считаются и лѣта, при чемъ кромѣ вышеизложенной путаницы, по достиженіи ребенка, напр., пяти лѣтъ, не говорятъ, что ему пошелъ шестой годъ, а говорятъ: ему шесть лѣтъ.

Мы упоминали уже и о томъ, что нравственная сторона родственныхъ связей между туземцами въ общемъ очень слаба; при этомъ замѣчается, что въ большинствѣ слоевъ туземного общества родители любить своихъ дѣтей несравненно больше, чѣмъ дѣти родителей, а изъ разныхъ дѣтей большею любовью пользуются малолѣтнія. Особенно душевные отношенія къ дѣтямъ мы встрѣчаемъ въ бѣдныхъ классахъ, гдѣ не рѣдко приходилось видѣть случаи такого баловства дѣтей, въ результатѣ котораго послѣднія окончательно, какъ говорится, отбиваются отъ рукъ. Замѣчательно, что наиболѣе рѣзкіе примѣры такого баловства и всевозможныхъ поблажекъ дѣтямъ всегда встрѣчались въ наиболѣе бѣдныхъ кишлаковыхъ семьяхъ. Не рѣдко приходилось видѣть, какъ мать долго упрашиваетъ сына, или дочь, принести со двора дровъ, воды, или чего-нибудь подобнаго; тѣ, не только не соглашаются, но даже дѣлаютъ видъ, что не слышатъ ея словъ. Тогда она бросается на нихъ съ кулаками, а они, ловко увернувшись отъ нея, выскакиваютъ на улицу и все-таки не исполняютъ ея просьбы, или требованія. Жившая у насъ дѣвочка лѣтъ 13-ти была очень дружна со своей матерью, женщиной лѣтъ 35; затѣмъ, когда дѣвочка стала подростать, мать вполнѣ подпала подъ ея вліяніе, никогда ей ни въ чемъ не прекословила, обращаясь съ дочерью такъ, какъ бы считала её выше себя и не рѣдко получала даже отъ послѣдней выговоры и наставленія. Все сказанное служитъ, между прочимъ, причиной того, что въ бѣдныхъ семьяхъ дѣти, въ особенности дѣвочки, сравнительно очень поздно начинаютъ помогать родителямъ въ ихъ домашнихъ, полевыхъ и другихъ работахъ. Въ Нанѣ мы зпали очень бѣдную семью, гдѣ даже дѣвочка, лѣтъ 12, ровно ничего не дѣлала, а сынъ здоровый, краснощекій парень, до пелья избалованный матерью, началъ帮忙ать старику отцу только по достижениіи 17—18 лѣтиаго возраста; да и то на каждомъ шагу отговаривался всевозможными воображаемыми болѣстями. По поводу баловства дѣтей бѣднымъ людомъ отъ самихъ же бѣдняковъ намъ не разъ приходилось слышать разсужденія такого рода. У богатыхъ людей, говорили намъ, есть земли, сады, лошади, бараны; они все это холятъ и любятъ не менѣе своихъ семей, а бѣдняку остаются одни толь-

ко дѣти, за которыхъ онъ и сосредоточиваетъ свои привязанности.

Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ городахъ дѣти пріучаются къ труду раньше, чѣмъ въ кишлакахъ, а у достаточнаго населенія раньше, чѣмъ у бѣднаго, при чёмъ вездѣ дѣти съ матерью живутъ гораздо дружнѣе, чѣмъ съ отцомъ, а почтеніе къ родителямъ, всегда лишь наружное и встрѣчающееся лишь въ болѣе или менѣе зажиточныхъ семьяхъ и тѣхъ, гдѣ всѣ домашніе распорядки ведутся мужемъ, а не женой, ограничивается лишь тѣмъ временемъ, въ продолженіи котораго дѣти находятся подъ родительскимъ кровомъ. (Съ отцомъ дѣти всегда говорятъ на вы; съ матерью иногда говорятъ и на ты, но сравнительно рѣдко и то больше въ кишлакахъ).

Выйдя замужъ, женщина продолжаетъ видѣться только съ матерью; отца она видѣть или очень рѣдко, или даже и совсѣмъ прекращаетъ съ нимъ какія бы то ни было сношенія.

Родителямъ замужней женщины нѣкоторое наружное почтеніе отдается въ томъ только случаѣ, если они зажиточны. При обратномъ условіи, мать-вдова очень часто дѣлается работницей своей замужней дочери, живетъ у ней на правахъ прислуги, исполняетъ всѣ черныя, домашнія работы, и въ вознагражденіе за труды получаетъ старое, поношенное платье и обувь своей дочери, вышедшей замужъ за зажиточнаго человѣка. Разъ мы видѣли такую сцену. Мать, жившая у замужней дочери, что называется, изъ милости, не угодила послѣдней, не ладно приготовивъ какое-то кушанье. Дочь позвала её, при насъ же выругала старуху и заставила её готовить снова. Не смотря на подобную обстановку, очень не рѣдки случаи, когда такая мать не оставляеть своей дочери до самой смерти. Куда она пойдетъ, если у ней за смертью мужа нѣть своего угла? Гдѣ бы она не пристроилась, вездѣ къ ней будутъ относиться одинаково. Будь она богата, тогда, конечно, другое дѣло. Она или жила бы сама по себѣ, взявъ какую-нибудь бѣдную семью для исполненія полевыхъ работъ, или, если бы даже она и поселилась у дочери; то имѣла бы и отдельное помѣщеніе и всяческій почетъ.

Въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ соблюдаются этикетъ и приличія, при входѣ въ комнату старшаго мужчины, хозяина дома,

встаютъ и не садятся до тѣхъ поръ, пока онъ не сядеть, не только жена, дѣти и другія родственницы, по даже и его мать.

При постороннихъ людяхъ между мужемъ и женой отнюдь не принято выражать какія бы то ни было отношенія интимности; въ этихъ случаяхъ мужъ всегда говоритъ въ серьезномъ тонѣ, а жена выслушиваетъ его съ видомъ возможаго смиренія. При постороннихъ же мужъ и жена всегда говорятъ на *вы* и никогда не называютъ другъ друга по имени, чтѣ считается въ высшей степени зазорнымъ. Въ глаза они называютъ другъ друга именемъ ихъ старшаго ребенка, а если говорѣть, то именемъ брата мужа, или брата жены, или же говорятъ другъ съ другомъ въ третьемъ лицѣ. За глаза мужъ, говоря про свою жену, говоритъ: „*мое семейство*“, а жена, говоря про своего мужа, и тоже не называя его по имени, говоритъ: „*мой мужъ, мой хозяинъ, отецъ моей дочери* и пр.“.

Случаи особенно прочной нравственной связи между супружами, вслѣдствіе ничтожности числа браковъ, заключающихся по взаимному влечению, очень рѣдки. Случается, впрочемъ, и не особенно рѣдко, что мужъ и жена, сосватанные очень часто за глаза, оказываются вполнѣ подходящими другъ для друга, и тогда, съ течениемъ времени, между ними устанавливаются отношения привычки, прочности которыхъ ~~выываетъ вполнѣ достаточно для того, чтобы~~ этотъ не разрушался до самой смерти одного изъ его сочленовъ. Однако-же и при подобныхъ соотношеніяхъ между мужемъ и женой, благодаря тому, что вторая всегда находится въ большей, или меньшей, материальной зависимости отъ первого, никогда почти не замѣчается между супружами отношений полной откровенности. Наоборотъ, гораздо чаще случается, что половина поступковъ жены навсегда остается тайной для мужа, а двери ея нравственного міра гораздо чаще открываются не только приятельницѣ, но даже и просто знакомой женщинѣ, чѣмъ послѣднему.

Не смотря на то, что и религія, и обычное право, признаютъ мужа главою семьи, очень не рѣдко случается, что глава этой виолицъ подпадаетъ вліяпію жены. Мы знали и такія семьи, гдѣ жены, не только держали мужей въ рукахъ, но даже и били ихъ. Одинъ изъ такихъ супруговъ былъ

волостнымъ управителемъ. Чрезвычайно расторопный и очень
толковый въ дѣлахъ своей службы, крайне строгий и даже
суровый съ подчиненными, онъ совершенно терялся каждый
разъ, какъ только входилъ во внутренний дворъ. Разъ, когда
онъ задумалъ было взять себѣ вторую жену, супруга нада-
вала ему такихъ звонкихъ пощечинъ, что звуки ихъ были
слышны, выѣстъ съ ея крикомъ, даже и на улицѣ.

Въ прежнемъ наманганскомъ вилаѣтѣ былъ и такой курьезъ. Лѣтъ 25 тому назадъ здѣсь умерла женщина, иѣ-
кая Халъ-бібій, извѣстная въ народѣ подъ именемъ Халъ-
мирѣбѣ-башій. Мужъ ея Ходжѣ-бѣкъ-мирабѣ былъ въ наман-
ганско-^{имамъ} вилаѣтѣ ^{шопакъ} начальникомъ наѣтъ мирабами, завѣдую-
щими раздѣломъ арычной воды. Еще и при жизни мужа,
хорошо знакомая не только съ обычнымъ правомъ, но даже
и съ подробностями мѣстной ирригационной системы, энер-
гичная, бойкая и никому не дававшая спуску, Халъ-бібій
всегда принимала самое непосредственное участіе въ муж-
чинъ дѣлахъ, а послѣ смерти Ходжѣ-бѣки, когда ей было
уже подъ сорокъ лѣтъ, она одѣлась въ мужское платье, на-
дѣла сапоги, чалму и кушакъ и, заставивъ Намангавцевъ
признать еї свою имъ мирабѣ-башій, заняла мѣсто своего мужа
и отправляла эти обязанности до самой смерти. Сынъ ея
Сарымсаѣкъ-датхѣ, которому она сама проложила дорогу въ
ханскій дворецъ, былъ впослѣдствіи хакимомъ (губернато-
ромъ) ^{нааманганъ}.

Что же касается до посредственного, или косвенного, участія въ административныхъ, политическихъ и другихъ дѣлахъ, то въ нихъ принимали участіе жены, не только хановъ, но даже и сравнительно мелкихъ чиновниковъ.

Если слаба нравственная сторона тѣхъ родственныхъ узъ, которые существуютъ здѣсь между дѣтьми и родителями, то въ отношеніи другихъ родственниковъ такой связи и во-все не существуетъ, не смотря на то, что о родственныхъ чувствахъ и отношеніяхъ толкуется очень много. Отношенія между родственниками, даже и такими, какъ братья и сес-тры, если пѣть никакихъ побочныхъ и главнымъ образомъ материальныхъ обстоятельствъ и причинъ, ровно ничѣмъ не отличаются отъ отношеній между знакомыми людьми. Рѣд-ки случаи, когда родные помогаютъ другъ другу изъ сво-ихъ собственныхъ средствъ. Этого рода проявленія родст-

венныхъ чувствъ и соотношений наичаще встречаются въ средѣ служилаго класса, гдѣ, отнюдь не трогая собственной своей монеты, имѣется некоторая возможность поиграть на струнахъ родственности при помощи представлениія того, или другого, доходнаго мѣстечка.

Такимъ образомъ мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что здѣсь ни для взрослого мужчины, ни для взрослой женщины, въ большинствѣ случаевъ и, за исключениемъ лишь любви къ малолѣтнему ребенку, и то лишь въ возрастѣ его беспомощности, никакихъ другихъ родственныхъ чувствъ не существуетъ. Для русскаго человѣка въ этомъ отношении есть ~~выходъ~~, ~~ибо хотѣлъ бы и знать сущность~~ 5-ой заповѣди, но ему также, и совершенно достовѣрно, известно, какъ по наслышкѣ, такъ равно и по житейскому опыту, что „каждый за себя, а Богъ за всѣхъ“. У сарта такой поговорки нѣтъ, а заповѣдь есть. Вотъ онъ и находится въ нѣсколько, какъ бы, безвыходномъ положеніи. Книжники и фарисеи отлично знаютъ, что вотъ этому сарту, имѣющему цѣлую ораву дѣтей, въ истинномъ значеніи этого слова ѿсть нечего. Тѣмъ не менѣе его и стыдятъ и убѣждаютъ въ томъ, что долженъ онъ убогаго своего родителя призрѣть. „Призрѣть надо, дѣйствительно надо, только трудно мнѣ это, очень ужъ трудно. Грѣшники мы всѣ передъ Богомъ, вотъ что я думаю, говорить онъ, и при этомъ вздыхаетъ“. Но вслушайтесь въ тонъ его голоса, всмотритесь въ выраженіе его лица и вы увидите, что онъ говорить далеко не то, чѣмъ думаетъ. А думаетъ онъ приблизительно такъ: „призрѣть надо; не дать же умереть человѣку съ голоду; надо призрѣть, да только не мнѣ это сдѣлать, не съ моей оравой на плечахъ, не съ моимъ рублевымъ заработкомъ въ недѣлю. Сила тутъ нужна, а не я“. Но что это за сила такая, онъ, сارتъ, никогда вамъ не отвѣтить, ибо и самъ толкомъ не знаетъ, гдѣ и въ чѣмъ эта сила. А не знаетъ онъ этого по двумъ причинамъ. Во первыхъ, онъ, не знающій и до сихъ поръ въ практикѣ своей общественной жизни ни пріютовъ, ни богадѣлень, ни другихъ учрежденій этого рода, пред назначеныхъ для призрѣнія убогой и беспомощной части человѣчества, онъ, говоримъ мы, сартъ, никогда не останавливался на этомъ вопросѣ по долгу и никогда не дѣлалъ попытокъ къ его разрѣшенію. Во вторыхъ,

онъ плохо знаетъ исторію своей религіи. Если бы онъ зналъ хорошенько послѣдию, онъ отвѣтилъ бы кипчикамъ такъ: „Пророкъ повелѣлъ каждому мусульманину кроме земельной подати платить еще и зѧѣтъ въ размѣрѣ сороковой части капитала, стадъ и другого имущества. Пророкъ, повелѣлъ, чтобы зѧѣтъ употреблялся одинаково какъ на веденіе войны за отцу, такъ и на содержаніе бѣдныхъ и убогихъ. Зачѣмъ наши ханы и эмиры присвоили зѧѣтъ себѣ? Зачѣмъ они стали употреблять его на свои только пужды? Зачѣмъ они нарушили завѣтъ Пророка? Зачѣмъ они ограбили бѣдныхъ и калѣкъ? Если бы они не ~~одѣлали~~ стояло, было бы чѣмъ приправѣтъ и моего отла“.

Переходя єть правиламъ вѣжливости и приличій, предписаннымъ туземной женщинѣ, замѣтимъ, что правила эти известны въ большей или меньшей степени во всѣхъ слояхъ туземнаго общества, но фактическое соблюденіе многихъ изъ нихъ мы встрѣчаемъ главнымъ образомъ въ городахъ и то лишь въ средѣ болѣе или менѣе состоятельнаго населенія, къ которому мы въ даниомъ случаѣ и обратимся.

Мы уже сказали, что при входѣ въ комнату мужа, отца или другого родственника, старшаго ея лѣтами, женщина, особенно въ присутствіи постороннихъ, встаетъ; при этомъ она потупляетъ глаза и слегка надвигаетъ платокъ на лобъ, дабы скрыть волосы и имѣть возможно скромный и цѣломудреній видъ. Говоря на ты съ тѣми лишь, кто моложе ея, туземная женщина каждого взрослого мужчину называетъ ака (старшій братъ), а женщину старшую ея лѣтами — аѣ (тетка) или биби (сокращ. бѣ, что значитъ госпожа) (¹).

Гостья, стоящая по общественному положенію или состоянію ниже хозяйки, встаетъ съ мѣста каждый разъ, какъ тоже дѣлаетъ и послѣдняя. Пріѣхавшая откуда либо женщина должна первая побывать у своихъ знакомыхъ. Жела-

(¹) Этимъ же именемъ зовутъ старшихъ сестеръ, а иногда и матерей. Кроме того женщины разнаго общественнаго положенія приято давать еще и др. эпитеты или титулы. Жены хановъ — бековъ и особенно богатыхъ людей называются — аїмъ; жены хакимовъ — байбичѣ; жены шайновъ — атунъ; жены приходскихъ имамовъ — матиумъ и пр.

ющая съ кѣмъ либо познакомиться, идетъ туда, неся какой-нибудь подарокъ: кусокъ матери (на рубашку или на халатъ), блюдо *палau*, блюдо съ лепешками, фисташками и изюмомъ, или что либо въ этомъ родѣ. Если съ пришедшей желають быть знакомыми, то, передъ уходомъ послѣдней, ей отдаются такъ, чтобы цѣнность возвратного подарка была бы отнюдь не меньше цѣнности подарка, привезенного гостью. Въ противномъ случаѣ, если послѣднее условіе не соблюдено, гости, сдѣлавъ выѣти за дверь, начинаютъ сначала ворчать, а потомъ и совсѣмъ таки ругаться за ничтожность оказанного ей почета.

Въ присутствии гостей хозяйка оставляетъ работу.

Если ожидаютъ гостей разныхъ съ хозяйкою или стоящихъ выше ея по богатству и общественному положенію (о такомъ посѣщеніи обыкновенно предувѣдомляютъ заранѣе), то хозяйка, не имѣющая помощницъ, зоветъ одну изъ своихъ небогатыхъ сосѣдокъ помочь ей въ стряпнѣ. Въ ожиданіи гостей метутъ и убираютъ комнату, разѣзываютъ въ одномъ изъ угловъ наиболѣе нарядные рубахи и халаты, вскорѣ пекутъ лепешки, заранѣе приготавливаютъ рисъ для *палau* и пр. Поприбравшись немного, хозяйка одѣвается. Являются гости, обыкновенно со чады и домодчадцы. Хозяйка встрѣчаетъ ихъ въ комнатѣ; кто-нибудь изъ домашнихъ, а не то такъ и она сама, снимаетъ съ наиболѣе уважаемыхъ *паранджий* и отбираетъ привезенные гостями подносы съ подарками; *паранджий* снимается всегда на дворѣ, надѣвать его въ комнатѣ считается неприличнымъ также, какъ у насъ напр. сидѣть въ комнатѣ въ пальто, калошахъ и пр. Снявъ *паранджий*, гости здороваются съ хозяйствкой, обнимаются, спрашиваютъ другъ друга о здоровыи и говорятъ разныя пожеланія. Цѣловаться при встречахъ, хотя бы и очень радостныхъ, ни между мужчинами ни между женщинами отнюдь не принято. Гости разсаживаются въ переднемъ углу комнаты на подстоленныхъ имъ одѣялахъ; появляется *дастарханъ*: лепешки, фисташки, изюмъ, плохія конфекты, привозимыя сюда изъ Россіи, леденецъ, халва, лѣтомъ фрукты и всенепремѣнно чай. Одною изъ присутствующихъ лепешки ломаются на кусочки и раскладываютъ на подносъ или на *дастарханъ*. Первой береть наиболѣе важная изъ гостей, за ней другая и ужъ послѣ всѣхъ хозяй-

ка и то лишь по особому приглашенію самихъ же гостей. Желая сдѣлать удовольствіе хозяйкѣ, гости одѣляютъ лакомствами ея дѣтей, цѣлюютъ ихъ, спрашиваютъ учатся ли они и пр. Начинается болтовня; разсмотриваютъ другъ у друга наряды; справляются объ ихъ стоимости; сплетничаютъ; слегка пикируются; сообщаютъ другъ другу новости; грудные ребята, привыкшіе къ лялькѣ, ревутъ благимъ матомъ; матери тщетно стараются уложить ихъ спать и, наконецъ, наскучивъ ихъ пискомъ, выпроваживаютъ куданибудь съ дѣтьми—подростками.

Уходя изъ комнаты наблюдести за приготовленіемъ *палau* или другого кушанья, вродѣ пельменей, хозяйка просить гостей не скучать, заняться йдой и разговорами. Если дѣло происходитъ лѣтомъ, то, вдосталь наговорившись, гости выходятъ на дворъ, идутъ осматривать постройки, отправляются въ садъ, если онъ имѣется при домѣ, устраиваютъ качель, до которой большія охотницы не только молодыя женщины, но даже и достаточно пожившія, а не то забираются на крышу одной изъ построекъ, заглядываютъ насосѣдніе дворы и смотрятъ, что тамъ дѣлается; увидѣвъ женщинъ, вступаютъ съ ними въ разговоры, а наткнувшись на мужчинъ, изображаютъ на своихъ лицахъ страхъ и смѣтеніе, кидаются назадъ съ пискомъ и воскликавшими вродѣ „*вай-улай*“ (ой, умру) или „*вай джайнамъ чикънъ киттъ*“ (ой, душенька выскочила) и чуть не кубаремъ летять внизъ съ крыши. Особенно интересными въ такие моменты бываютъ старушки.

Пойдши *палau* и вторично напившись чаю, гости расходятся, убѣдительно прося хозяйку не забывать и ихъ, а остатки лакомствъ тщательно собираются и прячутся подъ замокъ, въ маленькой кованной сундучекъ.

Въ гости, особенно женщины, ходятъ всегда днемъ; религія совѣтуетъ и мусульманку и мусульманкѣ или возвращающейся домой не позже послѣдняго вечерняго *намаза-хунтана*, или же, если это почему либо не удастся, то ночевать тамъ, гдѣ застанеть ночь. Правило это соблюдается, если и не всегда, то, по крайней мѣрѣ, по возможности. На улицахъ сартовскаго города послѣ *намаза-хунтана* вы никогда почти никого не встрѣчаете. Исключение составляетъ

лишь мѣсяцъ поста, когда у большинства день обращается въ ночь и наоборотъ.

Преимущественными способами передвижения туземной женщины являются: на близкихъ разстояніяхъ хожденіе пѣшкомъ, а на далекихъ Ѵзда на арбѣ. Гораздо рѣже она Ѵзитъ верхомъ на лошади. (Ѵзить на ишакахъ у женщинъ не принято). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ она никогда не отправляется одна. Въ сѣло садится мужъ, синь подростокъ или кто-либо изъ другихъ родственниковъ, а она усаживается позади его, на крупѣ лошади, поверхъ сложенного одѣяла или другой подстилки. Въ одиночку верхомъ на лошади (на мужскомъ сѣлѣ) Ѵзять обыкновенно однѣ лишь киргизки и цыганки.

Раньше мы упоминали уже о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ женщина появляется на базарѣ; выѣсть съ тѣмъ сказано было, также и о томъ, что какъ религія, такъ равнѣю и приличіе требуютъ, чтобы женщина выходя на улицу не только закрывала бы свое лицо, но еще заботилась бы и о томъ, чтобы изъ подъ чимбѣта и параджѣ не было бѣ видно ея всегда почти яркихъ нарядовъ. Это послѣднее правило соблюдается далеко не всегда. Замѣчая, что по близости вѣтъ мужчинъ, женщина отбрасываетъ па голову чимбѣтъ, открываетъ лицо и часто на поворотахъ улицы не всегда успѣваетъ вновь закрыть его, встрѣтившись съ мужчиной. При встрѣтѣ на людныхъ улицахъ знакомая женщина, узнавшія другъ друга по одеждѣ или по голосу, подходятъ другъ къ другу совсѣмъ близко, становятся лицомъ къ лицу, слегка приподнимаютъ чимбѣтъ и, поболтавъ немногого, расходятся. Обниматься при встрѣтѣ на улицахъ, также какъ это дѣлается при встрѣтѣ на дому, не принято. (Давно не встрѣчавшіеся мужчины обнимаются и па улицахъ; иногда для этого и не слѣзаютъ даже съ лошадей).

Вступать въ разговоры на улицѣ съ незнакомыми, между женщинами неприличнымъ не считается. Такъ, напр. очень часто случалось, что къ одному изъ авторовъ, къ жеиѣ, ходившей подъ такимъ же чимбѣтомъ и паранджѣ, какъ и у сартяноѣ, на улицѣ подходили совершенно незнакомые женщины, спрашивали почемъ брался кумачъ па рубашку или адрисъ на бешметъ, осматривали и то, и другое и затѣмъ отправлялись своей дорогой.

Выѣсть съ тѣмъ приличіе требуетъ, чтобы женщина не разговаривала па улицѣ съ мужчиной, даже при условіи закрытаго лица. Если мужъ, напримѣръ, встрѣчаетъ свою жену па улицѣ и имѣеть надобность сказать ей что-либо лично, то онъ дѣлаетъ это такъ, чтобы разговоръ не былъ замѣченъ прохожими; она говорить ей не громко и смотрѣть при этомъ въ сторону.

Женщины низшихъ классовъ туземнаго общества, а въ особенности въ кишлакахъ, всѣ выше перечисленныя приличія въ большей или меньшей мѣрѣ игнорируются, однако же только въ отношеніи своихъ единоплеменниковъ; завидѣвъ русскаго, сартянка по меньшей мѣрѣ сторонится и тщательно закрываетъ лицо, причемъ нерѣдко прислоняется къ стѣнѣ, уткнувшись въ неѣ послѣднимъ, или же опровергнѣю бросается назадъ или въ сторону и скрывается въ первую встрѣчную калитку; часто случается, что сопровождающія её дѣти не успѣваютъ улепетнуть вслѣдъ за ней и поднимаютъ тутъ же, па улицѣ, ревъ и вой. Рѣже, когда сартянка замѣчаетъ, что па улицѣ иѣть никого, кто могъ бы осудить ея поведеніе, она не только не бросается бѣжать отъ русскаго, но, наоборотъ, отбрасываетъ чимбѣтъ и разглядываетъ проѣжающаго съ замѣчательно добродушнымъ любопытствомъ.

Сартянка, тоже какъ и сартъ, очень большая охотница до всевозможныхъ зѣлицъ и увеселеній, которыя она называетъ общемъ именемъ *тамаша* (развлеченіе), а еще болѣе любить она праздники и разнаго рода праздничныя сборища.

Наканунѣ праздника, въ день такъ называемой *храпы*, сочельника, во всѣхъ домахъ моютъ бѣльё, пекутъ сдобныя лепешки и заканчиваютъ другія праздничныя приготовленія. Вечеромъ того же дня женщины варятъ *таду*, блюда и чашки съ которыми разпосятся родственникамъ, знакомымъ и сосѣдямъ. Утромъ въ первый день праздника встаютъ обыкновенно очень рано, чтобы успѣть вовремя вымыть компату и дворъ, вымыть голову, причесаться и припарядиться. Утренній *намѣз* въ этотъ день бываетъ не па разсвѣтѣ, какъ въ обыкновенные дни, а часовъ около 8 или 9. Мужчины, вырядившись въ чистыя чалмы и новые халаты, отправляются каждый въ свою мечеть; за ними туда же

устремляется и большинство женщинъ, посмотреть съ улицы или съ ближнихъ къ мечетямъ крыши на людный праздничный намазъ, по окончаніи котораго, въ городахъ вся эта толпа, частью устремляется на базаръ, гдѣ въ этотъ день большинство лавочекъ открыто, частью же разсыпается по городу. Если вы остановитесь у воротъ какого-нибудь большого, зажиточного двора, вы увидите, какъ въ продолженіи всего дня сюда будутъ входить и выходить и мужчины и женщины; до самаго поздняго вечера идетъ, что называется, сутолока. На другой день около полудня своеобразные звуки длинныхъ сартовскихъ трубъ, карнай извѣщаютъ городъ о томъ, что на базарѣ или на другой площади города начинаются представлениа дарбаза, ходящаго по канату, или фокусника и клоуна, или публичныя пляски батчай. Народъ, что называется, валомъ валить на площадь, и располагается здѣсь густыми толпами вокругъ мѣста представлениа; мужчины, женщины съ грудными дѣтьми, дѣти - подростки, девушки, все это перемѣшиваются въ нестрой и шумной толпѣ; масса женщинъ виднѣется на ближайшихъ крышахъ и па арбахъ; говоръ, шумъ; всюду снуютъ разносчики съ изюмомъ, фисташками, халвой и леденцами; трубы пеистово воютъ, сзываю сюда все большія и большія массы народа; мало по малу около арены начиняется давка, и случайно затесавшися сюда ковыре не могутъ уже сдвинуть съ мѣста своихъ лошадей. Среди толпы,--часть которой, ближайшая къ арбѣ, сидить на землѣ или стоять на колѣнахъ, образуя такимъ образомъ нѣчто въ родѣ амфитеатра,—на большой сѣрой кошмѣ, подъ мѣрный гулъ громаднаго бубна и рѣзкій визгъ туземнаго klarнета, то сладострастно поводя плечами и торсомъ, то вздрагивая всѣмъ тулowiщемъ, то быстро кружась на одномъ мѣстѣ, пляшеть хорошецкай, разодѣтый въ яркіе наряды батчай; пританывъ дыханіе, тысячами глазъ смотрить на него нестрай какъ азіатскій коверъ толпа; вотъ онъ завертелся еще быстрѣй, сталь на колѣна и, слегка вздрагивая плечами, началъ медленно покачивать вправо и влево своимъ гибкимъ тулowiщемъ, одѣтымъ въ яркій атласъ. Какъ бѣшеная, какъ изступленная извѣла толпа, привыкшая не аплодисментами а дикимъ крикомъ выражать въ этихъ случаяхъ свое одобрение.....

Въ городахъ праздникъ продолжается обыкновенно шесть или семь дней, а въ кишлакахъ только три, при чёмъ тамъ праздничное оживленіе за отсутствиемъ акробатовъ, публичной пляски батчай и проч. гораздо меньшее. Всѣ тамошнія праздничныя развлечениа ограничиваются однимъ лишь хожденіемъ по гостямъ. Въ пѣкоторыхъ кишлакахъ девушки собравшися по нѣсколько человѣкъ ходятъ изъ дома въ домъ, пляшутъ на внутреннихъ дворахъ; разумѣется и получаютъ за это угощеніе.

Весной, въ разныхъ мѣстностяхъ Ферганы въ разное время — въ мартѣ или апрѣль мѣсяцѣ, устраиваются такъ назыв. сайли, загородныя гулянья въ родѣ нашего 1-го мая. (Такие же сайли бываютъ и въ большихъ кишлакахъ).

Въ Наманганѣ, напр., они устраиваются три или четыре пятницы подъ рядъ въ мартѣ или начала апрѣля, смотря по веснѣ. Гдѣ-нибудь за городомъ разбиваются палатки, въ которыхъ продаютъ готовый чай, хлѣбъ, изюмъ и фисташки; являются разносчики съ разными лакомствами, и пельменщики на скорую руку здѣсь же устраиваютъ свои печи. Въ пазначеній день, съ раннаго утра сюда тянутся вереницы арбъ и толпы коннаго и пѣшаго люда. Образуются сотни отдѣльныхъ группъ; женщины обыкновенно особо отъ мужчинъ. Пляшетъ батчай; иногда появляется и акробатъ; рѣже на скорую руку устраивается скачка. Подъ вечеръ вся эта нестрой, разноцвѣтная толпа длиной вереницей съ пѣснями и бубнами возвращается въ городъ.

БЕРЕМЕННОСТЬ И РОДЫ. ДѢВОЧКА.

Есть много причинъ тому, чтобы сартянка радовалась беременноти, въ особенности же беременноти первымъ ребенкомъ. Во первыхъ, молодую женщину мужъ по давно установленвшемуся здѣсь обычай почти совсѣмъ не отпускаетъ со двора до тѣхъ поръ, пока она не родитъ первого ребенка. Во вторыхъ, ц религія, и народный умъ видѣть въ потомствѣ одну изъ ближайшихъ наградъ за человѣческія добродѣтели (¹). По той же причинѣ женщина неплодная, не рожавшая въ этихъ случаяхъ, вѣрою имъ и потомкамъ ихъ, посѣдовавшимъ имъ въ вѣрѣ, мы даюши имъ съ потомствомъ ихъ. (Коранъ глава 32. стр. 21).

(¹) Вѣрою имъ и потомкамъ ихъ, посѣдовавшимъ имъ въ вѣрѣ, мы даюши имъ съ потомствомъ ихъ. (Коранъ глава 32. стр. 21).

дящая дѣтей, на каждомъ шагу слышитъ нарѣканія и сѣтованія мужа на отсутствіе потомства. Название бесплодной чутъ не равносильно названію поганой. Оттого нерѣдки случаи, когда не желая признаться въ бесплодіи, женщина уверяетъ, что она была беременна, но плодъ приросъ къ ея внутренностямъ, отчего вторично заберемѣнить она уже не можетъ. Такіе разсказы о воображаемомъ приростаніи плода здѣсь далеко не рѣдкость. Не одинъ разъ къ намъ обращались за совѣтомъ о томъ, какъ быть съ этимъ приросшимъ плодомъ и что надо сдѣлать для того, чтобы отъ него избавиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ очень рѣдко приходилось слышать сѣтованія па многочисленность дѣтей и трудность ихъ содержанія. Сарты говорятъ такъ: есть дѣти—въ домѣ базарь (оживленіе); нѣтъ дѣтей—въ домѣ мазаръ (уныніе). Однъ только разъ пришлось слышать о случаѣ дѣтоубійства, и то оно сопровождалось совершенно исключительными обстоятельствами. Калѣка мать, отъ рожденія не имѣвшая ногъ, родила дѣвочку. Не имѣя возможности ни сама двигаться, ни поручить кому-либо уходъ за новорожденной, она въ отчаяніи задушила своего ребенка. Случай значительной плодовитости женщины очень не рѣдки. Намъ не разъ приходилось встрѣчать старухъ, родившихъ въ продолженіи своего замужества по 15—17 дѣтей.

Замѣчательна также и продолжительность того периода, въ теченіи которого туземные женщины, а еще болѣе мужчины сохраняютъ способность къ половой воспроизводительности. Мы знали семьи, где мужьямъ было около 55—60, а женамъ около 40—45 лѣтъ, и дѣти продолжали еще родиться. Въ среднемъ же менструаціи прекращаются около 45 лѣтъаго возраста.

Гигиеническая обстановка беременной, не исключая и ея пищи, ничѣмъ не отличается отъ обстановки не беременной женщины; исправляя всѣ обычные для нее работы, она не прекращаетъ и своихъ половыхъ отправлений до самыхъ послѣднихъ дней беременности. По этому поводу существуетъ даже и не совсѣмъ приличная поговорка, въ которой беременная женщина сравнивается съ жеребой кобылой⁽¹⁾.

⁽¹⁾ У здѣшнихъ киргизъ въ силу чисто хозяйственныхъ соображеній, говорить о которыхъ здѣсь не место, принято рапиной

Искусственное устраниеніе заберемениванія, а также производство выкидыша предпринимается (конечно, далеко не всегда съ успѣхомъ) обыкновенно тогда только, когда женщина обзаводится любовникомъ во время продолжительного отсутствія своего мужа. Въ первомъ случаѣ по большей части обращаются къ клочку ваты, который накладывается на рильце матки. Иногда въ эту вату завертывается щепотка золы, полученной отъ сожженія старого рѣшета, при чёмъ все надежды возлагаются именно на эту золу, какъ медикаментъ, имѣющій по мнѣнію туземцевъ свойства совершенно неотразимыя.

И такъ въ общемъ сартянка радуется своей беременности. Забеременѣвъ, она горюетъ въ томъ только случаѣ, если зачатіе произошло въ теченіи тяжелаго мѣсяца *Сафаръ*; зачатый въ теченіи этого мѣсяца ребенокъ еще въ утробѣ матери говорить: „или я умру, или отецъ умретъ, или мать умретъ“. Беременная со страхомъ ждетъ себѣ всякихъ несчастій. Но это, конечно, опять таки исключительный случай. Предположимъ, что зачатіе совершилось во благовременіи. Прежде всего начинаются разнаго рода наблюденія, путемъ которыхъ и сама беременная и окружающіе ее стараются узнать, кого она родитъ, мальчика или дѣвочку. Если около праваго соска женщины замѣчаются крупные волоски, то рождается несомнѣнно мальчикъ, ибо обѣ этомъ сказано даже и въ бѣкоторыхъ медицинскихъ книгахъ. Чаще, впрочемъ, наблюдаютъ за тѣмъ, какой пищѣ отдаётъ предпочтеніе беременная женщина—горячей или холодной. Если ей больше нравится горячая пища, то рождается мальчикъ, если же холодная—дѣвочка⁽¹⁾:

весной, до появленія жеребятъ,ездить исключительно на жеребыхъ кобылахъ.

⁽¹⁾ Пища (равно какъ лекарства и болѣзни) подраздѣляется на горячую и холодную. Къ первой принадлежать: баранье мясо, сахаръ, масло, сало, чай черный (фамильный), патока, палату, супъ, молочная рисовая каша, а также и хлѣбъ въ зимнее время; лѣтомъ же онъ становится холоднымъ.

Ко второй относятся: хлѣбъ въ лѣтнее время, говяжье мясо, яйцо, катыкъ, всѣ кушанья безъ мяса, но съ катыкомъ (кислое яйцо), компотъ, который употребляется исключительно въ видѣ лекарства.

Здесь также какъ и у насъ, предпочтение всегда отдастъся мальчику передъ девочкой. Особеннымъ благополучиемъ считается рождение сына первенца. По случаю его появления на свѣтъ въ богатыхъ семьяхъ устраиваются цѣлые торжества; рѣжутся бараны, изводится вѣсколько десятковъ пудовъ рису на поди и муки на землице, а наиболѣе постыдные гости разговариваютъ наизнанку⁽¹⁾.

Туземная женщина родить всегда или у себя дома, или у своей матери, къ которой она переселяется въ этомъ случаѣ заблаговременно. При родахъ присутствуютъ: мать, старшая замужнія сестры или другія какъ ея, такъ и мужчины родственницы; мужъ, по желанію, можетъ присутствовать при родахъ, но дѣти, въ особенности подростки, всегда удаляются изъ дома на время родовъ. Повитухи, специально этимъ занимающіяся, имѣются по большей части только въ городахъ. Родять сарянки всегда или стоя на колѣяхъ, или сидя на корточкахъ; такое положеніе роженицы предпочитается всемъ другимъ, такъ какъ по мнѣнію туземныхъ женщинъ оно способствуетъ наиболѣе быстрому окончанію родовъ. (Есть примѣта, что у женщинъ дурного, тяжелаго характера роды всегда бываютъ относительно трудные).

Во все времена потугъ родильница держится за одну изъ присутствующихъ руками и въ тоже время спиной упирается въ грудь другой изъ находящихся при ней женщинъ; послѣдня обнимаетъ родильницу обѣими руками выше живота и прижимаетъ ее къ себѣ каждый разъ, какъ только замѣтитъ начало потугъ. Если роды затягиваются, то обыкно-

(1) Такого рода празднества, называемые здесь общимъ именемъ тушт, устраиваются: въ большихъ размѣрахъ по случаю обрѣзанія сына, а также сорокового дня или годовщины по покойникѣ, а въ малыхъ по случаю свадьбы, рождения всякаго вообще ребенка, по случаю первого положенія его въ люльку на 6 или 7 день послѣ рожденія и по случаю истечения шести недель родильницѣ. Всѣ эти, тѣ же, за исключеніемъ обрѣзанія и поминокъ, дѣлаются обыкновенно только состоятельными людьми, при чёмъ со временемъ прихода въ Фергану русскихъ замѣчается какъ изъ года въ годъ даже и въ наиболѣе богатыхъ семьяхъ эти обрядовыя празднества принимаютъ все болѣе и болѣе скромный характеръ извѣстѣ съ упадкомъ всего вообще убѣстнаго, мусульманскаго благочестія.

венно перемѣняютъ вѣсколько повитухъ, при чёмъ кромѣ того прибегаютъ еще и къ другимъ средствамъ болѣе или менѣе кабалистического характера. Такъ напр., въ той же комнатѣ, где происходятъ роды, сжигаютъ кусочекъ конского копыта или даютъ роженицѣ пить изъ чашки, на внутреннихъ стѣнкахъ которой, ~~где~~ пишется чистая письмомъ молитва. (Насъ увѣряли, что первѣки будто-бы случаи, когда мужъ, присутствующій при трудныхъ родахъ жены, плачетъ, не будучи въ состояніи выносить видъ страданій родильницы. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не удивляться тому стонизму, съ которымъ очень многіе изъ сартовъ выносятъ самую нестерпимую физическую боль и очень тяжелыя операціи). Появившагося на свѣтъ ребенка береть, моетъ и обертываетъ въ мягкія старыя и далеко не всегда чистыя тряпки или повитуха, или одна изъ присутствующихъ родственницъ родильницы. Пуповина перерѣзывается или вожнициами или бритвой; перевязывается (виткой) только тотъ ея конецъ, который остается при ребенкѣ; послѣдній конецъ не перевязывается, но за то всегда привязывается къ ногѣ родильницы, изъ опасенія, чтобы онъ не ушелъ назадъ. Въ случаѣ слишкомъ долгаго задержанія послѣда, въ вѣкоторыхъ мѣстностяхъ, есть обычай стрѣлять около той комнаты, въ которой лежитъ роженица.

Всѣдѣ за рожденіемъ ребенка религія предписываетъ прочесть надъ шинъ вѣкторыя молитвы, но правило это не вездѣ или, вѣрѣ, не всѣми соблюдается. По окончаніи родовъ, всѣдѣ за выходомъ послѣда, родильница обмывается, и всегда сама, такъ какъ религія воспрещаетъ видѣть чужія *аврѣтъ*, и тогда только, омывшись уже, ложится въ постель; около нея же, съ правой ея стороны кладутъ и новорожденаго. Лежитъ роженица обыкновенно 6—7 дней; рѣже она ограничивается трехдневнымъ срокомъ. Въ это же время нища родильницы состоятъ по преимуществу изъ разнаго рода болтушекъ безъ мяса, по возможности съ катыномъ (холодная нища), а ухаживаетъ за ней одна изъ близайшихъ родственницъ. Не только въ первые дни послѣ родовъ, но и въ теченіи цѣлыхъ шести недѣль родильницу стараются отнюдь не оставлять одну изъ боязни, чтобы её вмѣстѣ съ ребенкомъ не задушила та желтоволосая адженіа, о которой мы упоминали уже выше.

Не рѣдко случается, что, не желая огорчить отца извѣстіемъ о рождениіи дочери, ему сообщаютъ сначала, что родился сынъ и потомъ уже, черезъ два-три дня, постепенно подготовивъ, совѣтуютъ помириться на дочери. Разъ въ Наманганѣ былъ такой курьезный случай. У одного состоятельнаго человѣка родился ребенокъ. Присутствовавшія при родахъ женщины, не желая огорчить отца, объявили ему, что родился сынъ. Этотъ воображаемый сынъ долженъ бы быть первымъ, такъ какъ старшимъ ребенкомъ была дочь. По всѣмъ знакомымъ полетѣли говцы съ радостнымъ извѣстіемъ и съ приглашеніемъ пожаловать на другой день на торжество. По частнымъ слухамъ извѣстно было, что кроме *налау* и другихъ угощений, гостямъ будуть раздаваться и халаты. Собравшіеся на другой день на наружномъ дворѣ гости — мужчины застали очень скромное угощеніе и очень огорченаго хозяина отца, объявившаго имъ, что произошла ошибка, что выѣсто сына, какъ его увѣрили, у него родилась дочь, а потому никакихъ особенныхъ торжествъ не будетъ. Выѣстѣ съ тѣмъ въ тотъ же день было рѣшено, что надо взять вторую жену, которая родила бы сына.

По благополучномъ окончаніи родовъ кто либо изъ родственниковъ или родственницъ родильницы идетъ по родственникамъ же и наиболѣе близкимъ знакомымъ съ *сүннѣт* (радостной вѣстью) о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени, за что отъ каждого изъ поздравляемыхъ получаетъ вознагражденіе въ размѣрѣ нѣсколькихъ копѣекъ. На другой же день послѣ родовъ приходятъ родные и знакомые поздравить съ новорожденіемъ родильницу и ея мужа. Иногда послѣдовія эти продолжаются въ теченій нѣсколькихъ дней. Каждая приходящая женщина приноситъ *налау*, лепешки или пирожки и рубашку новорожденной. Всѣ эти гости приходятъ по большей части цѣлыми компаніями, и всегда почти съ дѣтьми, шумятъ и тараторятъ, причемъ никогда не выражается въ виду, того, что все это не только можетъ утомить больную, но даже быть ей и прямо таки вреднымъ.

Мы сказали уже, что при рождениіи сына, въ особенности первенца, въ богатыхъ домахъ устраиваются цѣлые торжества. Рожденіе дочери празднуется гораздо скромнѣе. Самое большое, что рождается барантъ и на *налау* приглашается нѣсколько родственниковъ, родственницъ и знако-

мыхъ. Иногда угощеніе это дѣлается не на дому, а на ближайшемъ *мазарѣ*, при чемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ нерѣдко издержки по такому угощенію береть на себя не отецъ, а одинъ изъ его младшихъ братьевъ, съ которыемъ онъ наиболѣе друженъ.

По прошествіи 6—7 дней, обыкновенно одновременно съ тѣмъ какъ родильница встаетъ съ постели, мать ея кладетъ новорожденную въ *бишкѣ*, люльку, гдѣ ребенокъ, привязанный двумя широкими бинтами, лежитъ неподвижно, дабы моча и экскременты透过 отверстіе, имеющееся въ дѣлѣ *бишкѣ*, могли бы попадать въ горшечкѣ, прикрѣпленной ко дну люльки съ нижней ея стороны.

Бишкѣ всегда ставится на полъ, а не подвѣшивается; для того же, чтобы онъ могъ качаться, основаніе его дѣлается слегка овальнымъ. Первое привязываніе новорожденнаго въ *бишкѣ*, когда между прочимъ на него въ первый же разъ надѣвается и рубашка, тоже сопровождается некоторымъ семейнымъ торжествомъ. Въ этотъ день родильница съмываетъ родственницъ и знакомыхъ и угощаетъ ихъ лепешками, чаемъ и пловомъ, а дѣдъ или отецъ даютъ ребенку имя. Тщательно избѣгаютъ называть новорожденнаго именемъ одного изъ его старшихъ родственниковъ или родственницъ; дѣлается это потому, что впослѣдствіи, когда ребенокъ подрастетъ и начнетъ шалить, ругая и брая его, косвеннымъ образомъ можно оскорбить того изъ старшихъ родственниковъ или родственницъ, чье имя онъ поситъ. Тѣ, у кого дѣти не живутъ, при рожденіи нового ребенка, желая, чтобы онъ остался въ живыхъ, не умеръ по примѣру дѣтей предшествовавшихъ, даютъ одно изъ такихъ именъ, какъ *Турсунъ* (пусть онъ остается), *Тохтѣ* (подожди, постой), *Махкамъ* (крыпкій) и др. при чемъ къ этимъ символическимъ именамъ обыкновенно прибавляется еще и одно изъ обычныхъ мусульманскихъ именъ. Такимъ образомъ получаются имена: *Турсунъ - Магомѣтъ*, *Тохтѣ-джанъ*, *Махкамъ-бай* и пр. Часто, впрочемъ одни наречіемъ такого имени не ограничиваются, а желая окончательно избавить новорожденнаго отъ участія умершихъ братьевъ и сестеръ, его отдаютъ на нѣсколько времени какой-либо посторонней женщинѣ, имеющей молоко, которая кормить его своею грудью въ теченій 5—6 дней. По истеченіи этого срока родители ре-

бенка идутъ ко временной матери съ выкупомъ. Выкупивъ такимъ образомъ ребенка, ему даютъ имя *Саттубг-алык* (купиль) если онъ мальчикъ, или *Саткынъ* (проданная), если это дѣвочка. Послѣ такой операции родители уже вполнѣ успокаиваются, твердо вѣруя въ то, что ребенокъ не умретъ. При рожденіи двойней мальчиковъ ихъ называютъ *Хуссейнъ* и *Хасанъ*, а дѣвочекъ *Зуирѣ* и *Фатъмѣ*; если же двойни мальчикъ и дѣвочка, то имена даются безразлично.

При ханахъ существовало правило или обычай, въ случаѣ рожденія тройней одного изъ дѣтей воспитывать на казенныи счетъ и кромѣ того отцу и матери давать еще иѣко-которое личное вознагражденіе.

Вмѣстѣ съ нареченіемъ ребенку имени запоминается и пазваніе того года, въ которомъ онъ родился.

Въ этомъ отношеніи время дѣлится на циклы, изъ коихъ каждый состоитъ изъ двѣнадцати лѣтъ, при чмъ каждый годъ такого цикла носитъ свое особое пазваніе; а именно: мышь, быкъ, тигръ, заяцъ, драконъ, змѣя, лошадь, баранъ, обезьяна, курица, собака, свинья.

Такъ напр., выиѣшній 1886 годъ носить название *собаки*. Оттого здѣсь очень часто вмѣсто вопроса, который вамъ годъ? спрашиваютъ: какои вашъ годъ? т. е. какъ назывался тотъ годъ, въ которомъ вы родились.

За дѣлами родильница принимается тотчасъ же, какъ только встанетъ съ постели, по изъ дому или, вѣрѣ, со двора, почти совсѣмъ не выходить въ теченіи цѣлыхъ шести недѣль. Мы сказали уже, что ребенка обмываютъ вслѣдъ за его появленіемъ на свѣтъ; затѣмъ онъ остается немытымъ до двадцатаго дня, когда его купаютъ во второй разъ и надѣваютъ на него вторую рубашку, а если время года холодное, то и ватный халатицъ, по возможности изъ шельковой матеріи.

Первая рубашка надѣтая на новорожденнаго на 6-й или 7-ой день оставляется для послѣдующаго ребенка.

Въ иѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ таджикскихъ селеніяхъ кокандскаго уѣзда, мальчика моютъ на 18-й день послѣ рожденія, т. е. двумя днями раньше обычного срока съ тѣмъ, чтобы за его первсту взяли по меньшему *калмиа*, а дѣвочку на 22-ой т. е. двумя днями позже, чтобы впослѣствіи за неѣ дали большої *калмиа*.

Далѣе ребенка купаютъ еще рѣже, такъ какъ по мнѣнію туземцевъ частое купанье мѣшаетъ ему рости и полнѣть; передъ купаньемъ лицо и голова намазываются *катыкомъ* (кислымъ молокомъ); послѣдній плохо отмывается; на темени образуется вѣчно вродѣ коросты изъ перхоти и грази, а благодаря общей недостаточности въ чистомъ содерянія, у массы сартовскихъ дѣтей мы встрѣчаемъ глазные болѣзни, разнаго рода сыпи, лишаки и др. накожныя болачки.

При отсутствіи молока у матери, кормилица приглашается лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ; обыкновенно такого ребенка поять сначала коровьимъ молокомъ, а по достиженіи имъ возраста 4—5 мѣсяцевъ начинаютъ кормить мучной болтушкой съ саломъ. (При сильной отрыжкѣ и др. болѣзняхъ, считающихся холодными, всѣмъ вообще груднымъ дѣтямъ даютъ кусочки бараньяго сала, принадлежащаго, какъ извѣстно ужѣ читателю, къ горячей пищѣ.)

Случаи подкидыши здѣсь очень рѣдки, по крайней мѣрѣ гораздо рѣже случаевъ отдачи дѣтей подростковъ на воспитаніе. Желая подкинуть ребенка, его несутъ на разсвѣтъ, незадолго передъ утреннимъ *намазомъ*, въ мечеть; азанъ, прийдя сюда первымъ, для того чтобы прокричать *азанъ*, призыва на молитву, находитъ ребенка и сейчасъ же извѣщающаетъ объ этомъ весь приходъ, одинъ изъ членовъ кото-раго, пожеланию, беретъ подкидыша на воспитаніе. (Воспитательныхъ домовъ нѣть).

Подкиданіе дѣтей у бѣднаго туземнаго населенія замѣняется обыкновенно отдачею ихъ состоятельнымъ людямъ на правахъ усыновленія, при чмъ у мѣстнаго казы состо-вляется документъ (*васикѣ*), въ которомъ значится, что та-кой-то (или такая-то) отдалъ своего сына (или дочь) на пра-вахъ усыновленія такому-то (или такой то) и навсегда от-казывается отъ родительскихъ правъ на названнаго ребенка.

По прошествіи шести недѣль городская женщина от-правляется вмѣстѣ съ ребенкомъ къ своей матери, которая по обычаю обязана сдѣлать ей угощеніе и подарить: дочери головной платокъ, а внуку или внучкѣ тюбетейку, халатъ и рубашку. Этими празднества, совершаємыя по случаю рожде-нія ребенка, заканчиваются.

Обрѣзаніе мальчиковъ производится обыкновенно въ возрастѣ между 4 и 12 годами. Обрядъ этотъ, особенно въ

богатыхъ семьяхъ, сопровождается большимъ празднествомъ продолжающимся около 3 дней.

Приготовлениа, въ видѣ прикаливанія подарковъ и пр., продолжаются иногда очень по долгому, въ самыи түи осѣдлаго населенія дѣлаются осенью или зимой. Если түй проходитъ въ кишлакѣ, то пріѣзжие гости—мужчины въ числѣ иногда нѣсколькоихъ сотъ человѣкъ располагаются на вѣшнихъ дворахъ всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ хозяина.

Каждый вновь пріѣдавшій гость направляется въ михманъ—хану хозяина передать ему свой подарокъ и поздравить съ предстоящимъ торжествомъ, а затѣмъ уже отправляется на отведенный ему дворъ, гдѣ такихъ гостей помѣщается обыкновенно по нѣсколько. Гость и его лошадь содержатся здѣсь на счетъ хозяина. Въ первый день гости лишь сѣѣжаются и, собравшись компаниями по квартирамъ, забавляются разговорами, пѣснями, иляской батчѣй и пр.

Кто—нибудь изъ важныхъ гостей получаетъ названіе түй-башى; онъ распоряжается церемоніаломъ празднства и раздачею призовъ на скачкахъ.

Со всѣхъ сторонъ, заслушавъ о предстоящемъ түй, знакомые и незнакомые хозяину шлютъ сюда своихъ скакуновъ въ расчетъ на призъ.

На утро гдѣ либо за кишлакомъ устраивается улакъ, скачка съ козломъ, котораго одинъ всадникъ вырываетъ изъ рукъ другого. Послѣ улака въ разныхъ домахъ оиять батчѣй и другія увеселенія. На третій день скачка на болыше разстояніе (20 — 30 верстъ) съ призами, смотря по состоянію хозяина.

Не рѣдко въ призъ получается заморенная за зимнюю безкорницу корова, которую получившему ее не удается даже довести до дома, такъ какъ она околѣваетъ отъ изнуренія еще въ дорогѣ, не будучи въ состояніи пройти 10 — 15 верстъ.

Послѣ скачки гости получаютъ палau и подарки (халаты и лошади) и разѣзжаются, послѣ чего односельчанамъ или покрайней мѣрѣ домовладѣльцамъ одного прихода раздаются палau и по 9 лепешекъ на домъ.

Самое обрѣзаніе совершаются послѣ разѣзда гостей—мужчинъ, а одновременно съ этимъ на внутреннемъ дворѣ устраивается угоженіе для жѣнщинъ.

Въ первыи годы жизни ребенка, пока ему не надѣнуть штаны, что для дѣвочекъ происходит обыкновено на 3-мъ, 4-мъ, 5-мъ году, одежда его состоитъ изъ рубашки съ горизонтальнымъ воротомъ (муллачѣ) и халатика. На голову или надѣвается тюбетейка, или повязывается платокъ, безразлично, какъ мальчикамъ, такъ и дѣвочкамъ; наиболѣе же употребительна тюбетейка. Низъ, какъ халата, такъ и рубашки, никогда не подрубляется; есть примѣта, что въ противномъ случаѣ послѣдующій ребенокъ не будетъ жить.

Первые четыре—пять мѣсяцевъ ребенокъ почти постоянно лежитъ въ бишкѣ. Затѣмъ бишкѣ ему мало по малу надоѣдаетъ; ребенокъ начинаетъ пищать и этого совершенно довольно для того, чтобы началось безконечное, продолжающееся иногда до трехъ, до четырехъ лѣтъ, нянченіе, не рѣдко идущее прямо въ ущербъ здоровью, такъ какъ избалованій, постоянно сидящій на рукахъ, ребенокъ крайне медленно выучивается ходить.

Помимо того, что всѣ вообще сарты и сартянки очень чадолюбивы, быть причиной плача ребенка считается болѣшіе грѣхомъ, а потому стоитъ только ему пискнуть, какъ его сейчасъ же или начинаютъ качать въ бишкѣ, или же берутъ на руки и ублажаютъ всяческими способами. Нянчить его безусловно всѣ члены семьи, могущіе его поднять и свободные въ данный моментъ отъ работы. Особенно не любятъ его нянчить мальчики-подростки, за что имъ не рѣдко попадаетъ и въ видѣ ругани, и въ видѣ пинковъ. Въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ у матери работы много, а нянекъ—подростковъ нѣтъ, желая унять грудного ребенка, не дающаго днемъ работать, а ночью отдыхать отъ этой работы, сартянка прибѣгаѣтъ къ разнаго рода, не безвреднымъ конечно, усилительнымъ средствамъ.

Зубы у сартовскихъ дѣтей прорѣзываются въ среднемъ около десяти-мѣсячнаго возраста; если прорѣзываніе зубовъ сопровождается какими-либо болѣзнями проявленіями, то обычными способами лечения ребенка въ этомъ случаѣ являются: отчитываніе, посыпаніе мукой, или купанье его въ теплой еще крови—только что зарѣзанаго, чистаго (употребляемаго въ пищу) животнаго.

По достижениіи ребенкомъ годичнаго возраста, ему въ первый разъ стригутъ волосы.

Стрижетъ дѣдъ, отецъ, или кто-либо изъ старшихъ мужчины въ семье; иногда стрижка эта производится на дому; иногда-же ребенокъ относить для этого на одинъ изъ ближайшихъ мазлровъ, гдѣ обрядъ этотъ сопровождается приготовленіемъ палату.

Стригутъ голову обыкновенно не сплошь, а оставляя два пучка волосъ на вискахъ, надъ ухомъ; когда пучки эти подростутъ, ихъ заплетаютъ въ маленькия коски, къ концамъ которыхъ у девочекъ привязываются кораллы, бусы, или амулеты. Девочекъ стригутъ вышеописаннымъ способомъ лѣтъ до 7—8, послѣ чего волосы отпускаются.

Ходить туземный ребенокъ въ среднемъ начиная около годичнаго возраста, по случаю запаздыванія очень не рѣдки; приходилось видѣть здоровыхъ, сравнительно, на видъ дѣтей 2-хъ и 3-хъ лѣтнаго возраста, которые съ трудомъ могли дѣлать пѣсколько шаговъ; приписать это можно тому только, что, балуя ребенка и желая ублажить чѣмъ бы то ни было, его носить на рукахъ въ такомъ возрастѣ и при такихъ условіяхъ, когда это смыло можно было-бы считать совершенно лишнимъ. Въ томъ случаѣ, если полутора, или двухъ-лѣтній, ребенокъ особенно сильно раскачивается, и неѣть возможности его чѣмъ бы то ни было ублажить, мать начинаетъ страшать его разными нугалами, изъ коихъ наиболѣе дѣйствительными считаются: буджуй (бука), бурѣ (волкъ) и урусъ (русскій).

Кормление грудью продолжается обыкновенно очень долго, лѣтъ до 2—3; раньше оно прекращается только въ томъ случаѣ, если у матери пропадаетъ молоко, или наступаетъ вторичная беременность; въ бишкѣкѣ ребенокъ спитъ обыкновенно до тѣхъ поръ, пока не пріучится проситься на дворъ, что происходитъ въ періодѣ между полутора и трехъ-лѣтнимъ возрастомъ.

Первые слова, которыя выучиваются говорить туземный ребенокъ, это названія матери, отца и материнской-же груди. Отца и мать въ разныхъ мѣстностяхъ Ферганы дѣти зовутъ различно: или по персидски, называя отца деда, а мать ачѣ, или бѣвѣ (сокрапц. бѣ, отъ персидского бибѣ), или по тюркски: отца—атѣ, или ачѣ, а мать—инѣ или ачѣ, (атѣ—отецъ; ачѣ—старшій братъ; инѣ—мать; ачѣ старшая сестра). При употреблении тюркскихъ названій отца и матери, въ очень

многихъ мѣстностяхъ соблюдаются слѣдующее правило, оставшееся въ наслѣдіе отъ прежней кочевой, общинной жизни. Отецъ и мать называются словами атѣ и инѣ въ томъ только случаѣ, если въ домѣ не живутъ дѣдъ, или бабка. Въ случаѣ же ихъ совмѣстнаго жительства, дѣдъ носитъ имя атѣ (отецъ), бабка называется инѣ (мать), отецъ—акѣ (старший братъ), а мать—анѣ (старшая сестра).

Разговаривая съ малолѣтнимъ ребенкомъ и пріучая, такимъ образомъ, самого его говорить, и мать и отецъ очень часто, вмѣсто правильныхъ словъ, употребляютъ такія, по большей части не созвучные имъ, которыя, по простотѣ звуковъ, наиболѣе легко усваиваются и произносятся ребенкомъ; такъ напр., вмѣсто иссикѣ (горячій), ребенокъ пріучается говорить па-па; вмѣсто имчакѣ (грудь)—мамѣ, вмѣсто чираликѣ (красивый)—ай и т. п. Такжѣ, какъ и у насъ, очень часто говорятъ съ дѣтьми нарочно картавя (особенно женщины), но тѣмъ не менѣе картавыя дѣти встрѣчаются очень рѣдко. Гораздо чѣще искусственно картавятъ девочки лѣтъ 8-12, при чемъ у нихъ это является не болѣе, какъ своеобразнымъ кокетствомъ и модничаніемъ.

Красивыя, миловидныя дѣти, съ полными, румяными и здоровыми лицами, встрѣчаются на каждомъ шагу, но въ то-же самое время полныя, мускулистыя руки и ноги, пропорциональные животы, замѣчаются обыкновенно лишь до двухъ, или трехъ-лѣтнаго возраста. Поздѣе руки и ноги становятся худы и тонки, а животы до 5-6 лѣтнаго возраста не соизмѣрно велики. На шестомъ, или седьмомъ году, у большинства дѣтей полнота, если и остается, то только въ лицахъ, что, можетъ быть, зависитъ главнымъ образомъ отъ его скучности. Все вышесказанное уже само по себѣ свидѣтельствуетъ о недостаточности питания средняго туземнаго ребенка, а вмѣстѣ съ убожествомъ гигієнической его обстановки, конечно, не можетъ не вліять на число смертныхъ случаевъ и заболеваний. Зимой въ городѣ свирѣпствуетъ оспа, а масса дѣтей болѣаетъ по уличной грязи, или по сиѣгу, въ коротенькихъ, неподножасанныхъ халатишкахъ, или босикомъ, или въ калошахъ на босу ногу и очень часто безъ штановъ; какъ не мрутъ они тысячами, уму не постѣжимо.

Какъ только ребенокъ ставеть на ноги, мать въ западельной мѣрѣ прекращаетъ заботы о немъ и болѣе уже никогда почти его не кунаетъ. Купается онъ самъ, по своей инициативѣ, и то лишь лѣтомъ, въ какомъ пибуль мутномъ арыкѣ, гдѣ по цѣлымъ днямъ барахтается въ сообществѣ своихъ сверстниковъ, мальчиковъ и девочекъ.

Кромѣ чрезвычайно распространяющихся пакожныхъ болѣзней, являющихся прямымъ послѣдствиемъ грязи, въ которой живеть ребенокъ, другими, начаще встрѣчающимися, дѣтскими болѣзнями слѣдуетъ называть: разстройство желудка, оспу, корь, скарлатину, коклюшъ, гриппъ и водяницу. О лечении мы уже говорили.

Умершаго ребенка, также какъ и взрослыхъ, хоронить, по возможности, немедленно же, т. е. или въ день смерти, или утромъ на другой день. Первое время послѣ похоронъ, мать умершаго избѣгаетъ выходить со двора, соблюдая трауръ, а самъ умершій ребенокъ считается ангеломъ, замаливающимъ на небѣ грѣхи родителей.

Въ случаѣ смерти родителей, дѣти-сироты воспитываются своими родственниками, а завѣданіе оставшимся имуществою поручается опекуну. Опекуны бываютъ трехъ родовъ: 1) естественные, какъ напр. дѣдъ, дядя и другіе родственники—мужчины, или мать, если она знакома съ наследственнымъ правомъ; 2) назначаемые въ завѣщаніи и 3) назначаемые правительствомъ въ томъ случаѣ, если иѣть первыхъ двухъ.

Религія указываетъ на опекунство и на воспитаніе сиротъ, какъ на способы проявленія благочестія, по въ большинствѣ случаевъ житейской практики, положеніе сиротъ, въ особенности малосостоятельныхъ, очень и очень незавидное. Дѣти, у которыхъ осталось какое пибуль наследство отъ отца, по выходѣ матери за другого мужа, часто не получаютъ отъ отчима никакого другого содержанія, кромѣ пищи и одѣваются на свои собственные средства.

Замѣтимъ здѣсь же, что въ среднихъ, по состоянію, классахъ семейное положеніе всѣхъ вообще дѣтей, и главнымъ образомъ мальчиковъ, ничѣмъ въ сущности не отличается отъ положенія работниковъ и другой прислуги. Одѣты они всегда хуже отца и лишь пѣсколько лучше работниковъ, паравнѣ съ которыми встаютъ при входѣ хозяина дома,

держать лошадь подъ уздцы, когда послѣдний садится на нес, или съ нея слѣзаетъ, метуть дворъ, ходить за плугомъ и пр. Оттого очень не рѣдки случаи, когда сыновья живутъ несравненно дружнѣе съ работниками, чѣмъ съ отцомъ. (Все это гораздо рѣже замѣчается въ наиболѣе богатыхъ семьяхъ, гдѣ положеніе дѣтей пѣсколько иное).

Достигнувъ трехъ, четырехъ лѣтнаго возраста, ребенокъ, что называется, отходитъ отъ рукъ; на мѣсто его въ большинствѣ случаевъ является другой; мать, сосредоточивая все заботы на новорожденномъ, предоставляетъ подросшаго ребенка или заботамъ старшихъ дѣтей, всегда отъ заботъ этихъ отлынивающихъ, или же самому себѣ.

Въ это же время, не только въ бѣдныхъ, но даже и въ среднихъ, по состоянію, семьяхъ, ребенокъ впервые получаетъ обувь, въ большинствѣ случаевъ, въ видѣ сапоговъ, или кающіи на босу ногу и то зимою только; лѣтомъ онъ долго еще ходить босикомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ богатыхъ и зажиточныхъ семьяхъ девочку начинаютъ уже мало по малу пріучать къ нарядамъ, и дѣвка вѣнчаніе при гостяхъ, или идя въ гости, шелковыя рубашки и халатики, кораллы и пр.

Если дѣтей въ семье пѣсколько, то одинъ изъ нихъ, по большей части одинъ изъ числа младшихъ, дѣлается любимцемъ, иржѣ, котораго особенно балуютъ, наряжаютъ и въ большинствѣ случаевъ портятъ самымъ безразсуднымъ образомъ.

Какъ только ребенокъ начнетъ понимать рѣчь, онъ дѣлается, если не активныи, то, по крайней мѣрѣ, пассивныи участникомъ разговоровъ, ведущихся старшими. При немъ говорятъ обо всемъ и обо всѣхъ, все и вся называя обычными имъ именами. Высылаютъ ребенка въ томъ только случаѣ, если опасаются, что онъ можетъ разболтать слышанное и тѣмъ причинить говорящимъ какой-либо вредъ. Такимъ образомъ въ 6—7 лѣтнемъ возрастѣ сартовскія дѣти виолѣй постигаютъ уже то, большинство чего остается скровенной тайной для многихъ изъ 15—17 лѣтнихъ нашихъ барышень и, несмотря на все это, отнюдь не замѣчается такихъ явлений, которые указывали бы на особенный вредъ, происходящій отъ подобнаго рода отношенія родителей къ дѣтямъ.

Единственно, что мы можемъ защищать по этому поводу, это громадную толковость и солидность, съ которыми говорятъ большая часть сартовскихъ дѣтей, при этомъ слѣдуетъ прибавить, что въ общемъ дѣти бѣдныхъ и среднихъ классовъ разсудительныѣ, пожалуй богатыхъ, такъ-же какъ городскія бойчѣе кишаачихъ, и что дѣти бѣдныхъ городскихъ классовъ, пожалуй, даже переселили въ дѣлѣ своей опыта и разсудительности, ибо, достигнувъ 9—11 лѣтнаго возраста, они прекрасно знаютъ не только гдѣ, что и какъ слѣдуетъ купить, или продать такъ, чтобы это было выгодно, но даже и гдѣ, что и какъ можно стяпнуть.

Одновременно съ тѣмъ, какъ ребенокъ начнетъ болѣе или менѣе свободно говорить, родители по немногу, постепенно преподаютъ ему главнѣйшіе догматы религіи и нѣкоторые изъ наиболѣе употребительныхъ молитвъ, а также и правила вѣжливости по столицѣ, по скольку все это известно имъ самимъ Въ мало-мальски порядочныхъ и состоятельныхъ семьяхъ ребенокъ лѣтъ 6—7 начинаетъ уже привѣтствовать гостя селамомъ, говорить съ пімъ на вы и не дотрогивается до того угощенія, которое поставлено передъ послѣднимъ и пр. Въ это же самое время въ бѣдныхъ семьяхъ дѣти выучиваются отъ матерей выращивать, клянчить и попрошайничать. Однако-же такое попрошайничество практикуется ими въ отишениіи однихъ только постороннихъ лицъ. Дома, не только въ бѣдныхъ семьяхъ, гдѣ не всегда имѣется въ запасѣ лишній кусокъ лепешки, или чашка какой-нибудь кашицы, но даже и въ состоятельныхъ, особенно среди городскаго населения, дѣти до того вымуштрованы, что липнъ очень рѣдко сами просить Ѣесть.

Взятая нами на воспитаніе дѣвочка—сартянка, въ первое время жизни унась, пока она не осмотрѣлась, не привыкла къ новымъ для нея порядкамъ и отишениямъ, никогда ничего не просила, а только усиленно смотрѣла въ глаза, давая этимъ попять, что, если ей дадутъ, то она не ироичъ чего—нибудь побѣсть. Дома это вкоренили въ нее настолько сильно, что потому памъ стоило очень большого труда отъучить её отъ этой привычки. Не рѣшилась просить, она въ то-же время не разъ была замѣчена въ вороватости. Внѣслѣдствіи, когда она стала, не только просить, но даже и удовлетворять своему аппетиту виолѣй, по личному ея усмотрѣнію, воровскія наклонности совсѣмъ исчезли.

Какъ ни понятливъ сартовскій ребенокъ, какъ ни доступно ему пониманіе разговоровъ, ведущихся при немъ старшины, все это однако же интересуетъ и сознаніе его столь мало; поэтому, если только онъ достаточно сытъ и если на дворѣ не особенно холодно, онъ непрестанно помышляетъ о томъ, какъ бы ему улизнуть на улицу. Жаръ его положительно не держитъ. Весь бронзовыѣ, зачастую не только съ открытой головой, но даже и совсѣмъ таки голый, онъ, будь то мальчикъ, или дѣвочка лѣтъ до 4—5, сидѣть по серединѣ улицы и возвигаетъ здѣсь вмѣстѣ съ товарищами курганъ, крѣпость, сооружаемую изъ толстаго слоя уличной пыли.

Лѣтъ съ 5-ти, 6-ти, ребенокъ здѣсь же, на улицѣ, начинаетъ принимать участіе въ многочисленныхъ общественныхъ дѣтскихъ играхъ, дѣйствующими лицами которыхъ являются одинаково, какъ мальчики, такъ и дѣвочки лѣтъ до 8—9.

Играютъ въ мячъ, въ бабки, въ камешки и въ прятки. Изъ другихъ, болѣе шумныхъ, игръ назовемъ акѣ—терекъ. Дѣти раздѣляются на двѣ равныхъ партіи. Каждая партія берется за руки и образуетъ собою шеренгу; обѣ шеренги стоять лицомъ другъ къ другу. Изъ одной шеренги на расстояніе спрашиваются:

„Акѣ терекъ ма? Кукъ—терекъ?
„Бызъ—данъ сызга кымъ керекъ?“
(Бѣлый или сѣрый тополь?)

Кого изъ настѣ вамъ нужно?“

Отвѣчаютъ, такого-то или такую-то. Вызванный бросается па противостоящую шеренгу и старается её прорвать; если это ему удастся, то онъ уводитъ одного изъ разорванной имъ шеренги въ свою; въ противномъ случаѣ самъ остается здѣсь, и игра продолжается.

Ранней весной, до наступленія жаровъ, большинство мальчиковъ, оставляя всѣ другія игры, занято почти исключительно пусканиемъ змѣя, которому здѣсь придаются самые разнообразныя формы, начиная отъ четырехъ-угольника и кончая формою птицы, или дракона. Въ это же время дѣвочки, которыхъ до этой забавы обыкновенно не допускаютъ, усиленно посягаютъ съ мячами.

Всѣ вообще дѣтскія игры сопровождаются различнѣйшими приспѣвами, пѣсенками и прибаутками.

На улицѣ играетъ въ мячъ нѣсколько дѣвочекъ и мальчиковъ отъ 5 до 9-лѣтняго возраста. Проходитъ мимо караванъ верблюдовъ. Ребятишки бросаютъ игру, собираются въ кучу и, припрыгивая на одномъ мѣстѣ, начинаютъ нараспѣвъ выкрикивать:

„Лѣкъ, лѣкъ, тюялѣръ!
„Ачикъ, ачикъ тюялѣръ!“
(Верблюды, верблюды!
Горкіе верблюды!)

Будутъ киргизы, и толпа ребять съ такими же припрыгиваніями провожаетъ ихъ пѣсней:

„Кыргызъ, кыргызъ, кырыльдѣ;
„Биръ бурчакка тыкылдѣ;
„Улай, улай, дигавда,
„Кетмәнъ алымъ югурдѣ!“
(Киргизы, киргизы, передохли;
Всѣ сбились въ одинъ уголъ,
А когда пришла голодная смерть,
Взяли застуны и разбѣжались.)

(Это насмѣшка надъ киргизами, у которыхъ теперь остались однѣ лишь горные земли, и которые принимаются за хлѣбопашество только при самыхъ крутыхъ обстоятельствахъ.)

Кучка ребять играетъ по серединѣ улицы и видѣть приближающагося сарта, наружность которого кажется озорникамъ почему-либо смѣшиною. Слышатся остроты и сдержаній смѣхъ. Сартъ подѣлѣжастъ. Ребятишки, давая ему дорогу, отходятъ въ сторону, а одинъ изъ наиболѣе бойкихъ съ очень важнымъ видомъ раскланивается, прижимая ладони руки къ животу, и говоритъ: „ас—селямъ—алъйкимъ“; сартъ не менѣе важно отвѣтствуетъ: „алъйкимъ—ас—селямъ“ и проѣзжаетъ. Ребятишки перемигиваются и въ догонку проѣхавшему лѣтить: „бакѣ!“ (лягушка). Сартъ медленно обличиваетъ голову, отпуская приличествующее поздравленіе, а пакостники и пакостницы съ гикомъ и громкимъ смѣхомъ, какъ горохъ, разсыпаются по сосѣднимъ воротамъ и калиткамъ, спасаясь отъ воображенаго преслѣдованія.

Такія-же шалости продолжались и продолжаются, конечно, и съ русскими. Когда заняли Кокань, гдѣ дѣти, какъ и вообще въ большихъ городахъ, особенно бойки и шаловливы, нашлись такие высокоумные россияне, которые не замедлили усмотрѣть во всѣхъ этихъ дѣтскихъ шалостяхъ политическую подкладку и настоятельно езывали къ начальству о необходимости дратъ за подобное третированіе ихъ національной гордости, не только озорныхъ сартятъ, но, буде-окажется возможность, также и ихъ родителей, внушая имъ тѣмъ самымъ уваженіе къ имени русскому.

Не менѣе пѣсенокъ и припѣвовъ дѣти любятъ риѳмы—экспромты и загадки.

Ранней весной чаще другихъ, дѣтскихъ пѣсенокъ можно слышать:

„Ляйлякъ кѣльдѣ, язъ булдѣ;
„Іскѣ чапанъ буз-вардѣ“.
(„Прилетели аисты, лѣто настало.
„И изорвало старый халатъ“.)

Принесемъ нѣсколько загадокъ:

1) „Таипъ-таипъ итады
„Тагиданъ караванъ утады.
(Само издаетъ звукъ: таипъ-таипъ.
А внизу его проходить караванъ).

Сито, черезъ которое просыпаютъ муку.

2) Съ одной стороны идетъ снѣгъ, съ другой градъ.

(Очистка хлопка отъ сѣмянъ. На одну сторону чарыка падаетъ вата, а на другую сѣмяна чигитъ).

3) Идеть, идеть, паздѣ не оглядывается. (Вода).

4) „Каузынъ устыда булакъ;
„Булакпышъ устыда чиракъ;
Чиракпышъ устыда калымъ;
„Калымпышъ устыда чангаль;
„Чангальпышъ ичида довгузъ“.

(Надъ прудомъ родникъ; надъ родникомъ свѣтило; надъ свѣтиломъ камышъ; падъ камышемъ кустарникъ, а въ кустарникѣ свинья).

Ротъ, посы, глаза, брови, волосы и насыкомое.

Въ длинные зимніе вечера любимымъ развлечениемъ дѣтей являются сказки, въ общемъ очень сходныя съ нашими. (Золотая рыбка; баба-Яга; коверъ-самолетъ). Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Сказка первая. Жилъ былъ сартъ. Жена у него умерла; осталась отъ него мальчикъ и девочка. Сартъ женился на другой женѣ. Черезъ нѣсколько времени она забеременила и стала привередничать. Однажды говорить мужу: „зарѣжь своего сына, я его сѣмъ“. Жаль сарту сынишку, да и женѣ то хочется угодить. Позвалъ онъ сына въ садъ, собирать хворостъ на топливо. Черезъ нѣсколько времени приходитъ назадъ одинъ, безъ сына и говорить женѣ: „ступай подъ навѣсь, тамъ подъ спономъ хвороста найдешь то, чего просила“. Пошла жена подъ навѣсь, сварила тамъ пасынка и сѣла, а кости выбросила на дворъ. Увидѣла на другой день эти кости падчерица, узнала въ нихъ кости своего брата и залилась слезами. Поплакала, поплакала, собрала все косточки до одной, сложила въ мѣшечекъ и повѣсила на тутъ. Кости обратились въ горлицу. Проходитъ мимо разносчикъ. „Спой, говорить, мнѣ горлица пѣсню“.—„Дай мнѣ иголку, спою“. Даль разносчикъ горлицѣ иголку, спѣла. Разносчику понравилось. „Спой, говорить, еще“.—„Дай еще одну иголку, спою. Даль разносчикъ еще одну иголку, горлица еще спѣла. Пошелъ отецъ въ мечеть, видитъ—на тутѣ сидѣтъ горлица и не поетъ. „Спой, говорить, мнѣ, горлица, пѣсню“. —„Закрой глаза и открои ротъ, тогда я спою“. Только что отецъ успѣлъ закрыть глаза и открыть ротъ, горлица бросила въ него иголку. Иголка попала въ ротъ и прошла во внутренности. Отецъ тотчасъ же умеръ. Вышла мачиха на дворъ, хлѣбъ печь, и видѣть издали на тутѣ горлицу. „Спой, говорить, мнѣ, горлица, пѣсню“.—„Закрой глаза и открои ротъ, спою“. Только она успѣла закрыть глаза и открыть ротъ, горлица бросила въ нее иголку; и мачиха тутъ же умерла. Тогда горлица спустилась на землю, перекувркнулась и стала хорошенькимъ мальчикомъ.

Сказка вторая. Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ бывъ Султанъ и у него было сорокъ визирей. Одинъ изъ нихъ былъ любимцемъ султана; остальные визири завидовали ему и захотѣли его извести. Пришли они однажды къ Султану и говорятъ: „такси́ръ, вамъ нужно бы украсить свой дворецъ

такой штукой: сдѣлать изъ скорлупы грѣцкаго орѣха два прудика, въ которыхъ вода сама переливалась бы изъ одного въ другой. Повелите это вашему любимцу, онъ сдѣлаетъ“. Призываетъ Султанъ своего любимаго визира и велитъ ему сдѣлать сказанное въ теченіи сорока дней. Загореваль визирь и пошелъ въ степь, думать какъ ему быть, какъ изѣбѣгнуть Султанскаго гнѣва. Тамъ къ нему явился св. Хызыръ, далъ двѣ скорлупки отъ грѣцкаго орѣха и велѣлъ идти и врыть ихъ въ землю во дворъ султанской урды. Визирь пошелъ, врылъ скорлупки въ землю на Султанскомъ дворѣ: откуда ни взялась вода и стала переливаться изъ одной скорлупки въ другую. Видѣть завистники, что дѣло ихъ не выгорѣло и идутъ опять къ Султану. „Вамъ бы, говорятъ, такси́ръ, слѣдовало построить такой домъ, который не касался бы ни земли, ни неба. Прикажите вашему любому, онъ это сдѣлаетъ.“ *Приказываетъ Султанъ своего любому, онъ это сдѣлаетъ.* Приказываетъ Султанъ своего любому и говорить ему: „построй мнѣ черезъ сорокъ дней домъ, который не касался бы ни земли, ни неба. Ты долженъ найти только каменщики, а материалъ и другихъ рабочихъ я тебѣ найду.“ Закручинился визирь и пошелъ съ горя странствовать. Дорогой къ нему присталъ какой-то старикъ. Пошли вмѣстѣ. Пришли въ тотъ городъ, гдѣ жилъ спутникъ визира. Старикъ зазвалъ его къ себѣ. У старика оказалась красавица дочь; влюбилась она въ визира и вышла за него замужъ. Въ первый день сваты сидѣтъ визирь грустный и вздыхаетъ. Молодая жена спрашиваетъ его, что съ нимъ. Говорить ей визирь, что велѣлъ ему Султанъ выстроить такой то домъ. „Ступайте, говорить жена, въ поле и поймайте молодаго жаворонка“. Пошелъ визирь въ поле, поймалъ молодаго жаворонка и принесъ къ женѣ. Та въ нѣсколько дней выучила его кричать: „Лой! Гышть!“ (Этими словами туземные каменщики понукаютъ рабочихъ, подающихъ имъ цементъ—лой и кирпичъ—гышть).

Отправились къ Султану. Визирь говоритъ: „у меня рабочие готовы, вслите начинать работу“. Приготовили кирпичи и цементъ; собрались поденьщики. Визирь незамѣтно подбросилъ на верхъ жаворонка; тотъ взвился высоко и кричить оттуда: „Лой! Гышть!“ Рабочие бросаютъ вверхъ кирпичи, но они падаютъ внизъ, очевидно, не достигая до невидимыхъ никому каменщики. Тогда только Султанъ по-

няль, что работа эта не возможна, а впослѣдствіи уразумѣлъ даже и то, что все это были козы завистливыхъ звѣрей.

Сказка третья. На берегу большой, глубокой, прозрачной рѣки былъ обширный тугай (заросль кустарниковъ, камыша и пр.). Въ тугай жили и кабаны, и дикия козы, и зайцы, и лисы, и всякие звѣри. Жили мирно и дружно, такъ какъ всѣмъ было и сътно, и просторно. Житье было бы чудесное, если бы однажды въ томъ же тугай не поселился тигръ. Началъ онъ хватать и ёсть и козъ, и кабановъ, и зайцевъ, и лисъ. Собрались звѣри на совѣтъ. Судили, рѣдили, но ни до чего не додумались. Тогда лиса дала такой совѣтъ: „Чѣмъ всѣмъ намъ жить въ постоянномъ страхѣ, распорядимся, говорить, лучше такъ: будемъ добровольноходить къ тигру на закуску по очереди; я сама пойду къ нему вести обѣ этомъ переговоры, а вы за это избавите все мое потомство отъ очереди“. Звѣри согласились. Пошла лиса къ тигру и говоритъ: „Таксыръ, чѣмъ вамъ бѣгать за нами по тугай и беспокоиться, лежите вы лучше смиро, а я каждый день сама буду приходить къ вамъ разными звѣрей на закуску“. Согласился и тигръ. Лиса стала водить къ нему разныхъ своихъ пріятелей, но скоро тигръ не удовольствовался этимъ: кроме добровольно приходившихъ къ нему на закуску звѣрей, сталъ ловить и другихъ и ёсть ихъ по прежнему. Звѣри опять перенаполнились и опять собрались на совѣтъ. Тутъ выступилъ тушканчикъ и сказалъ: „на нѣсколько дней всѣ попрятитесь въ норы и логовища и никуда не выходите; наче всего не ходите къ тигру на закуску, а тамъ ужь я самъ все устрою“. Звѣри попратались. Тигръ ждетъ день, ждетъ два, никто не является. Проголодался тигръ и разсвирѣтелъ. Тогда является къ нему тушканчикъ и говоритъ: „Таксыръ! въ нашемъ тугай появился тигръ, совершенно иохой па васъ и—ещеболѣвасъ—лютый. Многихъ онъ передушилъ, а остальныхъ разбѣжались въ разныя стороны, отчего царство ваше опустѣло. Вы конечно сильнѣе вашего противника и должны его извести, дабы возстановить порядокъ. Убейте его, тогда всѣ звѣри вернутся въ тугай и снова начнутъ являться къ вамъ на закуску.“

Тигръ согласился. Тогда тушканчикъ повелъ его, обѣщаю показать, гдѣ скрывается врагъ. Привелъ онъ тигра къ обрызистому берегу рѣки и говоритъ: „посмотрите внизъ, онъ навѣрио тамъ“.

Тигръ глянулъ внизъ и увидѣлъ въ водѣ свое изображеніе; вообразивъ, что это и есть его противникъ, тигръ бросился внизъ и утонулъ. Съ той поры въ тугай опять водворилось миръ и спокойствіе.

Сказки рассказываютъ обыкновенно зимой, по вече-рамъ, когда старшіе, по большей части, ничѣмъ не заняты. Настаетъ весна, тепло. Всѣдѣ принимаются за работы. Ребятишки привыкли за зиму къ сказкамъ и пристаютъ къ матери или отцу: разскажи, да разскажи. Тѣмъ пѣкогда и они говарять отъ себя ребять; ребята въ ревѣ. Тогда послѣднихъ запугиваютъ, увѣряя, что у каждого, кто разсказываетъ, или слушаетъ сказки не зимой, а весной, или лѣтомъ, въ неизвестномъ мѣстѣ выростутъ зѣбы. Какъ ни пріятно слушать сказки, однако страхъ зѣбовъ, выросшихъ въ непоказанномъ мѣстѣ, береть свое и ребятишки устремляются на улицу, гдѣ и пребываютъ, почти исключительно, вплоть до наступленія новой зимы.

Лѣть съ 8—9 дѣвочки играетъ, по преимуществу, съ дѣвочками же, а бѣ съ мальчиками. Съ этого времени, и обыкновенно впередь до выхода за мужъ, главнѣйшей ея забавой становятся куклы (*кулурчакъ*), по большей части очень уродливыя, ея же собственнаго приготовленія. Кукламъ шьютъ рубахи, халаты, одѣяла и подушки. Отъ выходятъ замужъ, родятъ и умираютъ. Обыкновенно въ куклы играютъ по нѣсколько дѣвочекъ вмѣстѣ. На куклиныхъ сватъбахъ поютъ пѣсни и пляшутъ, а на похоронахъ воютъ. Иногда, наскучивъ куклами, дѣвочки играютъ или въ *михманъ-михманъ* (гости), при чемъ одинъ изображаютъ гостей, а другія хозяйки, или въ сватъбу же, гдѣ роль невѣсты достается одной изъ дѣвочекъ, а къ изображенію жениха привлекается одинъ изъ младшихъ братьевъ. Драки между дѣвочками этого возраста становятся значительно рѣже, но за то ругаются они самымъ безпощаднымъ образомъ. Такъ какъ ругань вообще очень распространена между сартами, особенно въ

низшихъ классахъ общества, то на ругань дѣтей почти никакого вниманія не обращается и никто ихъ отъ этого занятія не удерживаетъ, но какой причинѣ въ очень еще раннемъ возрастѣ дѣти доходятъ въ этомъ отношеніи до значительной степени совершенства. Ругаются съ большимъ чувствомъ, очень вспышительно и обладаютъ въ большинствѣ случаевъ громаднымъ запасомъ самыхъ стереотиповъ. Единственно, что отъ нихъ, дѣтей, требуется и обществомъ, и родителями, — это непремѣнное употребленіе только тѣхъ, какъ отдѣльныхъ словъ, такъ и цѣлыхъ фразъ ругательного содержанія, которыхъ прияты обычаемъ для данного пола.

Намъ лично приходилось видѣть случаи, когда мать била дѣвочку не за то, что она ругается, а за то, что, ругаясь, извергаетъ слова, употребленіе коихъ принято только у мужчинъ, за то, что дѣлаетъ посуды, на осуществление которыхъ не имѣетъ никакой физической возможности.

Около того же возраста, т. е. лѣтъ около 8—9, дѣвочка начинаетъ учиться шитью, очисткѣ хлопка и прядѣ. Учить ей, по большей части, сама мать, рѣже которая-нибудь изъ родственницъ. Если имѣется желаніе и возможность, то съ этого же возраста начинается и обученіе грамотѣ. Въ результатѣ послѣдняго въ большинствѣ случаевъ получается: умѣніе читать коранъ, или часть его, не испорченная, разумѣется, смысломъ читаемаго; умѣніе съ трудомъ разбирать книги, написанныя на тюркскомъ языке, и рѣже — умѣніе написать простенькое письмо со множествомъ ошибокъ. Хорошо знающія грамоту женщины очень рѣдки. Тѣмъ не менѣе въ царствованіе Омарь-хана (1816—1821) въ Кокандѣ существовало двѣ поэтессы, писавшихъ: одна подъ псевдонимомъ Зиннѣт, а другая — подъ псевдонимомъ *Махзунѣ*. Уверяютъ, что одна изъ нихъ являлась ко двору хана въ мужскомъ платьѣ, съ открытымъ лицомъ и имѣла (генеральский) титулъ — *датхѣ*. Произведенія обѣихъ вошли въ *Маджмۇ-и-Шарѣ*, сборникъ стиховъ, писанныхъ, какъ самимъ Омарь-ханомъ, такъ равно и его придворными поэтами.

Обученіемъ дѣвочекъ грамотѣ занимаются женщины — учительницы, *аттѣнз*, при чемъ самое обученіе производится обыкновенно па дому у такихъ учительницъ и по тому же почти методу, о которомъ мы упоминали уже выше, говоря о низшей школѣ (*мактабѣ*) для мальчиковъ.

Годамъ къ 9—10 волосы у дѣвочки отростаются; ихъ начинаютъ заплетать въ пѣсколько мелкихъ косокъ, изъ которыхъ по одной, или по двѣ, заплетаются на вискахъ, надъ ушами.

Тюбетейки она уже больше не носить, а повязываетъ голову, также какъ и взрослая женщины, платкомъ.

Въ это же время въ богатыхъ семьяхъ дѣвочка снабжается болѣе или менѣе полнымъ комплектомъ такихъ украшений, какъ ожерелья, кольца, серги и браслеты; она замѣтило и все больше и больше начинаетъ заботиться о своей наружности и самымъ тщательнымъ образомъ изучаетъ науку туземного кокетства. Не рѣдко случается, что говоря до сихъ поръ совершение правильно, она вдругъ, ни съ того ни съ сего, начинаетъ картавить и шепелявить, что, какъ мы уже сказали выше, въ данномъ возрастѣ туземными дѣвочками считается однимъ изъ орудий кокетства. Вмѣстѣ съ тѣмъ она начинаетъ усиленно подкрашивать брови и рѣсицы, а передъ праздникомъ красить себѣ ногти и ладони шафраномъ.

Въ томъ случаѣ, если родители имѣютъ желаніе выдать ей за мужъ въ возможно непродолжительномъ времени, дѣвочекъ начинаютъ по немногу прибавлять года; вмѣсто 10—11 ей оказывается уже 12 лѣтъ.

Если дѣвочка старшая изъ дѣтей, то младшіе братъ и сестры зовутъ её *анѣ*, или *бѣвѣ*, до взвѣстной степени боятся её и слушаются не рѣдко болѣе даже, чѣмъ матери.

Но бѣда ея, если у нея есть старшій братъ; тогда она въ семье почти пичто; она лишь нянѣка и помощница матери; она не имѣеть никакого голоса даже въ самыхъ мелкихъ семейныхъ дѣлахъ; младшія дѣти замѣчаютъ это, конечно, безъ большого труда и ей очень рѣдко удается не только держать ихъ въ повиновеніи, но даже и имѣть хотя бы какое-нибудь на нихъ вліяніе. Все это переходитъ въ руки старшаго брата.

Въ городахъ, по достижени 12—13 лѣтняго возраста (въ кишлакахъ иногда пѣсколько позже), дѣвочка надѣваетъ *таранджай* и *чимбетъ*. Про пеевъ говорятъ: «*балягатка ютти*» (пришла въ возрастѣ), или «*кузид курунупъ наиды*» (начинаетъ правиться; производить впечатлѣніе). Дѣвочка обращается въ дѣвушку, въ певѣсту.

ДѢВУШКА. СВАТОВСТВО И БРАКЪ.

Первый дѣвическій паранджѣй, шьется по большей части не изъ той сѣрой матеріи, какъ у женщинъ, а изъ бѣлаго тика съ узкими красными полосками. Остальной заѣмъ костюмъ и прическа остаются тѣ же, что и у дѣвочки. Въ городахъ, впрочемъ, даже и въ бѣдныхъ семьяхъ, при первой же возможности дѣвушка снабжается ючигами; болѣскомъ она уже болѣе не ходить, а калоши на босу ногу надѣваетъ лѣтомъ только и то, главнымъ образомъ, дома.

Игры съ подругами и сверстницами на улицѣ прекращаются. Дѣвушка начинаетъ принимать все большее и большее участіе въ такихъ работахъ, какъ приготовленіе пищи, очистка хлопка и пряжа нитокъ.

Дома она можетъ рѣзвиться и рѣзвится, сколько ей угодно, но, выходя на улицу, должна держать себя и достовѣрно держать, въ большинствѣ случаевъ, очень сдержанно и прилично.

Изъ дома она рѣдко уходитъ одна, особенно если ей предстоитъ идти далеко. Очень часто ей сопровождаетъ кто либо изъ младшихъ сестеръ, или братьевъ. Не считается однако-же зазорнымъ, если иѣсколько подругъ, собравшись вмѣстѣ, отправляются куда бы то ни было и безъ провожатыхъ. Такими компаниями дѣвушки однолѣтки ходятъ обыкновенно на саилы, на представленія акробатовъ и пляску батчѣй во время праздниковъ и проч.

Главнейшии забавами и развлечепіями этого возраста слѣдуетъ назвать: куклы, съ которыми очень часто не разстаются и въ первое время замужества (14—15 лѣтъ), и сборища. Сборища эти можно подраздѣлить такъ, какъ и женскія, на два разряда: праздничныи и рабочія. Ко вторымъ относятся сборища дѣвушекъ (и женщинъ) у знакомыхъ на посидѣлки, иногда со своей работой, и помочь, на которую приглашаютъ знакомыхъ для очистки хлопка, или перебиванія ваты, шитья одѣяль, или сбора коробочекъ хлопчатника. Большинство этихъ сборищъ сопровождается пляской, битьемъ въ бубенъ и пѣснями. Пляшутъ почти такъ-же, какъ и батчѣй. Поютъ въ большинствѣ случаевъ плохо, не смотря на то, что есть напѣвы очень музыкальные. Пѣть стираются возможно громче и возможно высокими нотами; въ

результатѣ получается визгъ или выкрикиваніе, при чёмъ вдобавокъ многія (также какъ и мужчины) поютъ иѣсколько вѣнось, полагая въ этомъ особенную чувствительность.

Одновременно съ тѣмъ, какъ 12—13-лѣтняя дѣвочка надѣваетъ паранджѣй и чимбѣтъ, отпоеянія къ ней взрослыхъ быстро мѣняются. Женщины начинаютъ говорить съ ней почти какъ съ равной, часто упоминая при ней о возможності скораго замужства. Если она и играетъ въ куклы, то только съ тѣми подругами, которыхъ моложе ея годами. Съ подругами однолѣтками она забавляется уже не куклами, а пѣснями, пляской и разговорами. Очень нерѣдко темою послѣднихъ являются сны, иногда быть можетъ даже и вымыселные, но всегда почти касающіеся такъ или иначе того, что ожидаетъ ея впереди, въ замужствѣ. Далеко не рѣдки случаи, когда въ этомъ же возрастѣ, въ 12—13 лѣтъ, дѣвочкой овладѣваетъ столь пламенное желаніе сочетаться бракомъ, что всѣ ся помышленія останавливаются исключительно почти на этомъ вопросѣ. Одна изъ нашихъ пріятельницъ сартиюкъ чистосердечно признавалась намъ въ томъ, что когда ей выдавали замужъ (на 12—13 году), она была столь рада этому обстоятельству, что въ день свадѣбы скакала, прыгала, носилась по дому какъ угорѣлая и притихла лишь постѣ трёпки, полученной ею за то, что она на радостяхъ совсѣмъ забыла объ обычномъ у сартовъ вытьѣ невѣсты.

Въ дѣствѣ дѣвочка сдружается съ подругами и сверстницами путемъ игръ. Дѣвушки сближаются главнымъ образомъ при посредствѣ обмѣна ихъ мыслей; также какъ и женщины сходятся овѣчrezвычайно быстро, но тѣмъ не менѣе никогда не приходилось наблюдать особенно долгой и тѣсной дружбы. На сколько быстро эта дружба возникаетъ, на столько же, если еще не быстрѣй, она и разрушается иногда по самымъ ничтожнымъ, мелочнымъ поводамъ.

Къ 13—14 годамъ характеръ дѣвушки въ большинствѣ случаевъ вполнѣ слагается; главнейшии черты его совершиенно идентичны съ чертами характера молодой женщины. Только въ рѣдкихъ сравнительно случаевъ характеръ этотъ иѣсколько измѣняется подъ влїапіемъ впечатлѣнія первого периода брачной жизни. На большинство же, прекрасно знакомое съ тѣмъ, что ждетъ ихъ за этихъ рубежомъ,

бракъ самъ по себѣ совсѣмъ почти не вліяетъ въ отношеніи измѣненій характера. Гораздо болѣе важнымъ моментомъ впослѣдствіи является рожденіе первого ребенка. Не разъ приходилось видѣть примѣры того, какъ до 19—20 лѣтъ молодая женщина-сартина и по привычкамъ и по характеру оставалась совершенно такой же, какой она была въ то время когда выходила замужъ на 13—14 году. Непосѣдливая, вѣчно праздная, вспыльчивая, а иногда просто таки злая, родивъ первого ребенка, она дѣлалась совершенно неузпаваемой; она становилась въ высшей степени спокойной и ровной, начинала мало по малу приниматься за работу и отнюдь не проявляла болѣе той злобной вспыльчивости, которая еще такъ недавно была одной изъ основныхъ чертъ ея характера. Замѣтимъ однакоже, что этотъ послѣдній ходъ развитія нравственного міра туземной женщины, конечно не можетъ считаться общимъ. Скорѣе его слѣдуетъ назвать одною изъ наиболѣе удачныхъ случайностей, такъ какъ основные черты характера, замѣчаемыя нами у дѣвушки, по большей части остаются ея достояніемъ до могилы.

Одновременно съ тѣмъ, какъ складывается характеръ дѣвушки, замѣчаются и иѣкоторыя измѣненія въ ея паружности. Къ 14—15 годамъ, а иногда и раньше, лицо сильно грубѣетъ. Всего вѣроятнѣе, что для большинства явленіе это бываетъ совокупнымъ результатомъ какъ вліяній климата и дѣйствій солнечныхъ лучей, такъ равно и крайней псевдолетворительности питания и той степени чистоты, въ условіяхъ которой выростаетъ и живетъ большинство туземцевъ. Очень перѣдки случаи, когда, чрезвычайно хорошеѣкая и изящная въ дѣтствѣ, дѣвушка-сартина успѣваетъ огрубѣть и сильно подурѣть еще до замужства.

Начало менструацій въ среднемъ относится къ 15-му году. Въ частностяхъ, по замѣчанію сартовскихъ женщинъ, возрастъ этотъ различенъ въ зависимости отъ материальнаго благосостоянія той семьи, въ которой дѣвушка выростаетъ. Такъ напр., по увѣренію сартиночекъ, у дочерей мясниковъ менструаціи наступаютъ около 12 лѣтъ (¹), а у дочерей араб-

(¹) Объ этомъ же упоминается, между прочимъ, и въ тѣхъ книгахъ *шаріат*, которыхъ написаны въ серединѣ Азіи, какъ напр. *Хадж-и-Шеріфъ*.

кѣшій, постоянно занимающихся извозомъ въ отдаленія мѣстности, лѣтъ около 18 или 19-ти. Такое запаздываніе менструації у послѣднихъ объясняется тѣмъ, что отецъ, находящійся въ частыхъ и продолжительныхъ отлучкахъ, не рѣдко оставляетъ семью безъ всякихъ средствъ; при такихъ условіяхъ семьи этой приходится зачастую, и иногда по долгому, довольствоваться самымъ скучнымъ питаніемъ. (Средній возрастъ первыхъ родовъ находится между 16 и 20 годомъ, а начало фактическаго сожитія съ мужемъ наступаетъ обыкновенно вслѣдъ за заключеніемъ брака, т. е. въ среднемъ между 13 и 15 годомъ, при чемъ у большинства менструаціи начинаются уже по выходѣ въ замужество).

Случаи старыхъ дѣвъ сравнительно очень рѣдки и встречаются по преимуществу между дочерями *ходжѣй*, которые (какъ уже замѣчено выше), живясь сами безразлично на дѣвушкахъ и женщинахъ *карачи*, дочерей своихъ отдаютъ только за *ходжѣй* же.

Такое отсутствіе здѣсь старыхъ дѣвъ обусловливается многими причинами. Во первыхъ, въ отношеніи условныхъ попыткѣ о красотѣ сарти краине мало требовательны и разборчивы; во вторыхъ, при условіи незначительныхъ размѣровъ *калина*, сартъ всегда считаетъ женитьбу выгодною для себя, такъ какъ въ лицѣ жены онъ приобрѣтаетъ по меньшей мѣрѣ сотрудницу; въ третьихъ, благодаря сравнительной свободѣ разводовъ, брачующіяся стороны очень мало чѣмъ рискуютъ; въ четвертыхъ, религія смотрѣтъ па бракъ, какъ явленіе желательное для каждого человѣка, при чемъ особенно полезнымъ признаетъ его для женщины, которая приобрѣтаетъ въ мужѣ покровителя и защитника ея правъ; въ пятыхъ, завѣтною мечтой, завѣтнымъ жизненнымъ идеаломъ каждого солидного и истаго сарта является оставленіе послѣ себя потомства и возможность видѣть подъ старость дальнѣйшіе его отпрыски, отчего каждый туземецъ старается жениться въ молодыхъ годахъ. Такимъ образомъ для каждой дѣвушки, не представляющей собою совершенного урода, выходъ замужъ можетъ считаться и считается вполнѣ почти гарантированнымъ тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ она не принимаетъ никакого участія въ выборѣ женщина, ибо согласіе па едѣланное черезъ свахъ или сватовъ предложеніе дается родителями пейсты, а не самой послѣдней.

Случается, впрочемъ, что дѣвушка засиживается иногда до 20—23 лѣтъ. Причинами этого являются обыкновенно слѣдующія, болѣе или менѣе исключительныя обстоятельства: или проданную дѣвушку ходятъ упорные слухи о томъ, что она особенно плохая работница; или женихъ по несостоитѣности растягиваетъ уплату *калина* на сколько лѣтъ, а потому на такой же срокъ откладывается и сама свадьба; или, паконецъ, богатые и честные родители долго отказываютъ женихамъ, надѣясь, что для ихъ дочери виослѣдствіи выищется болѣе подходящій. (Года три тому назадъ, въ Намангаѣ, въ одной богатой сартовской семье родители, дожидаясь такого подходящаго жениха, довели дѣло до того, что ихъ 23 лѣтняя дочь сбѣжалась съ татариномъ).

Въ среднемъ туземная дѣвушки, какъ уже было сказано выше, выходятъ замужъ въ возрастѣ между 13 и 15 годомъ. Бывають однакоже примѣры выхода и въ значительно болѣе раннемъ возрастѣ, лѣтъ 10—11; обыкновенно такая несовершеннолѣтняя жена хотя и живетъ у мужа, но не вступаетъ съ нимъ въ фактическое сожитіе; въ тѣхъ случаяхъ, когда сожитіе начинается съ такими несовершеннолѣтніцъ женами вслѣдъ за бракосочетаніемъ, это очень часто влечетъ за собою довольно серьезныя патологическія послѣдствія и сопровождается предварительнымъ искусственнымъ опьяненіемъ дѣвочки при посредствѣ вина или опіума.

У туземцевъ, также какъ и у большинства другихъ народовъ, невѣстѣ дѣвушки, дѣвственницѣ, отдастся полное предпочтеніе передъ *джсуанъ*, женщиной, недѣвственницей, будь то вдова или разведенная. Помимо мотивовъ общечеловѣческихъ причинами сказанного здѣсь являются еще: во первыхъ, религиозное новѣрье, гласящее, что на томъ свѣтѣ женщина будетъ женою первого своего законнаго мужа, т. е. того, съ которымъ она сочеталась, будучи дѣвушкой, а во вторыхъ, отношенія къ этому вопросу, и самой религіи, наиболѣе одобряющей бракъ съ дѣвушками же (см. Коранъ. Глава 5 ст. 7; Глава 4 ст. 29 и Глава 2 ст. 235). Но разъ сартъ решаетъ по тѣмъ или другимъ причинамъ жениться не на дѣвушкѣ, а на *джсуанъ*, то тогда онъ не дѣлаетъ уже никакого различія между вдовой и разведенной, лишь бы остальная условія этого брака въ видѣ возраста невѣсты, размѣра расходовъ по свадьбѣ и пр. были подходящими. Большинствомъ не придается также никакого значенія

и тому, за сколькими мужьями уѣзжала побывать разведенная женщина-невѣста и каково было ея прежнее поведеніе.

Въ житейской практикѣ, особенно среди бѣдныхъ классовъ, мы на каждомъ шагу встречаемся съ примѣрами того, какъ женщины, зарѣдомъ занимавшіяся не только тайной, но даже и открытой проституціей и дающія обѣщаніе прекратить этотъ образъ жизни, безъ большаго труда находятъ себѣ мужей, совершенно игнорирующихъ прошлое, такъ какъ заключеніе брака уже само по себѣ считается вполнѣ достаточнымъ искупленіемъ этого прошлаго.

Есть, впрочемъ и другія причины, по которымъ при плохихъ обстоятельствахъ мужчина отдаетъ предпочтеніе браку съ женщиной передъ бракомъ съ дѣвушкой. Дѣло въ томъ, что *калинъ* платится обыкновенно только за дѣвушку. Женясь на вдовѣ или разведенной, сартъ беретъ на себя лишь расходы по свадьбѣ (угощеніе), которые въ бѣдныхъ и среднихъ классахъ никогда не превышаютъ 30 много 40 руб., а иногда писходятъ даже до 4 р. сер.

За невѣсту—*джсуанъ*, не дѣвственницу, *калинъ* платится въ тѣхъ только случаяхъ, если:

1) она не разведена еще съ мужемъ, при чемъ желаемый разводъ вызываетъ необходимость установленной закономъ (для некоторыхъ случаевъ) уплаты первому (ея) мужу того *калина*, который былъ данъ имъ при заключеніи брака;

2) если разведенная уже женщина состоять въ долгу у родственниковъ, возвратившихъ за неѣ первому ея мужу *калинъ* во время совершенія развода.

При подобныхъ условіяхъ развода и слѣдующаго занимъ нового брака должна сумма денегъ уплачиваться женщомъ или первому мужу невѣсты, или ея родственникамъ. Однако же, какъ мы увидимъ это ниже, подобнаго рода обязательства далеко не всегда ложатся на женщину, разводящуюся съ мужемъ, а потому, во первыхъ, разведенная и вдовы дѣлаются вполнѣ свободными, такъ какъ послѣ заключенія первого брака родительская власть падъ яими рушится и они сами уже располагаютъ дальнѣйшою своею судьбой, а во вторыхъ, для мужчинъ вступленіе въ бракъ съ большинствомъ изъ нихъ значительно облегчается, ибо съ устраниемъ необходимости уплаты *калина* значительно же уменьшаются и размѣры расходовъ по свадьбѣ.

Выдавая замуж дочь (или женя сына), родители всегда отдают предпочтение бракамъ близкии какъ по разстоянію, такъ и по родству, передъ браками отдаленными; при этомъ, вступая въ бракъ съ родственниками, наблюдаютъ за тѣмъ лишь, чтобы не перейти въ этомъ отношеніи границъ, указанныхъ и установленныхъ религіею. (Коранъ. Глава 4).

Браки близкіе по разстоянію предполагаются невѣстой и ея родителями потому, что иначе, уйдя далеко отъ нихъ и др. родственниковъ, молодая женщина очутится на чужбинѣ, первое время замужества будетъ долго скучать, а вслѣдствіи, если бы это понадобилось, не будетъ имѣть при себѣ надежныхъ защитниковъ ся личныхъ интересовъ и правъ. Браки близкіе по родству предполагаются и родителями жениха, ибо въ этомъ случаѣ обыкновенно расчитывается и возлагается много надеждъ на возможность устроить дѣло по родственному, съ уплатой возможно меньшаго каїма.

Въ городахъ очень рѣдки случаи, когда женихъ совсѣмъ не знаетъ и никогда не видѣлъ своей невѣсты; онъ видитъ её въ первый разъ послѣ свадьбы, когда молодую привезутъ въ его домъ. Такой порядокъ сватовства и женитьбы считается нормальнымъ, должнымъ, а потому сартъ далеко не всегда признается въ томъ, что ему удалось видѣть свою невѣсту до брака или до сватовства. Приличie требуетъ скрывать отъ постороннихъ то, что невѣста была высмотрѣна, а иногда даже и болѣе чѣмъ высмотрѣна, еще за долго до свадьбы. Въ большинствѣ же тѣхъ случаевъ, когда сартъ женится на дѣвушкѣ одного съ племъ кишлака или одного городского квартала, онъ обыкновенно очень хорошо знаетъ на комъ женится, и какова его будущая жена. Во-первыхъ, онъ пѣсколько разъ видѣлъ свою невѣсту дѣвочкой, когда она бѣгала по улицамъ съ открытымъ еще лицомъ; во вторыхъ, если бы даже этого и не было, то родственницы всегда устроятъ дѣло такъ, чтобы онъ могъ виолицъ разглядѣть дѣвушку до сватовства или до свадьбы, хотя бы на томъ же сумалакѣ, обычай котораго описанъ выше; въ третьихъ, наконецъ, если сватовство происходитъ въ кишлакѣ, женихъ можетъ разсмотреть невѣсту во время уборки хлопчатника и пр. Что же касается до дѣвушки, то ей разсмотреть своего жениха еще легче, такъ какъ мужчины не прячутся и лицъ не закрываютъ.

Такимъ образомъ большинство брачующихъ, живущихъ въ одномъ и томъ же селеніи или кварталѣ города, всегда имѣютъ возможность разсмотреть другъ друга. (Мы не говоримъ, конечно, о близкихъ соседяхъ, для которыхъ все сказанное облегчается еще болѣе). Тѣмъ не менѣе браки по любви или, по крайней мѣрѣ, такіе браки, которые заключались бы вслѣдствіе хотя бы изъкотораго взаимнаго влеченія, далеко не часты. Обусловливается это, конечно, прежде всего тѣмъ, что согласие на бракъ дается у большинства не дѣвушкой, и ея родителями, при чемъ въ виду имѣются главнымъ образомъ вопросы чисто материальнаго характера, а во вторыхъ, слишкомъ мало такихъ условій при которыхъ возможно было бы виолицъ свободное нравственное сближеніе между мужчиной и дѣвушкой. Оттого такіе браки по любви встречаются по преимуществу не для дѣвушекъ, а для молодыхъ вдовъ и разведенныхъ, которые, по своему общественному положенію болѣе или менѣе самостоятельныхъ женщинъ, имѣютъ въ сравненіи съ дѣвушками гораздо больше возможности столкновеній съ мужчинами при самыхъ разнородныхъ обстоятельствахъ. Такъ напр. мы знали одного молодаго, холостаго еще арбакѣша, которому пришлось однажды везти изъ одного города въ другой, въ тотъ, въ которомъ онъ самъ жилъ, незнакомую ему женщину. Въ дорогѣ они пробыли около трехъ дней. Разговорились. Оказалось, что пассажирка была молодая вдова, ничего не имѣющая противъ вторичнаго замужества. Дорогою, въ безлюдныхъ мѣстахъ, она по обыкновенію поднимала чимбетъ и открывала такимъ образомъ свое лицо. Арбакѣшъ разсмотрѣлъ её и рѣшилъ на ней жениться. Послѣ изъкоторыхъ препирательствъ отецъ молодого человѣка согласился на бракъ сына со вдовой и бракъ этотъ состоялся.

Какъ ни рѣдки сравнительно браки по любви для дѣвушекъ, однако же случаются и они. Мы знали одну богатую купеческую семью, въ которой дочь, лѣтъ 14—15 сошлась съ молодымъ сосѣдомъ. Однажды ихъ накрыли; дѣло не обошлось, конечно, безъ трёпки и изъкотораго скандаличика. Тѣмъ не менѣе мѣсяца черезъ два послѣ этого происшествія оказалось песомнѣніемъ, что дщерь находится уже во второй половинѣ беременности, и родителямъ волей не волей пришлось поскорѣе выдать беременнуу дѣвицу за ея любовника. Старшая сестра сбѣжала съ татариномъ, а

мѣстный поэтъ не упустилъ случая написать по этому по-
воду длинный и достаточно юдкій хайджон (сатира).

Въ старину часто практиковался выходящій изъ употребленія обычай сватовства съ колыбели (*бишкік кертагі*). Поводомъ къ такому роду сватовства служатъ обыкновенно: во первыхъ, дружескія отношенія родителей мальчика и девочки, а во вторыхъ, соображеніе о томъ, что при такомъ порядкѣ сватовства значительпо увеличивается промежутокъ времени между словоромъ и свадьбой, а потому и уплата *калина* значительно облегчается. Теперь обычай этотъ практикуется по преимуществу среди кочеваго населения, гдѣ обычные размѣры *калина* гораздо болѣе, чѣмъ у сартовъ.

Точно также мало по мало выходитъ изъ житейской практики и обычай сочетанія бракомъ дѣтей въ возрастѣ отъ 9 до 12 лѣтъ. Въ послѣднее время обычай этотъ практиковался изрѣдка лишь въ наиболѣе богатыхъ семьяхъ, отцы которыхъ принадлежали или къ крупному купечеству, или къ высшему классу ханскихъ служилыхъ людей.

Мы сказали уже, что въ среднемъ туземная девушка выходитъ замужъ въ возрастѣ между 13 и 15 годомъ. Молодые люди, если только родители ихъ или они сами имѣютъ возможность немедленной же уплаты *калина*, женятся, начиная съ 16—18 лѣтнаго возраста. Родители рѣшаются, что пора жenить сына или, по крайней мѣрѣ, сосватать ему невѣсту. По яѣкоторомъ совѣщаніи останавливаются на той или другой девушки. Посылаются свахи, родственницы или блizkія знакомыя. Если девушки сватаются къ незнакомому дому, сваха, кроме тщательного осмотра самой невѣсты, особенное вниманіе обращаетъ па чистоту и порядокъ въ домѣ, такъ какъ предполагается, что мать невѣсты передастъ послѣдней наслѣдственно всѣ свои какъ хорошия, такъ и дурные качества.

Если предложеніе принято, мать невѣсты дарить свахѣ платокъ, полотенце или что нибудь въ этомъ родѣ.

(Иногда просятъ подождать отвѣта иѣсколько дней; родственницы невѣсты идутъ въ домъ жениха и въ свою очередь тоже производятъ тамъ осмотръ, послѣ чего жениховы свахи черезъ иѣсколько дней вторично идутъ за отвѣтомъ).

На другой день послѣ того, какъ свахи принесутъ вѣсть о согласіи, въ домъ невѣсты отправляются мужчины и устав-

ливаются тамъ о размѣрахъ *калина* и мѣхра и др. подробностяхъ (¹).

Въ случаѣ обоюднаго соглашенія родственники или родственницы жениха идутъ въ третій разъ въ домъ невѣсты, неся туда палашу, лепешки и разные подарки (смотря по состоянию) вродѣ калошъ, зеркальца, ситца или шелковыхъ матерій и пр. Въ богатыхъ домахъ размѣры этого первого подарка (*саръ-силля*) иногда бываютъ очень велики, а самый подарокъ отдаивается. На тѣ же подносы, на которыхъ принесли подарки невѣстѣ, кладутся вещи равнѣ приблизительно стоимости съ тѣми, которые принесены отъ жениха, и относятся въ домъ послѣдняго. Такой возвратный подарокъ называется *иджъ-кайтаръ* (возвращеніе посуды).

Лица, припесшія подарки отъ жениха, получаютъ въ домѣ невѣсты угощеніе, послѣ которого одинъ изъ присутствующихъ провозглашается: „*плакъ акбаръ*“ (Богъ великий) чѣмъ и завершается заочное обрученіе.

Въ бѣдныхъ семьяхъ первый подарокъ невѣстѣ обыкновенно очень невеликъ, при чемъ въ городахъ принято одновременно съ нимъ доставлять въ домъ невѣсты арбу тошлива и припасы для угощенія, взамѣнъ чего женихъ получаетъ платокъ, кунакъ, халатъ или что нибудь въ этомъ родѣ.

Калинъ уплачивается обыкновенно родителями жениха; послѣдний платить его лично въ томъ только случаѣ, если раздѣлившись съ отцомъ или старшими братьями, имѣеть свое собственное имущество. Размѣры *калина* очень различны. Мы знали напр. браки, гдѣ овъ не превосходилъ 12—15 руб., а девушки, выданыя при подобныхъ условіяхъ, были по большей части или круглые сироты, или дочери особеніо бѣдныхъ родителей. Въ тоже самое время

(¹) Мусульманское законодательство, собственно говоря, устанавливаетъ правила, касающіяся одного лишь мѣхра, т. е. брачного дара, который по древне-арабскому обычаю дѣлается женихомъ своей будущей женѣ, и можетъ состоять изъ разнаго рода предметовъ равной же цѣнности. Но у сартовъ наряду съ этимъ имѣется и свой древне-узбекскій обычай *калина*, уплачиваемаго женихомъ не невѣстѣ, а ея родителямъ въ видѣ возвращенія пять тѣхъ затратъ, которыхъ дѣлались въ свое время при воспитаніи пяти ихъ дочерей.

въ богатыхъ купеческихъ семьяхъ размѣры *кальна*, платимаго женихомъ или его родителями, возрастаютъ до несолькихъ сотъ рублей, при чмъ родители невѣсты прибавляютъ отъ себя къ полученной сть жениха суммѣ приблизительно столько же; па эти совокупныя средства дѣлается приданое и справляется свадьба. Девыгами *кальнъ* уплачиваются обыкновенно только въ городахъ. Въ кишлакахъ большая часть его вносится скотомъ и хлѣбомъ.

Смотря по возрасту невѣсты и жениха, а также и по состоятельности послѣдняго, *кальнъ* или вносится немедленно же, или уплата его растягивается па болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени и производится частями. Въ послѣднемъ случаѣ приято эти части *кальна* уплачивать ежегодно наканунѣ праздника Рамазана, при чмъ кромѣ очередной части *кальна* невѣстѣ приносятся еще и другіе подарки, вродѣ обуви, одежды или матерій. Родители жениха стараются поддержать до свадьбы возможно лучшія отношенія со своими *худа* (или *кудѣ*); однакоже поддержать эти отношенія удается далеко не всегда; зачастую родители невѣсты, получая часть причитающейся имъ *кальна* начинаютъ кочевряться и гопять въ три шен сватывшуюся съ тощей коровенкой или кобылой и надѣявшуюся отѣлаться на этотъ разъ безъ особыхъ затѣй, по родственному.

У средняго по достатку какъ городскаго, такъ и кишлачнаго населенія размѣры *кальна* за дѣвушку (выѣсть съ тѣмъ, что, кромѣ *кальна*, дается женихомъ на устройство свадебнаго угощенія) рѣдко превышаютъ по стоимости 70—80 р. сер. Одною изъ первейшихъ принадлежностей *кальна* въ большинствѣ мѣстностей являются 5—15 пудовъ неочищенныхъ коробочекъ хлопчатника. Въ семье невѣсты хлопокъ этотъ очищается и переработывается частью въ пряжу, частью же въ вату только па приготовленіе одѣяль, подушекъ и пр. Получивъ *кальнъ*, родители невѣсты обязуются соразмѣрно количеству послѣдняго сплѣдить дочь при отправкѣ ея къ мужу одѣялами и подушками, сдѣлать для обонихъ молодыхъ обмундировку и кромѣ того устроить свадебное угощеніе.

Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ мѣстной практики данного обычая, на *кальнъ* приходится смотрѣть лишь какъ на уплату женихомъ всѣхъ вообще расходовъ,

связанныхъ съ совершениемъ брачнаго союза; здѣсь онъ отнюдь не имѣеть характера покупки невѣсты, такъ какъ родители послѣдней получивъ отъ жениха *кальнъ*, обязуются произвести изъ него всѣ необходимые по обычаяу расходы.¹⁾

Даже и въ томъ случаѣ, когда размѣры *кальна* превышаютъ собою размѣры предстоящихъ по свадьбѣ расходовъ, большинство туземцевъ смотритъ па этотъ излишецъ, поступающій въ пользу родителей дѣвушки, не какъ на плату за послѣднюю, а какъ на вознагражденіе ея родителей за тѣ расходы и заботы, которые были понесены ими при воспитаніи дочери. Значеніе и роль *кальна* измѣняются лишь впослѣдствіи, въ случаѣ возбужденія вопроса о разводѣ по инициативѣ самой жены, не имѣющей па то никакихъ законныхъ причинъ. Тогда мужъ имѣеть право требовать возврата ему всѣхъ расходовъ, которые онъ понесъ при заключеніи брака. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ уплата *кальна* является какъ бы гарантіей мужа отъ виолѣтъ произвольного и безпричиннаго оставленія его женой. Этого же рода гарантіей, хотя и въ значительно меньшей степени, въ отношеніи женщины является *мѣхръ*, который въ силу обычая установившагося путемъ мѣстной практики, является настолько же свадебнымъ даромъ жениха своей будущей женѣ, насколько и обеспеченіемъ послѣдней на случай развода ея съ мужемъ⁽¹⁾.

Выше мы упомянули уже о томъ, что *шаріатъ*, мусульманское право, признаетъ одинъ лишь *мѣхръ* и что *кальнъ* есть одинъ изъ древне-узбекскихъ, не ягуульканскихъ обычаевъ, не отвергаемый мѣстными духовенствомъ въ силу того обстоятельства, что по сущности своей онъ можетъ считаться не противорѣчащимъ главнейшимъ основамъ ислама. Здѣсь мы позволяемъ себѣ привести некоторые изъ шаріатныхъ постановлений о *мѣхрѣ*, заимствуя ихъ изъ книгъ: *Джайл-ур-риаджъ*, *Хидая и-шерифъ* и *Раддудъ-уль-мухтэръ*.

1. *Мѣхръ* по способу его уплаты раздѣляется на *мѣхръ-и-муаджѣль* (مَهْرٌ مُعَادِلٌ), платимый наличностью при заключеніи брака и *мѣхръ-и-муаджѣль* (مَهْرٌ مُعَادِلٌ)، остающійся въ долгу за мужемъ.

2. Количество того и другаго *мѣхра* зависитъ отъ взаимнаго соглашенія.

3. Если количество того и другаго *мѣхра* при заключеніи брака не было обусловлено, то въ случаѣ нужды (напр. при раз-

Мәхръ получается женщиною двоякими образомъ: или при выходѣ замужъ или же послѣ, какъ во время замужства, такъ ровно и при разводѣ.

Первый случай практикуется между туземцами гораздо рѣже втораго, обыкновенно лишь или между состоятельными и богатыми людьми, или же при условіи существованія сомнѣній со стороны родителей невѣсты въ томъ, выполнить ли внослѣдствіи будущей мужъ ихъ дочери данное имъ обязательство вполнѣ добросовѣстно.

Условіе о размѣрахъ мѣхра всегда включается въ число другихъ общихъ условій брака.

Выдача мѣхра при свадьбѣ выражается обыкновенно въ переводе на имя жены дома, небольшого сада, участка земли и т. п. Имущество это переходитъ въ потомственное волѣ) количество это устанавливается *коzїm* по земельнымъ обычаямъ.

4. До получения жену мѣхръ-и-маджаль (*لَهْرَجُ مَاجِلَة*) она имѣть право отказать мужу въ фактическомъ съ нимъ сожитіи, а равно можетъ отказаться отъ сопутствія ему въ путешествіи.

5. Если при заключеніи брака размѣръ мѣхра не былъ определенъ, жена имѣть право требовать отъ своего мужа мѣхръ-и-мисль (*مَهْرٌ مَسْلِي*) разъ только начиная съ фактическое супружеское сожитіе.

6. Подъ именемъ мѣхръ-и-мисль разумѣется мѣхръ равный по своему размѣрамъ тому мѣхру, который получено женщиною равными данной женщинѣ.

7. Равными въ отношеніи данной женщины считаются ея родственницы по мужской линіи, равныя ей по красотѣ, возрасту, богатству, умственнымъ способностямъ, принадлежности къ городскому или сельскому сословію, лѣтственности (или не лѣтственности) и современности. (Данную женщину нельзя сравнивать съ тѣми, которые жили раньше ея, а съѣдовательно при иныхъ жизненныхъ условіяхъ).

8. Въ случаѣ не законного брака (какъ напр. на пятой женѣ; на родственницѣ въ запретной степени и пр.) уплата мѣхра не обязательна, если только сонтія не было.

9. Если при заключеніи брака размѣръ мѣхра былъ условленъ и брачующаяся выдавалась за лѣтственницу, а потомъ оказалась не лѣтственницей, она все-таки имѣть право на получение всего того мѣхра, который былъ условленъ при заключеніи этого брака.

10. Если послѣ заключенія брака сонтія не было, жена можетъ (при разводѣ напр.) требовать лишь половину того мѣхра, который былъ обусловленъ въ брачномъ договорѣ.

владѣніе женою и, какъ мы сказали уже выше, на практикѣ служить обезпечепіемъ ея на случай развода.

Если мѣхръ даруется мужемъ въ видѣ недвижимой собственности, то въ большинствѣ случаевъ доходами съ нея распоряжается самъ мужъ, а у женоы хранится лишь документъ на это обезпечепіе, которое она всегда вправѣ отчудить отъ другой какъ женщиною, такъ и семейной собственности въ свое исключительное пользованіе и владѣніе.

Размѣры такого мѣхра въ среднихъ классахъ по стоимости рѣдко превышаютъ 100—150 р. Гораздо чаще при заключеніи брака мѣхръ не требуется съ мужа немедленно же, а лишь обусловливаются заранѣе его размѣры.

Въ большинствѣ случаевъ размѣры мѣхра одинаковы съ размѣрами *калина*, а въ случаѣ женитьбы па вдовѣ или разведенной оны (мѣхръ) значительно меньше мѣхра, даваемаго лѣвушкѣ, и исходить иногда до 2 р. сер.

Промежутокъ времени между словоромъ и свадьбой, какъ мы уже сказали, бываетъ различенъ, колеблісь отъ несколькихъ дней до несколькихъ лѣтъ. Въ богатыхъ семьяхъ на продолжительность его вліяютъ главнымъ образомъ соображенія о возрастѣ жениха и невѣсты, такъ какъ бываютъ случаи обрученія не только несовершеннолѣтнихъ, но и малолѣтнихъ, при чёмъ очень многіе родители не допускаютъ слишкомъ раннихъ браковъ ни для сыновей, ни для дочерей. (1)

Въ бѣдныхъ семьяхъ на продолжительность срока между словоромъ и свадьбой главенствующее вліяніе имѣетъ уплата *калина*. Очень не рѣдки случаи, когда, вслѣдствіи малосостоятельности жениха и его родителей, уплата *калина* растягивается на два—три года, не смотря на то, что невѣста давно уже перешла за рубежъ совершеннолѣтія.

При подобныхъ условіяхъ, въ особенности если семья невѣсты такая же бѣдная, какъ и семья жениха, дѣло очень

(1) Признаками совершеннолѣтія считаются: 1) истеченіе мужскаго сѣѧнія или случаѣ оплодотворенія женщины; 2) появленіе регуляръ. Но мнѣніе большинства мусульманскихъ законодателей призываютъ эти признаки около 15 лѣтнаго возраста.

По некоторымъ, совереннолѣтіе опредѣляется появленіемъ усовъ у мужчинъ и нагрудныхъ развитіемъ грудей у лѣвушекъ, при чёмъ минимальнѣсть предположъ совереннолѣтія принимается: для мужчинъ 12, а для лѣвушекъ 9 лѣтній возрастъ.

рѣдко обходится безъ дрягъ и ссоръ, а по результатамъ своимъ всегда почти очень тѣжело отражается на благосостояніи обѣихъ сторонъ.

Происходитъ все это приблизительно такимъ образомъ. Если, напр., сватовство ведется между семьями близкими по родству или знакомству, то очень часто случается, что при сговорѣ вполнѣ точно не обусловливаются ни размѣры *кальна*, ни размѣры тѣхъ расходовъ по свадьбѣ, которые женихъ и его родители должны по обычаю взять на себя. Не заключается же вполнѣ точныхъ условій потому, что обѣ стороны разсчитываютъ впослѣдствіи подпадутъ одна другую. Родители невѣсты пытаются надежду, благодаря отсутствію точныхъ условій, взять по больше, а родители жениха утѣшаются мыслью о возможности дать поменьше. Такимъ образомъ, когда дѣло доходитъ до окончательной уплаты, нерѣдко поднимается такой содомъ, что унять его съ трудомъ удается лишь всѣмъ собравшимся старикамъ данного селенія.

Но этимъ дѣло не ограничивается. Мы сказали уже, что въ недостаточныхъ семьяхъ уплата *кальна* растягивается иногда на яѣсколько лѣтъ.

Ежегодно уплачивается лишь пѣкоторая часть его. Родители невѣсты торопятъ уплатою. Женихова сторона дѣлаетъ иногда непосильныя для нея траты, дабы удовлетворить предъявляемыя ей требования, разстраиваетъ хозяйство и въ концѣ концовъ всетаки не можетъ развязаться съ уплатой *кальна* за одинъ разъ.

Въ тоже самое время родители невѣсты, получая *кальн* частями, расходуютъ его на свои домашнія потребности и стараются не думать о томъ, что впереди предстоитъ свадьба, а следовательно и расходы какъ по обмундированию молодыхъ, такъ и по угощению.

Свадьба наступаетъ. Большая часть *кальна* давно уже израсходована. Тогда не рѣдко и дословно почти сбываются сартовская поговорка, гласящая о томъ, что, послѣ выдачи дочери замужъ, къ дому си родителей не остается даже и вѣника.

Нужно ли говорить о томъ что при подобныхъ условіяхъ родители спаиваютъ свою дочь вмѣсто одѣять, подушекъ и платья никуда не годной дрянью, а пріядя въ домъ мужа, молодая очень часто встрѣчаетъ инцѣту, явившуюся

результатомъ тѣхъ усилий, которыхъ приходилось дѣлать при уплатѣ *кальна* ея же родителямъ.

Не смотря на всю очевидность неудобствъ, а нерѣдко даже и просто таки губительныхъ послѣдствій, исполненія такого обычая, какъ *кальн* и получка его съ обязательствомъ доставленія приданаго, обычай этотъ настолько вѣлся въ практику мѣстной народной жизни, что неисполнение его считается своего рода неприличіемъ, а размѣры *кальна* очень часто являются предметомъ хвастовства той женщины, за которую онъ былъ заплаченъ.

Однакоже за послѣднее время замѣчается между прочимъ, что среди бѣдного населенія, особенно городовъ и большихъ селеній, обычай этотъ начинаетъ понемногу видоизменяться.

Начинаютъ уже по временамъ встрѣчаться примѣры того, какъ уплата *кальна* замѣняется одними лишь расходами по свадьбѣ, при чёмъ женихъ самъ, сообразуясь со своими средствами, дѣлаетъ приданое невѣстѣ. Это имѣетъ за собой два чрезвычайно важныхъ послѣдствія: во первыхъ, для обѣихъ сторонъ устраивается крайне невыгодный въ материальномъ отношеніи переходъ *кальна* изъ однихъ рукъ въ другія; во вторыхъ, упраздненіе *кальна* само по себѣ уже освобождаетъ женщину отъ части тѣхъ обязательствъ, отъ того гнета и тѣхъ неудобствъ, которыя кладетъ на нее въ бракоразводномъ дѣлѣ получка *кальна* ея родителями, ибо въ томъ случаѣ, если женихъ *кальна* не платилъ, а взялъ па себя одни лишь расходы по свадьбѣ, цифра, которую при разводѣ (по инициативѣ женщины) онъ можетъ требовать обратно, значительно уменьшается и всегда почти можетъ быть покрыта мѣхромъ.

Положеніе невѣсты, также какъ и вездѣ, по всей вѣроятности, одно изъ наиболѣе завидныхъ. Всѣ, не исключая и самихъ ея родителей, стараются ей угодить. Если женихъ мало мальски состоятеленъ, то она чаѣто получаетъ отъ него подарки, а потому въ это время лакомится и франтитъ такъ, какъ никогда ни раньше, ни послѣ этого времени.

Вмѣстѣ съ тѣмъ по установившемуся обычаю невѣста послѣ сговора тщательно прячется отъ всей родни жениха, а женихъ не менѣе тщательно прячется и избѣгаетъ встрѣчъ съ родными своей невѣсты. Иногда по этому поводу случа-

ются сценки очень комичного свойства. Въ небольшихъ кишлакахъ всегда, копечно, и вѣдьмъ извѣстно, кто съ кѣмъ сосватанъ. Идетъ женихъ на маленький кишлачный базарчикъ, подходитъ къ арбѣ съ дынями, окруженнай со всѣхъ сторонъ народомъ и не замѣчаетъ, что почти рядомъ съ нимъ стоитъ отецъ его невѣсты. Онъ то этого не замѣчаетъ, а окружающая публика давно уже смыслила и начинаетъ хихикать. Женихъ и отецъ его невѣсты оглядываются по сторонамъ, замѣчаютъ другъ друга, па иѣсколько секундъ ошалѣваютъ и затѣмъ при общемъ хохотѣ бросаются въ разныя стороны.

Въ вѣкоторыхъ кишлакахъ, полуофициальномъ, вирочемъ, практикуется обычай, по которому женихъ задолго еще до свадьбы въ однихъ мѣстностяхъ видится только, а въ другихъ и спитъ даже со своей невѣстой. (Въ городахъ этого обычая нѣть). Дѣлается это обыкновенно такъ. Послѣ того какъ сговоръ совершаенъ, а часть *калѣна* уже уплачена, одна изъ родственницъ жениха идетъ къ невѣстиной матери и условливается съ ней о томъ, въ который изъ ближайшихъ вечеровъ женихъ можетъ видѣться со своей падѣченной. Въ назначенный вечеръ, когда совсѣмъ уже стемнѣетъ, женихъ, запасшись предварительно какимъ нибудь подаркомъ и сладостями, отправляется къ невѣстѣ. Его проводятъ въ какую нибудь отдѣльную комнату такъ, чтобы онъ не встрѣтился бы съ будущимъ тестемъ и тещей. При свиданіи этомъ, главнѣйшею цѣлью котораго является желаніе дать возможность обрученному узнать и попривыкнуть другъ ко другу до свадьбы, покрайней мѣрѣ па первый разъ присутствуетъ одна изъ родственницъ невѣсты. Въ ся же присутствіи обрученные укладываются сидѣть, при чёмъ на ся обязанности лежить не уходить все время изъ комнаты и наблюдать за тѣмъ, чтобы молодые люди не увлеклись. Не задолго до разсвѣта женихъ долженъ уйти такъ, чтобы его никто не увидѣлъ.

Посѣщенія эти продолжаются потомъ болѣе или менѣе безпрепятственно, при чёмъ ни какія родственницы уже не присутствуютъ, а обрученные вступаютъ въ фактическое сожитіе.

Мы звали случай когда при подобныхъ обстоятельствахъ уплата *калѣна* растянулась па долго и потому при-

шлось торопиться со сватбой, ибо невѣста находилась въ посѣденіи уже періодъ беременности.

Случаи сватовства, разстроившагося послѣ уплаты хотї бы части *калѣна*, очень рѣдки, такъ какъ представляются певыгодными для той стороны, которая объявляетъ отказъ. Женихъ (если отказъ съ его стороны) теряетъ право на уплаченный имъ *калѣнъ*, а родители невѣсты (если были сделаны ими) присуждаются къ немедленному же возврату всего полученного отъ жениха (¹).

Такого же рода счеты сводятся и въ случаѣ смерти жениха, или невѣсты. Если умираетъ женихъ, *калѣнъ* остается въ рукахъ родителей невѣсты; при смерти посѣдней, полученный за нее *калѣнъ* долженъ быть возвращенъ по принадлежности.

Сватбы совершаются обыкновенно осенью, или зимой, такъ какъ, во первыхъ, время это для большинства наиболѣе свободное, а во вторыхъ, въ теченіи весны и лѣта успѣваютъ заготовить такіе, нужные для сватбы, продукты, какъ зерно, хлопокъ и проч.

Если со стороны жениха нѣть задержки въ уплатѣ *калѣна*, то время бракосочетанія опредѣляется заблаговременно. Наканунѣ, или за иѣсколько дней до сватбы въ домѣ невѣсты справляется дѣвичникъ—*майдисъ* (маджлісъ), па которомъ присутствуютъ главнымъ образомъ подруги невѣсты, а также и знакомыя съ ея семьей женщины. Поютъ пѣсни, пляшутъ и угощаются.

Само бракосочетаніе совершается, обыкновенно вечеромъ, въ домѣ невѣсты и никакими особенными торжествами не сопровождается. Приглашается *имамъ* своей мечети; невѣста помѣщается въ углу комнаты, за занавѣсомъ. При

(¹) Приводимъ статьи изъ *шаріата*.

1. Если кто-либо, просватавъ невѣсту, уплатить *каѣнъ*, или часть его, и послѣ этого ему откажутъ, онъ наѣтъ право требовать обратно или всѣ, данные имъ, вещи, или ихъ стоимость.

2) Если (при этомъ) отцоя невѣсты были сделаны *подарки* жениху, то они тоже возвращаются (или ихъ стоимость).

3. Равно взаимно возвращаются и всѣ *подарки*, сделанные женихомъ невѣстѣ и невѣстой жениху.

ходить женихъ съ двумя или иѣсколькими свидѣтелями изъ его родственниковъ. Имамъ спрашиваетъ жениха и невѣсту согласны ли они на вступленіе въ бракъ. Дѣвушка, во вниманіе къ ея застѣнчивости, можетъ выразить свое согласіе молчаніемъ, а женщина должна дать надлежащій устный отвѣтъ⁽¹⁾:

Когда обоюдное согласіе будетъ констатировано, имамъ читаетъ молитву и бракъ—(никакъ) считается совершеннымъ.

⁽¹⁾ Приводимъ статьи изъ шаріата.

1) Бракъ завершается *иджайбомъ* (предложеніе) и *кабуломъ* (согласіе), которые должны быть выражены въ глагольной формѣ прошедшаго времени. (Напр: «Вышла ли ты за него замужъ?» — «Вышла»).

2. Оба брачующіеся должны взаимно слышать выраженіе *иджайба* и *кабула*.

3. При произнесеніи *иджайба* и *кабула* должны присутствовать два свидѣтеля: свободные (не рабы) мужчины, или одинъ свободный мужчина и двѣ свободныхъ женщины.

4. Свидѣтели должны быть совершенолѣтніе мусульмане, обладающіе здравымъ разсудкомъ.

5. Свидѣтели должны слышать произнесеніе *иджайба* и *кабула* одновременно.

6. Во время заключенія брака вѣсто одного изъ брачующихся можетъ присутствовать довѣренное лицо.

7. Спрашивая у дѣвушки о ее согласіи на бракъ, ей обязательно должны сообщить имя жениха; а количество условленнаго *мѣхра* можетъ быть и не сообщено.

8. Когда отецъ спрашиваетъ совершилѣтнюю, раньше не вступавшую въ бракъ, о ее согласіи на вступленіе въ данное супружество, то за выраженіе ея согласія могутъ быть приняты: молчаніе, улыбка, или же тихій плачъ безъ крика.

9. Если о согласіи на бракъ у дѣвушки спрашиваетъ не отецъ, а кто-либо изъ родственниковъ, или постороннихъ, то согласіе должно быть выражено словами.

10. Женщина, при выходѣ во второй и посѣдующіе браки, должна выражать свое согласіе словами.

11. Дѣвушки, лишившіяся невинности путемъ прелюбодѣянія, или инымъ какимъ либо образомъ, въ отношеніи способовъ выраженія ими согласія на бракъ приравниваются къ невестуравненному браку.

Женихъ и пришедши съ нимъ свидѣтели угощаются и затѣмъ уходить въсвойси.

При желаніи со стороны жениха и невѣсты, одновременно съ заключеніемъ брака пишется и брачный договоръ. Въ немъ проставляются, между прочимъ, размѣры уплаченнѣхъ *калина* и *мѣхра* или обязательство уплатить послѣдній въ означенныхъ размѣрахъ по востребованію.

Документъ этотъ скрѣпляется приложеніемъ печати мѣстнаго *казы*⁽¹⁾.

Отвозъ новобрачной къ мужу въ разныхъ мѣстностяхъ происходит различно. Въ городахъ обыкновенно вслѣдъ за совершениемъ *никака*, а въ большинствѣ кишлаковъ лишь черезъ иѣсколько дній. Въ Наманганѣ ночью; въ Кокандѣ на разсвѣтѣ, а во многихъ кишлакахъ днемъ.

За иѣсколько часовъ до отвоза молодой, въ домѣ ея родителей собираются родственницы и знакомые. Молодую одѣваютъ въ чистую, всегда бѣлую, обыкновенно кисейную, рубашку, а на голову повязываютъ иѣсколько платковъ на подобіе чалмы. Въ такомъ костюмѣ молодая садится по серединѣ комнаты; родственницы и знакомые окружаютъ её, и начинается вой.

Вдоволь паголосившись, молодую поднимаютъ съ места и подѣваютъ на неѣ *чимбетъ* и *паранджай*. Отецъ выводить её изъ комнаты. Какъ только выйдутъ на дворъ, причитанья моментально умолкаютъ. На улицѣ ждутъ уже одна или двѣ арбы и толпа ребятишекъ; пѣкоторые изъ нихъ съ бубнами. Невѣста, вмѣстѣ съ такимъ числомъ женщинъ, какое можетъ только умѣститься, садится на арбу; на другую складывается ея приданое. Ноѣздъ трогается. Лошадь еле тащитъ арбу съ пасѣнными па нее бабами; мальчишки хватаются за колеса и тормозятъ ихъ, бьютъ въ бубны и во все горло орутъ свадебную иѣсню:

„Кой килайдуръ козы билайнъ,
„Иръ, юръ, юръ — дѣсть, дѣсть, дѣсть!
„Биръ бирисинъ изъ билайнъ
„Яръ ма падаръ!“

⁽¹⁾ Въ Ферганѣ составленіе такихъ брачныхъ договоровъ практикуется рѣдко.

У воротъ новобрачнаго поездъ, двигавшійся все время очень медленно, останавливается. Къ этому времени здѣсь же успѣваютъ собраться и всѣ тѣ, кому не хватило мѣста на арбѣ. Молодую вводятъ во дворъ и останавливаются у воротъ. Одна изъ свахъ беретъ её за талію и, выступая медленно, шагъ за шагомъ, выкрикиваетъ имена молодого и всѣхъ его ближайшихъ родственниковъ и родственницъ по старшинству, привѣтствуя каждого изъ нихъ отдельно селамомъ.

Такимъ образомъ шествіе входитъ во внутренній дворъ. Здѣсь сваха въ послѣдній разъ провозглашаетъ: „большимъ, и малымъ — всѣмъ ас-селамъ!“ Женщины входятъ во внутреннія комнаты, а мужчины въ михманхану, послѣ чего сейчасъ же начинается угоженіе, размѣры, характеръ и продолжительность котораго очень различны, смотря по достатку хозяевъ.

Въ то же самое время молодую помѣщаютъ за занавѣской, за которой она сидитъ въ теченіи трехъ сутокъ, не показываясь своей новой родинѣ. Этимъ въ сущности свадебные празднества и заканчиваются. Въ некоторыхъ мѣстностяхъ на другой день утромъ отецъ и мать молодой приходятъ провѣдать дочь и приносить съ собой палашу, а также по халату отцу и матери ихъ зятя. Въ другихъ (мѣстностяхъ), по большей части въ кишлакахъ, на третій день послѣ свадьбы, утромъ, молодая уходитъ къ своимъ родителямъ и остается тамъ цѣлый день. Вечеромъ посылаютъ за молодымъ и его родителями, угожаютъ ихъ и отдариваютъ, послѣ чего молодая уходитъ къ себѣ, домой, и уже болѣе не прячется отъ своей новой родни.

Помѣщаются молодые всегда почти въ отдельной комнатѣ.

Случаи, когда они поселяются не у мужинныхъ, а у женинныхъ родителей, сравнительно рѣдки и имѣютъ мѣсто тогда только, если молодая богаче своего мужа, или если у послѣдняго вѣтъ ни родителей, ни своего собственнаго помѣщенія.

Поселившись въ домѣ родителей мужа, молодые живутъ съ ними на первое время не въ раздѣлѣ и своихъ личныхъ опредѣленныхъ средствъ, по большей части, не имѣютъ. Пища изъ одного котла съ родителями; одеждой

спабжаются или мужиннымъ отцомъ, или же пріобрѣтаютъ ее на часть своихъ заработковъ.

Первые полтора — два мѣсяца старики обыкновенно избѣгаютъ обременять молодую работами, давая ей это время на то, чтобы осмотрѣться и попривыкнуть къ новой семье и ея порядкамъ. Затѣмъ, мало по малу, свекровь сваливаетъ на неё всѣ почти домашнія работы.

Одновременно съ этимъ между обѣими, въ большинствѣ случаевъ, возникаютъ прещирательства, и не больше, какъ черезъ годъ молодые начинаютъ уже серьезно подумывать объ раздѣлѣ со стариками. Много причинъ заставляетъ ихъ желать этого раздѣла. Молодая находитъ, что на нее взвалено слишкомъ много работъ, и что свекровь слишкомъ ужъ часто попрекаетъ её и въ лѣни, и въ дармоѣдствѣ. Молодой мужъ недоволенъ тѣмъ, что отецъ слишкомъ мало удѣляетъ изъ общихъ средствъ на одежду его молодой жены и т. д.

Такъ какъ истории этого рода повторяются чуть не въ каждой семье, то во многихъ мѣстностяхъ, въ средѣ состоятельныхъ людей, вошло въ обычай отѣлять молодыхъ по истечепіи года послѣ ихъ брака, при чёмъ раздѣлъ этотъ производится по большей части по инициативѣ самихъ старииковъ, а годъ сроку дается молодымъ для того, чтобы они въ теченіи этого времени успѣли сжиться и чтобы молодая попривыкла къ веденію самостоятельнаго хозяйства.

Въ большинствѣ случаевъ такого рода добровольный раздѣлъ выражается въ томъ, что старики спабжаютъ молодыхъ домомъ, рабочимъ скотомъ и самой необходимой утварью.

Подъ постройку дома или удѣляется часть своего усадебнаго мѣста, или послѣднєе пріобрѣтается покупкой гдѣ либо по близости; при этомъ въ землемѣрческихъ семьяхъ смыть или продолжаетъ работать на землѣ своего отца въ качествѣ кончай (объ условіяхъ см. выше), или же получать во временное пользованіе часть отцовской земли, которую эксплуатируетъ въ свою пользу до окончательнаго раздѣла, происходящаго по смерти старика.

Однако-же на ряду со сказаннымъ, даже и въ средѣ состоятельныхъ семей, далеко не рѣдки случаи, когда, при раздѣлѣ молодыхъ со стариками, послѣдніе спабжаютъ пер-

выхъ такимъ, ничтожнымъ скарбомъ и при такихъ условіяхъ, что раздѣлъ этотъ становится похожимъ не на раздѣлъ, а скорѣе на простое изгнаніе молодыхъ изъ подъ родительскаго крова.

У бѣднаго населенія, гдѣ родители не въ состояніи выдѣлить молодыхъ на условіяхъ, подобныхъ выше-приведеннымъ, послѣдніе отдѣляются отъ стариковъ па свои собственныя средства и перѣдко прямо таки въ ущербъ своимъ же материальnymъ интересамъ.

Не вынося далѣе попрековъ свекрови, невѣстка при-
нуждаетъ мужа къ раздѣлу, а вмѣстѣ съ тѣмъ средства па
обзаведеніе своимъ домомъ вѣть. При такихъ обстоятель-
ствахъ очень часто случается, что, оставаясь жить па одномъ
дворѣ со стариками (въ разныхъ линіи комнатахъ), моло-
дые заводятъ свой особый котель и др. посуду, пытаются и
работаютъ отдельно отъ стариковъ.

Отъ ссоръ все это, конечно, далеко еще не гаранти-
руетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ жизнennия средства и обстановка
обѣихъ семей значительно ухудшаются.

Разъ одна такая невѣстка говорила намъ, что она раз-
дѣлилась бы со стариками, если бы у неї было 2—3 руб.
на покупку котла и посуды. Интересно знать, что она ста-
ла бы варить въ этомъ котлѣ, при подобныхъ материаль-
ныхъ условіяхъ ся бытія.

Въ то-же самое время въ средѣ богатыхъ и главнымъ
образомъ купеческихъ семей встрѣчаются примѣры вполнѣ
безраздѣльного хозяйства родителей и несколькиx жена-
тыхъ сыновей. Всѣ живутъ вмѣстѣ, на одномъ или несколькиx
смежныхъ дворахъ и не дѣлятся ни въ чёмъ до са-
мой смерти старика—отца. За этимъ предѣломъ такое общее
хозяйство, державшееся только волей патріарха, всегда рас-
падается.

Такимъ образомъ, въ общемъ, можно сказать, что у
сартовъ стремленіе къ раздѣламъ замѣчается общее, какъ
у родителей, такъ и у семейныхъ ихъ дѣтей, при чёмъ въ
отношениі родителей обратное явленіе замѣчается главнымъ
образомъ лишь въ наиболѣе богатыхъ купеческихъ семьяхъ,
гдѣ мелочныхъ расчетовъ менѣе, а материальная выгода
обще-житія и общаго хозяйства наиболѣе наглядна.

Съ мужемъ молодая женщина освоивается сравнительно
очень скоро, даже и въ томъ случаѣ, если она не знала и

не видѣла его до свадьбы. Вмѣстѣ съ тѣмъ у большинства
также скоро начинаютъ возникать и препирательства, и ссо-
ры, за поводами къ которымъ дѣло не станетъ.

Главнѣйшимъ и первымъ по времени изъ такихъ ново-
довъ являются отлучки молодой со двора. У туземцевъ при-
пято или совсѣмъ не отпускать молодую со двора, или, по
крайней мѣрѣ, отпускать ее очень рѣдко до тѣхъ поръ, по-
ка у неї не родится первый ребенокъ (¹).

Обычай этотъ соблюдается, въ большей, или меньшей
мѣрѣ, повсемѣстно и всѣмъ очень хорошо известенъ, тѣмъ
не менѣе каждый новый случай его практики, какъ самою
молодою, такъ равно ея матерью и др. родственниками, встрѣ-
чается какъ нѣчто не только неожиданное, но даже и не-
бывалое.

Одна и та-же семья почти одновременно женить сына
и выдастъ дочь. Относительно невѣстки вышеприведенное
правило соблюдается съ возможной точностью; но въ тоже
время, прійдя навѣстить свою собственную дочь, старуха
начинаетъ причитать надъ неї: „попала ты, доченька, въ
клѣтку; попала ты въ тюрьму, въ адъ; видишь ты только
небо да стѣны“ и пр. Все это, разумѣется, еще больше
раззадориваетъ молодую женщину, которая и безъ того до-
садуетъ па новое и неизвѣданные для нея положеніе обаза-
тельной домосѣдки, положеніе, съ которымъ она, ни по сво-
имъ дѣвичьимъ привычкамъ, ни по наклонностямъ, ничего
общаго не имѣетъ. Потерпѣть, потерпѣть, да и примется
ругаться съ мужемъ.

Подобная исторія разыгрывалась па нашихъ глазахъ
въ одной знакомой намъ сартовской семье. Выдали замужъ
дѣвушку лѣтъ 15. Первые 2—3 недѣли все шло прекрасно.
Сидѣла молодая, по обыкновенію, дома, принялась было даже
за работу и, повидимому, не особенно тяготилась своимъ
положеніемъ. Тѣмъ временемъ ея мать и отчимъ успѣли

(¹) Въ таріатѣ по этому поводу сказано такъ:

1. Родители имеютъ право войти къ своей замужней дочери, или она можетъ пойти къ нимъ, разъ въ недѣлю. (Пятница).
2. Съ другими родственниками она можетъ видѣться разъ въ годъ.

поссориться со своимъ зятемъ изъ за части *кальна*, которая, по частному для этого случая условію, должна была быть уплачена черезъ нѣсколько дней послѣ сватѣбы. Начались причитанья надъ молодой. Мало по малу она вообразила себя несчастной затворницей и припялась ревѣть; пошли ссоры съ мужемъ; бабенка оказалась очень задорной и дѣло зачастую доходило чуть не до свалки. Въ концѣ концовъ она объявила своему мужу, что если онъ не дастъ ей полной свободы, то она сбѣжитъ отъ него и поступитъ въ домъ терпимости. Случаи этого рода далеко не рѣдкость. Чуть не на каждомъ шагу видишь и слышишь, какъ вмѣшательства жениной родни въ конецъ разстраиваютъ жизнь той, или другой, семьи.

Мы знали такой примѣръ. Очень небогатая семья состояла только изъ мужа и жены; дѣтей не было. Это послѣднее обстоятельство послужило причиной патинутости отношений между супругами, тѣмъ болѣе что жена имѣла большой зобъ (¹) и вообще была очень некрасива. Стала она замѣчать, что у мужа завелись любовницы. Вместо того, чтобы перетолковать съ нимъ и порѣшить на чёмъ либо путномъ (вродѣ развода), она созвала въ его отсутствіи свою родню. Собрался совѣтъ, на которомъ было постановлено наказать на первый разъ невѣриаго супруга такимъ образомъ: лучшій его шелковый халатъ распороть и передѣлать на бешметъ оскорблѣнной женѣ. Приговоръ этотъ сообща привели въ исполненіе немедленно же. Является мужъ — халата вѣтъ. Когда онъ узнаетъ въ чёмъ дѣло, то до того обозлился, что потомъ лѣтъ пять не могъ простить своей женѣ этой продѣлки, а отношения ихъ навсегда остались враждебными.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда молодая жена правится своему мужу, не рѣдки примѣры самой безразсудной ревности: Намъ известна семья, где молодой мужъ не только никуда не пускалъ свою жену со двора, но даже строжайше запрещалъ ей громко говорить на внутреннемъ дворѣ, дабы посторонніе, входящіе на наружный дворъ, не слышали бія голоса.

(¹) Эта болѣзнь очень распространена въ Ферганѣ и главнымъ образомъ въ кокандскомъ уѣздѣ.

Итакъ поводовъ къ ссорамъ и препирательствамъ всегда болѣе чѣмъ достаточно, особенно если мужъ не живетъ дома, а жена получаетъ отъ него содержаніе на руки.

Ссоры эти, продолжаясь иногда по нѣсколько недѣль, сопровождаются громогласией руганью, обѣщаніями сбѣжать, поступить въ публичный домъ, перебить посуду и т. п. Съ своей стороны мужъ тоже предупреждаетъ о его намѣреніи избить до полусмерти, выгнать изъ дома и испортить вѣкоторые части тѣла на столько, что поступленіе въ публичный домъ сдѣлается совершенно невозможнымъ.

Однако-же обѣщанія эти обыкновенно такъ обѣщаніями только и остаются: и котлы, и посуда, и части тѣла пребываютъ въ дѣлости; жена не сбѣгаетъ, ибо убѣжать ей положительно некуда, не съ кѣмъ и не съ чѣмъ, а не изгояется она потому, что у мужа вѣтъ денегъ на уплату ей *мѣхра*.

Тѣмъ не менѣе ожесточенные разговоры о разводѣ ведутся при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ и очень часто начинаются по истеченіи какихънибудь трёхъ-четырехъ мѣсяцевъ послѣ заключенія брака.

Въ общемъ мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что мирное и тихое житіе есть удѣльѣ сравнительно очень немногихъ семей. До фактическаго развода дѣло доходитъ, правда, не особенно часто, но разговоры о немъ вмѣстѣ съ разнаго рода препирательствами и перебранками, особенно въ семьяхъ низшихъ классовъ, ведутся болѣе чѣмъ часто-временно. Теперь прибавимъ ко всему сказанному, что вѣтъ вообще сартиканы, бойкія и отъ природы достаточно страстнаго темперамента, очень большія охотницы до любовныхъ похождений. Вотъ причины, почему рѣдкая замужняя женщина, пользующаяся хотя бы вѣкоторой долей свободы, не имѣла бы на свое мѣсто любовника, или даже нѣсколькихъ.

Сходятся при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Не будемъ говорить о томъ, что сосѣди, мужчины и женщины, всегда имѣютъ возможность высмотрѣть другъ друга; опустимъ и такие случаи, когда какаянибудь купчиха сходится съ однимъ изъ принадлежащихъ, или работниковъ ея мужа во время отсутствія послѣдняго, а равно также и примѣры обзаведенія любовникомъ не изъ любви къ искусству, а въ ра-

счетъ па наживу, т. е. когда женщина, попросту говоря, занимается проституцией.

Обратимся къ тѣмъ молодымъ и средицамъ лѣтъ женщинамъ, у которыхъ подходящихъ знакомыхъ, или известныхъ мужчинъ, нѣть, а желаніе пожуировать имѣется.

Прежде всего замѣтимъ, что въ иѣдрахъ туземной жизни нѣть ничего такого тайного, которое въ самомъ же непродолжительномъ времени, хотя бы для пѣкоторыхъ, не стало бы явнымъ. Пронюхаетъ напр. такая бабенка, что въ такомъ то кварталѣ, или на такой то улицѣ, объявилась вдовица, обыкновенно не особенно богатая, но и не очень бѣдная, у которой по вечерамъ собираются гости, мужчины и женщины. Отпрашивается дамочка у мужа дня на два къ какой нибудь родственницѣ верстъ за 5—10, забирается съ собой подносы съ лепешками, или съ пасынку и летить съ этимъ даромъ въ землю обѣтованную. Тамъ она немедленно же сопричисляется къ лицу многочисленныхъ вдовушекиныхъ пріятельницъ и, натѣшившись вдоволь, какъ ни въ чемъ ни бывало возвращается домой. Приносить съ собой мужу поклоны отъ родственниковъ и родственницъ, сообщасть ему, какъ они поживаются; вреть на пропалую, пугается, а выѣстъ съ тѣмъ обдумывается уже планъ нового бѣгства, или опять ко вдовицѣ, или въ мѣста, указанныя вновь заведевшими пріятелями.

Бываютъ случаи и иного рода. Предположимте, читатель, что вы здѣсь, въ какомъ нибудь Наманганѣ, знаете сартовскій языкъ и не презираете женщины.—Подъ вечеръ, но еще засвѣтло, вы надѣваете халатъ и тюбетейку, дабы возможно менѣе походить на русскаго, садитесь на лошадь и шажкомъ отправляетесь колесить по сартовскому городу. Лѣто. Вечеръ душный и пыльный. Солнце только что сѣло. Отовсюду и па разные голоса несется протяжный призывъ азанѣй на молитву—ахшамъ. Купцы па дюжихъ иноходцахъ разѣзываются изъ лавокъ и изъ каравансарая по домамъ. Женщины въ сѣрыхъ и синихъ паранджай, съ дѣтьми и безъ дѣтей двигаются по улицамъ во всѣхъ направленияхъ, торонясь прійти домой засвѣтло. Вы направляетесь къ окраинамъ города.

Чѣмъ дальше, улицы становятся все пустыннѣй, а сумерки все гуще и гуще. Вонъ впереди васъ идетъ сартяпка

изъ новомъ, нарядномъ паранджай. Вы догоняете ее, въ польголоса начинаете съ нею заговаривать. Только при особенномъ несчастии для васъ она, или свернеть въ сторону, или отвернется отъ васъ, прислонится къ стѣнѣ и будетъ ждать въ такомъ положеніи, чтобы вы проѣхали. Гораздо чаще она спачала какъ бы неохотно, а затѣмъ все бойчай и развязней вступитъ съ вами въ разговоръ. Вы очень хорошо знаете, что она по меньшей мѣрѣ на половину вреть, рассказывая вамъ разныя небылицы и про себя, и про своего мужа, но вамъ до этого, разумѣется, никакого дѣла нѣть.

Веди сладкіе разговоры, выѣдете, а она идетъ довольно долго; по временамъ, когда встречаются пѣшие и конные люди, вы расходитесь по разнымъ сторонамъ улицы, дабы соблюсти приличіе.

Междудомъ успѣло уже совсѣмъ стемнѣть. Вы очутились въ садахъ, па окраинѣ города; кругомъ ни души. Спутница ваша со вздохомъ объявляетъ, что она, кажется, заблудилась и не знаетъ, какъ ей быть. Вы, натуруально, предлагаете ей сѣсть на вашу лошадь позади васъ, убираете лѣвую ногу стремени и вѣсколько наклоняетесь на правый бокъ. Дамочка оглядывается по сторонамъ, вкладываетъ лѣвую ногу въ подставленное вами стремя, хватается за васъ обѣими руками и довольно ловко всиригиваетъ на кручинѣ вашей лошади....

МНОГОЖЕНСТВО. РАЗВОДЪ. ВДОВСТВО И СМЕРТЬ ЖЕНЩИНЫ.

Религія разрѣщаєтъ мусульману имѣть одновременно не болѣе четырехъ женъ. Разновременное же число женъ, разрѣшаемыхъ ему шариатомъ, неограничено. Такъ панр., имѣя уже четырехъ женъ и желая почему-либо жениться въ пятый разъ, онъ долженъ развестись съ одной изъ имѣющихъся женъ, и тогда религія не препятствуетъ ему замѣстить еї новою. Точно также и женщина, послѣдовательно вдовѣя, или разводясь съ мужьями, можетъ выходить замужъ неограниченное число разъ.

Хозяйкой дома всегда считается старшая, первая жена; на ней лежит общий надзор за хозяйством и исполнение тѣхъ работъ, которыя она сама береть на себя; вѣсъ остальныхъ работъ должны исполняться младшими женами по ея указанію. Эти послѣднія зовутъ её бѣвѣ (бібі — старшая сестра, тетка, госпожа) и должны относиться къ ней съ почтениемъ, какъ къ старшей и ближайшей своей родственницѣ. (Ниже мы увидимъ, что большинствомъ правила эти не соблюдаются). Въ случаѣ смерти, или развода, старшей, первой жены, мѣсто ея заступаетъ обыкновенно не послѣднюю, а та, которую больше любить мужъ.

За глаза жены одного и того же мужа называютъ другъ друга *кунданий*. Слово это можетъ быть переведено такъ: та, съ которой дѣлятся дни. Происхожденіемъ же своимъ терминъ этотъ обязанъ постановлению религіи, а равно и установившемуся на этомъ, закономъ, основаніи обычая, требующему, чтобы мужъ, имѣющій иѣсколькихъ женъ, спать (безъ обязательства иныхъ отправленій) съ каждою изъ нихъ не менѣе одного раза въ 4 дня (¹).

(¹) Приодинъ изъ *шаріат* иѣкоторыя, касающіяся данного вопроса, статьи.

1. Относительно права на пищу, одежду и совѣтное съ мужемъ сожитіе всѣ жены данного лица, какъ мусульманки такъ и имѣющія *пісаніе* (христіанки и еврейки), находящіяся въ здравомъ разсудкѣ и сумасшествія, дѣственницы и недѣственницы, считаются равными, не взирая на то, здоровъ мужъ, или болѣгъ, находится ли онъ въ здравомъ разсудкѣ, или же подвергнутъ сумасшествію.

2. Вышеизложенные права жены, вѣки признаваемыя за нею относительно пищи, питья, одежды и совѣтного сожитія съ мужемъ, въ отношеніи привлечения послѣднаго къ отправленію имъ супружескихъ обязанностей (фактич. сожит.) остаются спорными.

3. По иѣкоторымъ толкователямъ закона, въ случаѣ одной жены за ней признается право требовать отъ мужа совѣтного прощенія съ ней одной ночи въ теченіи четырехъ сутокъ, однако же безъ обязательности совокупленія.

4. Обладаніе двумя и болѣе женами разрѣшается тому только, кто надѣется вполнѣ удовлетворить своихъ женъ въ отношеніи пищи, питья, одежды и фактическаго съ ними сожитія.

Въ большинствѣ случаевъ всѣ жены живутъ вмѣстѣ (на одномъ дворѣ), при мужѣ, имѣя однако-же отдѣльныя комнаты. У богатыхъ людей, имѣющихъ земли и иную недвижимую собственность въ разныхъ кишлакахъ, или даже городахъ, жены нерѣдко живутъ врознь, каждая на томъ хуторѣ, или на той землѣ, которая ближе къ ея мѣсту рожденія. Особенно часто это практиковалось между прежними ханскими служилыми людьми. Молодой человѣкъ изъ хорошей фамиліи, положимъ въ Наманганѣ, женится и обзаводится хозяйствомъ.

Черезъ иѣсколько времени онъ поступаетъ на службу; требуютъ его въ Коканъ, къ ханскому двору. Родня его жены не соглашается на отѣздъ послѣдней въ Коканъ. Бдетъ онъ туда одинъ. Часто бывать въ Наманганѣ за службой не приходится; тогда онъ приобрѣтаетъ въ Коканѣ домъ, или садъ, заводить хозяйство и беретъ вторую жену. Черезъ годъ, или два, его назначаютъ въ Ошъ. Ни Кокандская, ни Наманганская жена щѣхать туда не соглашаются. Это заставляетъ его въ Ошѣ жениться на третьей женѣ.

То-же самое происходитъ иногда и теперь. Женатый уже горожанинъ приобрѣтаетъ въ кишлакѣ, верстахъ въ 30—40 отъ города, землю и заводить тамъ хозяйство. Присмотрѣть за послѣднимъ некому, такъ какъ самъ онъ занятъ торговыми и другими дѣлами въ городѣ. Тогда онъ женится въ данномъ кишлакѣ. Жена помѣщается: или на вновь приобрѣтенной землѣ своего мужа, если тамъ имѣется помѣщеніе, или остается жить у своихъ родителей, которымъ поручается главный надзоръ за вновь устроеннымъ хозяйствомъ.

Если, женясь на одной изъ послѣдующихъ женъ, мужъ не можетъ почему либо взять её къ себѣ въ домъ, то она остается жить у своихъ родителей, а онъ обязанъ выдавать ей содержаніе, при чёмъходить или щѣдить къ ней въ домъ.

5. Право на прощеніе съ мужемъ одной, или иѣсколькихъ очередныхъ ночей, по добровольному соглашенію можетъ быть уступлено одной женой другой, при чёмъ данное обѣщаніе этого рода всегда можетъ быть взято обратно.

Мужу, имѣющему нѣсколькихъ женъ, религія сочтутъ относиться ко всѣмъ имъ совершенно одинаково, дабы не возбуждать между ними зависти и недружелюбія; религія рекомендуется ему, давая одежду одной женѣ, точно такую же одежду давать и другимъ. Правило это, конечно, никогда почти не соблюдается, а потому, при общемъ для большинства сартовскихъ женщинъ наклонности къссорамъ и перебранкамъ, очень и очень рѣдки примѣры мирнаго совмѣстнаго пребыванія нѣсколькихъ женъ подъ кровомъ ихъ мужа.

Беретъ сартъ вторую жену. Въ самомъ же непродолжительномъ времени старшой начинаяется казаться, что ея новая *кундашъ*, впервыхъ, ничего не дѣлаетъ, а во вторыхъ, относится къ ней крайне неуважительно. Въ паказаніе она перестаетъ давать второй женѣ хлѣбъ. Та жалуется мужу. Мужъ, болѣе сострадательный къ повой, молодой женѣ, накидывается на старшую. Старшая пакидывается на младшую. Эта, чувствуя себя не вполнѣ лишенной защиты, пріободряется и въ свою очередь тоже не даетъ спуску. Начинается ежедневная ругань. Мужъ спачала пробуетъ унять и примирить враждующія стороны. Не тутъ-то было. Чѣмъ дальше, тѣмъ перебранки становятся все болѣе и болѣе ожесточенными. Однажды мужъ тоже ожесточается, лупитъ обѣихъ женъ и велитъ имъ готовить пищу каждой отдельно. (Точь въ точь такую исторію мы наблюдали въ богатой сартовской семье, глава которой занималъ очень видное, по здѣшнему, общественное положеніе).

Нужно ли говорить о томъ, что, при малѣйшей невоздержаности со стороны одной изъ женъ, поводомъ къссорамъ и перебранкамъ, въ родѣ описанной выше, всегда найдется очень много. Одна очень красивая сартянка, мужъ которой взялъ себѣ вторую жену, говорила намъ, что она жила бы со своей *кундашъ* въ мирѣ, если бы та была хоть не много получше. „Она такъ дурна собой и такъ глупа, что мнѣ совсѣмъ пазывать еї своею *кундашъ*. Вотъ причина, почему я еї пинавижу“, говорила оскорблennая красавица.

Такимъ образомъ въ большинствѣ случаевъ удовольствіе имѣть нѣсколькихъ женъ покупается очень дорогой цѣной, при чемъ далеко не рѣдки примѣры того, какъ, паскучивъ постоянными семейными дразгами, сартъ разводится съ лин-

ними женами, оставлять при себѣ лишь одну изъ нихъ, наиболѣе подходящую и навсегда клятвенно отрекается отъ многоженства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію большинства сартовъ возможность мирной совмѣстной жизни нѣсколькихъ женъ находится въ прямой и неосредственной зависимости отъ такта и покладистости, какъ самого мужа, такъ и его старшой жены.

Не согласиться съ этимъ мнѣніемъ не можемъ, ибо намъ нѣсколько разъ случалось видѣть примѣры, доказывающіе собою резонность такого воззрѣнія. Такъ напр. мы знали семью, состоявшую изъ мужа и трехъ женъ, изъ которыхъ у первой было четверо малолѣтнихъ дѣтей, а двѣ младшія тогда были еще бездѣтными и исполняли всѣ домашнія работы, предоставляемыя старшой только заботы о ея дѣтяхъ. Обѣ послѣднія жены послѣдовательно были взяты по настоящему первой, на рукахъ которой до того времени были и дѣти, и дойный скотъ, и всѣ др. домашнія работы. Прося мужа взять еще одну, или двухъ, женъ, она прямо указывала ему на необходимость ввода въ домъ еще одной или двухъ работницъ, замѣнить которыхъ въ данномъ случаѣ было совершенно не кѣмъ, такъ какъ въ кишлакахъ достать служанку, *акъ-чачъ*, очень трудно, а подходящихъ родственницъ не было. Намъ обоимъ приходилось и слышать о жизни этой семьи, и часто приѣзжать туда, иногда совсѣмъ неизпачай.

Никогда не случалось наталкиваться на семейныя бури; паоборотъ, пельзя было не удивляться тѣмъ дружескимъ отношеніямъ, которыя существовали между всѣми тремя женами и тому, какъ удалось имъ устроить свою жизнь безъ ругани и ссоръ, несмотря на то, что въ отношеніи домашніхъ работъ старшая жена пользовалась большими, сравнительно, преимуществами.

Въ другой зажиточной, купеческой семье, по тѣмъ же причинамъ, что и выше, жена сама сватала мужу вторую супругу, при чёмъ главное ея вниманіе было обращено на то, что бы будущая еї *кундашъ* была работяща и имѣла бы хороший, уживчивый характеръ.

Къ сожалѣнію намъ осталось неизвѣстнымъ, какъ устро-

илась послѣдующая жизнь этой семьи постѣ ввода въ неѣ второй жены.

И такъ, хотя и рѣдко, но бываютъ всетаки случаи, когда сожительство нѣсколькихъ женъ не вызываетъ ви ссоръ, ни семейныхъ дразгъ, и когда старшая жена не противится послѣдующимъ женитьbamъ мужа, но даже и поощряетъ его къ этому. (Есть, впрочемъ, еще одно условіе, при которомъ двѣ жены одного и того же мужа не только живутъ въ мирѣ, но даже и сдружаются; это происходитъ тогда, когда у одной изъ нихъ есть любовникъ, а другая покровительствуетъ этой связи, извлекая изъ пея свои личныя выгоды. Мы знали два такихъ примѣра. Въ одной семье покровительницей являлась старшая жена, а въ другой младшая).

Однако-же на случаи мирнаго сожитія нѣсколькихъ женъ слѣдуетъ смотрѣть скрѣе какъ на исключенія, ибо наибольшая часть видѣнныхъ и извѣстныхъ намъ иригъровъ практики многоженства отличается совершенно обратнымъ характеромъ.

Старшая жена всегда почти возстаѣтъ противъ послѣдующихъ женитьбъ мужа и всѣми правдами и пеправдами старается помѣшать заключенію этихъ браковъ.

Громадное большинство послѣднихъ заключается противъ желанія старшихъ женъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ уставовъ религіи; хотя послѣдняя и разрѣшаетъ мусульману имѣть одновременно четыре жены, но въ тоже самое время она обязываетъ его брать вторую жену не иначе, какъ съ согласія на то первой.

Понятно, что при подобныхъ условіяхъ данныхъ для мирнаго житія нѣсколькихъ женъ подъ одной крышей всегда имѣется очень мало, тѣмъ болѣе что сартовская женщина — одна изъ очень задорныхъ.

Вотъ причины, почему большинство туземцевъ, имѣющихъ нѣсколькихъ женъ, всегда стараются устроить каждую изъ нихъ по возможности отдельно; если всѣ жены и живутъ на одномъ дворѣ, то онѣ, не только имѣютъ отдельныя помѣщенія, но и пищу варятъ каждая отдельно, дабы имѣть возможно меньшее число точекъ соприкосновенія. Вполнѣ естественно, что подобныя условія, требующимъ большихъ сравнительно денежныхъ и другихъ затратъ, могутъ удовлетворить немногіе лишь мужья, а потому, по необходимости,

и правомъ многоженства пользуются тоже лишь немногіе.

Обращаясь къ туземной жизни, мы видимъ, что многоженства въ городахъ, гдѣ скапливается масса пролетаріевъ, охотно отдающихъ своихъ дочерей за самый ничтожный *калинг*, практикуется значительно чаще, чѣмъ въ кишлакахъ, а повсемѣстно зажиточными наслененіемъ не сравнено чаще, чѣмъ малосостоятельными и бѣдными. Что же касается до малосостоятельныхъ и бѣдныхъ кишлачныхъ, сельскихъ семей, то среди ихъ одновременное обладаніе двумя или нѣсколькими женами случается лишь какъ рѣдкое исключение. Это совершение попытко, впрочемъ, потому что при всѣхъ приведенныхъ выше условіяхъ въ этой части жѣсткаго наслененія многоженство должно влечь и на самомъ дѣлѣ влечеть, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, къ одному лишь разоренію.

У зажиточнаго сельскаго насленія двоеженство наиболѣе часто практикуется тѣми *каракатаками*, *кичаками* и недавно освоенными *киризами*, у которыхъ одновременно съ болѣе или менѣе значительными запашками, находящимися па днѣ долины, имѣется еще и скотъ, уходящій ежегодно лѣтомъ на горныя пастбища. Въ этихъ семьяхъ одна жена находится постоянно при землѣ, а другая весну, лѣто и часть осени проводитъ въ предгорьяхъ и горахъ со скотомъ.

Въ средѣ богатаго, особенно городскаго, насленія обладаніе нѣсколькими женами является своего рода шикомъ, необходимостью, обязательной для каждого приличнаго и состоятельного человѣка также, какъ у насъ напр. считается шикомъ обладаніе красивой и дорого стоящей актрисой и иѣвицей; но громадная разница между двумя этими явленіями лежитъ въ послѣдствіяхъ подобныхъ сожительствъ для обѣихъ женщинъ. Въ то самое время какъ наша содержанка, будучи прогнанной, поступаетъ въ разрядъ чуть не париж человѣчества, одна изъ четырехъ женъ мусульмана, разведясь со своимъ мужемъ, не только не теряетъ даже и малѣйшей частицы своихъ человѣческихъ правъ, всегда и безъ большого труда находя себѣ другаго мужа но, наоборотъ, выигрываетъ даже въ томъ отношеніи, что становится вполнѣ свободна отъ родителей, такъ какъ надъ ней не тяготѣютъ болѣе ни власть родителей, ни экономическая зависи-

симость отъ послѣдующихъ мужей, которые женятся на ней въ большинствѣ случаевъ уже безъ уплаты *кальна*.

Впослѣдствіи отношенія туземцевъ къ *множенству*, по всей вѣроятности, видоизмѣняются; очень возможно, что если только условія развода чѣмъ либо не осложнятся, то случаи множенства даже и значительно уменьшаться, по это дѣло будущаго, а потому скажемъ: *qui vivra — vera*.

Гораздо интереснѣе и назидательнѣе прошлое этого явленія.

Прежде во времена хановъ, каждый жилъ подъ болѣе или менѣе тяжелымъ клерикально-правительственнымъ гнетомъ⁽¹⁾. Духовенство (книжники и фарисеи въ хозавѣтной жизни) напоминало правительству о необходимости строгаго охраненія религіи, устоеевъ теократическаго государства, а обществу оно предлагало наблюдать за своими сочленами, внушать, увѣщевать, не допускать, а въ случаѣ нужды и представлять къ начальству. Каждый, занимавшій сколько нибудь солидное общественное положеніе, конечно, не рѣшался компрометировать себя тѣмъ или другимъ запретнымъ поступкомъ, а при нуждѣ искалъ такого пути, такого выхода, который давался бы ему самимъ *шаріатомъ* и былъ бы слѣдовательно законнымъ. Наскучивъ женою, чувствуя потребность, или по крайней мѣрѣ влеченіе, къ новымъ, свѣжимъ впечатленіямъ, онъ бралъ вторую жену. Зачѣмъ было ему рисковать жизнью или хотя бы шкурой, заводя любовницу, когда *шаріатъ* указывалъ ему въ этомъ случаѣ иной, гораздо болѣе удобный и вполнѣ легальный путь, особенно если къ тому же имѣлись и достаточные материальные средства.

Все сказанное, касаясь только обезпечепныхъ въ материальномъ отношеніи людей, конечно, отнюдь не устранило ни любовныхъ похожденій; ни проституціи такъ какъ наравнѣ съ легальнымъ множенствомъ всегда имѣлись условія для существованія и этихъ послѣднихъ явлений; тѣмъ не менѣе менторское направленіе и карательная политика ханскихъ правительства вели прямо къ расширению въ обществѣ предѣ-

(1) Ибо каждое мусульманское государство прежде всего есть государство теократическое.

ловъ практики множенства также, какъ и къ привитію въ немъ обычая вродѣ *батчѣй*, при чемъ главнѣйшими вводителями этихъ модъ и обычая всегда являлись тѣ же ханы, у которыхъ и жена, и *батчѣй*, и наложница въ буквальномъ смыслѣ слова было безъ числа.

Такимъ образомъ мало по малу установились отношенія къ множенству какъ къ такому учрежденію, при посредствѣ котораго половья прихоти, и потребности мужчины могутъ удовлетворяться вполнѣ законнымъ образомъ, и которое въ тоже самое время можетъ до некоторой степени играть роль вымысли общественного положенія данного лица.

Оттого и до сихъ поръ, слѣдя по инерціи привычкамъ и традиціямъ доброго старого времени, каждый почти сартъ, не вкушившій еще обычныхъ сладостей множенства, стремится къ послѣднему въ большинствѣ тѣхъ случаевъ, когда обладаетъ сколько нибудь способымъ достаткомъ.

Лишь наиболѣе благоразумные, или наученные горькимъ опытомъ, или въ достаточной мѣрѣ насмотрѣвшіеся и наслушавшіеся о прелестяхъ сожительства съ нѣсколькими женами заразъ, или, наконецъ, наиболѣе расчетливые, говорятъ въ сердцѣ своемъ: „пусть другие заводятъ хоть по десяти женъ, а ужъ я обойдусь лучше какъ нибудь съ одной. Коли и съ этой-то подчасъ ладу иѣть, что же съ двумя-то будетъ! Нѣть, други милые, хотите жениться, женитесь, а меня не проведешь — дудки!“.

Нѣкоторымъ наука эта достается такъ дорого, что даже дѣтамъ, и тѣмъ зарекаютъ брать больше одной жены, разумѣется, одновременно.

И такъ въ богатыхъ классахъ множенство практикуется главнымъ образомъ какъ средство или способъ легального удовлетворенія требованій комфорта и прихотей мужчины; въ зажиточныхъ — оно даетъ возможность или введенія въ домъ нѣсколькихъ работницъ, или снабженія хозяйствами нѣсколькихъ хозяйствъ, принадлежащихъ одному и тому же лицу, по находящихся или ведущихся въ разныхъ мѣстахъ; въ бѣдныхъ классахъ, гдѣ хозяйство обыкновенно очень несложное, а помышленія о комфорѣ, разумѣется, отходятъ на задний планъ, множенство практикуется, особенно въ кишлакахъ, сравнительно очень рѣдко. Тѣмъ не менѣе бываютъ все таки случаи, когда бѣсть любострастія овладѣваетъ бѣд-

явомъ и онъ заводить двухъ—трехъ женъ не смотря на то, что и одной то досыта пакормить ему нечѣмъ. Такъ около кишлака Нанай мы знали двѣ киргизскихъ семьи, изъ которыхъ въ каждой было по двѣ жены, при чёмъ вторыя были взяты подъ предлогомъ бездѣтности первыхъ.

Имущество первой, бездѣтной, семьи состояло изъ кибитки (юрты), 4-хъ лѣтняго жеребенка и одной коровы; земли не было; мужъ занимался очень малоприбыльной охотой (въ горахъ) и выдѣлкой деревянной посуды.

Въ другой семье земли также не было; имѣлись: плохенькая, продыранная кибитка, двѣ дойныхъ козы и трое детей; мужъ занимался углебожиганіемъ.

Кромѣ такихъ поводовъ къ многоженству какъ стремление къ комфорту, или желаніе ввести въ домъ лишнюю работницу, предлогами, выставляемыми мужчиной очень часто являются еще: 1) бездѣтность первой жены; 2) отсутствие у нея сына и 3) то обстоятельство, что первая жена была взята въ замужество не девушкой, а вдовой или разведенной⁽¹⁾.

Мы сказали, что старшая жена всегда почти относится къ послѣдующимъ бракамъ своего мужа враждебно, а вмѣстѣ съ тѣмъ религія совѣтуетъ и даже обязываетъ мусульманина брать вторую жену не иначе, какъ съ согласія первой, при чёмъ точно такие же дары, какіе дѣлаются невѣстѣ, будущей второй женѣ, мужъ обязанъ сдѣлать и первой; другими словами, столько же, сколько онъ тратитъ на свою вторую свадьбу, онъ долженъ дать первой женѣ или въ видѣ денегъ или въ видѣ иныхъ подарковъ.

Намъ известно вѣсколько такихъ примѣровъ, когда вторичный бракъ служилъ поводомъ и причиной развода по инициативѣ первой жены, не соглашавшейся на вторичный бракъ мужа. Въ одномъ изъ такихъ случаевъ огорчеп-

(1) Читателю известно уже о тѣхъ отношеніяхъ, которые существуютъ у туземцевъ къ безнодію женщинъ, къ рожденію девятъ вообще и мальчиковъ въ особенности, а также и о томъ по-вѣрѣ, что жена, взятая вдовой или разведенной, въ будущей жизни отойдетъ къ первому изъ своихъ мужей. Отсюда для такого мужа являются: во первыхъ, опасение остаться на томъ сѣтѣ безъ жены, а во вторыхъ, желаніе взять вторую жену изъ девушки.

ная жена не только развелась со своимъ невѣрнымъ супругомъ, но даже предварительно, въ день второй его свадьбы, напесла ему еще и заувеніе. Разводъ состоялся черезъ нѣсколько дней и тѣмъ болѣе легко, что женщина была состоятельна, имѣла свой домъ, садъ и землю.

Не вдаваясь въ подробный разборъ теоретической стороны довольно сложного и запутанного мусульманского брако-разводного права, мы ограничимся лишь общимъ и по возможности краткимъ сводомъ главнѣйшихъ частныхъ случаевъ мѣстной, туземной практики разрѣшенія этого вопроса.

Разводъ (*талақ*) совершиенно свободенъ въ томъ случаѣ, если совершается съ обоюдного согласія обоихъ супруговъ.

Жена имѣеть право требовать развода въ ниже следующихъ случаяхъ:

- 1) если мужъ безпричино нанесетъ ей побои съ оставленіемъ ясно видимыхъ знаковъ на тѣлѣ;
- 2) если мужъ безъ ся позволенія (или согласія) беретъ вторую жену;
- 3) если онъ въ теченіи шести мѣсяцевъ не даетъ ей пропитанія;
- 4) если онъ увозить её (безъ ея согласія) изъ мѣста постоянного жительства на разстояніе большее трехдневнаго пути;
- 5) если онъ впадетъ въ сумасшествіе;
- 6) если онъ окажется прокаженнымъ (*макау*).

Предварительное расторженіе брака достигается произнесенiemъ (супругами или однимъ изъ супруговъ) слова *талақ*, послѣ чего религія совѣтуетъ переждать три дня. Время это дается обоямъ для того, чтобы обдумать предстоящій шагъ. Если въ теченіи означенного срока примиренія не произойдетъ, супруги отправляются къ *казы*, заявляютъ ему при законномъ числѣ свидѣтелей о своемъ рѣшеніи развестись и получаютъ разводный документъ.

Если разводъ совершается по желанію мужа безъ уважительныхъ па то причинъ, послѣдний долженъ выдать удаляемой имъ женѣ мѣхрѣ и кроме того лишается права требовать возвращенія ему *калына* или расходовъ по свадьбѣ.

Если же такой разводъ произошелъ по настоянію жены, она лишается права на мѣхрѣ и кроме того должна возвратить мужу уплаченныи имъ за нее *калынъ*.

Въ отношении возможности возстановления расторгнутаго брака по послѣдствіямъ своимъ разводъ подраздѣляется на два главнѣйшихъ вида:

1) если при совершении его слово *таджъ* было произнесено одинъ или два раза, *шаріатъ* допускаетъ простое примиреніе между разошедшимися супругами и не препятствуетъ возстановленію брака безъ совершения новаго обряда бракосочетанія;

2) если же при совершении развода слово *таджъ* было произнесено три раза, бракъ считается окончательно расторгнутымъ, а разведенная можетъ вступить въ новый бракъ со своимъ прежнимъ мужемъ не ранѣе того, какъ, выйдя замужъ за другого, разведется съ этимъ послѣднимъ.

Въ этомъ случаѣ прежній мужъ женится на ней какъ на посторонней уже женщинѣ, а не какъ на разведенной съ нимъ женѣ, при чёмъ для того, чтобы бракъ этотъ былъ законнымъ, необходимо долженъ быть совершенъ новый обрядъ бракосочетанія.

По совершении развода женщина уходитъ отъ мужа и поселяется или у кого либо изъ ближайшихъ родственниковъ, или въ своеемъ собственномъ домѣ, если такой имѣется.

Право на вступленіе во вторичный бракъ, если она не беременна, разведенная съ мужемъ женщина получаетъ лишь по истечениіи периода трехъ мѣсячныхъ очищеній. (Коранъ. Глава 2. ст. 228; Срокъ этотъ называется *иддѣ*; установленъ же онъ для того, чтобы не было сомнѣній въ происходженіи первого ребенка, рождающагося послѣ совершеннія развода).

Въ томъ случаѣ, если разводъ застаетъ женщину въ сосостояніи беременности, вторичный бракъ ея откладывается до разрѣшенія ея отъ бремени. (Коранъ. Глава 65. ст. 4).

Въ случаѣ развода супруговъ жена имѣеть право удержать при себѣ малолѣтнихъ дѣтей до достиженія ими 7 лѣтнаго возраста, при чёмъ средства для воспитанія должны давать ихъ отецъ. Отобрать малолѣтнихъ дѣтей отъ матери до достижениія ими 7 лѣтнаго возраста отецъ можетъ въ томъ случаѣ, если послѣ развода съ мужемъ она вступитъ въ новое супружество.

Въ случаѣ отсутствія матери вышеуказанныя права ея на малолѣтнихъ дѣтей переходятъ или къ бабушкѣ съ материнской стороны, или ко взрослой (правоспособной) сестрѣ

этихъ дѣтей, или къ ихъ теткѣ съ материнской стороны; только за отсутствіемъ этихъ трехъ родственницъ, данные права переходятъ къ теткѣ съ отцовской стороны.

По достижениіи 7 лѣтнаго возраста отецъ имѣеть право взять ребенка къ себѣ; но достижениіи совершеннолѣтія сынъ живеть, гдѣ хочетъ, а дочь должна жить при отцѣ или дѣлѣть съ отцовской стороны.

Однако же по взаимному соглашенію дѣти могутъ быть раздѣлены разводящимися супругами, причемъ мальчики обыкновенно остаются у отца, а девочки уходятъ съ матерью.

Со смертью мужа всѣ обязательства, лежащія на женщинѣ по части *кальна*, рушатся. Женщина дѣлается вполнѣ свободной; лишь общественныя приличія не допускаютъ особенно скораго выхода ея замужъ, почему она пережидаетъ обыкновено около года до 1½, или даже до 2 лѣтъ (*).

Вдова — сартянка, смотря по обстоятельствамъ, или продолжаетъ жить въ домѣ, оставшемся ей и дѣтямъ отъ мужа, или же уходить жить куда либо на сторону.

Если дѣти уже взрослые, имущество, оставленное отцомъ, обыкновенно немедленно же дѣлится и старуха вдова или поселяется у одного изъ своихъ дѣтей, или устраивается у кого либо изъ родственниковъ. (О положеніи ея здѣсь мы говорили уже выше).

При малолѣтнихъ дѣтяхъ она побольшей части остается жить въ домѣ мужа и, если не особенно стара, то черезъ годъ, черезъ два по большей части вновь выходитъ замужъ. Случай ея выхода въ замужество на 40 и даже 45 году, смотря потому, на сколько она сохранилась, далеко не рѣдки, особенно же если она обладаетъ домомъ, садомъ или другой какой либо собственностью, привносящей болѣе или менѣе постоянный и обеспеченный доходъ.

Трауръ (синяя рубаха; темный халатъ, а во время оплакивания синій кушакъ) сартянка носить по мужу отъ 4 мѣсяцевъ до одного года. У большинства трауръ снимается послѣ того, какъ будутъ спроведены годовые поминки.

(*) У кочевого населения положеніе вдовы совсѣмъ иное. Тамъ она обязана сочетаться бракомъ съ однимъ изъ братьевъ покойнаго ея мужа.

Выше мы упоминали уже о томъ что большинство сартовскихъ старухъ очень подвижны, дѣятельны и работящи. Наилѣтѣе быстро и замѣтно сартовская женщина отъявляется въ возрастѣ между 18 и 25 годомъ; далѣе въ особенности послѣ 30 лѣтъ, явлеія наружнаго устарѣванія идутъ очень медленно и послѣдовательно, а измѣненія въ ея нравственномъ мірѣ становятся почти позамѣтными. Энергичная, всегда готовая поболтать и посмѣяться, охотница до всевозможныхъ женскихъ сборищъ, бодрая и работящая въ 40, въ 45 лѣтъ она остается такою же почти до самой смерти, лѣтъ до 55, до 60, если только еї не разслабить какая нибудь случайная, тяжелая болѣзнь.

Примѣры достиженія 70—80 лѣтнаго возраста, далеко не рѣдкіе между мужчинами, въ отношеніи женщинъ являются лишь какъ исключенія. (Въ кишлакѣ Ахтамъ паманганскаго уѣзда мы видели старуху 90 лѣтъ; мужу ей было за 100. Она продолжала еще прядь, а онъ ткаль мату. Разумѣется, къ работамъ этимъ оба относились лишь какъ къ развлечению).

Фаталисты вообще, по достиженіи преклоннаго возраста и мужчины, и женщины одинаково съ замѣчательнымъ спокойствиемъ встречаютъ смерть, вѣрюя въ то, что *аджадъ*, часть смерти, предвѣчно предопределена для каждого человѣка въ книгѣ судьбы, и что никакія силы не могутъ отдалить этого срока даже и на мгновеніе. Развѣ памъ пришлось присутствовать при смерти одного, не старого еще *муджі*. Онъ умиралъ отъ рака, напасеныхъ ему наканунѣ почью разбойниками, не потерявъ почти до конца жизни сознанія. Съ замѣчательнымъ спокойствиемъ, не обращая болѣе никакого вниманія на окружавшихъ его, тихимъ, замѣтно слабѣвшимъ голосомъ онъ самъ читалъ себѣ отходную.

Какъ только наступитъ смерть, окружающіе покойника или покойницу немедленно же приступаютъ къ оплакиванію.

На вороти и причитанія пачинаютъ поспѣшногу сходитьсь сосѣди; знакомые и родственники даютъ знать о томъ, что такой то или такая-то „*каза кылады*“—совершила предопределеннное ей. (Услышавъ такое извѣстіе говорятъ: „Худа размѣтѣ булсугъ“—Богъ да будетъ (къ нему или къ ней) милостивъ).

Одновременно съ этимъ покойнику или покойницѣ подвязываютъ косынкой нижнюю челюсть, дабы ротъ не остался открытымъ, закрываютъ вѣки, вытягиваютъ руки вдоль боковъ и покрываютъ трупъ кускомъ какой либо матеріи.

Тѣмъ временемъ собираются родственники и знакомые; приходятъ *югуучи*, омывальщики или омывальщицы труповъ. Женщины проходятъ во внутреній дворъ, а мужчины собираются въ *мизманханѣ*. И тутъ, и тамъ идетъ оплакиваніе. Мужчину оплакиваютъ и женщины; женщину женщины же и лишь ближайшіе родственники: мужъ, сыновья, братья.

Мужа и жену оплакиваютъ словами: „*юлюмб-дѣ!*“ (о, мой цветокъ!) или „*аңаукымъ ой*“ (о, моя любовь!) Возгласы эти (и подобные имъ) выкрикиваются на распѣвъ, подражая плачу, а въ промежуткахъ между ними воютъ и стонутъ безъ словъ.

Въ зажиточныхъ семьяхъ всѣмъ собравшимся на похороны раздаютъ кусочки коленкора или другой бумажной матеріи съ завернутыми въ нихъ мелкими монетами.

Омовеніе трупа производится по большей части одни только *югуучи*, всегда въ отдѣльной комнатѣ. Такъ какъ приспособленіе къ покойнику считается оскверняющимъ человѣка, то *югуучи* надѣваютъ на руки маленькие мѣшочки, замѣняющіе собой рукавицы. Омыть раздѣтый доага трупъ, на него надѣваютъ саванъ, приготовляемый изъ белой бумажной матеріи и имѣющій видъ мѣшка, открытаго съ обоихъ концовъ. Надѣвъ саванъ на трупъ, открытые концы его завязываютъ падъ головой и у (подошвѣ) ногъ. Затѣмъ трупъ кладутъ на длинныя, похоронныя носилки, покрываютъ послѣдній простыней (иногда какими нибудь матеріями, халатами, *паранджы* покойницы) и выносятъ на наружный дворъ. Здѣсь въ присутствіи всѣхъ собравшихся мужчинъ *и.мамз* читаетъ *джаназу* (вѣчто вродѣ нашей панихиды), по окончаніи которой всѣ присутствующіе произносятъ надъ покойникомъ послѣдній *сөләмъ* (¹).

До кладбища носилки съ трупомъ или несутся людьми, или ставятся на арбу. Сопровождающіе, одни только мужчины

(¹) Хоронить стараются въ день смерти или не позже сѣдующаго утра.

чины, имѣютъ въ правой руکѣ посохъ и синій платокъ. По дорогѣ на кладбище оплакиваніе совершается, сравнительно рѣдко, только въ случаѣ смерти богатыхъ мужчинъ; обыкновенно же похоронная процессія движается въ молчаніи.

Могила имѣеть видъ большой и глубокой ямы, не менѣе человѣческаго роста въ глубину, вдоль западнаго края два которой выдѣлываются ниши, идущая въ направлениіи съ сѣвера па югъ. По прибытии похоронной процессіи на кладбище, трупъ, покрытый простынею, спускается въ могилу, при чмъ простыню эту держать за края и углы надъ отверстиемъ могилы все то время, пока могильщики не уложатъ покойника въ нишу. Здѣсь трупъ укладывается па спину, головой къ сѣверу. Отверстіе вини закладывается кирничами или камнями, а яма засыпается землей. Затѣмъ имамъ читаетъ молитву и всѣ расходятся по домамъ.

Женщины отправляются на могилу на слѣдующій день рано утромъ и входятъ здѣсь также, какъ и на дому.

Юрчі за свою работу получаютъ или деньги, или посильное платье покойницы. Если у послѣдней дочерей не было то мужъ продаетъ оставшіяся отъ нея вещи и дѣлаетъ на эти деньги поминки.

Тѣмъ изъ родственницъ, которая плачутъ по покойницѣ, отдаютъ паранджі или чтонибудь и изъ ея стараго платья.

На третій день (учї) родные и наиболѣе близкіе изъ знакомыхъ собираются на поминки. Кромѣ угощенія здѣсь происходитъ еще и специальное оплакиваніе покойника или покойницы женщинами. Для этого надѣваются траурные рубахи, подпоясываются синими кушаками и беруть въ правую руку посохъ и синій платокъ.

Но одной (поочередно) или всѣ сразу онѣ становятся по серединѣ компаны и, прикладывая, начинаютъ выть и причитать также, какъ и въ день похоронъ. (¹). Зачастую во время исполненія обряда этой тризны женщины входятъ въ такой экстазъ, что начинаютъ царапать себѣ лицо, рвать волосы и пр.

(¹) Этотъ обрядъ, кажется, совсѣмъ не практикуется въ другихъ частяхъ средней Азіи.

Первые три дня пища въ домѣ покойника или покойницы, будь то хотя бы и ребеночъ, не готовится, а доставляется соображеніями и родственниками.

На шестой или па седьмой, а въ иѣкоторыхъ мѣстностяхъ па сороковой день собираются родственники и родственницы. Одна изъ женщинъ моетъ бѣлье семьи покойнаго или покойницы. Всѣ собравшіеся получаютъ угощеніе и по куску мыла, которое раздается имъ для мытья того ихъ бѣлья, въ которомъ они присутствовали па похоронахъ. Обычай этотъ называется кирѣ (грязь, грязное бѣльё).

Въ состоятельныхъ семьяхъ въ теченіи сорока дней горить починка па томъ мѣстѣ, где лежалъ или где былъ обмытъ покойникъ.

Послѣдующіе поминки дѣлаются па сороковой день и въ годовщину смерти усопшаго.

ПРОСТИТУЦІЯ.

Читателю извѣстно уже, что во времена ханскаго владычества мусульманское правительство и его агенты, однимъ изъ которыхъ за частную являлось само общество, преслѣдовали казнями не только проституцію, но даже и простое, такъ называемое, прелюбодѣяніе; тѣмъ не менѣе то и другое практиковалось отнюдь не рѣдко, такъ какъ уличить мужчину или женщину въ данномъ преступленіи представлялось не всегда удобнымъ и даже возможнымъ (¹), а въ мотивахъ толкающихъ женщину па путь проституціи или незаконной связи съ мужчиной, прежде, также какъ и теперь, недостатка не было. Большинство мужчинъ всегда было сделано изъ разнообразію своихъ впечатлѣній въ сфере человѣкой жизни; женщины, большія охотницы до любовныхъ похождений и всяческихъ усладъ этого жордка, никогда не были прочь даже отъ самыхъ мелкихъ подарковъ, такъ какъ у большинства ихъ личныя материальныя средства, находившіяся и находящіяся въ полной почти зависимости отъ му-

(¹) См. Коранъ. Глава 4, ст. 19 и Глава 24, ст. 4—9.

жей, никогда не были въ положеніи настолько хорошошемъ, чтобы имъ могли удовлетворить потребности и нужды женскаго кокетства; молодая жены тѣхъ лицъ, у которыхъ супругъ было по иѣскольку, также какъ и теперь за частую оставались слишкомъ мало удовлетворенными, а бѣдность, встрѣчавшаяся отнюдь не рѣже теперешняго, заставляла женщину пробовать всѣ имѣвшіяся въ ея рукахъ средства для борьбы съ пищетой. Такимъ образомъ вся разница между прошлымъ и настоящимъ состоитъ въ томъ, что прежде страхъ казни заставлялъ женщину и мужчину быть крайне осторожными, почему и самая проституція имѣла исключительно тайный характеръ, тогда какъ теперъ она практикуется въ обоихъ своихъ видахъ. Были, впрочемъ, и прежде такие исторические моменты, когда тайная проституція, поощряемая эпикурейцами ханами, разросталась, по крайней мѣрѣ въ самомъ Кокандѣ, до степени грандіозности, какъ напр. во время царствованія Мадали-хана. (См. Краткую исторію Коканде. ханства. В. Наливкинъ. Издание 1886 г.).

Теперь предаваясь воспоминаніямъ недалекаго еще прошлаго, сарты старательно увѣряютъ насъ, что до прихода русскихъ благодаря-де строгости и бдительности ханскаго правительства не только не существовало проституціи, но даже и случаи незаконныхъ связей являлись будто бы чрезвычайно рѣдкими исключеніями. Вѣрить этимъ рассказамъ пѣтъ ии какой возможности, такъ какъ и туземныя сочиненія по части исторіи Кокандскаго ханства и исторія первыхъ же дней нашего существованія здѣсь говорятъ памъ совѣтъ иное. Приведемъ иѣсколько фактовъ. Какъ только осенью 1875 года былъ занятъ привый берегъ Сырь-Дарьи (нынѣ Чустской и Наманганской уѣзды) проститутки, по большей части жены, доставлялисъ своимъ мужьямъ въ нашъ отрядъ, расположенный въ г. Наманганѣ, въ очень большомъ сравнительно количествѣ и безъ особеннаго труда. Въ началѣ слѣдующаго 1876 года мы знали уже русскихъ, обзаведшихся сартянками, при чемъ послѣднія, изъ большинства случаевъ, были довольною своимъ положеніемъ, такъ какъ новая ихъ материальная обстановка была неизмѣримо лучше и относительная свобода неизмѣримо больше прежнихъ. Въ это же самое время многія изъ туземныхъ женщинъ стали обращаться къ нашей русской администраціи съ

просьбой развести ихъ съ мужьями, такъ какъ они желаютъ поступить въ число явныхъ, открытыхъ проститутокъ. Все это ~~необходимо домашнимъ, что соотвѣтствуетъ будущей открытой~~ проституціи давно уже быть готовъ и ждать лишь того времени, когда гласно и на законномъ основаніи могутъ бы заявить о своемъ существованіи.

Когда въ 1875 году въ Наманганѣ была учреждена русская администрація, одинъ изъ членовъ ея обратился къ пожилому уже туземцу, принадлежавшему къ числу прежней ханской администраціи, съ вопросомъ о томъ, насколько была развита здѣсь проституція при ханахъ и много ли въ Наманганѣ тайныхъ проститутокъ. сартъ отвѣчалъ, что, если сказать правду, то въ Наманганѣ слѣдуетъ назвать проститутками всѣхъ женщинъ и девушекъ, пачинай съ 12-ти и кончая 60 лѣтнимъ возрастомъ. Онъ, разумѣется, перехватилъ немножко, но былъ очень близокъ къ истинѣ. Виослѣдствіи, дѣйствительно, пришлося убѣдиться въ томъ что лишь рѣдкую женщину нельзя склонить къ временной любви за соответствующее вознагражденіе, что рѣдкая женщина отказывается отъ гонорара въ 3—5 рублей и что въ туземной жизни размѣры этого рода платья выходятъ иногда до бас-дословно пичужныхъ нормъ, при чемъ съ русскихъ взимается обыкновенно въ 5—10 разъ больше чѣмъ съ сартовъ.

Послѣднее замѣчается, впрочемъ, не въ одной только сферѣ проституціи. Если сартъ продаетъ лошадь за 20 рублей, то русскому ту же лошадь онъ продаетъ не дешевле 30; русскіе всегда и за все платятъ гораздо дороже туземцевъ и виноваты въ этомъ, конечно, сами же. Занимая военную провинцію, получая въ военное время усиленные оклады, мы даемъ полный просторъ и безъ того широкимъ россійскимъ натурамъ, швыряемъ деньгами направо и налево и хвастаемся другъ передъ другомъ тѣмъ кто больше расширяетъ въ данный промежутокъ времени.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Ташкентѣ други-венные и пятіалтыпые платились нами уличному мальчишкамъ за то, что они держали у крыльца верховую лошадь въ теченіи 15—20 минутъ. Подобное швыряніе денегъ здѣсь, гдѣ они рѣдки, а капиталъ вообще дорогъ, не могло, конечно, пройти безслѣдно. Такая размашистость русской натуры спачала поразила сартовъ, а затѣмъ заста-

вила ихъ прійти къ тому заключеню что каждый русскій Крезъ, а если онъ Крезъ, то взять съ него иѣсколько лишнихъ рублей ему, бѣдному въ сравненіи съ Крезомъ сарту, не грѣхъ. Эти отношенія вошли въ привычку и врядъ ли скоро замѣнятся чѣмъ либо другимъ, несмотря даже на то, что чѣмъ дальше, тѣмъ сартамъ все болѣе и болѣе приходится убѣждаться въ широкомъ знакомствѣ многихъ изъ воображаемыхъ Крезовъ не только съ теоріей, но даже и съ практикой запутанныхъ долговыхъ обязательствъ и другихъ не менѣе сложныхъ финансовыхъ операций.

И такъ въ настоящее время здѣсь существуетъ два вида проституціи: открытая или явная, и тайная.

Первые публичные дома появились въ городахъ вновь занятой тогда Ферганской Области немедленно же вслѣдъ за ея занятіемъ. Однимъ изъ первыхъ дѣяній первой же мѣстной проститутки было то, что она немедленно же сталаходить по улицамъ съ открытымъ лицомъ. Это было чѣмъ-то среднѣмъ между плевкомъ брошеннымъ ею въ старое, давившее ея вчера только общество, и своеобразной марсельёзой, пѣтой ею на развалинахъ того режима, который такъ недавно еще грозилъ ей побиваніемъ каменьями. Это было своеобразное ликованіе свободы, своеобразный привѣтъ тѣмъ, кто заранѣе простили ей, даѣтъ ей право гражданственности и избавилъ отъ вѣчнаго страха за свою жизнь.

Тѣмъ не менѣе по старой привычкѣ открытое лицо сартянки, одѣтой по прежнему въ ея національный костюмъ, отнюдь не гармонировало съ окружающей туземной же обстановкой. не только въ глазахъ сартовъ, но даже и въ глазахъ тѣхъ русскихъ, которые прожили въ Туркестанѣ долго и привыкли видѣть сартянку на улицѣ съ закрытымъ лицомъ. Появилось, какъ все это должно было шокировать сартовъ. Здѣсь сартянка съ открытымъ лицомъ равносильна женщинѣ, гуляющей по европейскому городу въ одной сорочкѣ. На ту бѣду въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ временно, за недостаткомъ помѣщенія, пріемный покой, въ которомъ лечились, между прочимъ и заболевшіе проститутки, помѣщался при уѣздномъ управлении. Между сартами стало было распространяться слухъ о томъ, что по русскимъ законамъ при каждомъ присутственномъ мѣстѣ полагается публичный домъ, пансіонерки

котораго содержатся будто бы на казенныи счетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ число проститутокъ, а слѣдовательно и число женщинъ, ходящихъ по улицамъ съ открытыми лицами постепенно возросстало. Благочестивые мусульмане не только были возмущены всѣмъ этимъ, но даже и начали уже商говаривать о не сомнѣніи наступлениіи послѣднихъ временъ. На первыхъ порахъ туземное общественное мягкіе настолько возстало противъ открытой проституціи, что администрація иѣсколько разъ подавались прошенія объ отводѣ подъ публичные дома мѣстъ гдѣ-нибудь за городомъ, возможно по дальше отъ послѣдняго и въ окрестностяхъ его наименѣе обитаемыхъ⁽¹⁾.

Однако же продолжалось это сравнительно недолго. Антогонизъ мало по малу улегся; къ открытымъ лицамъ присмотрѣлись; посѣтителей нашлось не мало таки и въ средѣ самихъ туземцевъ, а въ заключеніе многіе пашли, что содержаніе публичного дома дѣло хотя и беспокойное но очень небезвыгодное. Недавно въ одномъ изъ здѣшнихъ городовъ новый домъ терпимости былъ открытъ даже и духовнымъ лицомъ; открылъ его одинъ кары, занимавшійся передъ тѣмъ заучиваниемъ и чтеніемъ Корана наизусть.

Въ первое время существованія здѣсь публичныхъ домовъ, проститутки рекрутировались самыми различными способами. Главнымъ образомъ это были женщины, или разведенія съ мужьями, или просто сбѣжавшія отъ послѣднихъ.

Вступая въ разрядъ публичныхъ, они всегда почти поступали на содержаніе къ учредителямъ домовъ терпимости, сартамъ и значительно рѣже по двѣ по три составляли общежитія. Очень не рѣдко были случаи такого рода. Жена, неимѣющая почему либо возможности развестись съ мужемъ законнымъ порядкомъ, или дѣвушка, зависящая отъ родителей, уѣгаеть изъ дома, является къ содержателю публичнаго дома и просить принять её сюда въ качествѣ проститутки. Её, конечно, принимаютъ съ большой охотой, всячески ухаживаютъ за ней и снабжаютъ въ долгъ болѣе или менѣе

(1) Просыбы эти всегда исполнялись нашей администрацией при первой же возможности.

наряднымъ платить съ обязательствомъ уплатить сдѣланные расходы ипотомъ, изъ предстоящихъ заработка, На первое время и новая, до той поры неизвѣстная свобода, и веселое препровожденіе времени правятся на столько, что является даже опасеніе, какъ бы мужъ или отецъ, напавъ на слѣды, не увѣль бы домой. Тогда еї укѣряютъ, что избѣгнуть послѣднаго очень легко, стоитъ только выдать содержателю дома долговой документъ на такую сумму, которую ни опа сама, ни ея родственникъ не были бы въ состояніи заплатить. Документъ выдается, и проститутка попадаетъ въ кабалу.

Здѣсь, вирочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что къ части русскихъ кабала эта была больше воображаемой, ибо за документами вродѣ вышеописаннаго никакой сїалы обыкновенно не призывалось и каждая подобная проститутка всегда легко получала освобожденіе чрезъ посредство русской администраціи.

Оттого въ настоящее время способъ рекрутированія публичныхъ домовъ какъ женщиными, такъ и девушкиами въ сравненіи съ прежнимъ вѣсколько измѣнился и до вѣкото-рой степени можетъ считаться установившимся. Содержатели публичныхъ домовъ почти исключительно мужчины—сарты, а имѣющіеся въ содержимыхъ ими домахъ суть законные ихъ жены, почему въ каждомъ отдельномъ домѣ имѣются обыкновенно не болѣе 4-хъ проститутокъ (по числу законныхъ женъ). Желая открыть заведеніе, сартъ беретъ на законномъ основаніи три—четыре жены и открываетъ торговлю ими.

Обыкновенно въ такой бракъ вступаютъ разведенныя съ мужьями женщины, гораздо рѣже девушки. Послѣднее объясняется тѣмъ, что большинство родителей не решаются отдавать сюда дочерей съ своего согласія, боясь преслѣдованія со стороны общественнаго мнѣнія; что же касается до разведенныхъ или вдовъ, то, какъ мы уже это видѣли выше, они располагаютъ собою по своему личному усмотрѣнію, при чемъ дальнѣйшее поведеніе ихъ, послѣ выдачи родителями въ первое замужество, не ставится обществомъ въ укоръ послѣднімъ.

Въ первое время существованія здѣсь публичныхъ домовъ главнѣйшими посѣтителями были солдаты, казаки и

другое низшіе, такъ сказать, слои мѣстнаго русскаго общества. Со временемъ очень много нашлось охотниковъ и изъсартовъ; за послѣдніе годы толпы послѣдніхъ окружаютъ дома терпимости въ теченіи всѣхъ дней праздниковъ Рамазана и Курбана, когда здѣшніе публичные дома обращаются въ очень людные клубы сартовской черни, а на саилахъ⁽¹⁾ послѣдніхъ лѣтъ всегда присутствуетъ вѣсколько десятковъ проститутокъ, являющихся теперь уже одной изъ непремѣнныхъ принадлежностей этихъ народныхъ гульбищъ.

Въ настоящее время, когда практика открытой проституціи въ Ферганѣ имѣеть за собой сравнительно небольшой промежутокъ времени, трудно сказать что-нибудь вѣрное о дальнѣйшей судьбѣ тѣхъ проститутокъ, которыхъ отказываются отъ этой профессіи по тѣмъ или другимъ причинамъ. Мы знаемъ, правда, вѣсколько случаевъ, когда молодыя женщины, паскучивъ этимъ образомъ жизни и оставляя разъ павсегда дома терпимости, въ самомъ непродолжительномъ времени находили себѣ мужей, но къ этимъ примѣрамъ по всей вѣроятности, слѣдуетъ относиться лишь какъ къ счастливымъ случайностямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ дальнѣйшою судбою большинства. Можно думать, что со временемъ, участъ открытыхъ проститутокъ здѣсь будетъ въ общихъ чертахъ такая же, какъ и въ Европѣ. Одною изъ главнѣйшихъ причинъ сказаннаго мы считаемъ то обстоятельство, что по мнѣнію сартовъ женщина, долго занимавшаяся открытой проституціей, становится совершенно не способною къ дѣторожденію, а вмѣстѣ съ тѣмъ читателю известно уже, какъ большинство туземцевъ относятся къ безплодію женщины.

Въ совершенно иныхъ условіяхъ стоять проститутки тайны. Прежде всего замѣтимъ, что имя имъ—легіонъ, и что особенности ихъ положенія прежде всего зависятъ отъ соблюденія общечеловѣческаго правила гласящаго: все возможно до тѣхъ поръ, пока оно дѣлается или на законномъ основаніи или, что главнѣе всего, съ соблюдениемъ условныхъ приличій данного общества. (Кажется мы не ошиблись, сказавъ, что это правило общечеловѣческое).

(1) Весеннія загородныя гулянья.

Открытыхъ проститутокъ называютъ—джалліз (проститутка); тайныхъ — купій (тайная) безъ прибавленія слова джалліз; такимъ образомъ купій какъ бы не признается за проститутку.

Какъ между открытыми, такъ равно и между тайными проститутками число дѣвушекъ сравнительно очень не велико. Въ отношеніи тайныхъ проститутокъ объясняется это между прочимъ и тѣмъ, что дѣвушка выходитъ замужъ очень рано, а потому въ число проститутокъ въ большинствѣ случаевъ успѣваетъ попадать лишь постъ ея замужства.

Число тайныхъ проститутокъ дѣвушекъ начинаетъ замѣтно возрастать лишь за послѣднее время, когда случаи продажи невинности стали повторяться все чаще и чаще.

Мы знали между прочимъ нѣсколько примѣровъ продажи невинности и при такихъ условіяхъ. Дѣвушку выдаютъ замужъ за старика; черезъ 2—3 мѣсяца она разводится съ нимъ по причинѣ его имущества, послѣ чего родители или воспитавшіе ее родственники продаютъ ее невинность, а сама она поступаетъ въ разрядъ тайныхъ проститутокъ.

Размѣры проституціонной платы между сартами очень не велики; начинаясь отъ 10—15 коп. они, какъ кажется, никогда не превосходятъ 5 р. сер. Лишь наиболѣе шикарнымъ изъ тайныхъ проститутокъ удается получить отъ своихъ обожателей сколько-нибудь цѣнныя подарки. Насколько сарты скромны вообще, читатель можетъ судить изъ слѣдующаго факта. Осенью 1883 года въ Наманганѣ прѣѣзжала труппа гимнастовъ и танцовщицъ. Для сартовъ представлениія давались въ одномъ изъ каравансараевъ; цѣна каждого входнаго билета была назначена въ 15 к. Часто случались такія сцены: у воротъ каравансара стоять богатый купчикъ сартъ и торгуется, предлагая за билетъ 8½, 9, 9½, коп.

За послѣдніе 3—4 года тайная проститутка произвела въ буквальномъ смыслѣ этого слова, безкровную революцію въ средѣ значительной части мѣстнаго мусульманскаго населенія. Она совсѣмъ почти изгнала батчей. Рѣдкая приятельская мужская вечеринка обходится теперь безъ пея; она появляется здѣсь то въ качествѣ плясуньи, то просто въ роли дамы легкаго поведенія. На такихъ вечеринкахъ вы встрѣчи-

чаете въ настоящее время представителей и туземной администраціи, и крупнаго туземнаго купечества, и иногда даже туземнаго духовенства. Она предписываетъ моды, заставляетъ богоизбѣженнаго сарта смотрѣть на ея пляску, слушать ея пѣсни и даже пить съ ней вино; одурачивъ своего поклонника—старичка изъ мѣстной буржуазіи, она выходитъ за него замужъ, втирается въ высшее туземное общество, вербуетъ тамъ новыхъ сподвижницъ, разводится съ мужемъ, обзаводится собственнымъ своимъ домомъ и устраиваетъ здѣсь маленькой, но очень веселенькой мопплезирчикъ. Такимъ манеромъ она живируетъ до тѣхъ поръ, пока благоразуміе не подскажетъ ей, что будетъ дескать, пора остановиться у тихаго пристанища, пора выйти опять за кого нибудь замужъ и принимать участіе въ служеніи дѣлу свободной любви лишь въ качествѣ маклера.

Есть не мало и такихъ тайныхъ проститутокъ, которая одновременно съ проституціей занимаются и сводничествомъ. „Если я сама вамъ не нравлюсь, то я могу познакомить васъ съ моей дочерью, съ моей младшей сестрой или съ моей племянницей“. Если много тайныхъ проститутокъ, то еще больше сводней, ибо кроме женщинъ, ремесломъ этимъ занимаются еще и мужчины; иногда это отцы, братья и даже мужья.

На первыхъ порахъ русская администрація пробовала было бороться съ развитіемъ тайной проституціи, привлекая всѣхъ замѣченныхъ ею женщинъ къ свидѣтельствованію, но попытки эти оставались совершенно почти тщетными, такъ какъ услѣдить за легіономъ тайныхъ проститутокъ, благодаря особенностямъ туземной жизни, оказалось болѣе чѣмъ невозможнымъ.

Приглашаютъ васъ къ такому-то па бѣзмѣ, на вечеринку. Прѣѣзжаете. Въ михманаханѣ застаете 5—6 дамъ и нѣсколько мужчинъ. Одна изъ присутствующихъ, вся въ шелку, въ браслетахъ, кораллахъ и другихъ украшеніяхъ, пляшетъ; остальные поютъ и бьютъ въ бубенъ. Спрашиваете, кто такія. Это вотъ дочь такого-то купца; это жена такого-то старшины, это бывшая жена такого-то волостного управителя и т. п.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказывается, что всѣ онѣ болѣе или менѣе доступны.

На прощанье съ читателемъ приведемъ сартовскую поговорку:

آدم بـر هـم = всѣ люди—люди.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе.	
Краткій очеркъ Ферганской долинѣ.	1.
Религія и духовенство.	39.
Жилище и утварь.	72.
Наружность женщины и ея одежда.	88.
Запятія и пища.	107.
Характеръ женщины, ея привычки, запятія и поведеніе въ отношеніи окружающихъ.	133.
Беременность и роды. Дѣвочка.	167.
Дѣвушка. Сватовство и бракъ.	192.
Многоженство. Разводъ. Вдовство и смерть женщины.	219.
Проституція.	235.